

A romantic couple embracing in a city at night. The woman has blonde hair and red lips, and the man has a beard and is shirtless under a black jacket. The background shows a city skyline with lights.

18+

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

ЕВСЕНИЯ МЕДВЕДЕВА
НАИЗНАНКУ

Евсения Медведева

Наизнанку

Серия «Отражение», книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68344712

SelfPub; 2022

Аннотация

Для кого-то он Призрак – бездушный убийца, для кого-то Скала – несгибаемый и упёртый. Его имя произносят с плохо скрываемым страхом. У него много имён, много ролей. Олег всегда разный: холодный, непробиваемый и такой красивый. Она – папина принцесса, наполненная романтическими мечтами о настоящем принце. Яна спутала его планы, ворвалась в жизнь переменчивым ветром сентября, сорвала многолетнюю маску. Что между ними может быть общего? Ничего кроме любви и общей тайны прошлого, что тянется атласной лентой, связывая их друг с другом навсегда...

"– Даже если ты будешь сопротивляться, я останусь твоей слабостью, потому что от этого еще не придумали лекарства. С каждым днем я буду проникать в твою кровь все глубже. Даже придерживая на расстоянии, будешь помнить меня. Я «отравлю» сначала твое тело, а потом и душу!

–Ты упускаешь только одну деталь. Я не спорю, что физически ты близка к моей полной капитуляции. Но душа? Детка, ты погорячилась! У меня ее просто нет!"

Содержит нецензурную брань.

Содержание

Пролог	6
Глава 1	12
Глава 2	20
Глава 3	34
Глава 4	47
Глава 5	60
Глава 6	69
Глава 7	80
Глава 8	90
Глава 9	106
Глава 10	116
Глава 11	129
Глава 12	146
Глава 13	162
Глава 14	174
Глава 15	183
Глава 16	198
Глава 17	216
Глава 18	236
Глава 19	263
Глава 20	275
Глава 21	302
Глава 22	336

Глава 23	352
Глава 24	361
Глава 25	378
Глава 26	392
Глава 27	409
Глава 28	428
Глава 29	443
Глава 30	461
Глава 31	475
Глава 32	500
Глава 33	532
Глава 34	553
Глава 35	566
Глава 36	583
Глава 37	597
ЭПИЛОГ	624

Евсения Медведева

Наизнанку

Пролог

Забудьте мстить и ревновать!

Убийцы, пыл умерьте!

Бить можно, но не убивать,

Душить, но только не до смерти.

Владимир Высоцкий

Черт! Он опустил голову, осматривая свой костюм. Мелкая россыпь брызг алого цвета украсила белую рубашку за две штуки баксов. Сорвав клочок пожелтевшей травы, мужчина тщательно вытер руки, убедившись, что не осталось следов, он выбросил траву. Желтые листки рассыпались, покружив пару секунд в воздухе. Он перешагнул бездыханное тело и направился к своей машине, расстегивая по пути пуговицы своей рубашки.

– Скала, пора сваливать! – низкорослый парень выскочил

из черной Мазды. Он нервно косился в сторону роши, где лежал тот, кого он еще вчера называл другом. Его правая рука была за спиной, готовая выхватить из-за пояса ствол. Он не знал, что делать, что говорить, как реагировать. Его взгляд метался от трупа к неспешно переодевающемуся Скале. – Моисей приказал проводить тебя к нему!

– Не суетись! – он скинул рубашку на землю и закурил, облокотившись на капот своей черной BMW. Его холодный взгляд просканировал коротышку и снова вернулся к роще. – Неси пакет!

Грубый голос мужчины заставлял сжимать ручку пистолета крепче, но, тем не менее, он побежал к багажнику, чтобы достать большой мешок из плотного полиэтилена.

– Чего стоишь? Моисей прислал тебя, чтобы посмотреть? Или помочь? – он закатил глаза и двинулся к еще теплому телу, в котором когда-то теплилась жизнь. Он нагнулся, выдыхая в лицо мертвеца струю дыма и рассмеялся. Ледяной и такой колючий смех разнесся по роще, путаясь в желтой листве деревьев. Он затянулся, сигарета истлела до фильтра прямо на глазах. На его лице до сих пор играла едва заметная улыбка. Глаза скользили по телу, замершему в неестественной позе, вытащив из кармана брюк капроновую веревку, он ловко свел руки за спину и связал их с ногами. Проверив крепость узла, он бросил короткий взгляд на коротышку, застывшего у своей машины. В левой руке болтался пакет, а правая рука до сих пор сжимала пистолет. Придурок!

Парень подскочил на месте и бросился к нему.

– Куда?

– Буба... Буба... хозяин приказал доставить ему доказательства.

– Скала! Нужно сматываться!

– Не суетись! – он с легкостью схватил пакет и потащил к своей тачке, забрасывая его в огромный багажник, его ярко выраженные мускулы перекатились под кожей. Он словно забыл, что еще пять минут назад хладнокровно убил молодого парня выстрелом в лоб, потому что на его лице не было никаких эмоций. От этого становилось жутко. – Доказательства, говоришь?

– Я не думаю, что он именно это имел в виду.

– А ты не думай, Буба, – Скала чиркнул зажигалкой, и белая ткань рубашки, валявшейся на сухой траве, вспыхнула. Он поморщился, потом достал из салона чистую замену и быстро надел, ловко застегивая пуговицы. – Двигай!

Коротышка бросился к своей машине, изредка оглядываясь на второго. Он продолжал медленно заправлять идеально выглаженную рубашку, затем достал галстук и быстро повязал вокруг шеи. Буба завел машину, продолжая наблюдать за происходящим в зеркало заднего вида. Огонь становился все сильнее, расползаясь по земле, он сжигал сухую траву, уничтожая возможные следы...

«Ненавижу, когда все идет не по плану! – Мужчина быстро переключал передачи, разгоняя свою BMW по пустеющей

трассе. Он изредка смотрел назад, стараясь не упускать из виду «хвост». – Я не маленький мальчик! Мне не нужны надзиратели. Внутри все клокотало от гнева, хотелось позвонить Моисею и сказать все, что о нем думаю. Но я не могу себе позволить это. Не сейчас! Только не сейчас!»

Нога выжимала педаль, стрелка спидометра стремительно отдалялась от цифры 100, но этого было мало! Еще! Еще! В открытое окно врвался ветер, грубо хлеща его по щекам, словно стараясь привести в сознание и вернуть спокойствие. Он закурил, и рассмеялся, пронзая тишину салона резким звуком. Он, что вздумал со мной играть? Хотел проверить? Но не на того напоролся.

– Черт! – он скинул ноги с педали, когда увидел, что впереди стоит машина ДПС. Полосатый жезл взметнулся в воздух, приказывая прижаться к обочине. От резкого торможения в воздух поднялась пыль, скрывая черную машину в своих объятиях.

– Старший инспектор ДПС Васильев, Ваши документы? – пузатый «дэпос» остановился у водительской двери, окидывая салон любопытным взглядом.

Он машинально достал права из бумажника и протянул в открытое окно. Пузатик прищурил глаза и окинул Скалу пристальным взглядом. Заметив, что отсутствует ремень безопасности, «дэпос» растянулся в довольной улыбке.

– Вы при...

– Исправлюсь! Жена рождает, вот и тороплюсь, – зажа-

тая между указательным и средним пальцем розовая купюра мелькнула перед глазами, от чего брови инспектора дрогнули. – Я поеду?

– Может, сопроводить? – он вернул права, так и не бросив на пластиковую карточку ни единого взгляда, по пути выцарапывая банкноту из плотно сжатых пальцев.

– Не стоит! Удачного дежурства, – авто быстро вылетела на трассу, теряясь в редком потоке машин. За поворотом стояла знакомая черная мазда, коротышка бегал вокруг машины, разговаривая с кем-то по телефону. Дебил! Посигналив ему, мужчина свернул на проселочную дорогу, ведущую в коттеджный поселок...

– Говорят, к тебе прилипло имя Призрак? – крепкий мужчина стоял у окна.

– Не знаю, мне не интересно, – черный пакет рухнул на деревянный пол.

– Это точно... Наскалов... Наскалов... Говорят, что ты машина. Говорят, что тебе чуждо чувство страха. Ты никого не боишься? – глухой звук привлек внимание мужчины, и он обернулся.

– Нет, – Наскалов внимательно рассматривал удивленное лицо старика.

– Хм... Что это?

– То, что ты просил.

– А что я просил?

– Моисей, ты же прислал ко мне своего коротышку не просто так? Ты хотел убедиться в том, что я все сделаю? Вот, пожалуйста! – Наскалов нагнулся и рванул молнию на пакете, обнажая бледное лицо.

– Ты много на себя берешь. Ворон! – крикнул Моисей и осушил бокал виски.

– Да, босс! – в гостиную вбежал качок в спортивном костюме.

– Убери этот мусор.

– Папа? – тихий вскрик заставил всех замереть на месте.

– Яна! Я говорил тебе не появляться здесь!

Наскалов облокотился о стену, рассматривая источник визга. Высокая блондинка застыла в пороге, прижав свои руки к лицу...

– Это Кирилл? – шептала она – Это мой муж?

Глава 1

События, предшествующие прологу

Острая боль пронзила тело. Она, как капля дождя скатывалась, оставляя свой обжигающий след. Я не чувствовала рук, хотя пыталась ими пошевелить, но их, как будто не было! Я чувствовала колючую ткань, которая закрывала мои глаза, она была так сильно затянута, что пульсирующая головная боль заглушала все! Я ничего не слышала, только бешеную пульсацию в голове! Я уже понимала, что со мной произошло, но мозг отчаянно пытался сопротивляться.

– Эй! Здесь есть кто-нибудь? – я хотела крикнуть, но из горла вырвался только хрип.

Я ощущала себя, как в темной коробке, из которой не выбраться. Меня трясло от нарастающего чувства паники, щедро приправленной диким страхом. Я стала дергать руками и ногами, глупо надеясь, что веревки лопнут. Но кроме смертельной усталости не добилаь ничего.

Ну почему все это дерьмо должно происходить именно со мной! С самого детства у меня все было не так, как у всех! Дома меня ждала не добрая мама с тарелкой горячего борща, а строгая гувернантка, потому что мама умерла при родах. Я дружила только с детьми друзей моего отца. Они были такими же как я, выращенными на пуховой перине, и вскорм-

ленными с золотой ложечки! Мы получали все, а если и существовало то, чего у нас не было, значит, эту вещь еще не выпустили. Я ходила не на танцы, а в тир, который, кстати, был в подвале нашего дома. Я выбирала институт по желанию: однажды, отец просто принес мне карту, чтобы определиться. И это была карта мира! Папенька дал мне полный карт-бланш. Но я решила учиться в родном городе, не желая оставлять его одного. У меня угнали четыре машины, с тех пор мой отец выделил мне собственного водителя, который сопровождает меня везде по сей день. Нашу с мужем квартиру обворовывали трижды! После чего отец купил огромный дом, окруженный несколькими десятками охранников, где мы стали жить все вместе. Кстати, о муже, с ним я познакомилась, когда наехала ему на ногу, когда парковалась у торгового центра.

Мой папа никогда не читал мне лекций про раннюю беременность, потому что был бы рад внукам. Он не объяснял, что наркотики – это плохо, потому что с самого детства я довольно часто видела прожжённых нариков в нашем доме. Мой отец учил меня обороняться. Вот этому ремеслу он посвящал ВСЕ свое свободное время. Он постоянно повторял одну и ту же фразу: «Яна! Ты должна быть спокойной! Когда ты перестанешь паниковать, то начнешь замечать важные вещи!»

«Нужно успокоиться. Нужно подышать и успокоиться.» – Как только я стала глубоко дышать, в нос ударил резкий от-

вратительный запах. Это был не запах, а настоящая вонь! Мое горло сжалось в рвотном спазме.

– Ладно, нужно не думать о запахе. Просто не думать!

Я прижала голову к плечу и стала как можно сильнее тереться, ощупывая крепость повязки на глазах. Она сдвинулась на пару сантиметров, освободив ухо, в которое тут же влетел громкий звук. Черт! Я в поезде! Ту...Тух...Ту... Тух... монотонный звук колес немного успокоил. Я дышала ртом, чтобы не стошнило! Из глаз брызнули горькие слезы...

Воздух стал меняться. В нем было так много оттенков. Он еще хранил остатки воспоминаний о жарком лете, но уже был наполнен осенним запахом опавшей листвы. Мои черные кроссовки шлепали по мокрому асфальту, разбрызгивая лужи в разные стороны. Я глубоко вдыхал утренний морозный воздух, отчего легкие начинали гореть. Мне нравилось это ощущение, очень бодрило, заставляло проснуться и приводило утренние мысли в порядок. Я бегал вокруг набережной каждый день, не позволяя себе ни единого прогула.

Брусчатая тропинка тянулась вдоль самой кромки реки. Озорные лучики играли на воде, стараясь ослепить еще сонные глаза. Над зеркальной поверхностью парил туман, он, словно молоко, окутывал водную гладь. Набережная была пуста, машин еще не было, поэтому над городом стояла звенящая тишина, которую разрушали только глухие удары кроссовок об асфальт. Я перепрыгивал через пустые бутыл-

ки, которыми был усыпан тротуар. Молодежь жадно ловила последние теплые дни, распивая пиво на лавочках у реки. Мне нравился центр города, узкие улочки, уютные рестораны, старые маленькие дома, которые в последнее время преобразились. Но меня бесило безудержное веселье на набережной, прямо под окнами моей квартиры. К тому моменту, как я подбегал к дому, солнце уже встало, а из своей коморки выползал еще сонный дворник.

Я направился к лестнице, проигнорировав лифт. Бежал, перепрыгивая через две ступени. Мое размеренное дыхание эхом отскакивало от голых стен и возвращалась обратно. Открыв дверь, я услышал надрывающийся телефон, который никогда не беру с собой. Взгляд упал на часы, на которых было шесть утра. Я поморщился, понимая, что звонящий либо самоубийца, либо умирает... Но, так и не взглянув на дисплей, отправился в душ, скидывая спортивный костюм по пути. Пусть умирает...

Упругие струи воды снимали напряжение с мышц, принося облегчение. Но, так или иначе, мои мысли возвращались к столь раннему звонку, поэтому я вышел из душа, накинув халат. Телефон продолжал орать, напряжение только усилилось. На экране высветился номер человека, который не мог звонить утром просто чтобы пожелать удачного дня. Да он вообще никогда не звонил.

– Да! – рявкнул я в трубку.

– Ты нужен мне, – его хриплый голос был натянут, как

струна. Было слышно, что он держится изо всех сил.

– Хорошо, – я бросил телефон на стеклянную поверхность стола, он громко сбрыкал, раздражая перепонки. – Б*ять!!!
Все утро насмарку...

Я налил кофе и вышел на балкон. Сев на мягкий диван, закурил.

– Моисей... Моисей... – на моем лице расплзлась довольная улыбка. Все было бы просто замечательно, если бы не причина раннего визита. Он был неоднозначной фигурой. Слишком тих, но при этом его знала каждая собака. Слишком богат, но у налоговой не было вопросов. Слишком резок к чужакам, но свои купались в бабках. Слишком справедливый, но руки по локти в крови.

– Найди мою дочь! – взревел Моисей, как только я вышел из машины.

Он сидел на каменных ступеньках, сжимая в руке почти пустую бутылку водки. Он поднял голову, долго пытаюсь сфокусироваться на мне, его знаменитый взгляд был рассеянным и влажным. Я осмотрелся, около дома стояло множество машин, у которых топтались растерянные парни. Они дергались и шушукались, бросая настороженные взгляды в мою сторону.

– Вставай, – я поднял пьяного авторитета на ноги и потащил в дом.

– Отпусти! – его рев вибрировал в тишине дома, я крепко

держал его за руку, пока тащил по широкому коридору. – Лучше найди мою дочь!

Я распахивал дверь за дверью, пока не увидел взбудораженную женщину в фартуке, которая закрыла рот руками и махнула в сторону двери в самом конце бесконечного коридора. Она громко вздохнула и скрылась на кухне.

– Ты что-то перепутал. Моисей, я не ищейка, – найдя кабинет, я сел за стол, на котором, благодаря услужливой домработнице, тут же появилась чаша кофе. – Вызови копов.

– Виктор Викторович, – женщина лет пятидесяти попыталась забрать из его руки бутылку.

– С*ебись, сука! – он легко взмахнул рукой, отправляя бутылку в стену прямо за моей спиной. Я едва успел отклониться. – Скала! Ты думаешь, что говоришь? Какие копы?

– Ну, говорят, что эти сказочные персонажи ходят в форме, а на плечах у них погоны! А еще поговаривают, что эти волшебники могут найти кого угодно.

– Заглохни, щенок, – старик в один прыжок оказался около меня, схватив рукой за затылок, крепко прижался ко мне лбом. Его взгляд заметно посветлел, он прищурился, стараясь прожечь во мне дыру, но на меня такие вещи не действовали. Моисей это понял и, чуть помедлив, отошел. – Если бы ты не был так хорош, то уже валялся бы с дырой в башке!

– Собаке – собачья смерть...

– Найди ее! Я дам тебе все, что ты захочешь! – зашеп-

тал он, оглядываясь на женщину, которая собирала осколки. Она тихо всхлипывала, и что-то подсказывало, что это не из-за обиды и испорченной стены.

Я закурил, отвернувшись к окну. Внутри все клокотало от злости. Я терпеть не мог, когда со мной так разговаривают. Я работаю один, никогда ни перед кем не отчитываюсь, в деньгах не нуждаюсь! Но у Моисея есть то, что мне нужно.

– Я дам все! – хрипел старик.

– Я хочу долю.

– А яйца тебе не почесать? – заорал он и ударил кулаком в стену. – Люба!

Домработница исчезла из кабинета, плотно закрыв за собой дверь.

– Яйца я и сам могу почесать, – я не смог сдержать улыбку.

– А я могу найти любого другого!

Я встал, застёгивая пиджак на все пуговицы. Сделав последнюю затяжку, затушил окурок в хрустальной пепельнице. Бросил быстрый взгляд на стены кабинета, на которых было множество фотографий в черных рамках, на всех была одна и та же блондинка. Длинные волосы, лицо правильной формы, тонкие черты лица, ярко-голубые отцовские глаза и туманный, абсолютно отсутствующий взгляд. Она словно смотрела мимо объектива. Особенно меня зацепила фотография за спиной Моисея: блондинка стояла, сжавшись, словно была напугана. Я замер, прищуривая глаза, чтобы

лучше разглядеть. Но потом вспомнил, ради чего я здесь и отправил снимок в кладовую своей памяти.

– Не можешь! Потому что на моем телефоне 42 пропущенных звонка! Дочь пропала, а твои головорезы стоят у дома, непонимающе следя за твоими пьяными истериками. А это значит, что ты подозреваешь своих. Ты не веришь НИКОМУ! И тебе нужен Я! – я толкнул ногой кожаное кресло и направился к двери.

– Стоять!!!!!!! – заорал Моисеев не своим голосом. – Она – все, что у меня осталось! Это же моя Янка! Мой Кролик! Я 22 года трясусь над ней. Стараясь оградить от всего. Я согласен. Если ты ее не найдешь, то считай, что уже сдох! Если ты опоздаешь, то тоже сдох! Я буду резать тебя на ленточки и скармливать их своей собаке. У тебя есть только один вариант, который поможет сохранить твою жизнь.

Глава 2

Я сидел на светлом диване, откинув голову так, что взгляд упирался в белоснежный потолок, пожевывая фильтр сигареты, которую не подкуривал. Плотные портьеры кабинета не пропускали яркий дневной свет. В голове крутился миллион мыслей. Я старался ухватить хотя бы одну, но она выскальзывала.

– Хой! – резкий голос распугал мои мысли, возвращая в реальность.

Я моргнул и медленно повернул голову на звук. Плечистый парень стоял, прислонившись к дверному косяку, и наблюдал за мной. Чуть угловатое лицо, глаза цвета крепкого чая, хорошая стрижка. На нем был светло-серый костюм, воротник белой рубашки был расстегнут, открывая мощную шею. Борец. Ясно! Я щелкнул зажигалкой и затянулся.

– Знакомы? – выдохнув густое облако дыма, спросил.

– Нет.

– Ясно, – я снова откинул голову, пытаюсь вернуться к медитации.

– Пасмурно, – огрызнулся молодчик, я постарался пропустить это, потому что нужно было подумать. В темноте и тишине! – А ты не такой страшный, как говорят. Я думал, что у тебя рога и хвост.

– Я вот сижу и думаю, как окружение «папы» просрало

его дочь! А сейчас все встало на свои места. Сказочники *уевы! – как только я договорил, почувствовал движение перед собой, инстинктивно поймал руку парня, даже не успев еще открыть глаза. Правая нога дернулась, сбивая того с ног, он с грохотом рухнул на пол. Я не отпускал его кисть, вывернув руку за спину. Мышцы моего лица дернулись, потому что я представлял, как ему больно. Мои пальцы сжимали все сильнее, выкручивая его плечо, левая нога стояла на его спине, а сам я продолжал сидеть на диване. Взгляд упал на сигарету, даже пепел не упал. Значит, еще могу. Парень молчал, я стал медленно двигать рукой, хотел, чтобы он попросил пощады, но тот молчал, только пальцы на свободной левой руке сжимались в кулак. Я продолжал выкручивать кисть, ощущая ногой, как хорошо развитая мускулатура парня напряглась.

– Лазарев, – тихо сказал он, сдерживая голос, чтобы не сорвался в хрип.

Я улыбнулся и, встав с дивана, отпустил руку парня и помог тому подняться.

– Наскалов! Почему не попросил отпустить?

– Потому что никогда не сдаюсь.

– Почему представился?

– Кто-то должен сказать врачу мою фамилию, потому что через минуту отключился бы от болевого шока, – Лазарев поправил пиджак. На его лице не дернулся ни один нерв, он будто и не валялся на полу пару секунд назад.

– Олег!

– Сергей, – его бровь дернулась, но все же он протянул мне свою правую руку, которая была скручена пару минут назад.

– О! Вы познакомились? – в кабинет вошел Моисеев. Его выющиеся с проседью волосы были влажными, он нервно провел по ним рукой и сел в кресло, сложив руки в замок. Легким кивком старик показал в сторону кресел. Он, видимо, уловил, как парень поморщился, когда упал в кресло. – Что с рукой?

– Потянулся неудачно, – Лазарев обладал лицом, по которому сложно понять то, о чем думает человек. Хорошее качество, сам обладал такой чертой, которая спасала меня каждый день.

– Никто не звонил? – я отвлек внимание старика, который сверил паренька своим пристальным взглядом.

– Нет, – Моисей наклонился и достал из-под стола бутылку коньяка.

– Мне нужен тот, кто может ответить на все мои вопросы, – я встал, застегивая пиджак.

– Для этого я вызвал Лазаря, думаю, что вы найдете общий язык.

– Если что, звони, – я махнул рукой, направляясь к дверям. Серега подскочил, направляясь вслед за мной. Мы шли по коридору молча, оказавшись на крыльце, я обернулся, чтобы рассмотреть парня при дневном свете. Высокий, креп-

кого телосложения, серьезные глаза. Он внимательно прошелся по мне сверху вниз и отвернулся, словно увидел то, что хотел.

– Ее последний раз видел шофер. Он привез ее в 8:30 к универу.

– Давай поговорим с ним?

– Давай, – парень безразлично дернул плечами и направился по узкой тропинке.

Я шел следом, рассматривая территорию дома. Четырехметровый забор из серого камня изнутри был увит лианами ползучего винограда, листья которого были ярко-красного цвета. По углам стояли вышки, в которых сидели охранники. Вдоль забора тянулась толстая цепь, видимо есть собака.

«Да, постарались на славу!»

Высокие деревья скрывали дом от посторонних глаз, зато пустое пространство между четкой линией посадки и забором просматривалось, как на ладони. Многочисленная охрана не мешала хозяевам, и наоборот, парням ничто не мешало просматривать забор. У высоких ворот сидело два пса, которые зарычали, заметив меня, их не унимало даже грозно «фуканье» ребят. Я внимательно осмотрел парней: черная форма, высокие ботинки, на поясе кобура, рация и наручники, за спиной калаши.

– Хм....

– Разрешение есть. Психолога проходят, можешь не бояться, – хмыкнул Лазарев, открывая деревянные двери боль-

шого амбара.

Конюшня? В воздухе стоял характерный запах, смешанный с ароматом свежескошенной травы. При нашем появлении со всех сторон раздалось ржание. Я чуть помедлил у жеребца, который больше всех возмущался. Моя рука медленно стала приближаться к нему, пока не ощутил шелковистую шерстку. Он перестал стучать копытами, но продолжал недовольно фыркать, изредка обнажая зубы. Красавец! Черный, как ночь, грива переливалась на солнце. Я заметил еле заметную косичку на его челке и улыбнулся, обводя взглядом загон. Точно! Около ворот стояли женские высокие сапоги, на крючке висели крохотные кожаные перчатки. Игрушка хозяйки...

Я ускорил шаг, догоняя Лазарева, который скрылся за маленькой дверью, скрытой высокой копной сена. Я остановился перед тем, как заглянуть, прямо за дверью была узкая лестница, уводящая вниз. С каждым шагом голоса и звуки становились все отчетливей.

– Сука! Где моя жена? – я не стал выходить на свет, оставшись стоять на последней ступени. В центре огромного помещения стоял парень, руки которого были связаны и подняты высоко над головой. Он был подвешен на крючке, его ноги еле доставали земли. Ну, конечно, а то я стал уже разочаровываться в Моисееве. Начал со своих, под раздачу попал тот, кто видел ее последним.

– Я высадил Яну Викторовну у входа в универ. Согласно

инструкции дождался, пока она войдет. Выбрал для парковки место, откуда был хороший вид на вход. Я видел всех, кто подъезжал, кто выходил. Но Яны Викторовны среди них не было. Когда она не вернулась через 62 минуты, позвонил, но ее телефон был отключен. Тогда я отправился внутрь, при этом сообщив о нештатной ситуации Виктору Викторовичу. Холл был пуст, я подошел к охраннику расспросить. Он ответил, что сегодня занятий не было. Я дал ему денег, а он помог обойти все этажи, мы проверили все аудитории, туалеты, библиотеку и административные кабинеты. Я показывал фотографию каждому, кого встречал, но никто ее там не видел! – парень говорил спокойно, несмотря на то что все его лицо было залито кровью, которая хлестала из рассеченной брови.

– Я еще раз спрашиваю! У*бок, где моя жена? – я поморщился, услышав глухой удар.

Водитель выплюнул кровь и снова начал говорить абсолютно спокойным голосом, хотя в глазах читался явный страх.

– Я высадил Яну Викторовну у входа в универ. Согласно инструкции, дождался пока она войдет. Выбрал для парковки место, откуда был хороший вид на вход. Я видел всех, кто подъезжал, кто выходил. Но Яны Викторовны среди них не было. Когда она не вернулась через 62 минуты...

– Ладно, парень ничего не знает, – прошептал я, устав от этого действия.

Стало все понятно, и я начал внимательно осматривать толпу, которая стояла вдоль стен, не вмешиваясь в разговор. Лазарь вернулся ко мне, присев на ступень рядом.

– Кто это? – я кивнул в сторону неумного паренька, который снова и снова заставлял водителя повторять подробности вчерашнего утра.

– Кирилл Казанцев, муж Яны. – Серега дернул бровью.

– Что?

– Что «что»?

– Ты дернул бровью.

– Показалось.

– Ладно! Нужно ехать в универ, – я развернулся и побежал по лестнице.

– Я с тобой.

Я бросил взгляд на ревущего жеребца, который отчаянно лупил копытами в деревянные перегородки своего загона. Он отчаянно кивал головой, отчего его блестящая грива то взметалась вверх, то падала на шелковую шею. Мне стало его жаль. Странно! Наблюдая за допросом, во мне не дрогнуло ничего, но, смотря на настоящую истерику коня, мне стало его очень жаль...

– Моисей, паренек ничего не знает. Скажи своему родственничку, чтобы осадил. Пусть обзванивает всех подруг, – я открыл машину и сел в салон, который уже успел нагреться. Надев солнечные очки, закурил.

– Подруги? – что-то в голосе старика рассмешило меня.

Точно, старик не подумал, что его дочурка могла просто слиться от своего опостылевшего муженька и криминального папаша. – Ты думаешь, она могла убежать?

– Я не думаю, а разрабатываю все варианты. Пусть муж займется полезным делом...

Когда Серега сел в салон моего авто, я выехал со двора, поднимая мелкую щебень в воздух.

– Рассказывай...

– Что? – Лазарь повернулся ко мне, с интересом рассматривая.

– Бровь.

– Да ладно! Серьезно? – рассмеялся он, растянувшись в широченной улыбке.

– Не умею шутить.

– Это нестрашно! Зато хватка у тебя бульдожья.

– Бывает...

– Ладно, проехали, – Серый потер плечо. – Сам виноват, знал, что нельзя подходить к человеку, у которого закрыты глаза. К тому же, если это сам Призрак.

Мы быстро доехали до универа, который оказался напротив моего дома, прямо на набережной.

– Ты к охраннику. Спрашивали про видеозаписи? – я закрыл машину, рассматривая большое здание Университета.

– Говорит, что нужно начальство спрашивать. А вчера их не было. Даже Моисей не мог найти ни ректора, ни декана.

– Иди, если их не было вчера, то сегодня они будут одно-

значно, – я задрал рукав, бросив взгляд на часы.

– Откуда знаешь?

– Читать нужно, – усмехнулся я, кивнув на огромный баннер, растянутый над входом. Эта реклама мозолит мне глаза уже неделю, пока я пробегаю набережную. – Семинар. Иди, денег дай. Пусть покажут камеры. Если что, звони.

Проследив за Лазарем, который скрылся за массивными дверями старого здания, закрыл глаза и выдохнул. Подойдя к забору у реки, стал осматриваться. Парадный вход смотрел на березовую рощу, которая тянулась вдоль всей набережной. Камер тут нет. Да и, если я не ошибаюсь, за входом внимательно следил водитель. Я оттолкнулся и пошел вдоль здания, чтобы осмотреть территорию. С левого торца дверей не было, окна зарешечены и достаточно высоко от земли. А вот на заднем дворе, окна без решеток, но спрыгнуть оттуда, не переломав ноги, смогу только я. Хрупкая девушка однозначно попала бы в больничку. Я остановился, напротив был маленький ресторан и служебная парковка.

– Лазарь, как дела?

– Хм... Любезнейшая девушка ведет меня посмотреть видео, – я сначала замер, не понимая, что он говорит это не столько мне, сколько отвечает ненавязчивый комплимент даме.

– Ладно, мачо! Расплатись деньгами, а то если начнешь платить натурой, мы еще долго отсюда не уедем. Если, конечно, я не ошибаюсь в тебе, – рассмеялся я. Этот парень

просто находка. Он из тех, при виде которого у злобных администраторш переполненных ресторанов находятся свободные столики, у директрис автосалонов находятся автомобили, которых, якобы, нет в наличии.

– Нет, не ошибся. Ладно, как скажешь. Деревянными, значит, деревянными... – промурлыкал он, в трубке что-то зашуршало, он словно прикрывал ее рукой.

– Э, Чамо? Пусть покажет запись со служебной парковки. Камера как раз охватывает всю территорию заднего двора.

– Есть! – Лазарев отключился.

– Та-а-ак, – протянул я и продолжил обход. Хорошо, что здание имело правильную прямоугольную форму, нет никаких закутков, территория окружена газоном. Я застыл, увидев дверь черного входа. Дернул, она скрипнула и подалась. – Хм...

Я сделал два шага назад, поднимая голову. Вдоль всей стены четырехэтажного здания струилась пожарная лестница. Она скрипела под натиском ветра и возмущенно билась о старую штукатурку. Я вытянул руку и, ухватившись за железную перекладину, дернул на себя. Как ни странно, но выдвижная часть лестницы легко поддалась, плавно опустившись прямо до земли. Посмотрев на руку, я потер пальцы, которыми стер что-то масляное.

– Да, машинное масло.

Я стал медленно подниматься, осторожно ступая на тонкие перекладины. Но лестница только казалась хрупкой, она

еще прослужит много лет! Я достал телефон.

– Да! – прохрипел старик. Он явно был в конюшне, на заднем фоне слышался мужской спор, сдобренный трехсложным отборным матом и дикое ржание беспокойного жеребца.

– Моисей! А спроси у водителя? Куда она собиралась?

– Паха? Куда собиралась Янка? – взревел Моисеев, заглушая всех своим басом.

– Не говорила.

– А в руках у нее что-нибудь было?

– Пакет какой-то.

– Говорит, что пакет, – повторил Моисей.

– А кто осматривал здание? – тихо спросил я, осматривая окно, рядом с лестницей.

– Кирилл с Бубой, – тихо ответил Моисей, он так четко проговаривал каждую букву, что казалось, старается понять, к чему я клоню. – Говори! Немедленно говори! Это моя дочь!

– Ну, могу я сказать точно, что тебе нужно пригласить этих друзей на ужин. И не нагнетай обстановку, ладно? Просто сделай так, чтобы не пришлось искать Бубу.

Я вздохнул и стал растирать переносицу, пытаюсь собрать все вместе.

– Так, ушла утром, в руках пакет, универ не работал, занятий нет. Итого? – бубнил я, проговаривая все варианты вслух.

– О! Я знал, конечно, что ты любитель острых ощущений. Но не настолько же. Если бы хотел подглядеть, мог бы просто свистнуть, я бы даже разрешил присоединиться! – смех Лазаря заставил обернуться. Он сидел на окне, раскрыв деревянные рамы.

– Что здесь? – я перешагнул через низкий забор лестничной площадки и заглянул. – Библиотека...

– Ага! Спасибо, дорогая, – дамский угодник скрылся в аудитории, но через секунду ловко вылез из окна, запрыгнув на железную площадку лестницы. – Порадуй себя.

Я сморщился, наблюдая, как здоровый детина пускает слюни, разглядывая миниатюрную брюнетку, которая закрывала окно. На ее щеках играл настолько яркий румянец, глаза опущены, что я не выдержал и рассмеялся.

– Короче. Это ни *уя не побег. Видеозаписей нет.

– Как это?

– Так! Я сам проверил. В системе нет следов, что их стерли. Я думаю, что камеры были просто выключены! Моисею звонил?

– Да... Библиотечный Мачо, а вот скажи мне, как ты думаешь, кто осматривал здание?

– Не знаю!

Я закурил и стал осматривать территорию.

– Кофе.

Мы сидели на уличной веранде ресторана, откуда хорошо

просматривался задний двор здания. В руке тлела сигаретка. Тонкий дымок поднимался вверх, затем исчезал при дуновении ветра.

– Им разбили камеру. Только сегодня приедут менять, – Серега упал на мягкий диван.

– Я знаю...

– А какого *уя ты меня гоняешь?

– Прощупываю, с какой легкостью ты щелкаешь баб, – я кивнул в сторону румяной администраторши. – Она еще и денег не взяла?

– Не хотела. Но я всегда оставляю... – он растянулся в улыбке, от чего щеки девушки вспыхнули еще ярче. – Ты мне зубы не заговаривай! Что за добрачные ощупывания?

– Я же должен знать все твои сильные стороны?

– Для чего?

– Так... – я отмахнулся от Сереги. – Камеру на задний двор свернули на всякий случай, она абсолютно бесполезна. Двери нет, окна высоко, решетки. На стенах нет следов. А вот пожарная лестница вся в масле и ведет прямо к библиотеке. Яна вошла в универ с пакетом...

– Книги? Там были книги? – подпрыгнул Лазарь и закурил.

– Надеюсь. Левый фасад, задний двор – глухие. Парадный вход был под наблюдением...

– Остается только правый фасад, где лестница.

– Да! А там камер нет.

– Нет.

– Только если... – я вскочил с дивана и бросился обратно к зданию универа. – Как я мог не подумать?

Глава 3

Я всегда работал один. Привык. Не нужно поддерживать разговор, следить за реакцией собеседника, улыбаться, смеяться над не всегда удачными шутками. Я просто жил. Но теперь обстоятельства повернулись таким образом, что придется пересмотреть свои привычки. Голова трещала, виски пульсировали, руки сами потянулись к карману, в поисках сигарет. Закурив, упал на мягкий кожаный диван и закинул ноги на журнальный столик, уставившись в беззвучно работающий телевизор. Я отправил Лазарева к Моисею, чтобы не мозолил глаза. Но на самом деле, мне просто не хотелось, чтобы он знал, где я живу. Хотя, это глупо! «Папа» уже прошупал меня вплоть до группы крови, уж в этом я не сомневался! Но это не страшно.

Я предполагал, что окажусь под пристальным вниманием, как только покину здание аэропорта. И единственным, кому я был по зубам, был Моисеев Виктор Викторович. Ну, если честно, то он во мне заинтересован не меньше, чем я в нем. Скинув ноги со стола, уронил голову, прислоняясь лбом к холодному стеклу, на котором тут же появилась испарина. Я провел пальцем по ней, оставляя четкий отпечаток. Моисеев был не просто именем, он из той категории, кто подтверждает все слова действиями. И хоть я и не подал вида, но знал, что придется отвечать за свои слова. Он ждет от меня

действий, чтобы оценить, посмотреть в деле. Правда, повод не тот. У меня не будет шанса, если не найду его дочь, то он молча скормит меня своим собакам. И это не пустые слова. Это обещание. А мне нравится... Хоть, какое-то разнообразие в жизни. Жизненная «зебра», так сказать. Ты держишь кого-то на мушке, а потом хоп, и уже на мушке сам... Шаг влево – пуля, шаг вправо – пуля... Выбор есть, но исход всегда один и тот же. Очень отрезвляет, надо признать. Зато весело!

Тело ныло, словно от ломки. Почему словно? Ведь я и правда ломал себя. По косточке, по суставу, рвал по мышцам. Мне надоело скитаться по странам, меняя жилье, окружение, климат. Переезжая из города в город, казалось, что меняется воздух, небо, звезды. Где-то люди улыбались, где-то отворачивались, боясь прямого взгляда. Где-то мучила бессонница, или наоборот, хотелось спать сутками. В одном городе изнывал от жары, в другом трясло от постоянного пасмурного неба и непрекращающегося дождя. Мне надоела кочевая работа, потому что в свои тридцать три года, ощущал себя на все пятьдесят.

Я выполняю работу, за которую не берется никто. И делаю хорошо.

И однажды решил вернуться в родной город, туда, где вырос, где лазил по гаражам, где стоял на учете у участкового. Алексеич... Он вцепился в меня с первого дня нашего «знакомства». Надо признать, что оно было не самым приятным,

но все же чаем напоил. Он поймал нас, когда мы с одноклассниками забили стрелку соседней школе. Он запер нас в переполненный обезьянник, усадив рядом с бомжами, алкоголиками и наркоманами. Для нас, девятиклассников, это было своего рода приключением, которым можно было козырять перед парнями, кому не выпала удача быть схваченными. Меня бы он тоже не поймал, если бы я не тащил на себе друга, который пострадал в драке больше всех, а наш друг Илюха остался из солидарности.

Участковый заглядывал к нам каждые десять минут, окидывая переполненную камеру быстрым взглядом. Я первый подал голос. Встал и, вцепившись в решетку, потребовал вызвать врача для друга. Пахе было плохо, он тихо стонал, держась за живот, по которому ему прилетело клюшкой. Он рассмеялся и через две минуты открыл камеру, выпустив нас. Алексеич хмурился, разливая крепкий чай по граненым стаканам, когда привел нас в свой крохотный кабинет. После этого он держал нас на карандаше, постоянно приходил в школу, проверяя нашу посещаемость, справлялся об успеваемости. Пашкины родители были алкоголиками, которым был безразличен сын, у меня дела обстояли лучше, но сути не меняло. Мама работала сутками, чтобы прокормить нас со старшим братом. Илья же был белой вороной, его папа был шишкой в нашем городе, чем мы и пользовались.

Из воспоминаний меня вырвал звонок. Я бросил сигарету в пепельницу и двинулся в коридор.

– Привет еще раз, – на лестничной клетке мялся наш дворник.

– Привет, Михалыч! Достал?

– Ага... – мужичок потоптался и стал рыться в огромных карманах своей потрёпанной телогрейки.

Я сунул руку в карман брюк, доставая бумажник, чтобы простимулировать того двигаться быстрее.

– Вот...

– Молодец! Вот тебе вознаграждение и зарплата за два месяца! – я отмусолил ему заслуженный гонорар.

– Служу России... – прохрипел он, жадно выцарапывая деньги.

Я захлопнул дверь и помчался в кабинет. Михалыч был хорошим человеком. А хороший человек – это полезный человек! Он присматривал за подъездом. Смотрел, кто отирается поблизости, наблюдал за новыми машинами на парковке. А за все эти чрезвычайно полезные услуги, получал хрустящие гербовые ассигнации.

Подъезд моего дома находится прямо напротив Универа, вернее, напротив пожарной лестницы, ведущей в библиотеку, а значит, камера над подъездом могла заснять то, что меня интересовало. Я боялся только расстояния, крупного плана не получить, потому что мой дом находился на противоположной стороне реки. Иногда я жалел, что через центр нашего города протекает не Кама или Волга. Было бы здорово бегать по берегу настоящей реки, а теперь я был про-

сто счастлив, что наша речка шириной в несколько десятков метров.

Я вновь и вновь просматривал запись, приблизив кадр как можно ближе. Ну, конечно, я был прав. Довольно крупный мужчина долго стоял на том самом пролете лестницы, периодически заглядывая в открытое окно библиотеки, затем ловко перемахнул через перила и скрылся в аудитории. А через пять минут тело девушки вынесли из здания через черный ход, дверь которого открыли изнутри.

Мне не нравилось, когда все просто. А тут как-то все ладно получается.

– Привет, друг мой Паха! – только он мог помочь. Я стоял на балконе, прогоняя в мозгу возможные маршруты джипа, в который закинули девчонку. Номеров, конечно, не разглядеть, потому что машина стояла боком. Стекла затонированы. Парень закинул дочь Моисея на заднее сидение, и машина скрылась из поля зрения камеры.

– О! Кочевник! – родной бас прозвучал в трубке.

– Покурим? – я не стал тянуть, переходя к делу.

– А... Хм. Ну, давай.

Я отключился и бросился к дверям, подхватывая пиджак с вешалки. Лучше бы, конечно, поговорить с Пахой по телефону, не хочется светить им сразу, но и подставлять парня на работе не хочется. Не телефонный разговор. Мы понимали друг друга без слов, потому что с самого первого класса сидели за одной партой. У нас было собственное место

для встреч, именно там мы учились курить, именно там попробовали пиво, водку, а потом и травку. Стены пустующего гаражного комплекса скрывали нас от посторонних глаз, оттуда было легко убежать. Мы взбирались на крыши и, перепрыгивая с одной «ракушки» на другую, убегали от родителей и от Алексеича.

Я одел солнечные очки и с любопытством обвел взглядом родной двор. Ну, ничего не поменялось! Все те же двухэтажные бараки, те же скрипучие качели, сварливые бабульки, и все то же белье на веревках, растянутых между турников. Я рассмеялся, вспомнив, что в период страстного желания обладать мускулистыми телами, нам могли помочь только бесплатные спортивные перекладины двора, о тренажерках мы и мечтать не смели. И нам приходилось каждое утро срывать чужие рваные кальсоны и желтые пододеяльники, чтобы повисеть на железных перекладинах. Я машинально сжал ладонь, словно ощутил боль мозолей. Потрескавшаяся многослойная краска впивалась под кожу, оставляя россыпь разноцветных заноз. Но это был не повод отступать. Как говорил Илья: «Мышцы – не пиз*ец, сами не придут!» Мы смеялись, и снова и снова приходили на детскую площадку. Ох, и доставалось же нам от соседок, которые находили стиранные на руках вещи в песочнице. Ну, чего не сделаешь ради крепкого бицепса и рельефной грудной мышцы!

Я вышел на улицу и потянулся. Под ногами шуршали уже опавшие листья, они были повсюду: на тротуаре, газоне, на

детских качелях, даже на крышах гаражей. А всему виной был огромный дуб. Обошел могучий ствол, проводя пальцами по сухой и рельефной коре. Прислонившись к дереву, закинул голову. Сквозь стремительно лысеющую крону дерева играло солнце. Оно то слепило глаза, то пряталось, отбрасывая блики на желтые листья. Под натиском ветра длинные ветки стали раскачиваться, покрывая мою голову падающей листвой. При каждом шаге хрустели желуди, щедро усыпавшие землю, я поддел носком туфель один и отбросил в сторону гаражей. Он звонко ударился о железную коробку. Все как в детстве. Ничего не поменялось. Я определенно много улыбаюсь сегодня.

Услышав короткий свист, направился по знакомой дорожке. Черт! Мне казалось, что здесь было гораздо просторнее, я еле втиснул плечи между железными ракушками и, оглянувшись, скрылся в густых зарослях дикой малины.

– О! Боярин? Ты, что всерьез принял свое прозвище? – рассмеялся я, увидев друга, который сидел на корточках, прислонившись к стене.

Он встал, сложив руки на груди, и долго смотрел на меня, елозя своим недобрый взглядом. Я так давно его не видел, последние годы мы держали связь только по телефону. Я тоже облокотился о гараж, внимательно осматривая друга. За столько лет он заметно прибавил в плечах, так что даже я подумал бы пару раз, прежде чем нарываться на этого дядьку. Отросшие волосы были небрежно зачесаны назад, хотя я его

видел только с коротким ежиком. Он всегда был лысыком, когда пошли в первый класс, на выпускном и когда нас призывали, его даже стричь не стали, конечно, что там сбривать? Только скальп снимать. Но ладно волосы! А борода? Его щеки были скрыты за густой порослью бороды. Пашка Бояров. Он с самого детства был Боярином. А теперь с густой бородищей и подавно. Я держался, как мог, но все равно рассмеялся и бросился к другу, сжимая его в крепких объятиях. Я обнимал его мощное тело и чувствовал биение сердца.

– Сделаем вид, что я не бьюсь в конвульсиях ярости! К тому же, я отомстил! – Паха закурил, сжимая крепко сигарету губами. Ну, точно, ничего не меняется.

– Как это?

– Рассказал Маре. И он в гневе.

– Черт! Я приехал недавно.

– Я знаю, когда ты приехал, – вдруг игривый тон Боярина пропал, он толкнул меня в плечо и отвернулся, словно ему была неинтересна моя реакция. А я пошатнулся, потому что не ожидал. Я еще какое-то мгновение ощущал неприятное чувство в руке, а сам не сводил с друга взгляда. Мне было важно посмотреть в его глаза.

– Ты знал, что я в городе, и не появился? – теперь моя очередь была толкать этого упрямого барана.

– А откуда я знаю, помнишь ты меня или нет. Можно ли простому сотруднику полиции звонить тебе?

– У...у...у... Батенька, да я смотрю, что «внутренние ор-

ганы» воспитали в тебе настоящую истеричку?

– Ладно, Олег, говори. А то ты выдернул меня со службы.

– Мне нужна видеосъемка с двух перекрестков.

– Пф-ф-ф... И все? – напряженно рассмеялся Паха.

– Да.

– Расскажешь, подсуечусь. Не будешь говорить, останешься ни с чем!

– Я Мару наберу. Мартынов за любой кипиш.

– Да? Наш Илюша уже месяц лежит в психбольнице! Его еле откачали от передоза, – глаза Паши стали такими холодными и колючими. Теперь я понял. Он не за себя обиделся. За Мару...

Я не знал, что сказать, потому что на каждый свой вопрос уже знал ответ. Как только нас с Боярой забрали в армию, Мартынов полетел, словно до этого мы его сдерживали какими-то невидимыми канатами. Мы, конечно, были не святыми. Узнали, что такое травка, алкоголь, девушки... Если мы с Пашей делали акцент на девушках, то Мартын любил все остальное, не зная меры...

– Я не знал.

– Знаю. Ладно, задницу твою я потом надеру. Рассказывай, куда влез?

– К Моисею, – отнекиваться было бессмысленно.

– Хм... – мне показалось, что друг не удивился, на его лице скорее промелькнула тень облегчения, чем удивления. – Ну, конечно! Куда же тебе еще идти? Наемнику туда и доро-

га, – тихо прошептал Паша и нервно осмотрелся по сторонам. Он откинул голову назад, затем зачесал волосы и потер бородатый подбородок. – О причине можно не спрашивать?

– Можешь спросить.

– Но ты не ответишь.

– Не-а...

– Ты уверен? Да, что я спрашиваю? Тебя не переубедить!

С самого детства рвешься туда, где шумно. Помню, как ты уговаривал меня пойти с тобой вместе в танкисты! Потому, что там шумно и весело!

– Да, – хмыкнул я.

Конечно, в танкисты нас не взяли, потому что уже в одиннадцатом классе вымахали под 180 см. Алексеич смеялся, говоря, что нас придется сложить вдвое, чтобы запихнуть в танк. Вот так разбиваются юношеские мечты. На распределении, нас с Пахой разбросали по разным войскам, его угнали в ракетные, а меня... дальше... Бояра после армии пошел работать в ГАИ, страстно желая стабильности и спокойствия. Он искал того, чего не дали ему в детстве. И вот он стоит такой стабильный и совсем не спокойный.

– Ладно, через полчаса на перекрестке у полицейского участка. Тебя встретят. Мне пора, – Паша обнял меня и прошептал на ухо – У*бок ты, Наскалов!

– Знаю, Паха, ой как знаю!

Я закурил, смотря вслед своему другу. Он перемахнул через бетонный забор и скрылся из моего поля зрения, остав-

ляя чувство вины. Она, как кошка, скребла стены, сдирая слои контроля и спокойствия. Я неправ, но я не мог иначе! Просто не мог! Я раздраженно пинал дубовые желуди, которые со звонким стуком врезались в деревянный забор. Нужно закончить с дочкой «папы» и встретиться с друзьями, ведь так и планировал!

– Здрóво...

Я остановился и снял очки, чтобы лучше рассмотреть Лазаря, который сидел на капоте моей машины ипил кофе.... Сюрприз...

– Соскучился?

– Есть немного. Представляешь, как только в твою голову влетела таинственная гениальная идея, ты отправил меня домой, прямо как валютную телочку утром. С того момента сердце болит за тебя. Вот, решил не мучиться и навестить, – Серега протянул мне второй стакан, на котором, кстати, было написано мое имя.

– Не думал, что ты настолько раним. Если бы ты предупредил, то удвоил бы таксу, чтобы компенсировать твое уязвленное самолюбие, – я сел рядом и вернул очки на глаза, продолжая рассматривать абсолютно расслабленное лицо Лазаря, он щелкнул золотой зажигалкой и прикурил. Долго молча смотрел на крону огромного дуба, затем выдохнул дым и резко обернулся ко мне.

– Как думаешь, мне пойдет борода? – он вздернул бровь и развернул корпус, чтобы было удобнее наблюдать.

– Хм, я думаю, что подойдет. Борода скрывает шрамы, уродства, ожоги. А то мало ли, что с тобой может приключиться, – я скинул очки и чуть наклонил голову, пристально всматриваясь в его глаза.

– Это точно... Сегодня я есть, а завтра меня уже нет, – он пожал плечами и спрыгнул с капота.

– Папа уже знает?

– Неа... Но все зависит от того, что ты скрываешь. Скала, я три месяца следил за тобой. Я таскался по паркам, намазывая круги, пил в тех же барах, наблюдал, как ты цепляешь телок. Я знаю, что ты не ешь рыбу, что ты уважаешь коньяк, а когда нет настроения, то пьешь белое сухое. Отдыхаешь ты исключительно на азиатских побережьях, выбирая самые глухие и безлюдные места... Прежде чем Моисей берет людей на работу, он их проверяет. Я стал тем, кому он доверил это. Я думал, что знаю тебя, но ты провел меня! Сука! Отослал, как телочку! – сцепил руки в замок на затылке. – Неужели ты думаешь, что я пропустил Боярова и Мартынова?

– Я не понимаю... Я так долго жил в Германии, что русская речь стала стираться из моей памяти, – я рассмеялся и закурил, не спуская с него глаз.

Парень нравился мне больше и больше, сначала напоминает дол*оeba, а потом ничего так... Смелый, дерзкий, наблюдательный... Сука, вообще не боится, что получит дырку между бровями. Потому что есть, что мне предложить. Он

курил, прислонившись к детской качели.

– Я могу повторить вопрос! Папе доложилась?

– Нет! Не люблю наводить шухер.

– Тогда поехали, есть идея....

Глава 4

Олег

Огромный клубок пыли говорил об одном – по дороге мчится подмога. Я закатил глаза, понимая, что никто не думает об аккуратности и тишине! Если позвали на помощь, то нужно обязательно примчаться на двадцати черных джипах. Их было видно издалека. Кортёж машин мчался по узкой дороге, зажатой между железнодорожными путями и высоченным бетонным забором. Высокая скорость поднимала пыль в воздух, отчего на зубах появился неприятный привкус. Машины поджимали друг друга, словно старались обогнать, чтобы прибыть в назначенное место первыми. Уверен, что папа посулил им выигрыш. Помощники рвутся не вытащить его дочь из беды, а выслужиться, проявив преданность.

Я сидел на капоте, откинувшись спиной на лобовое стекло своей машины. Стал щелкать пальцами, именно так мое тело старалось отвлечься, чтобы адреналин не закрывал глаза пеленой гнева. Обернувшись, наткнулся на грузополучателей, которые толпились у сортировочной станции. Они прижались к административному зданию, за дверью которого несколько минут назад скрылся Лазарь. По их недоумевающим лицам было понятно, что картина нетипична, а значит, нас запомнят надолго. Пункт отправки груза находился в ту-

пике, отчего звук проезжающих мимо поездов, эхом ударяясь о высокий забор, задерживался в ушах дольше обычного. На грузовых платформах стояли вагоны, готовые к отгрузке, а на огромном пяточке парковки в аккуратную цепочку выстроились фуры, между которыми сновали туда-сюда грузчики в грязной робе.

В кармане зажужжал телефон.

– Да.

– Приехали? – голос Моисея был ровным и спокойным. А меня прямо подбрасывало от злости. Я стал сильнее щелкать пальцами, стараясь не заорать.

– Моисей, ты вроде серьезный человек. Казино, банк, ювелирный завод, в нефть рвешься. Где ты нашел этих клоунов? Я просил помощи, а не у*бков!

– Не понял...

– Ты давно смотрел на своих парней? – я закурил, наблюдая, как из машин высыпает народ.

– Скала, ты точно договоришься! Что случилось?

– Я просил людей! А ты мне прислал эхо прошлого. Кто вам сказал, что бритоголовые братки до сих пор в моде? Виктор Викторович, Вы меня разочаровали.

– Скала, а ты уверен, что хочешь ко мне? Потому, что я отрезаю языки и за менее дерзкие разговоры.

– Моисей, ты тоже не нарывайся! Я не один из твоих шестерок! – зарычал я как можно тише, чтобы не привлекать к себе внимание. – Я не посмотрю, что ты самая «выпуклая»

пишка региона. Со мной никто так не говорит!

– Хорошо. Олег! Найди мою дочь!

– Главный кто?

– В смысле?

– Среди твоих быков главный кто?

– Буба...

– Черт! Буба... Бубенчик, – я убрал телефон в карман пиджака, затянулся и снял солнечные очки.

Около машин стояло человек пятьдесят, как только я повернул голову в их сторону, из толпы вышел гориллообразный бульдог. Его лысина сверкала на солнце, несмотря на жару на нем были кожаная куртка и ботинки на толстой подошве. Я откинул голову, поднимая глаза к чистому небу. Не понимаю, как до них не доходит, что, находясь в тени, можно совершать великие дела. А когда ты похож на озлобленного неудовлетворенного бульдога, которому недавно выдали пушку, шанс остаться незамеченным тает прямо на глазах.

– Ты, что ли, главный?

– А ты кто? – «бульдог» закурил и улыбнулся, демонстрируя неправильный прикус, его нижняя челюсть довольно сильно выпирала, делая сходство с собакой неоспоримым.

– А ты кто? – я следил за ним боковым зрением, не поворачивая головы. Толпа за его спиной стала двигаться, отпуская нервные смешки. Двор у административного здания опустел, пропали даже грузчики.

– Я тебе вопрос задал! Мы с друзьями приехали помочь

тебе, потому что Моисей сказал, что ты не справишься, – прохрипел он и поставил ногу на колесо моей машины.

– Ты процитировал?

– Не понял... – парень рефлекторно прошелся пятернёй по лысому черепу.

– Ладно, проехали! Это твои друзья? – я сел, внимательно рассматривая толпу клонов.

Они все как один были одинаково одеты, отличаясь друг от друга только длиной волос. Те, кто помоложе, не были гладковыбритыми, а вот гости из девяностых сверкали блестящим скальпом. Классика жанра. Их нужно в музей сдать, как достояние прошлого.

– Ага. Это лучшие! Я тщательно выбираю друзей, – прошептал он и, издав отвратительный гортанный звук, харкнул.

– Придурок! Нужно тщательно выбирать не друзей, а врагов, – я дернул ногой, цепляя «бульдога» под колено и потянул вверх, лишая опоры.

Тучное тело стало заваливаться назад, он рухнул на землю, поднимая сухую пыль в воздух. Я присел на корточки рядом, сильно придавливая коленом грудь очумевшего парня, и внимательно наблюдая за толпой, которая застыла на месте, они не понимали, как реагировать. Если я еще не валяюсь в луже собственной крови, то он не главный. Я надавил еще сильнее, осознав, что это просто выскочка, поверившая в свои силы, терпеть не могу наглых «шестерок». Тишина давила, казалось, что даже товарные составы перестали

отчаянно стучать по рельсам, толпа переминалась с ноги на ногу, я отчетливо слышал звук песка под их армейскими ботинками. «Бульдог» раздувал ноздри и нервно оборачивался на парней, ища поддержки. Он не пытался вырваться, только судорожно старался успокоить сбившееся дыхание. Перед толпой резко затормозила черная Мазда, из которой выскочил темноволосый коротышка.

– Сизый! Я говорил не нарываться, – коротышка подбежал и замер. Его глаза бегали то по раскрасневшемуся лицу «бульдога», то по мне. – Бурханов Саня.

– Олег, – я протянул ему руку и встал, отпуская здоровяка. – Значит, ты Буба?

– Черт! Что тут у вас происходит? – из подъезда выскочил Лазарев. – Буба?

– Нормально все, парниша упал, а я ему помогаю, – я наклонился и протянул руку здоровяку, который до сих пор лежал на земле. – Выбирай врагов!

Он встал на ноги и, чуть пошатываясь, направился к своим, изредка оборачиваясь через плечо. Ссыт. Придурок! Думает, что нападку со спины? Этого боится только тот, кто сам способен на подобную подлость. А я привык получать удовольствие от эмоций, написанных на искаженном от страха лице.

– Буба? Что за *уйня? – как только «бульдог» отошел достаточно далеко, я схватил коротышку за рукав, он покраснел и засунул руку за пояс.

– Буба? Тебе мозг отбили, что ли? – Серега встал между нами, предотвращая назревающую потасовку.

– Лазарь! Не ори...

– Это ты стволем тут не размахивай! Отморозки! – Серега стал растирать ладонями лицо, словно хотел прийти в себя. – Значит, так! Берешь своих парнишек и заглядываешь во все щели! Вот тебе список составов, которые нужно прошерстить в первую очередь, пока они не ушли!

Лазарев дал ему свернутый список и пачку денег.

– Скала, – Буба едва кивнул мне и побежал к толпе.

– Черт! Цивилизация прошла мимо этого городка? – я сел в машину и снова закурил. – Пока не применишь силу, они не понимают?

– В августе убили Козыря, он держал их. При нем все было проще! А папе некогда, он в бизнес окунулся. Бубе не хватает авторитета, чтобы требовать дисциплину и субординацию.

– Это он осматривал здание универа?

– Да, – Серега сел в машину и закрыл дверь – Вчера на станции была авария. Отключали электричество, поэтому они грузятся только сейчас! За сегодня отправлен только один состав. Он остановится в Михайловке через два часа, до этого остановок не будет! Если закроем глаза на светофоры, то успеем, поезд стоит семь минут.

– Черт! Неужели ты ее разговорил? – рассмеялся я и завел машину.

– Я знаю один секрет, как понравиться женщинам, – Се-

рега открыл окно и закурил.

– Поделишься?

– Ага... Чтобы понравится женщинам, нужно писать им много любовных записок... – он затаился, выдерживая театральную паузу. – Много записок... Очень много «ванильных» записок на стодолларовых банкнотах!

– Ну, точно, Мачо!

Яна

Ту-тух-ту-тух...

Я устала плакать. Просто сидела, прислонившись к стене, да и силы покинули меня, чтобы хоть как-то пытаться выбраться. Я прислушивалась к звукам, надеясь, что не одна в этом вонючем вагоне. Потому что мысль о том, что я совершенно одна, была страшнее. Когда слезы высохли, повязка намертво присохла к коже, теперь я даже не видела узкую полоску света. Я снова и снова старалась вспомнить, как могла очутиться здесь. Помню, как поехала в институт, по пути купив огромный стакан моккачино. Помню, как помахала охраннику и пошла в библиотеку, а больше ничего не помню! Даже не знаю, сколько я здесь. Мне очень хочется есть, а во рту пересохло, от чего язык прилипал к небу. А еще хочется в туалет, аж до рези в животе, но сама мысль о том, что придётся обмочиться, вызывала приступ тошноты.

Как ни странно, страх прошел, осталась только боль по всему телу. Голова безвольно болталась, сотрясаемая движе-

нием поезда. Вдруг резкий скрип колес заставил вздрогнуть. Пол под попой стал дрожать. Из глаз снова брызнули слезы. А вдруг сейчас тишина обернется против меня? Кому я нужна? Папа! Папочка! Я зарыдала. Собственные всхлипы раздражали перепонки. Я стала снова биться в истерике, стараясь сбросить повязку с лица.

Незнакомый звук скрежета просочился сквозь рыдания. Я замерла, понимая, что абсолютно обессилена.

– Привет...

В тишине послышались шаги, глухие, но в то же время такие устрашающе громкие. Шаг... шаг... шаг... Тишина. С лица слетела повязка, я зажмурилась, боясь, что в глаза ударит яркий свет.

– Я, кажется, поздоровался! – отвратительно резкий голос прозвучал над ухом.

– Ты кто?

Я открыла глаза, постепенно фокусируясь на лице огромного мужика, который сидел на корточках, рассматривая меня самым бесцеремонным образом. Его брови были сдвинуты, образуя глубокую морщину на переносице.

– Пошли, – он дернул меня и поднял на ноги, но я тут же повалилась обратно.

Он ловко подхватил рукой за талию, прижимая к себе. В нос ударил пряный аромат, отчего захотелось закрыть глаза, чтобы насладиться удовольствием. Но потом я поняла, что никогда его не видела. А вдруг это похититель? Недолго ду-

мая, дёрнулась и сильно укусила незнакомца за шею. На языке вспыхнул солоноватый вкус, а в носу стало пощипывать от дерзкого аромата.

– Чокнутая, что ли? – он схватил меня за шею так сильно, чтобы я не дёргалась, но недостаточно, чтобы мешать дыханию.

Мужик потерял место укуса, но на его лице не появилось ни единой эмоции. Он только внимательно рассматривал мое лицо, словно оно было единственным, что его интересовало в этой жизни. Я обвела глазами вагон, он был пустым, на полу валялось сено и какие-то тряпки. Раздался громкий звук и нас дернуло, я вырвалась из его захвата и бросилась в конец вагона, скрываясь в дальнем углу. В огромную раздвижную дверь ворвался довольно сильный порыв ветра, я стала глотать воздух, старясь насытиться его пьянящей свежестью. Состав тронулся, довольно быстро набирая скорость.

– Ты, чокнутая, идем, – я на миг закрыла глаза, чем и воспользовался мужик. Его огромная ладонь сильно схватила меня за локоть.

– Никуда я не пойду! Слышишь? Отпусти меня!!!!– я старалась сопротивляться, но он тащил, не прилагая к этому особых усилий. – Ни за что не убедишь!

– Я не спрашиваю! Принуждение – лучшее убеждение! – он притянул меня к себе, обхватив обеими руками. – Надо прыгать! Если ты хочешь, чтобы я тебя спас, идем!

– Нет! – я оглянулась через его плечо, но лучше бы этого

не делала. Поезд разогнался все быстрее, порывы ветра трепали мои волосы, больно хлеща ими по щекам. – Кто ты?

– Черт! Как тебя там! – он сморщил нос, словно что-то вспоминал. – Котик, зайчик, медвежонок... Кролик! Точно! Кролик, надо прыгать!

Мое тело расслабилось, и я крепко схватила его руку, давая немое согласие, как только услышала свое прозвище, которое в детстве мне дал отец. Незнакомец поднял меня и, развернувшись боком, оттолкнулся от самого края. Мы полетели. За те секунды я ощутила невесомость и спокойствие. Он крепко прижимал к себе, его щетина царапала мою шею, а горячее дыхание щекотало губы. Толчок. Незнакомец упал на спину, принимая весь удар на себя. Его рука сжимала мои растрёпанные волосы в кулаке, словно фиксировала шею, как жесткий корсет.

– *лять!

Я стала кашлять, в моё пересохшее горло попал песок. Села, стараясь откашляться.

– Удобно, Кролик?

Я повернула голову, наткнувшись на его холодный взгляд. Даже в темноте было заметно, насколько его глаза ярко-зеленого цвета. Прямой нос, тонкие губы, квадратный подбородок и широкие скулы. Черт! Он улыбается. Я повернула голову и поняла, что сижу прямо на нем.

– Я не могу встать...

– Черт! Это какая-то эротическая фантазия?! – рассмеял-

ся он и достал из кармана складной нож. Стальное лезвие сверкнуло и вмиг рассекло веревки на ногах и руках.

– Настоящий маньяк! Тебя возбуждают мысли о связанной девушке? – я смотрела, как он быстро распутывал пластиковые жгуты.

– Всех мужиков возбуждают подобные мысли. А если не возбуждают, то тут два диагноза! – он ловко подхватил меня, перенося весь вес на свою руку, поднялся, стараясь поставить на ноги.

– Какие? – я понимала, что спрашиваю ерунду и это не тема для обсуждения с незнакомцем, но учитывая, что он освободил меня, я решила проявить немного интереса.

– Либо он импотент, либо врет, – он отряхивал свой костюм одной рукой, а другой поддерживал меня за талию. – Стоишь? Тогда пошли!

Я смотрела, как он развернулся и пошел вдоль путей. Я не могла пошевелиться, тело ныло, а ноги не слушались.

– Чего замерла? А, Кролик?

– Я не могу! – мой писк был еле слышен, но он взревел, закидывая голову назад.

Он спрыгнул обратно в канаву и наклонился, намереваясь перекинуть меня через плечо.

– Стой...

– Ну, чего? – в его голосе совсем не осталось ни намека на мягкость, он сверкнул глазами.

– Мне надо....

– Говори!

– В туалет! Мне надо в туалет! – по щекам покатались слезы.

– Черт! Давай! Вперед!

Я обернулась, в поисках кустов. На комфортабельный санузел рассчитывать не приходилось. Но как на зло, мы стояли в поле, ни одного куста, ни дерева. Только высокая трава.

– Ну?

– Ты так и будешь смотреть?

– *лять! – он отвернулся, сложив руки на груди.

Я отошла в сторону и опустила голову, наткнувшись на свадебное белоснежное платье. Пальцами пробежалась по кружеву и заревела, так громко, что незнакомец обернулся.

– Что опять?

– Почему я в платье?

– Замуж хотела выйти? – его губы дернулись, но он быстро приложил руку к лицу, словно хотел скрыть улыбку.

– А-а-а-а! – взревела я и стала сдёргивать платье, руки стали растягивать тонкую ткань, ногти впивались в ажурное кружево. Единственным желанием было содрать это с себя.

– Прекрати истерику! Все уже хорошо! – он перехватил мои руки, сжимая трясущиеся ладони, незнакомец нагнулся, заглядывая в глаза. – Ты сейчас сходишь в туалет, а потом мы поедем туда, где будет спокойно. Слышишь?

Я выдохнула и кивнула. Он еще пару секунд смотрел в мои глаза, словно искал уверенность. Потом отпустил руки

и отошел, отвернувшись лицом к приближающемуся поезду.

Я глотала слезы и крик, душившие меня. Страх не было, но тело била мелкая дрожь.

– Все? – как только шум поезда стих, незнакомец закинул руку за спину и потряс ладонью, ожидая мою ладонь. Я старалась не смотреть на белое облако ткани, сосредоточившись на мощной спине впереди меня. Сделала два шага и вложила ладонь. Он повернулся и подмигнул.

– Олег...

– Яна...

Глава 5

Олег

Я не мог поверить своим глазам. И не только я. Мой мозг взрывался, судорожно роясь в библиотеке прошлого. Он вытаскивал картинки, а я сравнивал воспоминания с реальностью. Но все равно отказывался верить. В кабинете Моисея я видел ее фото, но не узнал. Как я мог ее не узнать?

Я держал ее за руку, ощущая дрожь, которая становилась то сильнее, то пропадала. Яна постоянно оборачивалась, словно боялась, что нас догонят. Мне хотелось успокоить ее и сказать, что рядом со мной ей ничего не грозит. Она морщилась, но шла, не проронив ни одной жалобы. Я остановился и взял ее на руки, за что получил вздох благодарности. Она обняла меня за шею и положила голову на плечо. Телефон надрывался, а мне так не хотелось прерывать уютную тишину, но все равно пришлось.

– Да!

– Олег? Ты где? Я всю станцию обежал! – взвыл Лазарев. Его запыхавшийся голос в трубке подтверждал его слова. Я совсем забыл ему позвонить, погрузившись в свои мысли.

– Она у меня. Пока никому не звони. Слышишь? Звякнешь кому-нибудь, получишь вентиляцию в черепе! Усек?

– Предельно!

– Подгони машину к концу перрона. Мы идем пешком, проехали остановку, – я покосился на Яну. Ее размеренное сопение у самого уха означало, что она уснула. Я убрал телефон и крепче прижал к себе, замедляя шаг. Очень хотелось скорее добраться до машины, но меньше всего мне хотелось разбудить ее и выпустить из своих рук.

Я заставил себя смотреть вперед. Так, состав шел в Сибирь, следующая остановка только через сутки. Значит, у меня есть время. Нужно спрятать ее и молчать, продолжая прочесывать местность.

В темноте вспыхнули фары, я замер, пытаясь разглядеть источник. Правая рука скользнула под пиджак, где в кобуре висел ствол. Машина остановилась и тут же заморгали аварийки. Лазарь. Я ускорил шаг, пробираясь через высокую траву.

– Черт! Я испугался! – Серый подпрыгивал на месте.

– Тш-ш-ш, – шикнул я на возбужденного парня.

Лазарь открыл заднюю дверь. Я аккуратно положил Яну на сидение, подбирая полы платья. Яна открыла глаза и вздрогнула.

– Успокойся, – я скинул пиджак и свернул его, подложив ей под голову.

– Все закончилось?

– Да! Поспи. Скоро будем дома.

Я закрыл дверь и сел на капот, закурив. Как только никотин заполнил мои легкие, я стал расслаблять затекшие мыш-

цы рук. Напряжение стало уходить, а мозг стал судорожно соображать.

– Нет... – прошептал Серега, он стоял напротив меня и, наклонив голову, внимательно рассматривал, словно ловил малейшую мимику.

– Что?

– Терпеть не могу людей, которых нельзя прочитать!

– Папе звонил? – я откинулся на капот и уставился в ночное небо.

– Нет. Ты же сказал – никому...

– Молодец.

– Скала, говори!

– Ты и сам все знаешь.

– Свои... все просто. Слишком просто! Очень много свидетелей и еще больше совпадений! – Лазарь сел рядом. Он осунулся и смотрел на свои руки, в которых вертел пачку сигарет. – Но...

– Правильно мыслишь! Помимо совпадений и свидетелей, возникающих «НО», еще больше! Поехали, не будем говорить на трезвую голову. Поговорим на пьяную, но завтра! – я спрыгнул и пошел к водительской стороне. Обернувшись, посмотрел на заднее сидение. Яна спала, подложив обе руки под левую щеку.

Серега всю дорогу вертел сигареты, так и не решаясь закурить. Он громко вздыхал, и открывал рот, словно хотел что-

то сказать, но потом оглядывался на Яну и замолкал. За все время пути, она так и не проснулась, даже не шевелилась, словно просто отключилась, как электрический чайник, который до этого усердно кипел. Лазарев вышел из машины, но прежде чем зайти в подъезд своего дома, остановился. Он быстро окинул взглядом пустой двор и махнул мне.

– Ну?

– Я не верю, что это свои, – прошептал он и закурил, шумно втягивая дым сигареты. Его грудная клетка расширилась, он задержал дым, а потом громко выдохнул вверх, образуя огромное белое облако.

– В это всегда трудно поверить.

– И еще, я хочу сказать, что это не я.

– Я знаю, ты слишком красив, чтобы рисковать своей внешностью, – рассмеялся я и направился к машине.

– Придурок! И еще...

– Хочешь рассказать про бровь?

– Это не относится к делу.

– А я и не прошу этого. Просто скажи, почему дернулась твоя бровь? – я снова подошел к нему и наклонил голову, рассматривая его лицо. – Когда я ломал твою руку, двигаясь по миллиметру, ты молчал. На твоем лице не промелькнуло ни тени эмоции. А когда я спросил про Кирилла, ты вскинул бровь!

– Потому что это мое личное мнение, я не могу говорить о каждом то, что думаю. Иначе у меня в голове была бы дырка

давным-давно, естественно.

– Говори!

– Я никогда не вынюхивал про него, потому что он родственник Моисея. Но то, что он мудака, становится ясно с первых минут общения, даже не прибегая к слежке.

– Посмотрим... У нас есть сутки. Завтра ночью станет известно, что Яна не в поезде. Поэтому нужно молчать.

Сергея махнул рукой и скрылся в тускло освещённом подъезде. Понимать, что среди тех, с кем проводишь почти все свое время, есть предатель, сложно! Если он ничего не узнавал про него, то узнал я. И уже давно. Парень, и правда, отвратительного наполнения. У него столько скелетов в шкафу, что смрад за ним должен тянуться на долгие километры. Интересно, как «папа» допустил такого близко? И почему он до сих пор жив? У меня были одни вопросы. И на все ответы у меня есть ровно сутки. Одни гребаные сутки!

Я припарковался у подъезда своего дома. Повернув зеркало заднего вида, стал смотреть на хрупкое тело девушки. Она будто почувствовала и резко открыла глаза.

– Где? – вскрикнула Яна и села.

– Тш-ш! Выходи, мы приехали, Кролик, – я вышел из машины, открывая заднюю дверь. Она потирала лицо грязными руками.

– Скажи, что все хорошо?

– Все хорошо. Выходи, – я окинул двор быстрым взглядом и протянул руку. Теплая ладошка коснулась моей кожи, за-

пуская мелкую дрожь.

Мы молча ехали в лифте. Яна закрыла лицо руками, чтобы не видеть собственное отражение в зеркалах. Она так сильно закусила губу, что казалось, сейчас пойдет кровь. Моя рука быстро коснулась влажной кожи, вытягивая нежную розовую губку. Я вышел на площадку и, убедившись что никого нет, вывел Яну из лифта.

Оказавшись в темной прихожей, она отвела руки от лица и посмотрела на меня. Она еле шевелила губами. Я не понимал, поэтому шагнул ближе.

– Сними это с меня... Сними это с меня! – начала кричать Яна. – Сними с меня это ужасное платье! Сними! Я ничего не знаю! Ничего не помню!

По ее щекам покатались огромные слезы, она снова начала рвать ткань. На этот раз я слышал громкий треск. Яна не отводила от меня своих голубых глаз, она молила о помощи.

– Сними! Сними! Сними!!! – повторяла она снова и снова, протягивая ко мне трясущиеся руки.

Я достал из кармана нож и стал разрезать корсет. Ее лицо было мокрым, слезы катились по шее, оставляя темные дорожки от туши. Яна ловила воздух ртом, словно задыхалась. Ей нужно вымыться. Я разорвал ткань и, перекинув ее через плечо, понес в ванну. Уложив содрогающееся в конвульсиях истерики тело в джакузи, включил горячую воду. Яна обняла себя, прикрывая грудь. Она продолжала дрожать, ее губы посинели, а ярко– голубые глаза в упор смотрели на меня.

Она кивнула и закрыла глаза, погружаясь в горячую воду.

Я вышел, прямиком отправившись к бару. Налил себе стакан коньяка и осушил его залпом. Вроде ничего необычного не произошло. Я много раз проходил через все это. Я видел кровь, драки, похищения, насилие, боль... Я видел смерть, я приносил смерть! Но еще никогда не чувствовал себя настолько истощенным.

Я схватил бутылку и вошел в ванну. Яна налила в воду пену, которая теперь скрывала ее под огромной белой ароматной шапкой.

– Держи, – я поставил бутылку и открыл пробку.

– Я не пью! – она свела брови, подняв на меня испуганные глаза.

– Я не заставляю тебя пить. Это лекарство!

– Хм... Ты доктор, что ли?

– Пей!

– Не буду!

– Черт! – я зажал ее лицо между большим и указательным пальцами. Челюсть тут же открылась, я наклонил бутылку, вливая в нее довольно приличную порцию коньяка. Я дождался, пока она проглотит, и убрал пальцы.

– Ты больной? – взвыла она, кашляя и хватаясь за горло.

– С тобой, я смотрю, по-хорошему не получится договориться, да, Кролик?

– Прекрати меня так называть! Мне было 6 лет! – завизжала она и опустилась под воду с головой.

– Почему кролик? – я не успел договорить, потому что из пышной пены показался ее средний палец. – Ну, точно... Чокнутая.

Я выскочил из ванной, сильно захлопнув дверь. Кровь потекла по венам так быстро, что в ушах появился шум. Все это дико, неправильно, не по плану. Как я вообще додумался привезти ее к себе домой? Я никогда никого не зову к себе! Надо было просто отправить эту задницу к папочке... Нет, не просто задницу! Заносчивую, хамоватую, избалованную, чокнутую, ненормальную, упертую, крепкую... привлекательную... упругую... сексуальную... Сладкую задницу!

– Черт! Это я? – я вышел на балкон и закурил. Мой кулак стучал по декоративной штукатурке! Мне нужно очнуться!

– Э! Сладенький? У тебя есть женская сорочка сорок второго размера? – ее шепот раздался у самого уха.

– Да, конечно! Какой цвет предпочитаешь? – я выкинул сигарету и вышел, стараясь не смотреть на нее.

– Люблю лавандовый цвет...

– Конечно, моя госпожа.

– Отлично, холоп!

Я еле держал себя в руках. Ее рот хотелось промыть мылом, соскребая всю дрянь с языка щеткой! Открыв шкаф, я сдернул с плечиков первую попавшуюся рубашку и бросил в сторону коридора.

– Придурок! – взвизгнула Яна.

– Попал! – прошептал я и ногой захлопнул дверь прямо

перед ее носом. – Телефон не работает, дверь закрыта. Можешь сигануть с балкона. Но двадцать пятый этаж. Удачи...

Глава 6

Олег

Я резко распахнул глаза, уставившись в белоснежный потолок. Привстав с кровати, я вздохнул. Потому что лежал на покрывале в костюме. Это значит, что мне вчера не хватило сил, чтобы раздеться. Я стянул галстук и, смяв его, бросил в плетеную корзину. Осеннее солнце залило спальню, свет отражался от жемчужной штукатурки, рассеиваясь по всему помещению.

– Душ... Мне срочно нужно в душ! – я открыл дверь, и в нос ударил запах еды. Еды?

Я быстро пересек просторную прихожую и практически застыл на пороге кухни. Яна топталась у плиты в моей рубашке, рукава которой были отрезаны. Она стояла, скрестив ноги, ярко-вишневый цвет её педикюра красиво контрастировал с черным паркетом кухни, я смотрел на ее пальчики дольше, чем стоило бы. Она постукивала длинными ногтями по гранитной столешнице гарнитура, пока следила за скворчащим на сковородке завтраком. Девушка раскачивалась, тихо напевая песенку себе под нос. Я прислонился к косяку, чтобы, воспользовавшись моментом, рассмотреть ее получше. Яна была небольшого роста, поэтому моя рубашка больше напоминала халат, прикрывая ее колени. Пуши-

стые волосы цвета молодой пшеницы. Она моргала, отчего ее длинные ресницы дрожали, а утреннее солнце сверкало бликами на выгоревших кончиках. Продолжать прятаться было бессмысленно, поэтому пришлось обнаружить себя.

– Это очень... очень дорогая рубашка. Надеюсь, что твоя стряпня того стоит!

– Привет, – Яна вздрогнула и стала поправлять длинные волосы, которые еще не высохли после душа. – Прости, но я очень проголодалась!

– Привет, – я немного замер, потому что не ожидал услышать ее робкий голос. Яна прижалась к барной стойке и посмотрела на меня, оторвав взгляд от пола. Она двигалась глазами снизу вверх, а потом вспыхнула ярким румянцем, наткнувшись на расстегнутую рубашку. Яна закусил губу и отвернулась, пытаясь спрятать свое смущение.

– Я в душ...

Я сделал пару шагов вперед спиной, а потом бросился от этой занозы в ванну, где открыл кран с горячей водой. По черному кафелю поползли клубы пара. Я глубоко вдохнул обжигающий воздух и, скинув одежду, встал под душ. Иногда меня посещали противоречивые мысли. С одной стороны, мое возвращение имело веские причины, а с другой стороны? Как-то все слишком по-другому... Иначе... Я не готов ко всему этому эмоциональному, домашнему. Что это? Зачем? Я закрыл глаза и снова вспомнил эту румяную блондинку на моей кухне. Черт! Я сильно хлопнул стеклянными

дверками душевой кабины, создавая больше шума, чем рассчитывал. Намного проще жить, когда сердце холодное, как снежинка, а душа сухая, как пустыня...

– Привет, – Яна варила кофе, внимательно следя за туркой, она бросила на меня едва заметный взгляд из-под опущенных ресниц.

– Знаешь, мне кажется, что ты просто забыла, как меня зовут, поэтому за сегодняшнее утро поздоровалась уже дважды!

– Черт! Прости, – Яна улыбнулась и разлила ароматный кофе по маленьким чашкам из чёрного прозрачного стекла.

– Б*ть, я себя чувствую шлюшкой, чье имя забывают наутро! – я сел на кожаный диван и закурил.

– Прости! Я помню, как ты меня спас. Помню, как нес на руках. А больше ничего не помню!

– Ладно, забыли. Ну, чем будешь кормить?

– Ну, не томи.

– Олег... Меня зовут Олег. Если снова забудешь, то я больше не стану тебя спасать.

– Отлично! Ну, учитывая, что в твоём холодильнике пусто! Представляешь, он новый, даже наклейки на месте. – она поставила на стол стопку румяных блинов и банку варенья.

– Ого! У меня было варенье?

– Нет! – Яна села на стул, подогнув под себя ногу. Она внимательно смотрела на меня и пила кофе, обхватив чашку

двумя руками.

Я курил, выдыхая дым в открытое окно, а сам искоса наблюдал за ней. Лучи утреннего солнца освещали ее лицо, на котором не было ни грамма косметики. Но ей шла натуральная красота. На смуглой коже голубизна глаз была еще ярче, нежно-розовые губы казались нарисованными, а маленький носик так и хотелось пощекотать.

– Ну? Где взяла?

– У соседки, – она рассмеялась, а на щеках вспыхнул уже знакомый румянец. – Она попросила достать попугайчика, который забрался за антресоль. Я помогла старушке, а за это получила ингредиенты для блинов и варенье.

– Я запретил тебе выходить из квартиры! – вскрикнул я, но тут же осекся, когда увидел ее испуганный взгляд.

– Я... – она поставила кружку и опустила глаза.

– Ты звонила?

– Нет, не звонила. Но очень хочу! Олег, мне нужно позвонить мужу. Он, наверное, переживает.

– Конечно, переживает. Только если бы это было безопасно, то я отвез бы тебя сразу домой. А раз ты сидишь в моей рубашке, на моей кухне, то это небезопасно, – я выдохнул и, затушив сигарету, повернул свою голову, встречаясь с ее голубыми глазами.

– Ты хочешь сказать, что ...

– Ян, я ничего не хочу сказать. Просто давай подождем? Посиди здесь? А вечером папа заберет тебя! Договорились?

– Но мне нужны вещи, – Яна надула нижнюю губу, но этот жест был настолько естественным, не наигранным, что вызвал улыбку.

– Это наименьшая проблема. Спасибо за завтрак! Так давно не ел домашних блинов. – Я встал из-за стола и, взяв тарелку и чашку, пошел к раковине.

– Что? Что ты делаешь? – Яна встала и подошла ближе.

– Черт! Я ловлю себя на мысли, что не понимаю тебя.

– Зачем ты моешь посуду? – она не отступала, а только скрестила руки на груди, выражая всю решимость добиться от меня ответа.

– Так... становится все интересней, – я убрал вымытую посуду в сушку и развернулся к ней. – Начнем сначала? Ты приготовила завтрак. Я поел, встал, поблагодарил за вкусную домашнюю еду и помыл за собой посуду. Что в этой логической цыпочке непонятно?

– Ты странный. Я никогда не видела, чтобы мужчины мыли посуду.

– Смотри! – я крутанулся вокруг своей оси. – Пока бесплатно.

Подмигнув очумевшей девушке, отправился в спальню.

Нужно выкинуть всю эту ерунду из головы и встретиться с Моисеем.

– Серега, привет, – я достал телефон и встал у окна, рассматривая набережную. Вдоль реки суетливо ходили люди. Вся поверхность воды была усыпана желтыми листьями,

мелкая рябь сбивала их в кучку и старалась выкинуть обратно, на брусчатую тропинку. Но листья сопротивлялись, никак не желая покидать нежные объятия реки.

– Привет! Я уже еду, – голос Лазарева был грустным.

– Я скину тебе адрес, раз уж ты разнюхал то, что не следовало, заедешь, заберешь папку для меня.

– Ладно, эксплуататор. За это ты должен сварить кофе.

– О! Этого сколько угодно. Янке все равно делать нечего. – Я отключился и вышел на балкон, вдыхая утренний воздух.

Я долго гипнотизировал телефон, решая, как поступить правильнее. Как только позвоню Моисею, он тут же примчится, а, значит, ни о какой конфиденциальности и речи быть не может! По большому счету, моя часть уговора выполнена! Но что-то мешало позвонить, а я привык доверять интуиции. Перед глазами всплыли грустные голубые глаза девушки. Нет, я не могу рисковать. Только не я.

Мои мысли прервал звонок в дверь. Я завязал галстук и вышел из спальни, но меня опередила Янка, бросившаяся к двери так быстро, что я едва успел схватить ее за рубашку. Она отпружинила и врезалась в мою грудь.

– Что? – она опять надула губу.

– Пока это моя квартира! – шикнул я и втолкнул девушку в кухню. Она сложила руки на груди и высунула язык, скорчив рожицу. – Ребенок!

– Зануда! – недолго думая, парировала она.

Я ногой захлопнул черную дубовую дверь и пошел в кори-

дор. На площадке было темно, откинув дверь раздвижного шкафа, я достал из сейфа пистолет. На экране видеодомофона был виден только силуэт. Видимо, лампочка перегорела.

– Кто?

– Олег! Это Людмила Сергеевна, – писклявый старушечий голос раздался за дверью. Я спрятал ствол за спину и открыл дверь. Крохотная женщина стояла в коридоре, сжимая в руках массивную коробку, которая была больше, чем она сама.

– Это ко мне! Людмила Сергеевна? Ой, спасибо!!!! – Яна вихрем вылетела на площадку, отталкивая меня с порога.

– Деточка? Ты разберешься?

– Конечно. Вечером отдам, – счастливая девушка забрала коробку и всучила ее мне, а сама повисла на старушке. – Спасибо!

– Какая хорошая у тебя невеста! – рассмеялась соседка, поглаживая Янку по волосам. – Надо вкрутить лампочку, а то темнота!

– О! Она просто волшебная, – проворчал я и, бросив коробку на комод, вышел на площадку.

– Это я что? Удачно зашел? Да? На свадьбу попал? – залихватский смех Лазарева раздался за спиной, отчего у меня возникло дикое желание передушить каждого.

Где моя просторная и очень тихая квартира? Что случилось? Я сегодня даже пробежку пропустил. Не просто пропустил, а проспал! А сейчас вкручиваю лампочку. Охренеть! А где мое пиво, рыба и футбол по ящику?

Лазарев вошел в квартиру, обнимая Янку за плечи. Он вертел головой, осматриваясь вокруг.

– Хорошо живешь.

– Без вас было лучше, – я улыбнулся старушке, которая вошла в свою квартиру, потом захлопнул дверь, закрывая на все замки.

– Янка! А ну, кофе барину и поживей! – рявкнул Лазарь и дернул ее за волосы. – Что это на тебе?

– Это когда-то была моя рубашка от Tom Ford! – я поморщился, рассматривая бахрому на месте шва.

– Фи... Наскалов, да ты жмот? – Серега заглянул на кухню и направился в зал.

– Ты сам мне ее дал вчера, – Яна прищурила глаза и снова показала мне язык. Я бросился за ней, намереваясь сделать то, о чем думал вчера. Вымыть ее язык с мылом. Но Яна захлопнула дверь, оставив меня в коридоре наедине со своим гневом. – Я принесу ваш кофе в кабинет.

– Тебе все равно придется выйти.

– Конечно! Обязательно. Вот успокоишься, и я сразу выйду. Честное слово! – сквозь смех говорила Яна.

Я чувствовал, что она стоит прямо у двери. Ну, что за девчонка? Я выдохнул и ударил ладонью в дверь, уши заложило от ее вскрика. Подслушивала. Испугалась. Хорошо! Так ей и надо!

– Кстати! Кофе в доме тоже больше нет! – заорала она и пнула дверь со своей стороны.

– Черт! – взвыл я и схватил бумажник, лежащий на комодe. – Закажи все, что нужно! В соседнем доме супермаркет. Привезут через двадцать минут. Визитка на холодильнике. Телефон на барной стойке. И только попробуй позвонить домой! – я вытащил кредитку и просунул под дверью.

– О! Вы так щедры! А лимит на карточке есть?

– Нет! – брякнул я и тут же пожалел, когда услышал ее недоброе хихиканье.

Лазарев сидел на диване и щелкал пультом. Все говорило в нем о том, что он напряжен, как высоковольтные провода. Он даже не смотрел в экран плазмы, зафиксировав взгляд на черном глянцевоm паркете. Когда заметил, что я за ним наблюдаю, сделал попытку улыбнуться и кивнул в сторону балкона.

– Я работаю на Моисея пять лет. Видел многое. Знаю, что он может быть жестким, расчётливым. Но он бережет своих. Никогда не было крыс! Никогда! – Серега скинул серый пиджак на кресло и открыл окно, сделав пару глубоких вдохов, снова захлопнул, прижавшись лбом к стеклу. – Я к тому, что нужно быть больным на всю голову, чтобы украсть Янку!

– Согласен.

– Кирилл на это не способен! У него кишка тонка!

– Это не он, – я сел напротив Лазарева. – Почему тебя это беспокоит?

– Я не знаю. Мне противно, что среди тех, с кем провожу все свое время, есть падла! Меня трясет! Мне нужно знать!

– Мы пока этого не сможем сделать! Забуди! Где папка? Кстати, я думал, что ты пофигист.

– Пофигисты – усовершенствованные и высокоинтеллектуальные по*уисты! – Лазарев ударил кулаком по стене и вытащил из внутреннего кармана свёрнутый в трубочку файл с документами.

Я внимательно осмотрел и улыбнулся, потому что было видно, что он не открывал папку. Бояра знает свое дело. Приклеил тонкий волос на месте вскрытия. Волос был на месте, а Лазарь получил еще один плюс от меня. Я достал документы и закурил.

– Кофе, – в дверь поскреблась Яна.

Я открыл и кивнул в сторону стеклянного журнального столика.

– Там продукты привезли. Я могу самостоятельно открыть дверь? Или потревожить Ваше Превосходство?

– Посмотри в видеодомофон! – крикнул вдогонку Янке, которая, видимо, и не планировала дожидаться моего вердикта.

Я прислушался. Она открыла дверь, послышались спокойные голоса, шорох бумажных пакетов, хлопок двери...

– Я жива! – крикнула она и захихикала. – И даже не надругались!

– Почему ее раньше не украли? – прошептал я и вернулся к чтению, плотно закрыв дверь.

– Я не знаю. Поэтому и говорю, что нужно быть полным

отморозком, чтобы сделать это. О ее передвижениях знали только Моисей, Кирилл, водитель и сопровождающая машина охраны. В то утро охраны не было. Потому что Яна не предупредила. Это такой клубок случайностей!

– Чем естественнее совпадения, тем они маловероятны. Это ясно, как божий день, что похищение липовое. Ее посадили в товарняк без сопровождения. Причем провели в свадебном платье по всему железнодорожному вокзалу. Я знаю, КАК похищать людей! И говорю тебе, что это не конец. Знаешь, Лазарь, можно недооценивать своих врагов, но никогда не нужно переоценивать преданность своих друзей! Поэтому... поехали...

Но не успели мы выйти из квартиры, как телефон Лазарева принес новость, подтверждающую мои слова... Иногда так хочется ошибиться хоть один раз! Один хренов раз!!!!!!

Глава 7

Олег

Громкое рычание за дверью запускало страх во многих, но не во мне. Я прислонился к стене, осматриваясь вокруг. Коридоры частной больницы сверкали чистотой. Черный мрамор на полу, белоснежные стены, серые кожаные диваны вдоль окон.

Черная дверь распахнулась, оттуда выскочила медсестра в коротеньком белоснежном халатике. Она опустила глаза и, быстро передвигая стройными ножками, помчалась по коридору.

– Позови его!

Даже уточнять не нужно было. Я знал, что Моисей говорит обо мне, но идти по первому свисту совершенно не хотелось. Я сел на диван и откинул голову, стараясь привести мысли в порядок. Когда мы с Лазарем выходили, ему позволили и сообщили, что машину Моисея подорвали. Непонятно, то ли хотели припугнуть, то ли не рассчитали время, потому что машина рванула в тот момент, когда Моисей возвращался от любовницы. Охрана открыла двери подъезда высотки, чтобы встретить шефа, когда прогремел взрыв.

– Олег, идем, шеф зовет, – красное лицо Сереги показалось в дверном проеме палаты. Он поджимал губы и держал

в руке неприкуренную сигарету.

Я встал с дивана и направился в палату. Моисей ходил по периметру огромной комнаты, скрестив руки за спиной. Палата была не просто просторной. Это была квартира-студия, здесь были и кухня, и гостиная, а перед окном стоял большой письменный стол. Я кивнул Моисею, который замер, сверкнув на меня глазами. Станный он. Действительно думает, что мне страшно?

– Скала? Что х*йня? – его сдержанный рык резанул слух.

Я сел на высокий барный стул и, включив кофемашину, открыл окно и закурил, поймав смеющийся взгляд Лазарева.

– Щенки! Да я вас всех пощелкаю! – Моисей достал пистолет из кармана халата, с громким щелчком передернул затвор.

– Я не заказывал театрального представления. Завязывай, пока ты не перестанешь орать, нам сложно понять тебя, – я расстегнул пиджак, откинув так, чтобы Моисей увидел кобуру.

– Спелись, орлики? – он подсел к Сереге, при этом не убирая ствол.

– А ты чего хотел? Ведь, именно ты приставил ко мне Лазаря, да?

– Да! Только я не думал, что ты, Лазарь, моя правая рука... – Моисей приставил ствол к затылку парня. – Что ты так быстро забудешь свое место... Ты должен докладывать...

– Убери ствол! – я размешивал кофе, внимательно наблю-

дая за происходящим. Не могу понять, что больше меня занимало. То ли, что Лазарев так и продолжал криво ухмыляться, смотря «папе» прямо в глаза, то ли полная решимость во взгляде Моисея. Он может....

– Заткнись...

– Разговор есть, убери ствол, – я не выдержал и заорал, чтобы привести его хоть как-то в чувство. Старик сверкнул голубыми глазами и, немного подумав, щелкнул предохранителем.

– Говори...

– Твою дочь никто не хватится еще двенадцать часов. Она в безопасности, чего не скажешь про тебя. Я сначала голову ломал, к чему все это представление, а теперь все так ясно и понятно! – я достал документы и, бросив папку на пол, толкнул ее носком туфель. Моисей дернул бровью, но нагнулся и поднял черный файл.

Откинувшись на спинку стула, я наблюдал за парковкой больницы, которая была заставлена черными джипами.

– Кто старший, кроме Бубы? – вдруг спросил я.

– Ты парней имеешь в виду? Тогда только Буба. – Лазарев тоже подошел к окну и тихо рассмеялся, наблюдая уже знакомую картину. – Никогда не устану смотреть на три вещи: как раздеваются женщины, на деньги и на быдло, которое уверено, что круче никого нет!

– Моисей? – я бросил взгляд на старика, который, держась за голову, перечитывал документы снова и снова. Он махнул

рукой, давая понять, что его это волнует меньше всего.

– Звони Бубе, пусть ждет у машины! – я рассмеялся, наблюдая, как Лазарь потирает руки.

– Б*ять... – прохрипел старик и схватился за сердце. Он закрыл глаза и откинулся на спинку кожаного дивана. Его руки сжались в кулаки.

Лазарев налил ему стакан водки и поставил на журнальный столик. Старик открыл покрасневшие глаза, затем быстро опрокинул целый стакан, не морщась.

– Яна... Моя Янка. Она – это все, что я боюсь потерять. Мне срать на деньги, тачки, дома... Я отдам все ради ее глаз, улыбки. Сука... – Моисей уронил голову. – Я вынес эту кроху из роддома, поклявшись, что смогу воспитать настоящей! Не фальшивой! И Янка меня ни разу не подвела. С самого детства с ней было трудно. Она не хотела видеть дома охрану, отказывалась от водителей. Черт! Надо мной смеялся весь город! Я угонял машины у собственной дочери! Кажется, их было семь или восемь... Мы шли в полицию и писали заявление. Как мне было стыдно в первый раз! Менты на меня косо смотрели, как на лоха, у которого можно просто взять и угнать тачку. Но когда мы приходили снова и снова, они стали улыбаться. Все закончилось, когда она согласилась на шофера. Но потом она привела домой этого олуха! Кирилл мне сразу не приглянулся. Никаких хвостов! Ни следа, ни приводов, ни прав... Ничего! Просто родился, вырос в детдоме, закончил техникум. Но Янка... Янка казалась

такой влюбленной. А я смотрел на него и не понимал, во что можно там влюбиться? Высокий, худой, нелепый. И в один прекрасный день она сказала мне, что они женятся и хотят жить отдельно! Черт! И я принял его! Принял, потому что знал, что если запрещу, то потеряю дочь. А потерять ее не могу! Просто не имею никакого права! Вот я и закатил пир на весь мир. Загнал певцов, устроил салют, отправил их на Канары и подарил квартиру. Но как только дочь собрала последний чемодан, я стал рвать и метать. Я боялся, что он ее обижает! Я не знал, чем она живет, как она живет! И обокрал ее квартиру, чтобы напугать, заставить вернуться к папе.

– Стратег, е*тыть... – хохотнул Лазарь, за что получил острый взгляд голубых глаз.

– Посмотрю я на тебя, когда у тебя родится дочь! Знаешь, почему все мужики хотят сыновей? Потому что с ними проще. Ты не пропускаешь каждую слезинку, смех через сердце. Когда дочь забирается на коленки и заглядывает в глаза не для того, чтобы получить что-то, а просто так... Просто! Потому, что любит, скучает, переживает.... В такие моменты ты способен на все! Я упустил его из виду... – взвыл Моисей и стал нервно раскуривать трубку, выпуская в воздух терпкий аромат табака. – Мне не жаль денег...

– Моисей? Ты, ведь не дурак. Понимаешь, что он тут не при чем? Он шестерка, – Серега внимательно смотрел на старика, пытаясь понять, о чем тот думает. А я знал, что он обдумывает. Знал. Единственное, что волновало Моисея, была

дочь.

– Я знаю, что он не смог бы. Он просто в цепочке.

– Значит так. Хватит. Тут и думать не о чем. Моисей, когда ты просил найти дочь, ты сделал выбор. А было только два варианта! Либо мы тихо ищем крысу, либо спасаем Янку. А теперь поздно. Крыса залегла. И у нас опять нет выхода, кроме как притвориться лохами.

– Убрать! – прошептал Моисей. – Я убивал и за меньшее!

– Наскалов, вот скажи мне, почему по земле ходят такие козлы? – Серега весьма раздумянулся от принятого на грудь.

Мы сидели в мягкой комнате ресторана Дубай. На низком столике стоял кальян, бутылка виски. Серега пускал кольца в потолок, развалившись на диване, раскидав гору маленьких разноцветных подушек.

– Потому что им позволяют это делать. Папа пустил козла в свой огород, дал допуск к своей капусте, поделился землей, показал, как подминать под себя слабых безродных козликов. И вот он настолько поверил в себя, что забыл свое место! – я откинулся на мягкую спинку дивана, стараясь расслабиться. – Он мелкая шестерка.

– Как поймать того, кто руководит им?

– О! Это будет не скоро. Поверь, сначала мы поймаем еще несколько мелких крыс, прежде чем подберемся к «матке»!

– Ты хочешь сказать, что есть еще кто-то?

– Однозначно, – я достал все ту же папку и бросил ею в

Лазарева, который уже несколько часов смотрит на меня ко-со, не решаясь спросить про содержание. – Он трус, потому что видно, что он начал двигаться мелкими шагами. Кирилл уже больше года спит с подругой жены. За последние десять месяцев, он переписал все, что записано на имя Янки, на себя. Это я уже молчу о многозначной цифре его счетов.

– А ты говоришь, что он трус, – Лазарев сел, чтобы прочитать документы.

– Конечно, трус! Потому что, если чувак решил начать водить шашни, это значит, он решил, что скоро слиняет. Ему достаточно многомиллионного счета и все. Он не смотрит в корень, в потенциал открытых возможностей не потому, что не хочет, а потому, что глуп и ему страшно. Ой, как страшно!

– Ушлепок! – Серега отбросил документы и снова присосался к бутылке. – Он мне никогда не нравился.

– Тогда, может, расскажешь?

– Он, как телка! Смотрит по сторонам. Ему важно, чтобы его костюм, тачка, квартира, были лучше, чем у других. Ты бы видел, с каким рвением он участвовал в организации собственной свадьбы! Позвал детдомовских дружков, чтобы показать статус...

– Статус! Да, он только это и имеет. Статус. Только он ничего не сделал для этого, он пользуется чужими заслугами.

– Почему «папа» сказал его убрать?

– Потому, что нет другого выхода. Можно было три дня потратить на поиск крысы, но не факт, что хватило бы вре-

мени, но потерять Яну. А можно принять их правила игры и убрать Кирилла. – я рассмеялся, сам удивившись собственному удовольствию, с которым думаю о том, что скоро одной тварью на земле станет меньше. – И, что-то мне подсказывает, что Кирилла кто-то сливает, потому что к нему ведёт слишком много тропинок.

– А, может, его хотят убрать потому, что он слишком много знает? Тогда стоит его оставить?

– Нет, Серый. Если бы он много знал, его убрали давно и без нашей помощи.

– Ну, за живого мертвяка? – Лазарев разлил коньяк и толкнул ко мне стакан.

– О! Бояра! – в кабинку вошел Бояров. Он на секунду замер в пороге, словно пытался понять, нужно это ему или нет.

– Черт! Олег, я не помню, когда видел тебя пьяным, – рассмеялся друг и, сбросив кожаную куртку, упал рядом. Он остановил взгляд на Лазареве, а потом быстро вернул его ко мне.

– Забей... – проскрипел я и налил виски для друга. – Выпей и давай дружить!

– Что-то подсказывает, что дорого обойдётся мне ваша дружба! – проворчал Паха, но все же опустошил стакан. – С представителями криминала нашей области я еще не пил!

– И, что? Вкус другой? – рассмеялся Лазарев и встал, протягивая парню руку. – Сергей.

– Пока не разобрал, – Бояра встал и ответил на рукопо-

жание. – Павел.

– Завязывайте! Бояра – Лазарь. Лазарь – Бояра! – мне стало так смешно наблюдать за скованными движениями парней. Паха бросил в меня быстрый взгляд.

Ключ явно не подходил. Однозначно! Она что, поменяла замки? Я уже несколько минут ковырялся в замочной скважине, стараясь открыть дверь. Вдруг, шорох по ту сторону заставил замереть. У глазка загорелся едва заметный красный огонек.

– Дяденька, а Вы кто? – ее хитрый голос прозвучал так ласково, но я знал, что она улыбается. Точно, она закрылась с внутренней стороны, именно поэтому я не могу попасть своим ключом.

– Деточка, открой дяде дверь?

– А пароль дяденька знает?

– Черт! Открой эту гребаную дверь! – взвыл я, ударяя кулаком в стену.

Тишина продлилась недолго, а потом громкий лязг замка разрушил тишину.

– О! Дяденька, да вы нетрезвы? – Яна стояла в коридоре, прислонившись плечом к двери гостевой спальни.

– Ты пессимистка? – я скинул туфли и, сбросив пиджак прямо на пол, собрался пройти в ванну.

– Почему?

– Потому, что оптимист приходит «полупьяным», а пес-

симист «полутрезвым». А я оптимист, деточка! Именно поэтому я в *овно пьян! – в темноте коридора я не видел ее лица, да и виски, плескавшееся во мне, не придавало зрению четкости. Я пошел по коридору, пока...

– *лядь! Что это? – я споткнулся и полетел вниз головой, попутно стараясь схватиться за что-нибудь, чтобы сохранить равновесие. Но под рукой ничего не оказалось, только прохладная штукатурка. И я приземлился на бок, в сопровождении грохота. Как ни странно, я готов поклясться, что услышал лязг замка. Точно! Янка спряталась за дверью. – ЯНА!

– Что, дяденька? – она хохотала за дверью.

Я встал и щелкнул выключателем. Коридор был заставлен коробками. Я стал открывать крышки. Черт! Там были подушки, одеяла, постельное белье, старый плед и даже посуда!

– Немедленно сюда! – взревел я, стараясь не шевелиться, чтобы не броситься к двери, за которой отсиживалась шкодила.

– Это хлам! А от хлама нужно избавляться! Не переживай, я купила все новое! И намного лучше! Ты же сам оставил мне свою карточку! А девочки, запертые в незнакомых квартирах, должны как-то развлекаться!

– Знаю я одного представителя хлама, от которого не терпится избавиться! – я с яростью пнул коробку и влетел в свою спальню, плотно закрывая дверь.

Глава 8

Олег

Шум... Сплошной монотонный шум. Я повернулся набок, упершись взглядом в дверь. Странный звук проникал в щель под дубовой створкой. И я уже знал, что, открыв ее, не останусь в полном восторге. Наоборот! Останусь в состоянии ярости, когда ты в шаге от взрыва. Сжимаю кулак, лишь бы не сорваться. Именно поэтому вчера так сильно не хотелось возвращаться. Именно поэтому сидел в ресторане напротив дома. Дома? Как давно моя квартира перестала быть безопасной территорией? Когда это случилось? Когда нарушил собственные правила и привез ее туда, куда не пускал до этого никого? Когда мое пробуждение по утрам стало приносить сплошные сюрпризы? Почему, покидая собственную спальню, знаю наверняка, что удивлюсь?

Бросив взгляд на часы, валявшиеся на полу, шумно выдохнул. Восемь утра. Голова трещала, а лучшим лекарством была пробежка. Сегодня суббота, поэтому народу на набережной должно быть мало. Мышцы просто ломило от желания пробежаться. Хотелось вытянуть ноги, руки, наполнить кровь кислородом. А самое главное – дико хотелось сбежать. Б*ять? Что я говорю?

Я вскочил с кровати, направляясь в душ. Глаза крас-

ные, лицо опухло. Даже через закрытую дверь был слышен странный треск. Черт! Она, что? Сидит под дверью? Заноза! Умывшись ледяной водой, надел спортивные штаны и футболку.

– О! Оптимистам привет! Головушка бо-бо? – в коридоре на полу сидела Яна, прямо под дверью моей спальни. Она сидела в позе лотоса, не поднимая головы, а перед ней стояла небольшая швейная машинка, она строчила что-то из...

– Это моя рубашка? – взвыл я, рассматривая крупную клетку на темно-синем фоне. – Где ты взяла машинку?

– Ой! Правда? Это твоя рубашка? – Яна вскочила, уперев руки в боки. Она прищурилась и встала на цыпочки, чтобы хоть немного сравняться со мной в росте. – Отпусти меня домой, и я перестану портить твои вещи. Или дай позвонить мужу. Папа, вообще, в курсе, что я здесь? А! Кстати, как тебе?

Яна крутанулась, демонстрируя свой наряд. Короткие джинсовые шорты, и обрезанная футболка, открывающая одно плечо. Ее хитрая улыбка и недобрый прищур, не сулили ничего хорошего. Да и мне было все равно. Развернулся и пошел по коридору, по пути натыкаясь на коробки, которых весьма прибавилось! Я застыл, почти добравшись до дверей. Яна до сих пор стояла в глубине квартиры и ждала моего ответа. Черт! Зачем я повернулся? Эти шорты были вырезаны и моих любимых джинс! Ну, что за характер? Я отдал ей карту, любая другая бы накупила себе всего, что нужно и

не нужно! Нет же! Мы не ищем легких путей! Нужно пере-
кроить мой гардероб! Расчленишь все джинсы и поиздевать-
ся над рубашками. Почему меня так трясет?

– Когда я вернусь, этих коробок не должно здесь быть!
Меня не волнует, что ты сделаешь! Но я вернусь через час,
ты должна разобрать все вещи и разложить все обратно! А
я приду и проверю! Ясно? – я еле держал себя в руках, что-
бы не заорать. Грудь вибрировала от кипящего гнева. Этот
«кролик» одним своим видом приводил меня в состояние
ярости.

– Ха... Хочешь, когда освобожусь, поглажу твои шнурки,
а потом переберу гречку? – Яна подпрыгнула и стала тыкать
своим пальцем в мою грудь.

– Деточка, мне насрать, чья ты дочь. Это мои вещи! По-
сле того, как разберешь коробки, занимайся чем хочешь! Хо-
чешь, гречку перебирай, хочешь, рубашки перешивай, – я
выскочил в коридор и закрыл дверь на замок с внешней сто-
роны. – Вот, посиди, деточка.

– Я тебе не деточка, – завизжала Яна, что не могло не вы-
звать улыбку. Я ехал в лифте и улыбался, потому что знал,
что она там бесится.

Сказать, что эта девчонка заставляла меня кипеть от зло-
сти – ничего не сказать. Ее ярко-голубые глаза так рьяно ста-
рались казаться грозными, напугать меня. Но для меня она
была мышонком, который храбрился перед котом. Мышка.
Маленькая голубоглазая мышка.

Я быстро выбежал из подъезда и, накинув капюшон серой толстовки, направился по знакомой тропинке вдоль набережной. Вдыхая полной грудью, я старался успокоиться и перестать думать о ней. Потому что есть темы и важнее.

Меня до сих пор очень беспокоит нелогичная ситуация в этой семейке. Так, начнем сначала. Есть Кирилл, который за несколько лет благополучно переписал на себя то, что принадлежало жене. Если бы Янку не нашли, то Кирюша стал владельцем всего тихо и без шума. НО! С другой стороны. Если рассмотреть подрыв Моисея, то и эта ситуация уж очень выгодна Кириллу. Потому что Яна станет единственной владелицей, а это не жалкие пара миллионов «зеленки», дом в Греции, квартира в Питере. И при всем при этом, я не могу избавиться от мысли, что здесь замешан кто-то третий! Потому что, как минимум, глупо организовывать похищение и подрыв одновременно! Либо в окружении этой семьи сплошные идиоты, либо есть две волны, пытающиеся перекрыть друг друга.

Небо потемнело. Солнце спряталось за густыми и кучными тучами, которые опустились так низко, казалось, что вершины берез запутались в серых комках ваты. На утренний, еще холодный асфальт, стали падать крупные капли дождя. Как ни странно, я люблю дождь. Иногда выхожу на улицу, чтобы просто посмотреть, как капли воды падают с неба. Они так долго летят, ускоряясь, что, сталкиваясь с асфальтом, поднимают в воздух крохотные тучки пыли. Это так за-

вораживает, наблюдая за дождем, мы зачастую смотрим в небо, не замечая волшебства под ногами, где из ласковых дождевых капель образуются крохотные микровзрывы. Сделав пару кругов, побежал к дому, не желая вымокнуть.

Вот почему-то я совсем не удивился, обнаружив у подъезда пьяненьких Паху и Серегу. Они были во вчерашней одежде и стояли, прислонившись друг к другу спинами, видимо, для равновесия.

– О! Орлы!

– Не кричи, прошу, – зашипел Лазарь, схватившись за виски.

– Ладно Лазарев, по его лицу видно, что он проспиртован. Но ты, друг мой, Бояра? Как насчет пить с криминальными элементами?

– А мне понравилось, – Паха пнул ногой дверь подъезда. – Открывай! Бояре пить желают!

– Фу.... От вас так воняет!

– Ой, ты сам все пропустил. По собственной воле. Потому что слинял от нас. А между прочим, было еще детское время!

– Лазарев, да он даже в молодости пить нормально не умел! У него после первой бутылки начинается ступор. В него после этого не влить ни одной стопки, без вреда для собственного здоровья! – ржал Паха.

– Заткнитесь, – шикнул я, открывая дверь.

– Янка! А ну-ка, ужин голодным мужчинам! Быстро!

Черт! – Лазарев закричал, скидывая кожаную куртку на ходу.

– Б*ядь! – взвыл Бояра и тут же отпрыгнул обратно на лестничную площадку.

– Что за *ня? – я оттолкнул друга и вошел в квартиру. Под ногами что-то захрустело, быстро протянув руку, щелкнул по выключателю. Ну, как щелкнул? Вдарил, что есть дури, почувствовав вибрацию стены.

– Ой, дяденька! Я хотела разобрать все коробочки! Все-все! До единой! А они как начали падать, одна, потом вторая... – противный ласковый голосок давился смехом за дверью кухни.

Я обвёл взглядом коридор, пол которого был усыпан битыми тарелками, рваными тряпками. Черт!

– Я убью ее, – ударил кулаком в дверь, за которой пряталась моя жертва. – Деточка! Открой дверь?

– Ага.... ЩАС!

– Иди.... – Лазарев, оклемавшись от смеха, оттолкнул меня в зал. – Янка! Я жрать хочу! Очень! У меня вторые сутки кроме алкоголя, ничего не было!

– Лазарь! Позвони отцу, я выйду, только когда он придет! Видеть не хочу этого заносчивого придурка, – закричала Яна, ударяя ногой дверь со своей стороны.

– Черт....

– Пошли, покурим, – Паха втолкнул меня на балкон и усадил в плетеное кресло. – Это Моисеева?

– Ага! Именно. Кролик, мышка, как ее там.... Э...э...

Яна! – я закурил, откидываясь на спинку.

– С характером?

– Нет, *лядь! Одуванчик, ты же сам все видел.

– Не ори. Подумаешь, беспорядок навела, – Паша стоял, прислонившись к косяку.

– У меня всегда порядок. А как только она переступила порог моей квартиры, у меня ощущение, что я живу в сплошном ХАОСЕ!

– Ну, папа дал задание? – Паша понизил голос и наклонился, чтобы покрепче впечататься в меня своим взглядом.

– Да...

– Может, правовыми...

– Друг мой Бояра, не спрашивай информацию, узнав которую, тебе придется врать.

– С чего ты взял, что я буду врать? – Паха рассмеялся и сел рядом, закинув руку мне на плечи.

– Не спрашивай. А я не буду говорить.

– Мне и спрашивать не нужно, потому что я все вижу.

– Господа, я договорился! Коридор вычищен, а нас покормят завтраком. И даже пообещали, что сегодня без яда, – Серега открыл дверь. – Быстро! Очень хочу есть.

В коридоре мелькнула тень. Яна убрала метлу и снова убежала на кухню.

– Не бойся, не укусит, – Паша толкнул меня рукой в спину, направляя к выходу.

– Боже, деточка! Скажи сразу, в моем гардеробе осталась хоть одна целая рубашка?

Яна нарезала овощи, не обращая на меня внимания. На ней красовалось платье, сшитое из моей синей рубашки в клетку. Руки были обнажены, ткань плотно облежала, расширяясь к бедрам, где превращалась в легкую складку.

– Где ты взяла тот агрегат, которым старательно шумела под дверью моей спальни?

– Соседка же при тебе принесла машинку. Я подшила ей тюль, а заодно пошила себе наряд, – проворчала Яна, не поворачивая головы в мою сторону.

– Паш, помнишь мои голубые джинсы, которые я поклялся никогда не выкидывать?

– Ну? – Паша сел в кресло, осматривая кухню.

– В которых ты пообещал похоронить меня? – не унимался я, при этом не отводя глаз от покрасневшегося лица «кролика».

– Ну?

– Деточка? Принеси джинсы? Похвастайся дяденькам? – я снова закурил и отвернулся к панорамному окну.

– Что случилось? И что ты там придумал про какие-то джинсы? – зашипел Паха, как только Яна вышла.

– Будет знать, как трогать мои вещи. Я еще не то выдумаю, чтобы опустить эту птичку на землю.

– Олег, – Лазарев потерял равновесие и грохнулся на пол, увлекая за собой Пашку.

– Нет, ну посмотри на этих придурков. Какие вы дяденьки? Янка! Называй их мальчиками...

Я встал, чтобы поднять этих детишек, когда в кухню вошла Янка. На ней были шорты, сшитые из моих старых, но тем не менее, любимых джинсов. Это было больше похоже на трусики, потому что облегали тело так крепко, повторяя вздернутый изгиб попки, а пояс был слишком низок. С каждым шагом голубая ткань опускалась все ниже и ниже...

– Дяденьки, – рассмеялась Янка, наблюдая за нашей реакцией. – Кушать будете?

– Да! А еще налей мне кофе, раз уж ты сегодня пообещала не травить меня! Только в мою, черную кружку.

– Ой...

Вот почему я не удивлен? Почему? Ой... Ой – это то, с чего начинаются драки, разводы, войны... просто две буквы, в которых таится так много скрытых эмоций.

– Ну, рассказывай.

– Она была старая... – Яна стала пятиться к выходу.

– Чувствую, что мы сегодня не поедим, – Паша похлопал меня по плечу.

– Ну, на этот раз тоже накажем ее? – прошептал Лазарев, когда девушка выбежала.

– Ой, Серый, на этот раз все серьезно и без шуток.

– Видимо, хорошо, что мы приехали, да?

– Да... Крови было бы.... Во... – Паха провел рукой над головой.

– Вот... – в руках Яны было 3 осколка, которые когда-то были моей кружкой. Она проехала со мной весь мир. Ни в одном аэропорту ее не разбили, а она.... Я затушил сигарету и открыл ящик кухонного гарнитура.

– Паш? Накрой на стол, а то в ближайшее время наша деточка будет занята, – я положил на стол тюбик суперклея. – Вперед, кролик!

– Почему кролик? – прошептал Лазарев.

– Не спрашивал... мало ли какие сексуальные предпо....

– Замолчи, а то не получишь свою кружку! – взвизгнула Яна и ударила меня, так и не дав договорить

Яна ходила у дверей кабинета почти час, даже несколько раз бралась за ручку, но потом отпускала и уходила. Мне стало интересно, сколько времени ей потребуется, чтобы наконец, войти. 51 минута... не мало.

– Прости меня!

– За что простить?

– Когда я нервничаю, веду себя странно...

– Это мягко сказано! – я крутанулся на кресле, повернувшись лицом к приоткрытым дверям. Яна стояла, прислонившись к косяку и теребила длинные светлые волосы.

– Почему ты всегда меня перебиваешь? Я пришла, чтобы извиниться за испорченные джинсы, рубашки, разбитую кружку!

– Кружку ты склеила, а остальное – бездушные тряпки!

– Почему ты не разрешаешь позвонить мужу?

Яна села на самый край кожаного дивана, так, словно готова была сбежать в любую минуту. Полуденные лучи солнца заглядывали сквозь деревянные жалюзи на окнах, расширяя кабинет в причудливую полоску. Она чуть нагнулась, пряча глаза от слепящего света. Я допил остывший кофе одним глотком.

– А можно встречный вопрос?

– Да...

– А почему ты до сих пор не позвонила? Домашний телефон я не отключал. Руки не связаны, в комнате не заперта, – я закурил, выпуская тонкую змейку дыма в потолок.

– Потому что ты сказал, что нельзя!

– Это все?

– Я знаю... Я все знаю! – вдруг зашептала Яна. Она стала выкручивать свои пальцы, теребя тонкое обручальное кольцо, которое носила на среднем пальце.

– Не понимаю, о чем ты.

– Ты все знаешь. Такие, как ты, не могут не знать. Наверное, я еще не повзрослела, – Яна встала и, подойдя, аккуратно забрала сигарету из моей руки. – Я до сих пор верю в чудеса, любовь и верность...

Я молчал, наблюдая за мягкими движениями девушки. Она подошла к окну, и медленно поднесла сигарету к губам. Слегка коснулась фильтра, сделала быструю затяжку и выдохнула. Конечно! А я всю голову сломал, почему она скрывает свое негодование на мне.

– Это единственная, по-настоящему вредная привычка.

– Курение?

– Доверчивость! Когда растёшь среди себе подобных, стараешься при любой возможности поговорить с теми, кто далек от привычного мира! Лариса. Мы познакомились в школе. Она была из неблагополучной семьи. Мы стали дружить, она почти жила у меня. Я делила с ней дом, еду, гардероб.... Но никогда не думала, что придётся делить и мужа! А она тоже замужем. И между прочим, Кирилл с ее мужем лучшие друзья. Как это возможно?

– Тогда почему ты с ним, ведь все знаешь! За, что? Чем они заслужили твоё доверие? Или дружбу? – слова вырвались, а я не хотел ничего говорить. Одно дело догадываться, а другое – когда твои мысли становятся фактом. Яна закусила нижнюю губу и сосредоточила взгляд на тлеющей сигарете. Пепел падал в пепельницу, а она крутила ее, наблюдая за тем, как сигарета тает в ее руках.

– А разве любят за что-то? – она выбросила сигарету так быстро и перевела на меня взгляд, сложив руки на груди.

– О! Я не специалист в делах душевных. Не верю я ни людям, ни словам, ни клятвам! – я подкатился к столу, чтобы ближе рассмотреть ее лицо. – Никому не верю! Это все сказка, выдуманная слабаками! Можно жить и без привязанности, и без дружбы! Все это слабость! И мне это не интересно! Иногда близкий, за которого ты готов получить пулю, становится твоим палачом. А я не хочу быть тем, кто будет всмат-

риваться в его глаза и надеяться, что это розыгрыш! Запомни, чем ближе человек, тем больше он предает!

– Циник, – прошептала Яна.

– Факт.

– Любят вопреки, – Она нагнулась, приблизившись настолько близко, что я почувствовал аромат яблок, из которых она готовила пирог. – Нельзя любить за внешность, за характер, за голос. Нельзя любить в благодарность, по приказу, по необходимости! Нельзя! Любишь вопреки принципам, времени, обстоятельствам! Вопреки здравому смыслу! Отдаешь себя всего! Без остатка, без жалости! Только в силу того, что чувствуешь необъяснимую тягу к человеку! Просто тянет, как магнитом! И все!

– П-ф... как просто. Спасибо, деточка, что объяснила всё. Тогда скажи мне, вот ты... вопреки...

– Не люблю, – выпалила Янка, резко выдохнув весь воздух из легких, словно было тяжело.

– Тогда в чем причина?

– Я хотела не замечать, вдруг всё это окажется шуткой! – она сильно зажмурила глаза, отчего веки покрылись множеством глубоких морщинок.

– Однозначно не любишь, – я еле сдержал улыбку, которая непонятно отчего хотела растянуться на моем лице.

– Почему?

– Потому что не вопреки! Потому что не готова принять измену, потому что больно. Потому что надеешься, что

ошиблась. Тут два варианта. Либо не любишь, либо твоя теория «вопреки» – бред!

– Хм...

– Ты только что проиграла своим же картам!

– Ты опасный игрок.

– Я просто честный игрок. Ваша тяга к самоуничтожению, путем влюбленности, мне дика.

– А как же семья?

– Семья должна быть.

– А как же... – Яна опустила глаза и снова закусил губу.

– Разве нужна привязанность, чтобы создать семью?

– Уже не знаю... но любовь нужна просто... не для семьи.

Просто, чтобы была!

– Нет. Семью можно выстроить на симпатии, желании.

– Как все просто у тебя.

– Проще не бывает!

– Я говорила, что ты циник?

– Я говорил, что это факт?

– Можно я поговорю с отцом? Или ты и его подозреваешь?

– С чего ты взяла, что я кого-то подозреваю?

– Мне достаточно знать своего отца, – Яна вновь чуть наклонилась, стараясь показать всю уверенность в своих словах. Больше для себя, чем для меня. И вопрос она задала не просто так, а чтобы получить ответ, чтобы расслабиться, успокоиться. И не настаивала до этого только оттого, что боялась услышать то, что не смогла бы вынести. Ее голубые,

такого нежного цвета глаза, очерченные длинными светлыми ресницами, были полны грусти. Полны разочарования.

– Ладно, – я рассмеялся и встал, отходя из омута ее глаз. – Твой отец – единственный, кто действительно подставит свою грудь, чтобы прикрыть тебя!

– Я знаю. Это любовь? – она прищурила глаза, приготовившись возликовать.

– Это другое. Он твой отец.

– Но ведь любовь?

– Родительская! Это гены. Это правильно.

– Почему за весь наш разговор, ты ни разу не произнес слово «любовь»? Ты заменяешь все безликим «привязанность».

– Иногда одно и то же слово, произнесенное разными людьми, может означать кардинально противоположный смысл!

– Тебя не переубедить? – еле слышно произнесла она.

– Слова – звук. Просто сигнал для мозга, в котором он трансформируется в ассоциацию, а потом в картинку. А у этого слова есть картинка?

– Ну... кольцо, поцелуй, свадьба... – сказала Яна и осеклась, прикусив губу так сильно, что из глаз брызнули слезы. Она закрыло лицо руками, выстраивая барьер. Конечно! Была и свадьба, и кольцо, и миллионы поцелуев.... Любовь....

– Я же говорю... Это все сказка. Есть правда и от нее не нужно прятаться! Он – крыса, трусливо дрожащая в эту ми-

нугу! А ты не смей! Не смей лить слез...

Спустя 10 часов...

– Папа? – тихий вскрик заставил всех застыть на месте.

– Яна! Я говорил тебе не появляться здесь!

Высокая блондинка застыла на лестнице, прижав свои руки к лицу... Она дергалась, но не двигалась с места. В ее глазах была печать ужаса! Она не спускала глаз с пакета.

– Это Кирилл? – шептала она – Это мой муж?

Я откинул голову, ударяясь затылком о стену. Черт! Не хотел я, чтобы Яна стала свидетелем. А теперь, смотря в ее полные ужаса глаза, мне стало впервые в жизни больно.... Больно признаться, что именно ОНА стала причиной смерти собственного мужа. Именно из-за нее я лишил жизни еще одного человека....

Глава 9

В доме стояла какая-то гробовая тишина. Такая, от которой по телу начинают бегать вялые мурашки. Не такие, от которых хочется делать короткие и быстрые вдохи, а такие, от которых хочется перестать дышать. Огромный особенняк Моисеевых замер, словно кто-то нажал на паузу. Жизнь приостановилась. Охранники медленно курсировали по периметру, опустив свои головы вниз. Они не играли в нарды, не обменивались похабными анекдотами, просто быстро выкурили сигарету и возвращались к своим постам. Со дня похорон прошло больше двух недель, но печать грусти на лицах до сих пор была яркой. Даже собаки не выходили из своих вольеров. Тишина... Зато так отчетливо слышалось пение птиц, доносившееся из леса. Ельник тянулся извилистой лентой по склону, вдоль коттеджного поселка, уводя взгляд к берегу широкой реки.

– Замечательный вид, – низкий хрипловатый голос застал меня врасплох.

Я настолько расслабился, стоя на огромной террасе, увитой виноградом, багряные листья которого пропускали сквозь себя солнечный свет, разбрасывая кровавые блики по светлому дереву. Моисей стоял, прислонившись к кристально чистому стеклу двери.

– Вид, как вид. – я пожал плечом, снова отворачиваясь к утреннему пейзажу. Конечно, я соврал. Вид был завораживающим настолько, что хотелось сбросить шелковую удавку с шеи, расстегнуть платиновые оковы на руках, вылезти из кожи змеи на ногах и броситься бежать по зеленому лугу, ощущая кожей стоп свежесть росы. Я так давно мечтал найти дом, где можно целый день просто смотреть в окно, находя в постоянном пейзаже что-то новое каждый день.

– Как знаешь... Парни будут через несколько минут, надеюсь, что ты не отстреляешь в первый день всех моих «кобелей»? – Моисей только успел присесть на плетеное кресло, как на стеклянном столе возник серебряный поднос с кофейником, пара чашек и пепельница. Он сначала наполнил свою чашку, а потом мою, при этом едва заметно кивнул на стул напротив.

– Нет, даже в мыслях не было. Мне за это не платят, – проигнорировав приглашение присесть, я взял кофе и продолжил любоваться утренним видом.

– Я вот никак не могу понять тебя. Иногда мне кажется, что ты сухой, как старая осина, а иногда в твоих глазах проносится что-то теплое и, как ни странно, опасное...

– Почему странно? Ты что, не знаешь, что я не садовник? Какое впечатление я могу еще производить?

– Нет... Опасность в твоих глазах всегда. Но в те секундные моменты даже мне становится страшно, потому что это другое... – Моисей закурил сигару и выдохнул в воздух кис-

ловато-пряный дым.

– Да ты психолог? – смешок вырвался из моего рта. Не мог не вырваться, потому что старик сверлил меня взглядом, стараясь заставить проколоться. – Лучше бы ты своих «быков» проверял тщательнее. Я только начал копать, а уже нашел столько дерьма, что дурно становится.

– Воруют?

– Ты считаешь, что воровство – злейшее из всего, что могут сделать люди, которым ты доверил представлять себя? Они устраивают дебоши, избивают ментов, бьют машины, а парочка была привлечена к Уголовке!

– Ну, с этим я помогу...

– За изнасилование, – я перебил Моисея, чтобы посмотреть на его реакцию.

– Что? – он вскочил так быстро, что стеклянный столик пошатнулся, от чего кофейник противно задребезжал.

– Да! И именно эти люди ссылаются на тебя. Мне тут сказали, что ты на политику засматриваешься? Причина этого поступка меня не интересует, но подумай сам, чем это все закончится.

Моисей стал ходить по террасе, нет, не просто ходить. Он почти бегал, при этом топая с такой силой, что я чувствовал, как деревянный пол вибрирует подо мной.

– А в чем твой интерес? – он резко остановился в паре шагов от меня. – Мы так и не поговорили о твоём вознаграждении! Что ты хочешь?

– Денег, мне больше ничего не надо.

– А как же твои разговоры о доле? Ты же хотел большего!

– Я не хочу иметь ничего общего с твоими отморозками.

Душок от вас тянется не только по области, – я обернулся, чтобы видеть его искаженное лицо. Эмоции сменяли одна другую, мышцы лица дергались в попытке сдержаться. Но он прокололся. Как ни странно, но удивления было намного больше, чем гнева.

– Хорошо! Сколько ты хочешь денег? – старик сел на стул, а руки спрятал под столом. Но я-то знал, что он сжал кулаки. Хорошо. Очень хорошо.

– Ты знаешь мою таксу? – я достал солнечные очки и начал протирать зеркальные стекла бумажной салфеткой.

– Да! – он встал и направился в дом.

– Так, вот! Умножь ее на три...

Старик застыл в проеме, схватившись жилистыми руками за косяки. Костяшки пальцев побелели. Но его замешательство длилось совсем недолго. Моисей скрылся, слишком резко раздвигая прозрачные занавески, колыхавшиеся от утреннего ветра. Я знал, что он не станет спорить, даже если я умножу семизначную цифру на пять. Он готов отдать за дочь все, что угодно. А еще, он прекрасно понимает, что я знаю слишком много о той комбинации, которую пришлось разыграть. Ворота заскрежетали, и во двор въехало несколько машин, из которых выбрались клонированные «быки».

– Деньги будут на твоем счету сегодня.

– Вот и хорошо! А как бонус я поговорю с твоими парнями! – я уже собирался спуститься во двор, как Моисей снова заговорил.

– Зачем ты вернулся? Я наводил о тебе справки. Тебя не было много лет!

– Потянуло в родные пенаты!

– Хм... – Моисей потер подбородок. – У меня есть предложение.

– Неинтересно!

– А я думал, что тебе интересны деньги! – проскрипел он, сдерживая смех.

– Деньги интересны всем.

– Я предлагаю тебе возглавить мою службу безопасности. Ты хоть и темная лошадка, но сможешь навести порядок, потому что тебя сложно не уважать. А взамен, я буду перечислять на твой счет две твои таксы каждый месяц.

– Я же сказал, что мне неинтересно, – я снова снял очки, чтобы Моисей посмотрел в мои глаза. – Еще раз говорю, что, несмотря на твои возможности, деньги, положение в области, запах дерьма от твоей команды слишком яркий! А мне не нужно привлекать к себе внимание. Я вернулся не для того, чтобы через неделю попасть под внимание органов, – я сбежал по деревянным ступенькам террасы и направился к небольшому кирпичному домику, где скрылись парни.

– Скала, подумай, – вдогонку крикнул Моисеев.

– Нет!

Старик все сделал так, как я и думал. Моисей слишком сильно увяз в бизнесе. Он не в силах контролировать своих парней, которые привыкли к деньгам и абсолютной свободе действий. Они громили рестораны, я нашел только несколько человек, которые не стояли на галочке у ментов. Из нескольких сотен головорезов, я нашел меньше половины тех, кто был более или менее адекватен. Если не вмешаться, все пойдет прахом. Его фамилия, которая пока хоть что-то значит, превратится в пепел. А мне очень нужен Моисей.

– О! Здорово, – на небольшом крыльце служебного домика сидел Лазарев. Он курил, пуская в воздух кольца дыма.

– Соскучился?

– И не говори! Прямо сроднился с тобой! – он громко рассмеялся и протянул мне руку. – Уже не знаю, как и день прожить без вида твоей заносчивой морды!

– Э! Поосторожней! – я сел рядом и закурил. – Чего приехал?

– Ну, если честно, то мне просто очень интересно, как ты наведешь порядок в этом собачатнике. Именно для этого я приехал ни свет, ни заря.

– Уже десять утра.

– Это слишком рано.

– Э! Барышня! Да, ты из тех, кто продирает глаза после обеда?

– В точку. А ложусь я только тогда, когда горизонт окрашивается первыми лучами рассвета.

– Точно, барышня, – я внимательно рассматривал Серегу сквозь очки. Он развалился на ступенях, раскинув руки и ноги в разные стороны. На нем, как всегда, был идеально сшитый костюм, легкая небритость, легкая небрежность волос, расслабленность в движениях. В целом, он производил впечатление абсолютно счастливого человека. Глядя на него, думаешь, что он из молодых, успешных, далеких от грязи и криминала. Но, как ни странно, он слишком близок к Моисееву. Конечно, он не был правой рукой старика, потому что это место занимал родной брат, Моисеев Михаил Викторович, но был в курсе всех дел.

– Заткнись, – зашипел Серега и одним щелчком отправил окурок в урну.

– Как ты оказался у Моисея? – никогда не умел ходить вокруг, да около. Да и Лазарев не из тех, кто оценит расшаркивания вокруг его персоны.

– О! Свершилось! Наконец-то! А то я уже думал, что ты никогда не согласишься, – он скинул очки и повернул ко мне голову.

– Черт! Прости, как я мог не поинтересоваться твоей персоной раньше. Прости, – я рассмеялся.

– Ну, тогда слушай сказку дядюшки Лазаря. Только ведь ты и сам всё знаешь. В жизни не поверю, что ты бы сел пить с тем, о ком ничего не знаешь.

– Конечно, знаю. Но мне интересно сколько раз ты мне согласишься. Готов поспорить, что не меньше трех.

– Дерьмо! Планировал пять, но теперь придется раскрыться.

– Серега, мы долго еще будем вас ждать? У ребят есть работа, вообще-то, – дверь открылась и показался Буба. – Давайте уже закончим этот никому ненужный цирк?

– Буба-Буба... – я встал и шагнул в дом, отталкивая крайне недовольного парня.

Интерьер дома был грубым, мужским. Ничего лишнего. Стены были отделаны камнем, на полу массив дерева. Небольшая прихожая была больше похожа на гардеробную театра. Вешалки, крючки, полки для обуви. Видимо, здесь часто проходят собрания «быков». На первом этаже была только одна комната, по периметру которой стоял огромный диван.

– Привет, – я огляделся и сел в кресло, которое стояло напротив дивана, усеянного бритоголовыми качками. – Меня вы, наверное, знаете. Наскалов.

– Привет, – по комнате разнеслось вялое бляенье. Сунув руку в карман, достал телефон, где хранилась информация о нужных мне персонах.

– Так! Я приехал сюда по просьбе Моисея. С сегодняшнего дня можете забыть о том, что было вчера.

– Как это?

– Что за *уйня?

– Молчать! – я рявкнул настолько громко, что окна завибрировали. – Говорю еще раз! Забудьте! За то, что сходило с

рук еще вчера, завтра вам оторвут ноги. Вы, как представители звеньев, автоматически становитесь ответственными за поведение ваших ребят.

– Как это? – Буба напряженно смотрел в окно, сложив руки на груди.

– Иди сюда, – парень оттолкнулся от подоконника и сделал пару шагов ко мне навстречу. – Лазарь?

– Так и знал, что ты втянешь меня в свою авантюру, – зашипел сквозь улыбку Серега, но тем не менее встал с кресла и подошел...

– Ты думаешь, что они завтра явятся на работу в человеческом образе? – дом опустел, потому что разъяренные «быки» выскочили прочь, как только я сказал «ВСЁ»!

– Не все. Их надо разрознить и перетасовать. Они, как стадо, смотрят друг на друга и повторяют повадки брата.

– Ты считаешь, что, одев их в костюмы, ты изменишь их мышление? Или ты думаешь, что они перестанут сморкаться, сплевывая на асфальт?

– Сережа, ты же служил в армии. Не мне тебе объяснять, как это делается! Сложно перестроить одиночку! А с этими будет проще.

– Нет! – крик с улицы заставил вздрогнуть.

Я выбежал на крыльцо, осматривая двор.

– ДА! Ты больше и шага не сделаешь без охраны! Я думал, что умру! Яна! Это мое последнее слово! Больше ни

шагу без Семена! – на открытой террасе стояли Моисей с дочерью. Старик размахивал руками, а Янка сидела на деревянных перилах и болтала босыми ногами. На ней была моя рубашка, вернее, теперь это не рубашка, а миниатюрный сарафан. Распущенные волосы развевались на ветру, то поднимаясь вверх, то безвольно падая на открытую спину. Тонкие металлические браслеты звенели на ее руках от нервного мотания ногами.

– Я сказала, что не буду! Я больше вообще из дома не выйду! – девушка прыгнула с перил и пошла в сторону бассейна.

– Яна! Не спорь!

– Я не нуждаюсь в стороже! Я лучше буду сидеть дома, чем ходить, как декоративная собачонка на поводке! Я сказала, что не буду ходить под надзором твоего Семена! – Яна остановилась, резко развернувшись к отцу, но потом застыла, увидев нас.

– Будешь!

– Нет! Мне не нужен Семен! Мне нужен ОН... – ее тонкий пальчик так плавно взметнул в воздухе, а потом направился в мою сторону. Да! И почему я совершенно не удивлен?

Глава 10

Олег

С деревьев слетели последние листья, и теперь вся тропинка была устлана ковром из ярких лоскутков. Ночью прошел дождь, щедро напоивший газоны, отчего в воздухе висел особенный аромат, который заставлял улыбаться с каждым вдохом. Бархатисто-пряный запах мокрой листвы щекотал нос. От ударов кроссовок об асфальт мелкие брызги разлетались в стороны.

Люблю осень. Она зрелая, не боящаяся ярких красок, не стыдящаяся собственной зрелости женщина, оставляющая за собой тонкий шлейф землистого аромата. Она как хорошее красное вино, сначала морщишься от резкого вкуса, потом на языке появляется приятный вяжущий осадок, заставляющий закрыть глаза от удовольствия. Да, осень – определенно дорогая дама.

Проснувшись, я почти сразу выскочил на улицу, чтобы успеть пробежаться до первых сонных зевак. Последние несколько недель изрядно меня вымотали. Но не физически, нет. Я привык к изнуряющим нагрузкам, меня этим не испугать. Скорее, это была моральная усталость. Контролировать каждое слово, сокращение мышц, мимику... И к этому я привык, но не тогда, когда под ногами мешается раздражи-

тель. Всё в ней заставляет меня трястись от гнева. Всё! Каждая улыбка, движение головы, плеча, брови... то, как прищуривается, когда думает, что бы ответить поострей. То, как она поджимает губы, когда понимает, что проиграла словесный поединок, который сама и затеяла. А то, как она топала ногами, когда уходила! Девчонка хотела показать ярость, недовольство, гнев... но на самом деле, я только и смотрел, как мягко двигается ее попка....

*лядь! Как это возможно? Почему, спустя столько лет, я наткнулся именно на нее? Почему? А самое противное, что не смогу отступить, потому что очень долго ждал того момента, чтобы вернуться! У меня нет вариантов... Грудь рывало от гнева, потому что пробежка перестала приносить спокойствие и ясность ума. Я почти два часа бегал, стараясь выкинуть ее из головы. Хотел успокоиться! Но кроме крепкого стояка, ничего не получил. Засранка! Заноза! Я с силой захлопнул дверь в ванной, от чего задрожали зеркальные перегородки душевой.

– ...Мне нужен ОН... – крикнула Яна, ткнув в меня пальцем.

– Очень смешно!

– А я не смеюсь, – она сделала пару шагов в мою сторону, затем посмотрела на отца. – Или он, или никто!

– Деточка! Я не игрушка, – спустившись с крыльца, снял очки, чтобы внимательно посмотреть в ее глаза.

– Да, брось! Ведь, все решают деньги! Так?

– Нет! Не все! Я никогда не стану делать то, чего не хочу!
Нет, не так! Если у меня есть выбор, я никогда не выберу то, чего мне НЕ хочется!

– А тебе НЕ хочется? – девчонка сделала шаг навстречу, прищуriv глаза. Она стояла, уперев руки в боки, стараясь произвести на меня устрашающее впечатление. Черт! Утреннее солнце ласково поглаживало ее хрупкие плечики последними теплыми лучами. Лоскуток клетчатой ткани, который когда-то был моей рубашкой, колыхался на ветру, то прижимаясь к груди, то вздуваясь парусом. В те секунды, когда тонкая ткань прилипала, я отчетливо видел окружность груди и крошечные соски-бусинки.

– Нет, не хочется, – закурил, затянувшись так сильно, что почувствовал легкое жжение.

– Ладно. А, что? У тебя есть выбор? – она вспыхнула румянцем, как только поняла, что я откровенно пялился на нее.

– Олег? – к нам подошел Моисей. – Присмотри за Янкой?

– Виктор Викторович! Яна Викторовна! Всего доброго, – я кивнул семейству Моисеевых и, надев очки, чтобы не увидели прищур смеха, направился к гаражу, где стояла моя машина.

Повязавшись полотенцем, вышел из невыносимо жаркой ванны. От горячего пара кожу саднило, а, выйдя на балкон,

капли влаги вмиг охладилась. Пройдясь руками по мокрым волосам, накрыл лицо холодными ладонями.

– Черт! – взгляд автоматически упал на часы, когда по квартире разнесся дверной звонок.

Не знаю, что меня больше бесило, то ли то, что утренние гости не могут принести хороших вестей, то ли то, что много лет не слышал этой игривой трели. А самое смешное, что я знаю, кто там, потому что настоящие гости звонят в домофон. Конечно! Восемь утра – самое подходящее время для визита!

– Я ударился головой и забыл тот момент, когда приглашал вас в гости? – зашипел я, затачивая полотенце на бедрах, как можно сильнее.

– Не дерзи! Это дружеский визит! – Моисей вошел, оглядываясь вокруг. Он медленно продвигался вглубь квартиры, рассматривая картины на стенах. – Не знал, что ты любитель искусства!

– Еще какой! Ну? Ты проходишь или постоишь в коридоре? – развернувшись, заметил румяную Янку, которая продолжала стоять на лестничной площадке. Ее щеки пылали, а пухлые розовые губки застыли в немом удивлении. Яна замерла, рассматривая мою обнаженную и еще мокрую грудь, затем ее взгляд так робко двинулся вниз. Она часто моргала, а грудь вздымалась с такой частотой, что казалось, что она не дышит, а бьется в судороге. Тонкие пальцы нервно сжали кожаный ремешок сумки до белизны костяшек. Если бы я не

слышал ее едва уловимое поскуливание, то решил, что она вот-вот рухнет в обморок. Лицо то краснело, то становилось белее снега.

Заноза! Ладно. Хочешь меня? Поиграть вздумалось? Я начал разжимать пальцы правой руки, которыми сжимал края полотенца, ткань стала расслабляться, соскальзывая по бедрам миллиметр за миллиметром... Все ниже и ниже. Мне нравилось тянуть время, проверяя ее на стойкость. Яна вздрогнула и закрыла лицо руками, оставив только щель, сквозь которую выглядывали только пушистые ресницы, они трепетали, словно на ветру. Веки были плотно сомкнуты, отчего на тонкой коже появилась мелкая паутинка морщинок.

Если ее реакцию мне приходилось только наблюдать, то собственное внутреннее состояние мне приходится переживать. Сердце замедлило свое биение, словно в любую минуту было готово вообще остановиться. Как только она закрыла лицо, я испытал что-то очень схожее с чувством разочарования, словно кто-то украл солнце... Я, конечно, привык к пристальному вниманию женщин, но то, что я ощутил в данный момент, было для меня в новинку. Я ощущал себя как на витрине... И мне хотелось, чтобы выбрали именно меня...

– О-о-ох, – тихий стон вырвался из ее ротика. Яна вздрогнула, осознав, что я слышал это. Она пошатнулась, но выставила руку, схватившись за хромированную дверную ручку. Ну же? Скажи хоть что-нибудь... Пройдись по мне острием своего язычка. Давай! Но она продолжала молчать, крепко

сжимая ручку двери.

– Ты до сих пор уверена, что не хочешь Семена? – прошептал я, снова завязывая полотенце.

– Кролик? Ты тут не впервой, приготовь что-нибудь перекусить? – крик Моисея доносился из столовой.

Яна просочилась в дверь, как можно сильнее вжимаясь в дверной косяк, чтобы не прислониться ко мне. При этом она дважды облизала свои губы и продолжала пялиться на меня, как на самого горячего стриптизера. Я сжалился и сделал шаг назад, захлопывая дверь. Заноза скрылась в кухне, захлопнув за собой дверь. Не мог сдержать улыбку. Просто не мог. Поправив пошатнувшуюся картину, пошел искать неожиданного гостя.

– Чем обязан? – Моисей рассматривал бутылки спиртного, стоящие в стеклянном баре, а я поспешил скрыться в спальне, чтобы Моисей не увидел то, что не могло быть скрытым тонкой тканью полотенца.

– Янка уперлась и отказывается от охраны. Поэтому вот, привез ее в универ.

– Да, упрямства ей не занимать, – натянув футболку и джинсы, вышел к Моисею, который уже сидел на диване, смакуя коньяк.

– Знаешь, а ведь я вчера впервые посмотрел на своих «быков», как на людей. Я даже не понял, когда заметил тусняк у сторожевого домика. Выхожу, а там сплошные молодые люди в джинсах и пуловерах, да мужчины в строгих костюмах.

– Моисей, это только начало. Если ты хочешь прикрытую спину, надежную опору, поддержку, и, не дай бог, если доведется снова искать свою дочь, то ты первым делом обратишься к своим людям, а не к совершенно незнакомому дяденьке, – я закурил и сел в кресло у открытой створки балкона.

– Хорошо поёшь.

– Я не пою, а говорю, то, что знаю, – взгляд упал на папку, которую вчера передал мне Бояра. Что может заставить человека задуматься о своем окружении? – Держи!

Моисей вздернул бровь, но все же протянул руку к довольно толстой папке.

– Что это?

– Считай, что это дневник, где проставлены оценки твоих парней. А учителя в основном при погонах! – хотелось взвыть оттого, что не успел выпить кофе, а кухня была оккупирована врагами.

Черт! Оставив раскрасневшегося Моисея, вышел в коридор. Просто, чтобы убедиться, что дверь закрыта. Но нет. Черный паркет был словно разрезан небольшой полоской света. Черт! Что я делаю? Подсматриваю? Причем, в собственной квартире! Что происходит? Внутренний голос мог орать сколько угодно, но ноги сами несли меня по темному коридору к двери. До ушей стало долетать тихое пение. Прижавшись к противоположной стене, я был скрыт тенью, но при этом в приоткрытую дверь мне отлично была видна ле-

вая часть кухни. Яна варила кофе, сидя на черной мраморной столешнице. Она уронила голову на стеклянный шкаф и тихо пела. Даже не пела, а что-то бормотала, подняв голову к потолку. Сегодня на ней был белоснежный хлопковый сарафан, который сейчас задрался слишком высоко, открывая моему взору больше, чем стоило. Определенно. Надо уходить... Пора... Иди! Уходи!

Я чувствовал, как мое тело покинули совесть, сила воли, внутренний голос.... Да, они сейчас определенно лишние. Чао! Хорошо, что остались глаза. А они не могли уйти, потому что в данный момент скользили по смуглой коже шеи, чуть вернулись, чтобы пройтись по слегка угловатым скулам, задержаться на ямочке на подбородке, потом скатиться по тонкой шее. Посчитать родинки на ключице, которые образовывали треугольник, от глубокой ложбинки у шеи сначала скатиться по одной руке, потом вернуться и проскользнуть по другой. Левая рука теребила край задравшегося сарафана, то поднимая его, то снова опуская. Я видел белое кружево ее белья, кончики пальцев стало пощипывать от нежности ткани. А глаза продолжали двигаться....

Яна скрестила ноги в щиколотках. Утренние лучики играли на ее ногах, кожа которых сверкала, будто бронзовая. Розовые пяточки, маленькие пальчики и аккуратные ноготки с вишневым лаком. Я уронил голову, ударившись затылком о декоративный камень, украшавший бетонную стену. Она так органично смотрелась на моей мужской кухне. Черный

пол, столешница, матово-черные фасады, стеклянные витрины с бокалами и алкоголем. На столешнице стояли хромированные кофемашина и соковыжималка. И среди грубого и холодного металла, черного глянца, строгого стекла, нежная Янка смотрелась, как влитая...

Кофемашина издала писк, говоривший о том, что кофе готов. Заноза прыгнула и стала доставать кофейные чашки. А я помчался в ванну. Умыться! Срочно! Прямо сейчас!

Открыл кран и подставил лицо под сильную струю воды. Казалось, что из крана идет горячая вода, я чувствовал, что все во мне кипит. Кровь бурлила и плескалась по венам, создавая шум в ушах.

– Как ты смог это найти за несколько дней? – я поднял голову и в отражении зеркала, наткнулся на пылающее лицо Моисея.

– Не в этом вопрос. Переверни его. Если это смог я, то твои враги знают намного больше! – решив не вытираться, двинул на балкон, чтобы продлить ощущение прохлады на лице.

– Что? Как это?

– Моисей! Прекрати причитать. Просто займись своими хлопцами? Там далеко не все уроды, просто нужно посмотреть на них не как на своих, а как на врагов! Когда смотришь на друга, глаза, мозг и чутье отключаются, именно поэтому так много предательств. Мы просто не хотим ничего замечать, а потом расплачиваемся. А ты посмотри, как на врага.

Последи за мимикой, послушай тон голоса. Понаблюдай за семьей. Послушай их разговоры. Все станет просто. Очень!

– Олег! Что делать? – Моисей закурил сигару, которую достал из пиджака и сел на кожаное кресло, уронив руки на полукруглые подлокотники.

– Черт! Моисей, у тебя же есть помощники.

– Миша уже давно живет за городом, выбираясь только изредка. Лазарь? Да он же только и говорит о бабах. Он хороший стратег, юрист. С ним все документы в порядке, он генератор новых идей. У Сереги столько знакомых, что он может решать большие дела по одному телефонному звонку! Мне нужна помощь.

– Буба?

– Буба! Да он же настоящая шестерка! Хорош в выполнении конкретных задач, но в связи с последними событиями... – Моисей потер лоб костлявыми пальцами.

– Думаешь, он захочет отомстить? Не смей меня! Он несколько лет знал, что жена спит с его лучшим другом! Днем притворялся другом Кирилла, втайне ненавидя его, клялся тебе в своей верности, утаивая, что твоя дочь обладательница пары милых рожек, а ночью ложился спать с женой, которую еще днем отодрал лучший друг! Черт! Моисей? Да что происходит? Твоя дочь жила с этим придурком, зная, что он *бет ее лучшую подругу, и молчала! Буба тоже закрывал на все глаза и молчал. Он предатель дважды. Как муж и как твой подчиненный. Только почему он молчал? Ему же это

было выгодно! Шепнул бы тебе и все. На следующий день его головная боль в виде Кирилла исчезла бы. Но он молчал.

– А Яна? Почему молчала она?

– Потому что боялась, что ты скажешь, что был прав, насчет Кирилла!

– Черт! Откуда ты все это знаешь?

– Моисей, я просто слышу то, что люди думают. И мне этого достаточно! Хочешь совета? Хорошо. Не отпускай Бубу, держи его рядом, чтобы всегда был на виду! Дай ему звено, поручи, чтобы навел там порядок! Займи его! Но никогда не спускай с него глаз!

– Может...

– Нет, не может... Он рано или поздно приведет тебя туда, куда следует! Ты не забывай, что в твоей «семье» есть дыра, в которую сливается так много нужной информации! И займись штатом? Перетряси, послушай, посмотри!

– Олег? Займись? – стариковская рука так крепко сжала мое запястье, что я на автомате тряхнул рукой, чтобы освободиться.

– Моисей! Я не готов влезать в это! Мне не нужно пристальное внимание ментов! А благодаря выходкам твоих бойцов вы все под лупой!

– За сколько ты сможешь отсеять гнилье? Ты же понимаешь, что бумаги бумагами, а люди иногда просто ошибаются.

– Черт! Давай так, соберем их всех в одном месте? С семьями? А я посмотрю. Но на этом все.

– Договорились! Когда?

– Так говорят, что у тебя открывается ресторан под открытым небом... – я затушил сигарету, с силой смяв мягкий фильтр.

– Да, сегодня открытие для прессы.

– Перенеси на завтра, а сегодня сгони их всех туда.

– Я сегодня улетаю в Баку, не смогу...

– Поручи Лазарю, с этим-то он справится?

– Да, с этим точно справится, – я впервые услышал, как Моисеев рассмеялся, отчего его лицо покрылось глубокими морщинами, а голубые глаза засверкали.

– Ну? Завтрак готов, – в дверях стояла Яна, всячески игнорируя меня.

– Кофе сварила? – я снова бросил взгляд на пачку сигарет, это становится привычкой. Смотрю на нее и хочется закурить... Хочется занять руки, рот и мозг.

– Да, мистер Зануда.

– Кролик! Тебе, конечно, можно все, но не забывай, что мы в гостях! – Моисей вышел за дочерью.

– Я в этой квартире провела столько времени, сколько он не провел с момента покупки. А хозяин не тот, кто записан в свидетельстве, а тот, кто живет здесь. Поэтому, это еще большой вопрос, кто хозяин этой квартиры, – Яна пожалала плечами и поставила передо мной кофе, а Моисею чашку зеленого чая. – А тебе нельзя кофе.

– Ты, что? Положила сахар в мой кофе? – я сморщил лицо,

как только отпил ароматной жидкости.

– Да! Ты так любишь, – она снова пожала плечами. – Пей, так вкуснее! Пей!

Черт! Кулаки сжались от желания запустить чашку в стену за ее спиной. Заноза сидела, положив голову на плечо отца и не отводила от меня глаз.

– Сегодня прием в «Глории», поэтому приготовься, а Лазарев приедет и заберет тебя, а я, как только вернусь, приеду сразу в ресторан! – Моисей прижался губами ко лбу дочери, Яна поморщилась, видимо, от колючести бороды.

– А кто меня заберет из универа?

– Что? – я поставил на стол пустую чашку, как понял, что на меня смотрят две пары голубых глаз. – НЕ-Е-Е-Е-ЕТ!

– Ну, она же учится прямо напротив твоего дома. Пусть потусуетя с тобой? – Моисей хлебал зеленый чай и морщился.

– Я буду весь день с Лазарем.

– Вот и хорошо! Олег даст тебе ключи от квартиры, после учебы сразу сюда! Как закроешь за собой дверь, то отзовнись. И купи себе что-нибудь? Позвони Миле. Пусть привезет новые тряпки. Повеселись, доча. А теперь, идем? – Моисей встал из-за стола, потянув за собой Янку, которая расплылась в широчайшей улыбке. И что-то подсказывает мне, что это не от тряпок...

Глава 11

Я барабанил пальцами по кожаной оплетке руля, внимательно наблюдая за массивными дверями серого здания. Опаздывает. Уже на три минуты. Еще две минуты.

110 секунд.

Зачем я приехал? Ведь тут идти пару минут, а у подъезда ее встретит консьерж, который жадно «скушал» хрустящую розовую банкноту, согласившись проводить девушку до двери.

95 секунд.

Сейчас я должен быть в ресторане, чтобы посмотреть место, куда скоро явятся парни Моисея. Я уже был на полпути, когда развернулся, возвращаясь в город. Головой понимал, что ей ничего не грозит сейчас. Никто не станет нарушать устаканившееся равновесие. Тот, кто замешан в похищении, доволен тем, что Моисей остановился, перестав рыть землю. Они замерли и успокоились.

30 секунд.

Теперь дело за малым. Нужно понять, чего конкретно хотели от «папы». Ну, и найти эту свинью. А я найду...

– Наконец-то, – выйдя из машины, прислонился к двери, наблюдая за Янкой. Она выбежала из универа, перепрыгнув через порог, затем засмеялась, отбросив с лица волосы

небрежным движением руки. Она была не одна, в окружении однокурсниц... И не только! Какого черта? Яна продолжала заливаться смехом, стоя в окружении девчонок и нескольких парней.

– Да! – рявкнул я, снова садясь в машину, чтобы ответить на звонок разрывающегося телефона.

– Ты где? Обещал помочь с приемом, а сам свинтил куда-то, – визжал Лазарев. – Камеры установили. Нужно посмотреть расположение.

Я слышал слегка возбужденную речь Лазарева, но не слушал. Виски пульсировали, кровь бурлила и пенилась, больно ударяя в голову. Не в силах оторвать глаз от крыльца, на который высыпали толпы студентов, на ощупь нашел пачку сигарет и закурил. Как только никотин смешался с адреналином в крови, выдохнул. Огромный клуб дыма с силой ударился о лобовое стекло и отрикошетил обратно, окутывая лицо. Но даже сквозь кружевные изгибы дыма прекрасно был виден тонкий силуэт девушки. Она стояла в коротком сарафане, едва прикрывающем колени. Широкая юбка колыбалась от ветра, играя с длинными ногами. Верхняя часть, наоборот, казалась настолько тесной, что при каждом движении из декольте выглядывало кружево белья. Яна обнимала себя руками, стараясь согреться. Компания смеялась, что-то эмоционально обсуждая. Яна размахивала руками, трогала волосы, то перебрасывая их через плечо, то убирая за спину. Все мужские взгляды следили за каждым движением ее рук,

ВОЛОС...

– Скоро буду. Только вот закончу дела, – отбросив трубку, даже не понял, как рука упала в центр руля, клаксон заверещал, распугав голубей, клюющих семечки в парке.

Яна, конечно, обернулась. Ее щеки вмиг покраснели, а розовые губки растянулись в улыбке. Она попрощалась с одноклассниками и побежала по ступенькам вниз, не отрывая от меня глаз. Но потом резко развернулась и направилась к набережной. Недолго думая, я выскочил из машины и последовал за ней. Янка перепрыгивала лужи, обходила кучки ярких листьев, направляясь к мосту через речку, иногда запрыгивала на поребрик, балансировала, помогая себе руками. И смеялась. Просто смеялась. Откуда все это в ней? Преследуя, я только и мог смотреть на ее стройные ножки. Рельефная линия икры, тонкие щиколотки... Легкая ткань платья играючи скользила по ногам, обтягивала попку, подчеркивала тонкую талию. На улице было довольно прохладно, Яна потирала руки ладонями, словно разгоняла кровь, чтобы согреться.

– В следующий раз, когда решишь прогуляться, советую накинуть что-нибудь теплее, чем летний сарафан, – догнав ее, накинул на плечи свой пиджак. Яна вздрогнула, но потом укуталась, словно в плед.

– В следующий раз можешь не беспокоиться о моем здоровье. Тут до дома идти три минуты.

– Хм... До моего дома.

– Ладно, Зануда, – Яна достала ключи, подойдя к подъезду. – Во сколько ты заедешь?

– Я?

– Да! Можешь сопроводить меня на прием.

– Нет, деточка. Мне есть, кого сопровождать, а за тобой приедет Лазарев. Ключи оставишь у консьержа. Давай, иди, – сдернул пиджак с ее плеч.

– Ты будешь не один? – ее шепот донесся до меня, когда я уже шел обратно. Шепот. Такой громкий и четкий. Она отчеканила, словно диктор на радио, проговаривая каждую букву, выделяя звуки, и стирая интонацию, которая проби- валась сквозь иней мнимого спокойствия.

– Есть проблема?

– Нет! Никаких! – Яна топнула ногой и скрылась в подъезде.

Открытый ресторан представлял собой вереницу бело- снежных шатров, украшенных высокими цветочными арка- ми. Он лениво растянулся на рельефном склоне горы. Яр- ко-зеленый газон слепил своей сочностью, а низкие прожек- торы только усиливали эффект. Вокруг поляны, где были разбиты шатры, стояло несколько крытых ресторанчиков, оформление которых гармонировало между собой. Шатры казались оазисом среди современных построек, притягива- ли к себе внимание, контрастируя с четкими и довольно рез- кими линиями кирпичных зданий. Я стоял у центрального

навеса, где уже накрыли стол, ожидая чету Моисеевых. Расположение ресторана было весьма неудачным, потому что комплекс был окружен трассой, с любой точки которой можно было подъехать. Лазарев сказал, что скоро здесь будет построен СПА, тогда они обнесут все забором. Но пока я чувствовал себя неуютно. Как под микроскопом. А хотелось спрятаться, скрыться. Если бы не нянчился с дочей «папы», то успели бы все исправить, перенести в другое место. Одно дело, когда собираются влюбленные парочки или молодожены. Но сегодня здесь соберутся те, кто редко собирается вместе, предпочитая держать связь по телефону, чтобы не привлечь лишнего внимания. Я выставил пост на трассе, чтобы избежать сюрприза от органов.

Ладно, может, мое предчувствие дало сбой? Ну, собрались ребята отдохнуть? Нет. Черт! Не подводила меня еще чуйка. Еще раз осмотрел территорию, затем закрыл глаза, чтобы по памяти воссоздать каждую мелочь. Каменные дорожки путались между собой, сплетаясь в центре, где расположился танцпол. Шатры стояли кругом, в центре стояли фуршетные столы с выстроенными горками шампанского, подносами с фруктами и закуской. Справа от нашего шатра стоял домик охраны, создавая щит только с одной стороны. Там не было окон, а в узком пространстве, я посадил охранника, чтобы постоянно не оборачиваться. На сцене слева играли музыканты, окутывая и без того праздничную обстановку нежными переливами музыки, и в центр за-

ла высыпал уже собравшийся народ. За спиной было поле, окруженное высоким лесом ельника, сквозь стволы которого просматривалась все та же трасса. Открыв глаза, крутанулся, проверяя самого себя. Хорошо. От главного шатра до парковки было совсем недалеко, их соединяла широкая дорожка, украшенная вазами с цветами, между которыми стояли низкие светильники, дающие не столько свет, сколько ощущение волшебства. Машины продолжали стягиваться на парковку, мелькая в сумерках яркими фарами. Монотонный шум разговоров и смеха становился все отчетливее. Лазарев пообещал, что сгонит сюда всех. Бросил взгляд на установленные на каждом шатре камеры. При всём желании я не смогу познакомиться с каждым, да и не обладаю экстрасенсорными способностями. Поэтому камеры с микрофонами мне очень помогут.

– Установите здесь дополнительные цветочные арки, – я свистнул сотруднику, одетому в белоснежный костюм.

– Еще цветов? – он замер, нахмутив брови.

– Да, б*ядь! Я обожаю цветы, – после моего крика парнишка побежал в главное здание. Арки, хоть немного, но скроют обзор.

– Ты куда-то опаздываешь?

Еще раз взглянув на часы, обернулся. Не уверен, что девица, которую нашел для меня Лазарь, была хорошей идеей, потому что последние сорок минут она просто не отличалась. Жгучая брюнетка томно закусывала губу, театрально

хлопала ресницами и легко пробежала подушечками пальцев по глубокому декольте белого платья.

– Нет.

– Тогда потанцуй со мной? – она схватила меня за руку и потащила в центр площадки. – Обожаю мужчин в смокингах.

Не сумев вовремя остановиться, осознавал, что было поздно, потому что на меня уже смотрели десятки любопытных глаз. Придется танцевать.

– Олег!

Громкий смех отвлек меня от настойчивой барышни. На подъездной дорожке показались Лазарев и Яна. Серега вел ее под руку, а на лице застыло каменное выражение. Его выдавал только нездоровый румянец. Вот урод, да она же смеется! Если Лазарев терпел, не желая испытывать мое терпение, то Янка хихикала, даже не скрывая насмешливого тона.

– Привет, – махнул я рукой и поспешил отвернуться, потому что то, что я увидел, определенно мне не понравилось.

Брюнетка прижалась ко мне, уложив правую руку на шею. Даже заигрывающие поглаживания были не в силах заставить выкинуть из головы Янку... Черт! Черт! Я поймал ее краем глаза, и из груди вырвался вздох. Она стояла, прислонившись боком к столбу, увитому белоснежными цветами, на фоне которых ее алое платье казалось еще ярче. Красная шелковая ткань начиналась где-то на середине груди. Да! Именно на середине, потому что не было бретелек, жесткий корсет приподнимал грудь, притягивая внимание к ложбин-

ке. Платье струилось до самого пола, повторяя все изгибы ее тела. Черт! Она едва качнула бедром, демонстрируя разрез, который начинался от самого бедра... Мой взгляд медленно, по миллиметру спускался по правой ноге, сопровождаемый линией разреза... По телу прошелся разряд тока только от одного вида ее обнаженной ноги....

– Ты так рад нашему знакомству?

Я едва успел перехватить шаловливую ручку, тянущуюся к ширинке моих брюк.

– Идем, пора садиться за стол, – наверное, слишком резко дёрнул брюнетку за локоть, но не мог иначе! Внутри все кипело! Чувствовал нутром, что Яна специально оделась как голливудская актриса. Нет, не актриса, а немецкая порнозвезда. Так думал не только я. Лазарев смотрел куда угодно, но только не на свою спутницу. Да, что Лазарев? Вся мужская половина полировала пол своими челюстями под отчетливое шиканье спутниц.

– Привет, – до меня донеслось ласковое щебетание.

– Виделись, – так и знал, что за нашим столом на восемь персон, придется столкнуться. Нельзя было не столкнуться. Будь она на другом конце поляны, все равно бы чувствовал ее дыхание в затылок. Чуть наклонил голову влево, но зацепившись взглядом за обнаженную ногу, снова повернулся к своей спутнице.

– Игнорируешь? – Яна перешла на шепот.

– Да.

– Я могу пофантазировать о причинах?

– Нет! В ресторане сегодня и так достаточно фантазии...

– Ох... – она вспыхнула, перебивая меня.

– ...все фантазируют, ломая свои головы единственным вопросом: «ГДЕ, мать твою, ты потеряла платье?!»

– Боже! – Янка театрально отвернулась к Лазареву.

Нужно успокоиться. Дыши! Так! За столами еще было пусто, потому что все ждали появления Моисея, который задерживался. Гости уже поприветствовали друг друга и стали сбиваться в кучки, оставив своих спутниц у сцены. Так! Началось самое интересное! Моисей оказался прав, все «быки» пришли в костюмах, сверкая отполированными туфлями.

Я насчитал четыре группы. Буба. Бурханов Александр. Около него оказалось больше всего народу. Он был чист перед законом. Приводов не имел, штрафы за превышение скорости погашены вовремя, живет с женой в двушке на окраине города.

«Сизый. Сизов Николай. Разбой, дебош, драки. Не женат».

– Ну, расскажешь мне истинную причину этого мероприятия? – Лазарев подвинул стул, усевшись за моей спиной. – Зачем собрал-то? Их поить – только водку переводить!

– Лазарь, Лазарь... Запомни умную вещь. После литра водка, дружеская беседа перерастает в утечку информации.

– Ха! Выпьем? – Лазарев протянул мне стакан виски и рассмеялся.

– Сколько звеньев всего? – вертел в руках бокал, так и не решаясь выпить.

– Пять. Буба, Сизый, Марченко, Ворон и Кочнев.

– Разбить на четыре. Буба, Сизый, Динаров и Веселков.

– Динар? Веселков? – Лазарев присвистнул и дернул бровью.

– Опять.

– Что?

– Бровь.

– Брось! Ты что, меня постоянно будешь сканировать? Чем тебе не нравятся мои брови?

– Заткнись, – я встал и отошел от стола подальше. – Бубу трогать нельзя, вокруг него много народу. Сизого тоже не трогай, потому что бунтарь должен быть всегда. Так пусть это будет тот, кого мы знаем, чем появится новый. У него в звене есть смышлёныш?

– Ну, Куранов неплохой парень. Спецназ. Женат, двое детей.

– Вот! Нужно постепенно заменить Сизого. Так сказать, без шума и пыли. Дальше. Динаров. Понаблюдай сам. На него смотрят, его слушают. Хороший знак. Он чистый, залетов нет. И Веселков. Около него почти столько же, сколько у Бубы.

– Скала! Ты представляешь...

– Да! Наведи волну. Когда на море начинается буря, на берег выбрасывает много скелетов. Давай, дерзай! Ворона на-

значь начальником охраны дома, а Кочнева убраться...

– Как?

– Могу научить, – шикнул я и повернул голову, встретившись с Лазарем глазами. – Он изнасиловал троих. Троих! Они совсем девчонки.

– О! Все в сборе. Прошу прощения за опоздание. Знакомьтесь, – в шатер вошел Моисей. – Михаил, мой двоюродный брат.

– Наскалов, – я первым протянул руку. Мужичок средних лет, небольшого роста, с явной лысиной, на переносице очки без оправы. Да, они совсем разные. Про таких, как Моисей говорят – мужчина в самом расцвете сил. А Миша был полной противоположностью. Худой, нескладный, угловатое лицо, острый нос, костлявые руки.

– О! Наслышан. Моисеев Михаил. А это моя жена – Люба и любимая доча – Маринка.

– Приятно, – несмотря на впечатление хлипкости, Миша обладал очень тяжелым взглядом. Его голос был весел, а взгляд холоден, как металл ствола.

– Янка! – Марина бросилась к сестре.

– Что? Когда я говорил купить тряпку, то не думал, что ты явишься голой, – зашипел Моисей, накидывая на плечи дочери свой белый пиджак.

Лазарев заржал первым, его смех заглушал только писк Яны, которая спорила с отцом на «громком шепоте». Она поджимала губы и дергала носом, всячески показывая недо-

ВОЛЬСТВО.

– Виктор Викторович? – В шатер вошел служащий, он нервно переминался с ноги на ногу.

– Что?

– Начальник охраны просит вас подойти. Камеры по периметру ресторана выключились.

– Как?

Я встал с перил и обвел взглядом территорию. Главное здание ресторана погрузилось в темноту. Фонари трассы в просвете леса, погасли по щелчку. Сердце остановилось, а потом вошло в привычный для стрессовых ситуаций ритм. Чуть медленней, чтобы сохранять спокойствие.

– Не знаю. Они просят вас подойти.

– Пусть Буба разберется, – Серега громко свистнул, подзывая коротышку. – Моисей, останься.

Трепет в груди не предвещал ничего хорошего. Обведя шатер взглядом, понял, что мы в ловушке. Открытое пространство, как на ладони. Нет стен, только стеклянная ширма, за которой был домик охраны. Тревога только усиливалась.

– Вставай! – крикнул я Янке, которая увлеченно беседовала с Мариной. Девчонки как раз сидели у стеклянной витрины.

– Если хочешь пригласить даму, то можно это сделать нежнее?

Прожектора, стоящие в зарослях кустов, окружавших зо-

ну открытого ресторана, стали выключаться один за другим, погружая территорию в темноту. Пнул Лазарева, головой указывая на фонари. Толпа в соседних шатрах зароптала. Голоса становились все громче. Началось движение, сопровождаемое резкими мужскими криками.

Я стоял посреди шатра, оценивая обстановку. К нам подбежал Динар.

– Шеф?

– На пол! – заорали мы с Лазаревым в голос.

Прыгнув в конец шатра, схватил Яну за руку и, прижав к себе, повалил на пол, цепляя застывшую Марину. В этот момент перепонки взорвались от привычно громкого шума выстрелов. Привычного для меня, но не для нее.

– Олег! Олег! – визжала Яна, все крепче прижимаясь ко мне.

– Тише, – перевернувшись, я лег на нее так, что грудью ощущал вибрацию крика ужаса. – Марина! Под стол! Моисей! Все под стол!

Звук выстрелов смешался со звоном бьющегося стекла, хлопками взрывающихся бутылок шампанского, женским визгом и мужским матом. Своими руками зажал уши Яны, она смотрела на меня огромными голубыми глазами, не моргая. Губы дрожали, а по лицу размазалась красная помада.

– Тише, – я достал пистолет из-за пояса, пытаюсь, хоть что-то рассмотреть, вытянул голову. В лицо тут же посыпались осколки. У парковки стояли два черных джипа, откуда

и стреляли. Слишком темно, чтобы разглядеть номера. Вся территория комплекса погрузилась в сумерки. Только вдали моргали фары машин, сигнализация которых сработала от громкого шума. Стрельба была бесцельной, просто палили, щедро размахивая автоматами. Ничего не сделать. Я обвел взглядом шатер, на столбе которого была закреплена камера, выходящая на парковку. Это наши камеры, они не управляются с центрального пункта. Только бы не попали.

– Всем лежать! – выстрелы стихли, но никто не шевелился.

– Нет! Не уходи! – Янка вцепилась в руку, когда я стал подниматься.

– Моисей! – встав на колени, я сгреб девчонку на руки и передал отцу, лежавшему под столом.

Лазарев начал шевелиться, сбрасывая с себя осколки стекла от разлетевшейся ширмы.

– Говорил же, что бороду нужно отпускать, чтобы скрыть шрамы!

– Придурок! – Серега стал вытирать изрезанное лицо рукавом. – Что делать?

– Эвакуация! Что еще?

– Я подгоню машины. – Динар вскочил и, перепрыгнув через стол, помчался в сторону парковки.

– Шеф? – в шатер вбежали Буба и Сизый.

– Кто? – взвыл Моисей, выбираясь из-под стола.

Были обстреляны только ближайšie к парковке шатры.

Газон был усыпан ошметками белой ткани, лепестками цветов и бокалами. Гости стали разбегаться, натываясь друг на друга. Женские крики переросли в вопли, отчего завибрировали перепонки. Ненавижу женскую истерику, потому что нет ничего стихийнее.

– Машина у входа, Виктор Викторович, надо ехать!

– Так, – Моисеев прижимал к груди дочь, его взгляд скользил по толпе. – Миша, бери своих и уезжай. Олег, увези Яну! Увези!

Я снял пиджак и накинул на ее плечи, чтобы скрыть сползающее платье, затем перекинул через плечо тихо всхлипывающую Янку.

– Лазарь!

– А?

– Сними камеры, без них не уходи! Никому не слова! Даже Моисею!

Лазарев кивнул и умчался обратно в шатер. Яна перестала биться в истерике, только по щекам скатывались слезы. Всю дорогу до дома она молчала. Салон авто был наполнен страхом, я видел, как она трясется. Яна забралась на сидение с ногами, сбросив шпильки, обняла колени руками и положила на них голову. Когда-то идеально уложенные локоны, теперь свисали, в них застряли лепестки роз, и кое-где блестели осколки стекла. Сейчас она была похожа на ту, которую я увидел впервые много лет назад... Хрупкая, как снежинка, которая растает при малейшем касании. Такая грустная

и беззащитная.

Яна протянула ко мне руки, как только я открыл пассажирскую дверь. Вялая улыбка растеклась по ее лицу.

– Это становится твоим фетишем!

– Что?

– Портить мои рубашки, – на белой ткани были отпечатки ее красной помады. – Придётся обновить гардероб.

– Я подумаю об этом завтра?

– Обязательно! – толкнул ногой дверь комнаты, где спала Яна, и уложил ее на кровать. – Поспи!

Когда-то гостевая спальня превратилась в девчачий уголок. Бирюзовые занавески, мягкий коврик с высоким ворсом на полу, на кровати множество крохотных подушек и огромный плюшевый медведь. На стуле висели мои рубашки, до которых она еще не добралась.... Когда она успела?

Даже моя ванная заполнилась миллионом баночек. Привычный гель для душа исчез, вместо него появился другой с ароматом зеленого чая. На полках стояли свечи. На стеклянном столе в столовой появились кожаные салфетки под приборы, в гостиной на диване мягкий плед, в коридоре белые тапочки.

Прикрыв дверь, я почти вбежал в душ. Нужно смыть все. Весь этот день. Просто смыть, чтоб и духу его не осталось. Голову ломило от вертевшихся мыслей! Отвык от насыщенности дней. Отвык, что за день может происходить столько вещей. Отвык от чувства, когда кто-то прижимается к твоей

груди, прося защиты.

Не хотелось зажигать свет, чтобы не разрушить мнимое спокойствие квартиры. Пусть будет темно. Спокойно. Пройдясь по длинным коридорам, проверил комнаты. Никого. Закрыв дверь на все замки, пошел в спальню. Темнота странная штука. Иногда она успокаивает, иногда наводит ужас. Иногда лечит... сейчас она успокаивает. Хорошо. Выйдя на балкон, открыл все окна, вдохнув морозный воздух всей грудью. Чувствую, что все идет не по плану. С каждым шагом я отхожу от заданного курса. И все благодаря ей. Спать!

Скинув полотенце, лег в кровать, замотавшись в прохладную простынь. Как только голова коснулась мягкой подушки, мир стал расплываться...

– Мне страшно! – на щеку упала прохладная капля. Аромат зеленого чая заполнил комнату. – Можно я посплю здесь?

Яна сидела на кровати, укутавшись в одеяло, и сжимала в руках медведя. По волосам скатывались капли, падая на кровать. Свет луны освещал ее лицо. С лица исчезла размазанная косметика...

– Когда я проснусь, ты не изрежешь простынь?

– Клянусь! – Яна уткнулась в медведя, пряча улыбку.

Как только я отвернулся, почувствовал возню, а потом прохладу от влажных волос, которая сменилась обжигающим дыханием в макушку.

Она либо погубит, либо станет моим наркотиком...

Глава 12

Лето сдалось, видимо, совсем устало бороться с осенью. За окном шел ливень, огромные капли быстро падали, разбиваясь об асфальт. Лужи пузырились, расплескивая белую пену. Под машинами прятались намокнувшие вороны. Сонный серый центральный проспект заполнился яркими зонтиками, под которыми прятались еще редкие, но уже суетливые прохожие. Тяжелые тучи висели слишком низко, казалось, еще чуть-чуть, и чей-нибудь зонт проткнет острым концом «надутую особу».

Моя любовь к дождю была безграничной. Влажность воздуха, запах мокрого асфальта, ласковое шуршание крышек по лужам, визг обрызганных прохожих. Но особенно хорошо в такую погоду думается. На фоне общего спокойствия, мозговые процессы поражают быстротой. Вот и сейчас, попивая черный кофе на балконе, чувствовал, как трещит череп, готовый лопнуть от роящихся мыслей. Крепко сжимал черную чашку, кожей ощущал шероховатости склеенных швов. Никогда не пил из нее, заставил склеить, чтобы наказать. А сам? Первым делом бросаю взгляд на нее. Полупрозрачное стекло запотевало, сделав глоток, почувствовал отчетливый привкус клея. Черт!

Вдохнул и замер, стараясь успокоиться. Нужно привести

пульс в рабочее состояние, иначе можно вообще из дома не выходить. В приоткрытую створку окна попадала мелкая пыль от разбивающихся капель дождя, она ложилась на лицо тонкой вуалью, пытаясь прогнать остатки сна. Собственно, прогонять было нечего. Уснуть я смог только под утро, когда покинул собственную спальню. Я столько лет спал на неудобных кроватях в окружении сослуживцев, что единственной мечтой было обрести собственную спальню с огромной кроватью. Лежа на пружинистой кровати, ощущал комфорт, шорох новых простыней, прохладу подушки и приятную упругость матраса. А вчера ушел!

Я долго лежал, стараясь не двигаться. Черт! Д я дышал через раз! Просто продолжал лежать, проклиная себя за то, что позволил ей остаться. Где был мой мозг? Ладно, я знаю, где он был. Мои извилины пытались найти нужные нервные окончания, чтобы заставить глаза оторваться от ее лица. В освещенной луной комнате, Яна сияла, как светлячок в ночи. Кожа лица была слегка красной, от интенсивного умывания, глаза сверкали невыплаканными слезами, а губы, искусанные в кровь, были покрыты еще не подсохшими коростами. Она кутала себя в одеяло, натягивая его к подбородку, тем самым выставляя обнаженные ноги моему взгляду. Впервые я не подглядывал, а просто смотрел, стараясь не пропустить ни единой мелочи. Подушечки пальцев пульсировали от неконтролируемого желания притронуться... ощутить нежность кожи, тепло тела... А то, как она прислонилась

лбом к моему затылку, обжигая меня своим дыханием, превратившимся вскоре в размеренное сопение... Я не двигался, вбирая то тепло, которое ощущал от ее тела, а когда Яна отвернулась, выскользнул из своей кровати, покидая... Сдаваясь... Прячась...

Огромная квартира оказалась слишком маленькой. Единственная гостевая спальня была пропитана ароматом ее духов, в столовой стоял совершенно неудобный кожаный диван, при каждом движении, разрушающий спокойную тишину квартиры отвратительным скрипом. В кабинете оттоманка была слишком маленькой, поэтому уснул я в гостиной, с мыслью, что нужно обновить не только гардероб, но и мебель.

Тело, непривыкшее спать на диване, ломило. Тупая боль стреляла, задевая каждый позвонок, после чего била в основание черепа. Ладно, любое состояние – мысль. Чтобы изменить состояние, нужно перестать думать о том, что вызывает дискомфорт. Только дело в том, что, куда бы я ни направлял свои мысли, везде натыкался на головную боль, только проявления были разные. Мысли о Яне вызывали возбуждение, сопровождаемое болезненным стояком, размышления о вчерашнем праздничном «салюте» – гнев, от которого закипала кровь, а попытки связать эти лохмотья воедино, заканчивались одинаково – очередная сигарета хоронилась в хрустальной пепельнице. Не привык чувствовать. Трепет сердца, неровное дыхание, учащенный пульс, все это дико! И бес-

полезно. Ничем хорошим это не закончится. Нужно забыть!
ЗАБЫТЬСЯ!

Я быстро собрался и выскользнул из квартиры, стараясь не разбудить Янку, потому что для одного утра возбуждения достаточно...

– Твой телефон разрывается!

– Принеси пиджак, брюнеточка! – потянувшись, перевернулся на спину, ломота в теле только усилилась. Мышцы бунтовали от проведенной в не комфортной обстановке ночи, а потом от бурного утра. Моя вчерашняя спутница стояла, прислонившись спиной к дверному косяку, выгнув спину, как кошка. Обнаженное тело притягивало к себе внимание, невозможно не смотреть. Она умела пользоваться своей привлекательностью. Определенно. Мягкие движения, взгляд из-под опущенных ресниц, закусывание губы, томные вздохи.... Ну, точно, Кошка!

– Котик, ты забыл мое имя? Меня зовут Н– А– С– Т– Я! – она проговорила свое имя по буквам, надеясь, что так я лучше запомню. Наивная.

– Что там с телефоном? – проследив за удаляющейся брюнеткой, я бросил взгляд на часы. Уже десять утра. Выйдя из дома в полседьмого, понял, что погорячился, тогда мне и пришла в голову мысль «сходить в гости». Ну, как пришла мысль, мне ее подсказали...

– Завтрак? – Настя бросила мне телефон.

– Да, я в душ. Утром ем кашу, – выскользнув из кровати, подошел к обнаженной брюнетке.

– Тебе повезло, – она запрокинула голову, чтобы посмотреть на меня. Ни капли смущения. Наоборот! Легкий румянец кричал о желании. Большая аппетитная грудь вздымалась, приковывая к себе взгляд. Упругие ягодицы, плоский животик, тонкая полоска волос на лобке. Затвердевшие соски терлись о мою грудь, едва касаясь.

– В чем?

– Как минимум дважды, – ее теплая ладонь легла на плечо, впиваясь острыми ноготками в кожу.

– О! Как.

– Во-первых, я умею готовить только кашу. Во-вторых, тебе повезло, что я вообще ответила на твой звонок в такую рань. Особенно после того, как ты бросил меня вчера, – ногти все сильнее вдавливались, а рука стала двигаться к груди, замедляясь на рельефе мышц.

– А я вообще везучий, – накрутил на палец прядь длинных волос.

– Меня могли убить!

– Не могли. А теперь я жду завтрак, – звонкий шлепок разрушил тишину. Брюнетка взвизгнула и, схватившись за попу, скрылась в глубине квартиры.

Закрывшись в ванной, сощурился, потому что здесь все было белоснежным, я словно очутился в раю! Белая занавеска, белый коврик, такие же полотенца, даже тюбики и баночка.

ки все были белыми, добивали яркие светильники, отражающиеся в глянце кафеля. Привыкнув к непривычной обстановке, встал под душ.

Мне очень нужна была разрядка. Собственная квартира превратилась в ад, жар которого плавил мой мозг. Поэтому брюнетка оказалась единственным выходом, чтобы не сорваться. Немного освежившись, зашёл в спальню. Дождь закончился, и в окно стало заглядывать солнце. Лучи заливали небольшое пространство, поигрывая на желтых портьерах. Сам по себе интерьер был безликий, не выдающий характера владельца. Сероватые стены, светлая мебель, большой зеркальный шкаф. На прикроватных тумбочках стояли фотографии. На одной брюнетка обнимала мужчину и женщину средних лет, по всей видимости, родители. А на другой ее целовал паренек. Лица было не видно, только профиль. Интересно. Ну, не муж – это точно. Лазарев не смертник, чтобы подсовывать замужнюю. Завернувшись в полотенце, пошел осмотреть квартиру, потому что, придя «в гости», думал об экскурсии в последнюю очередь. Довольно просторная квартира, с хорошим ремонтом, дорогой мебелью. Да и сама дамочка была ухоженной. Такие, как она, ходят в дорогие рестораны просто попить кофе, чтобы склеить платежеспособных папиков. Обойдя все комнаты, убедился, что никаких сюрпризов не припрятано, направился в кухню.

– Ты очень любишь белый цвет! – почему-то ни капли не удивился, обнаружив, что и кухня у брюнетки кипельно–бе-

лого цвета. Глянцевые поверхности, у окна круглый стол, накрытый кружевной скатертью. – Или ты хочешь посмотреться на этом фоне ярче?

– Да. Люблю. А еще я люблю цветы. Розы, – она накинула на себя прозрачный халатик, в просвете которого хорошо просматривалось красивое тело. Брюнетка плавно покачивала бедрами, помешивая кашу. – Особенно с утра! И желательно до секса!

– Хорошо, что не вместо! – я добрался до телефона, просматривая список пропущенных звонков. Начнем с Бояры. – Жалуйся!

– Ты жив? – даже через трубку почувствовал выдох облегчения Пахи.

– Не дождетесь, – рассмеялся я, закуривая. Настя открыла окно и поставила пепельницу.

– Есть чем поделиться?

– Нет, давай на неделе съездим к Маре? Попробую выбраться. Папенька его далеко упек?

– Ну, ехать где-то час! Тогда лучше в выходные.

– Договорились.

На столе появился завтрак. Настя села на стул, подобрав под себя ноги. Она так масляно смотрела на меня, медленно хлопая длинными ресницами, закусив губу.

– Что?

– Ты всегда такой прямолинейный? Мне впервые пришлось слышать, что мужчина едет ко мне в седьмом часу

утра, чтобы тра*нуть. Обычно все говорят довольно завуалировано, ссылаясь на кофе, гости и прочую ерунду.

– Если я еду, чтобы тебя тра*нуть, то так и буду говорить.

– Ты таким образом намекаешь, что заедешь еще раз? – Настя откинулась на спинку, дернув пояс символического халата, оголяя грудь.

– Все зависит от количества вопросов, которыми ты планируешь меня засыпать, – сделав над собой усилие, вернулся к телефону.

– А если я буду молчать? Если просто буду ждать тебя? – она закинула правую ногу мне на колено, цепляя пальцами край полотенца.

– Тебе придется приготовить кашу заново...

– Ты сдох, что ли? – Лазарев изо всех сил старался не заржать.

– О! Ты не в духе? – уже сев в машину, решил позвонить Лазарю, от которого было двадцать пропущенных.

– Если ты не помнишь, то нас вчера чуть на тот свет не отправили! – вот теперь он перестал сдерживаться и завопил что есть сил. – Я с самого утра пытаюсь до тебя дозвониться! Приехал, а Янка говорит, что тебя нет! Где ты, мать твою?

– Не истери!

– Ладно, приезжай ко мне...

Лазарев жил в том же поселке, что и Моисей. Россыпь красивых особняков находилась недалеко от города. Посё-

лок, окутанный удобной развязкой, благодаря которой было удобно добраться до любого района города, не торча в многокилометровых городских пробках, привлекал внимание богатеньких бизнесменов. Он был удачно спрятан в глубине леса с удобным выходом к красочной реке. Несмотря на малую отдаленность, воздух был по сумасшедшему пьянящим. Чистым, ароматным и по-настоящему богатым на оттенки свежести. Таким, что хотелось закрыть глаза. Большой коттедж из серого кирпича стоял на самом отшибе, окруженный высокими соснами. Массивный забор, камеры по периметру, а на цепи огромный алабай.

– Фу! – Серега сидел на крыльце. От грозного крика пес бросился в вольер, тихо поскуливая.

– Ты определенно не в духе. Вещай.

– Я тебе не радио, – зарычал он, делая глоток кофе.

– Боже! Ты так страшен в гневе. Ну же, Лазарев? Что тебя вывело из себя? Ты столько лет с Моисеем! Что, ни разу не доводилось бывать в перестрелках? – я смеялся, потому что изрядно улучшил свое настроение с самого утра.

– Х*ли смеешься? Ты, что обдолбался? – Серега вскочил, встав передо мной. – Не-е-ет... Да ты нат*ахавшись. Ну, Наська! Мастер своего дела.

– Вот и хорошо, что поняли друг друга! А теперь давай к делу. Камеры снял?

– Да! И уже отсмотрел.

– Я знал, что пока меня нет, твой мозг подскажет, что де-

лать.

– Придурок! – Лазарев пнул меня и пошел в дом. – Это люди Макова.

– Так... Что-то знакомая фамилия.

– Мелкий бандюга. Ему уже за пятьдесят. Есть сын. Курит несколько рынков и так, по мелочи. Очень хочет подняться, только старшие его не пускают!

– Чем он им не угодил?

– Резвый, плохой послушной, грязно работает! Да и наверху у него мало союзников. Моисей его как может сдерживает, но тот уж очень сильно старается подпрыгнуть к потолку.

– Потолок, говоришь? Не все понимают, что, стремясь к нему, рискуешь упереться, попав в ловушку. «Папе» уже сообщил?

– Да. Он сказал, чтобы делали все, как нужно. Сказал, что не потерпит беспредельщиков, но и кровь ему сейчас не нужна. – Серега зло швырнул чашку в раковину, отчего она раскололась. – Как можно все сделать правильно, не начав войны?

– Можно, но сложно. «Папе» шум не нужен. У «папы» контракт во Владивостоке. Шум пугает деньги, а кровь пугает большие деньги! – пока Серега варил кофе, я решил осмотреться. Сдержанные тона интерьера, идеальный порядок. На поверхностях нет ничего лишнего. Ни единой мелочи. Ничего, что могло бы хоть как-то охарактеризовать его. Пусто. Стерильная чистота. Как в армии.

– Служил? – я на автомате провел пальцем по верхней полке, в поисках пыли. Чисто.

– Отвали. Сам знаешь, что нет! Что будем делать?

– Давай прокатимся? – я закурил, открыв окно во двор, где царил такой же порядок. Хм...

– Одни?

Динар, которого пришлось взять по требованию Лазаря, остался в машине у въезда в промзону. Огромное складское помещение, где собирались головорезы Макова, находилось на самой окраине города. К нему вела грунтовая дорога, просматриваемая на многие сотни метров. Конечно, нас уже ждали. В открытых ангарных воротах стоял парень, на плече которого висел автомат.

– Скала! Если я сегодня выйду отсюда живым, с меня поляна, – Лазарев нервно прошелся рукой по поясу джинс, за которым был спрятан ствол.

– Маков не знает меня, но прекрасно знает, кто ты. Поэтому помолчи, говорить буду сам!

– К кому? – парень скинул автомат, щелкнув предохранителем.

– К хозяину.

– Как представить?

– А скажи просто, что Чип и Дэйл в гости пожаловали! – я ухмыльнулся, рассматривая охранника. Парень не знал, как

реагировать. Судя по взгляду, он прекрасно узнал Серегу, а осматривая меня, постоянно поджимал губы. – Что застыл?

– Никич, пропусти, – из амбара вышел еще один бугай. Он кивнул нам и направился вовнутрь.

Полукруглая крыша была в дырах, через которые сочился солнечный свет. В мрачной темноте амбара эти лучи выглядели словно мечи, рассекающие тени. Просторное помещение было разделено на зоны. В самом углу стояли тренажеры, на которых потели парни. В центре был установлен ринг, у стены висели груши. А у противоположной стены стоял стол, за которым сидел Маков.

Светлые волосы, карие глаза, резкие черты лица. Через бровь проходил довольно глубокий неровный шрам. Он поднялся с кресла, пересев на край старого письменного стола.

– Лазарь, – старик кивнул Сереге и переключился на меня. Прищурившись, стал внимательно изучать лицо. – Призрак! Вот ты какой. Признаться, я думал, что это миф. Не может человек с твоей репутацией оставаться незамеченным. Кого ни спросишь, все о тебе знают, но никто не видел. А я вот увидел! Поделишься опытом с моими мальчиками? Увидел Призрака! С ума сойти! Сколько великих душ на твоём счету? Черт! Кому скажу – не поверят!

– Я не даю бесплатных советов, и, если не хочешь присоединить свою душу к великим, советую фильтровать свои слова.

– Хм. Ладно. Как знаешь! Тогда зачем пожаловали? – Ма-

ков снова сел в кресло, а для нас поставили два пластмассовых стула.

– Сколько в городе таких, как ты? – я проигнорировал обшарпанный стул и прислонился плечом к пыльной стене.

– Что ты имеешь в виду? – Маков сплел пальцы обеих рук, щелкнув суставами. Этот звук пронесся по амбару, подчеркивая мертвую тишину. Пропал звук ударов по грушам, смех, скрип обуви о поверхности ринга. Молчало все. Да и сам Маков явно держал себя из последних сил.

– Таких мелких бандитиков, в подчинении которых от силы двадцать ребят? – я развернулся, прислонившись к стене спиной, и закурил. На меня были направлены все взгляды. Кто-то зло шурился, а некоторые ждали реакции хозяина, открыв рот. – Много, да? Эх, Маков. А сколько спит и видит, чтобы прибрать твоих парнишек к себе? Я смотрю, они парни спортивные. Такие на дороге не валяются. Вот, например Валера. Говорят, он нашел подход к смотрящим?

– Ты понимаешь, что говоришь? Вас только двое! Не боишься не выйти отсюда? – процедил Маков. Он стал осматривать своих парней, оценивая реакцию на нас.

– Нет.

– Почему? – Маков разжал руки, бросив их на колени. Резкие движения выдавали его. Нервничает. Значит, боится.

– Страх возникает от жажды жизни. А я ее познал. Не боюсь смерти, потому что сам доставляю ее на дом.

– Хм... ничего не держит здесь?

– Абсолютно!

– Убиваешь, потому что не ценишь чужие жизни! А не ценишь, потому что не держишься за свою.

– Не тебе учить меня, но в целом ты прав. Да и не рискнул бы назвать извращенные испорченные отрезки времени, данные некоторым ублюдкам, жизнями. – Затушив окурок о стену, щелчком отправил его в пепельницу, стоящую на столе. – Я вчера был приглашен на открытие ресторана.

– И, как? Хорошо погуляли? – Маков закатил глаза.

– Очень! До тех пор, пока твои ребятки не обстреляли нас! И я хочу того, кто это сделал, – меня стал раздражать наш разговор. Маков ходил вокруг да около.

– Я тебе, что, в «американку»¹ проиграл? – взвыл Маков, вскочив с кресла. Он снова закатил глаза.

– Ты проиграл тогда, когда затеял беспредел! Не прикидывайся, что не знал, чей это ресторан? Ты первый пришел на чужую территорию. И не мне тебе объяснять, что делается в таких случаях.

– Хм... А как ты оказался у Моисея? Как он заполучил тебя?

– Я не работаю на него.

– Тогда в чем твой интерес? – Маков подошел ко мне так близко, что я почувствовал запах спирта, завершающий «букет» из микса ароматов дорогого одеколона с дешевым таба-

¹ Американка – игра, при которой проигравший выполняет все требования выигравшего.

ком. Он оскалился, демонстрируя желтые, с отвратительными сколами, зубы.

– А я терпеть не могу, когда в меня палят, – сделал шаг навстречу, спиной ощущая напряжение Лазарева. – Не привык я быть мишенью! К тому же, ты не тот, кто будет решать, сколько мне осталось жить.

– Что у тебя есть на меня? – зашептал Маков, перед этим закатив глаза. – Иначе бы ты не пришел «голым».

– Смотря насколько низко ты хочешь упасть. Говорят, ты хочешь прыгнуть высоко? А как смотрящие относятся к из...

– Хорошо, – Старик сделал шаг назад и, не решаясь повернуться спиной, отошел к столу. – Мальчики у меня горячие. Не доглядели! Погорячились! Вчера в том ресторане должен был быть прием, на который позвали всех журналюг города. А у Кима есть вопросы к некоторым! Не любит он их, вечно пишут гадости эти бумагомаратели!

– Ким? – громко крикнул я и быстро обвел глазами амбар. Дрогнул только один. Высокий амбал, стоящий у ринга, быстро стер испуг, спрятав его за дерзким оскалом.

– Моисею передай мои извинения. Попутали мои ребятки территорию. С кем не бывает. Молодость! Ким получит строгий выговор! Не переживай! – Маков сел в кресло и достал папиросу. Желтыми пальцами размял сигарку, стряхнув табак, отправил ее в рот.

Я бросил быстрый взгляд на Лазаря, надеюсь, он поймет, что, поворачиваясь спиной к толпе, я надеюсь только

на него. Оттолкнулся от стены, направляясь к рингу. Толпа рассосалась, оставив «шестерку» одного. Бритоголовый, светлые глаза, большой нос, под глазом весьма убедительный синяк. Из-под ворота футболки выглядывал край неаккуратной, скорее всего, самодельной наколки. Были ходки. Парень стоял, вальяжно перебросив левую руку через канат, а правой небрежно вертел «стечкина». Терпеть не могу, когда к оружию относятся пренебрежительно. Без уважения.

– Выговор, говоришь? – по мере моего приближения, парень ухмылялся все сильнее.

Шальной взгляд, увеличенные зрачки, у ноздрей непроходящие корочки. Нарик. В глазах плещутся искры. Ни капли сожаления. Вдруг я вспомнил испуганный взгляд Янки, то, как она кричала от ужаса, стараясь закрыть уши. Страх, от которого ее губы дрожали, а она их кусала, слизывая языком кровь. Пульс попытался ускориться, но мозг успел перехватить сигнал, оставляя меня спокойным.

– Ну, и отлично! Выговор – это хорошо! Справедливо! Именно за этим я и приехал. Можно и выговор! Бах! **выстрел** Или так, тоже вариант!

Глава 13

Яна

Раз... Два... Три... Сколько же в этой квартире стен? Кажалось, что я уже все посчитала, но вдруг наталкивалась на очередную. Бред. Что за бред! Выйдя на балкон, втянула воздух, надеясь на свежесть. Но легкие внезапно защекотало от его аромата. Такой тонкий шлейф табака с примесью довольно грубого оттенка мужского парфюма, такого сложного для восприятия. Стены впитали в себя запах, теперь щедро делясь им, тем самым приводя меня в состояние полной растерянности. Никогда не думала, что можно так реагировать на кого-то. Не знала, что сердце может колотиться не от страха или физической нагрузки, а от одного только воспоминания.

Подушечками пальцев прошлась по декоративной штукатурке, ощущая приятную шероховатость. На небольшом плетеном диване лежал его пиджак темно-синего цвета. Я, как ошпаренная, шагнула назад, упершись в стену. Меня испугала мысль, пульсирующая в мозгу. Она скандировала: «Возьми! Притронься! Вдохни! Никто не увидит! Его нет дома!»

Дома? Черт! Совершенно неожиданно для самой себя я стала воспринимать эту пятикомнатную квартиру своей. Мне ничего не мешало: ни суховатый стиль оформления, ни

яркий мужской аромат, ни отсутствие мелочей, которые делают интерьер мягче. Черный паркетный пол, светлые стены с едва заметным жемчужным переливом, мебель завораживала простыми, но такими притягательными строгими линиями. Висящие на стенах картины только дополняли интерьер, не оттягивая на себя внимание. И в центре всего этого был он. Олег был центром этой вселенной! Квартира была только декорацией, без него было пусто. А как только его внушительных размеров фигура появлялась в квартире, все оживало. Отполированный паркет отражал в себе его уверенную, но слегка расхлябанную походку. На фоне светлых стен темный костюм и часы из черного золота контрастировали, делая его образ еще выразительнее. Интерьер становился декорацией к его жизни, подчеркивая всю красоту внешности, но пряча за плотной тканью кулис тайны, мысли и желания.

Проснувшись утром, с ужасом поняла, что нахожусь в его спальне. Накрывшись одеялом с головой, прислушалась к звукам квартиры. Тишина. Перед глазами стали вспыхивать картинки прошлого вечера. В свои 25 лет я ни разу не сталкивалась лоб в лоб с тем, от чего отец старательно пытался меня оградить. Я видела бритоголовых псов отца, слышала их разговоры, но никогда не была частью того мира. Но, возможно, я сама себе вру? Конечно, нельзя же видеть все и думать, что это не со мной? Что это чужое! Закрывать глаза и думать, что это меня никогда не коснется. Коснулось! Еще

как! Губы до сих пор болели, я даже не заметила, как разодрала их зубами. Не чувствовала боли. Только страх. Слишком много происшествий за последний месяц. Слишком...

Испугалась? Нет. Я была в шоке. Шок начался с самого моего появления в том ресторане. Первым, что я увидела – Олега, идущего танцевать с какой-то девушкой. Как бы ни старалась, не могу вспомнить ее лицо. Она просто стала пятном. Я видела только его. Черный, в едва заметную клетку, костюм, белоснежная рубашка, черный галстук. Он так неохотно следовал за ней, не вынимая правой руки из кармана брюк. Увидев меня, он и бровью не повел, продолжая прижиматься к девушке. Его и без того огромные ладони смотрелись еще больше, лежа на тонкой талии спутницы. Он вложил ее ладонь в свою, переплетя пальцы. Какие у него пальцы! Длинные, прямые, с аккуратно стриженными ногтями. На мощном запястье сверкнул браслет часов. Мои глаза не слушались ни приказов мозга, ни тактичных толчков Лазарева. Я только и могла смотреть на его уверенные движения. Он медленно кружил ее, по-хозяйски исследуя тело рукой. Рельеф мышц был заметен даже сквозь ткань костюма, широкие плечи, мощная шея, угловатые скулы, волевой подбородок. Дерзкая щетина подчеркивала скульптурность лица, пухлые губы были слегка растянуты в улыбке, прямой нос, высокий лоб и глаза.... Его взгляд из-под бровей, такой глубокий, пронизывающий до самой души. Он словно знает о тебе все. Ни одна тайна, ни одна мысль не может

быть спрятана. Все напоказ! Ему достаточно бросить мимо-летный, скользящий взгляд, чтобы ощутить себя абсолютно голой. Только от его взгляда я покрываюсь мурашками. Все мои мышцы сначала сокращаются, а потом резко превращаются в мягкое масло...

Я откинула голову, ударившись о стену, и еще раз прислушалась к тишине квартиры. Тихо. Делая мелкие, почти незаметные шаги двинулась к дивану. Присев на край, потянула руки, едва касаясь грубоватой ткани пиджака. Немного осмелев, сжала пиджак и притянула к лицу, вдыхая как можно глубже. Вот так! Чтобы до глубины, чтобы насытиться, чтобы напиться вдоволь. Я почувствовала себя наркоманкой, потому что, делая один вдох, я уже жаждала второго. Сила вдохов становилась больше, грудь начала болеть, а голова закружилась. Рука нащупала что-то в кармане и я, как воровка полезла внутрь. Сигареты. Пачка была черной, матовой с золотыми извилистыми буквами. Достала одну и поднесла к носу. Да. Легкий пряный аромат, с еле уловимыми нотками яблока, но, несмотря на фруктовый оттенок, нос саднило от крепости душистого табака. В этом он весь. Олег может шутить, спокойно говорить, улыбаться иногда, но его глаза всегда больно въедаются под кожу. Как яд. Такой сладкий, бархатный яд, от которого хочется закатить глаза и изнывать от сплетения боли с наивысшим наслаждением.

Не в силах бросить пачку, сунула ее в карман джинсовых шорт. Открыла окно, чтобы прогнать чувство опьяне-

ния. Солнце уже готовилось спрятаться. Осень по-хозяйски начала распоряжаться длительностью светового дня, лишая прохожих уже таких ленивых солнечных лучей. Потемневшее небо грозило очередным дождем. В воздухе то и дело слышались нотки влаги, птицы еле слышно щебетали, а улицы опустели, предоставляя всю власть автомобилям. Парковка у подъезда была заполнена, оставалось только одно пустующее место, то самое, где обычно стояло его БМВ.

Темнота почти полностью скрыла квартиру, но я не спешила зажигать свет, так и слонялась во мраке, наблюдая за собственной тенью. Не зная, чем заняться, тихо бродила по просторным коридорам. Ужин был готов, но в горло не лез и кусок. Вымытый до скрипа пол приятно охлаждал нежную кожу стоп. Да я даже протерла все бокалы, которых в этой квартире было предостаточно. Постучалась к соседке, чтобы снова попросить швейную машинку, но все закончилось тем, что, открыв гардеробную, погрузилась в облако его запаха, казалось, если провести рукой, можно разрезать плотный, как туман аромат. Выпить!

Голубоватые блики подсветки кухонного гарнитура играли в бокале шампанского, в котором одиноко плавала замороженная ягода клубники. Рука дрожала, отчего льдинка билась о тонкую хрустальную стенку бокала, заполняя просторную кухню не мнимой тревогой, а вполне осязаемой, реальной. Этот звон был отражением моего состояния. На стеклянной поверхности стола лежал телефон. Как только

подсветка экрана гасла, я снова нажимала на кнопку, чтобы экран вспыхнул. Нужно было видеть время и экран, чтобы не пропустить звонок. Чего я жду? Почему осталась здесь? Ну, на этот вопрос я знала ответ. В этой квартире было так спокойно и безопасно, что покидать ее совершенно не хотелось. Только с чего я решила, что он должен сидеть со мной? Он смотрит-то на меня, как на пустое место. Как на носителя фамилии отца, да и это его особо не пугает. Он другой. Говорит и смотрит так, будто ему все равно. В глазах полное безразличие, отсутствие и равнодушие. Будто он и вовсе сейчас не здесь, будто его окружают не живые люди, а манекены.

То, как он смял меня в ресторане, накрыв собственным телом, как абсолютно спокойно и отстраненно смотрел на меня. Все это пугало больше, чем выстрелы. Потому что, если это его не напугало, то что он видел? С чем сталкивался? Что заставило его стать таким холодным? Прижимаясь к его груди, я слышала ровное биение сердца. Мышцы лица оставались неподвижными, а движения четкими и быстрыми. Как льдина, как скала...

Устав от мыслей, схватила телефон, крепко сжав его в руке. Внезапно вспотевшие пальцы проскальзывали по экрану, мешая найти в телефонной книжке нужный номер.

– Лазарев! И долго я должна сидеть тут, как принцесса? – взревела я, услышав знакомый голос. Не знаю, почему решила закричать, почему тот стресс, съедавший меня весь день, вырвался в крике, в хрипе и надрывном голосе.

– Оу.. Оу... Яна Викторовна. Выдохните.

– Да я как льдина спокойна, – на выдохе прошептала, осушив бокал залпом. Пузырьки игристого ударили в нос, заставляя поморщиться.

– Тебе передают, что ты знаешь, где находится ключ. И для него большой сюрприз, что ты еще у него дома, – Лазарев давился смехом, стараясь быть спокойным изо всех сил.

– Я не могу найти ключ! – закричала я, что есть мочи. Свободной рукой держалась за край стола, стараясь не упасть со стула, потому что сейчас смотрела на стеклянную консоль на кованых ножках, где лежал ключ. Соврала. Черт! Зачем?

– Она не может... – начал было передавать Лазарев.

– Ты не знаешь где ключ? – вдруг сухой голос раздался в трубке, заставляя меня сжать столешницу еще крепче.

– Не знаю! – взвыла я.

– Я даже отсюда вижу, как ты покраснела, – он перешел на шепот и отключился.

Мое лицо горело, а стук сердца заглушал собственные мысли. А мыслей было много. Очень много, как воды в море, как песка на пляже. Его шепот поднял все песчинки в воздух и закружил. Подбежав к раковине, опустила голову под ледяную струю, чтобы, хоть как-то успокоиться. Он придет? Сейчас? Что я наделала? Набирая полную ладонь ледяной воды, брызгала на лицо, словно хотела проснуться, очнуться. От ледяной воды кожа лица стала гореть еще сильнее. Вернувшись к столу, налила в бокал и снова осушила его до дна,

до самой последней капли, подцепив ягоду языком. На языке взорвался вкус клубники, уже не такой насыщенный, потому что весь аромат она отдала алкоголю, но осталась кислинка, приятно щекотавшая язык. Рукой нащупала сигареты и села на подоконник, взобравшись с ногами. Бежать было поздно...

– Хм...

Сердце остановилась, а песчаная буря мыслей резко опустилась, оставляя голову пустой. Все вопросы вылетели. Олег стоял в дверном проеме, опираясь рукой в косяк.

– Наконец-то, – взвизгнула я и нырнула под его рукой, выбегая вон из кухни, но в последний момент отпружинила обратно, врезаясь в его твердое, как скала тело.

– Стоять! – Олег крепко сжимал запястье моей правой руки. – Если ты хотела просто увидеть меня, то могла позвонить, а не врать, как пятиклассник!

– У меня нет твоего телефона! И, вообще, не лъсти себе! Я не хочу видеть тебя! Меня бесит твое самодовольное лицо, и твоя тихая квартира меня бесит! Отпусти меня!

– Не отпущу! Ведь, ты этого добивалась?

– Отпусти! – я била кулаками по его груди, но он даже не шелохнулся. Вдруг до моих ноздрей донесся странный запах. Что-то новое... Чужое... По телу пробежал разряд тока, я замерла, задрав голову. Смотря ему прямо в глаза, не чувствовала ни холода, ни страха, ни смущения... ничего. Яркие-зеленые глаза темнели, становясь темным болотом, тря-

сина которого затягивала.

– Я в душ, а потом отвезу тебя домой! – Олег нахмурился, всматриваясь в мое лицо, а потом отпустил руку и, скинув пиджак на кресло, ушел. Дверь в ванной хлопнула, а я осталась, пытаюсь понять, что произошло. Не в силах отвести глаза от светлого пиджака, стояла, сжимая кулаки. В носу до сих пор стоял запах. Чужой. Женский. Рванув вперед, сгребла пиджак и поднесла к носу. Точно! Женские чересчур сладкие духи по-хозяйски окутывали ткань. Они перебивали тот запах, которым я упивалась сегодня весь день, который заставлял замирать мое сердце. Пиджак рухнул на пол, звонко звякнув пуговицами о пол. В висящем на противоположной стене зеркале, я увидела собственное лицо, искаженное отвращением. Щеки горели, а глаза блестели непролитыми слезами. Откуда они взялись, слезы эти? Кто их звал? Кто просил? Я не реву! Нет!

Дальше я не думала. Не могла. Просто вбежала в свою комнату. Неконтролируемый гнев бурлил, а в носу до сих пор стоял этот отвратительный запах. Я терла нос, стараясь избавиться от него, но все напрасно. На полу стояли пакеты с одеждой, которую я купила вчера. Отлично! Натянув узкие черные джинсы, серебристый топ, ворот которого оголял одно плечо, накинула кожаную куртку и бросилась прочь. Дикое желание сбежать победило. Только свежий воздух может выветрить тот ужасный вульгарный аромат. Ветер унесет последние нотки.

– Алло! Юль? Ты где?

– Сегодня же пятница! Где я еще могу быть? – рассмеялась подруга.

– Я приеду...

Длинноногая брюнетка с короткой, почти мальчишеской стрижкой встретила меня у дверей клуба «Пятый сезон». Она подпрыгивала от восторга на месте, раскрыв руки для объятий.

– Я даже звонить тебе не стала! Думала, что ты еще не отошла от... – Юля опустила глаза в пол.

– Заткнись! – мы вошли в темное помещение. По ушам резанула громкая музыка. Юля тянула меня сквозь беснующуюся толпу в сторону мягких диванов.

– Вино? – подруга толкнула меня в самый угол.

– Тащи текилу! – моя голова рухнула на стеклянную поверхность стола, потому что не осталось сил.

Юля так смотрела на меня, словно искала хоть каплю скорби по мужу. Но ее не могло быть там. Просто не могло. Когда умирает близкий человек, мы оплакиваем его только по той причине, что не знаем, как жить без него. Как существовать впредь. Как просыпаться, дышать, работать? Мы оплакиваем свою потерю. А мне оплакивать нечего.

Мне было двадцать, когда мы познакомились. Я только вернулась из Лондона. Опаздывая на долгожданную встречу

с подружками, я забежала в лифт торгового центра, не рассчитав скорости, и практически впечаталась в молодого человека. Такой нелепый, смешной. С растрепанными выюющимися волосами. Увидев меня, его взгляд загорелся... И мне больше ничего не было нужно.

Все три месяца летних каникул мы не расставались. Ходили в кино, кафе, встречали рассветы... А после я улетела. Думала, что все! Конец! Но нет! Кирилл писал романтические электронные письма, устраивал совместные просмотры фильмов по скайпу. Я просто летала от счастья, но мешало только одно – расстояние. И я бросила Лондон, собрав чемоданы, отправилась домой.

Отец промолчал, но даже тогда я видела, что не Кирилла отец хотел для меня. Но папа горько вздохнул и, поцеловав меня в лоб, дал свое молчаливое благословение. Казалось, что после свадьбы все будет только лучше. Мы переехали в новую квартиру. Я перевелась в местный универ и занималась домом. Старалась создать уют. Доказать, что достойна его любви. Но нет. Все пошло крахом, да так стремительно. Просыпаясь каждое утро, я видела, как кирпичик по кирпичику наш брак рушится. Его жизнь изменилась к лучшему, а моя вернулась туда, откуда я старалась сбежать. Все романтические разговоры, совместные просмотры фильмов закончились. Он мог говорить только о деньгах, о власти, бизнесе... А потом... Потом я осталась одна...

Одна! Потому что человек, который приходил домой,

смотрел на меня так, словно я мешаю ему жить. Он молча ужинал, лениво пережевывая еду, потом ложился спать, ссылаясь на усталость.

Отсутствующий взгляд, наполненный обреченностью и чувством жалости ко мне, постоянные разговоры по телефону, закрытая дверь в кабинет и молчание. Постоянное молчание.

– Янка! Прекрати, – Юля ухнула бутылкой по стеклянному столу и небрежно бросила на стол рюмки и блюдце с нарезанным лаймом. – По тебе видно, что в голове у тебя «нарезается салат оливье», причем ингредиенты са-а-а-мые разнообразные: жалость к самой себе, обманутые надежды и предательство. Посмотри на себя в зеркало! Ты же красотка! Умница! Два высших образования!

– Наливай, харэ заливать мне в уши. Просто хочу выпить! Мне просто нужно напиться и отключиться, чтобы не думать, – я не могла оторвать голову от прохладной столешницы, продолжая прижиматься щекой.

– Яна Викторовна, Вы меня пугаете, – Юля быстро свернула пробку и щедро налила рюмаху, расплескивая большую часть выпивки. – Давай! Пусть этот вечер станет лучше, чем был!

Глава 14

Яна

– Вечер определенно стал лучше! – мы танцевали на балконе у мягкого зала.

Громкая музыка проходила сквозь меня, выбивая накопившийся стресс своей вибрацией. Держась руками за металлические поручни, я запрокинула голову и двигалась, отдаваясь танцу полностью, пропуская все через нутро. Распушенные волосы больно хлестали по щекам, а голова кружилась от выпитого. Мыслей не было, ничего не было. Вернее, всё БЫЛО! Но в данный момент ничего нет. Есть только я и музыка. И большего мне не нужно! Ни Олега, ни жалости к самой себе, ни поучений отца! В меня никто не целится, никто не похищает, и никто не заставляет изнывать от желания.

Как этот придурок может войти в квартиру и за несколько минут заставить меня трястись от желания, а потом потерять голову от ревности? Этот запах просто убил меня! Он был не один. Я сидела дома, мучая саму себя нелепыми мыслями и еще более нелепыми фантазиями. Я дышала его запахом, наслаждалась его невидимым присутствием в пустой квартире, а он? Он был не один! Кто она? Жена? Девушка? Боже! Какая я дура! С чего взяла, что у него никого нет? Конечно, надо было сразу догадаться! Я пришла к нему в спальню

почти голая, готовая на все, лишь бы забыться, а он просто отвернулся и лег спать! Какая я дура! Он, наверное, лежал и тихо посмеивался над моей глупостью! А я, идиотка, ждала, что он обернется и обнимет меня... Больная...

– Привет, – голос за спиной застал меня врасплох. Оглянувшись по сторонам, не нашла Юльку. На опустевшем балконе стоял только весьма выпивший молодой человек. Он стоял, прислонившись к зеркальной колонне. Довольно высокий, одетый во все черное, он почти сливался с мрачной атмосферой клуба. Только бледное, практически белое лицо выделялось, притягивая к себе внимание. В губе был пирсинг, довольно объемное кольцо сверкало в свете софитов. В руке была открытая бутылка пива, он снова приложился к горлышку, обхватив ее губами слишком жадно, звякнув о стекло металлом кольца. Отхлебнул и вытер губы тыльной стороной ладони.

– Привет, – я снова отвернулась, осматривая зал, в поисках Юльки. Понятия не имею, сколько тут танцую одна, потому что снова погрузилась в самокопание, от которого так старалась избавиться с помощью двух бутылок текилы. Перед глазами все плыло, я не могла сфокусироваться, поэтому бросила насиловать отравленный алкоголем мозг и закрыла глаза, стараясь собраться.

– Какие планы на вечер?

– Потанцую и баиньки.

– А, может, прогуляемся? – он стал приближаться.

Я тряхнула головой, пытаюсь разбудить уснувший мозг, но ничего не помогало. Парень так и оставался расплывшимся пятном. Сплошным пятном, о его приближении говорил только усиливающийся запах какого-то дешевого одеколona.

– Нет! Спасибо. Собственно, мне уже пора, – я схватила сумку и выскользнула из мягкой комнаты, направляясь к выходу. Сумка вибрировала, но было все равно, потому что я знала, что это папенька. Он однозначно знает, что я сбежала, а теперь кинет всех собак, только бы вернуть блудную дочь домой. Но я не хочу домой! Не хочу! Но и идти мне некуда. Совершенно. Надеялась отсидеться у Юльки, но она куда-то пропала. Выбежав на улицу, прижалась спиной к стене, прячась от ярких огней входа в тени раскидистого дерева. Улицы совсем опустели, даже машины куда-то исчезли. Глухой отзвук музыки только намекал, что в двухэтажном сером здании находится клуб. Даже охранники, которые постоянно дежурили у входа, куда-то исчезли.

– С тобой домой можно, а то мне переночевать негде? – мужская фигура возникла из ниоткуда. Он просто вырос из земли. Тусклый фонарь светил ему в спину, тем самым пряча лицо.

– Нет! Со мной нельзя, – понимала, что говорю грубо, но не могла иначе. Назойливый парень.

– Ты такая дерзкая, – вдруг слишком резко ответил он, приближаясь все ближе.

– Какая есть, – Бежать было некуда, да и не добежала бы

я, чувствуя, как онемели ноги. А постоянное головокружение вызывало тошноту. Я плотно сжимала челюсти и глубоко вдыхала через нос.

– Тебя папа не учил, что с мужчинами так нельзя разговаривать? Особенно, если ты одна в темном переулке! – отвратительный запах пива, перемешанный с дикой вонью пота, ударил в нос.

– Нет! Меня папа учил хватать яйца и медленно накручивать их на кулак! Отвали от меня, придурок! – От такого ядерного аромата в носу стало щипать. А приступ тошноты только усиливался. Я уже не могла стоять нормально, поэтому вцепилась пальцами в кирпичную стену, надеясь, что она поможет, защитит.

– У тебя очень гадкий язык! Очень!

Его рука взмыла в воздухе и замерла в миллиметре от лица. Короткие и толстые, как сосиски, пальцы сжали мои волосы, оттягивая голову назад. А я не могла пошевелиться, да и говорить тоже не могла. Чувство отчаянья захлестнуло. Его дыхание касалось шеи, а по телу прокатилась волна мурашек отвращения.

– Э! – тихий... такой тихий и знакомый голос заставил вздрогнуть.

Словно щелчок, по которому я начала снова дышать. Свежий воздух попал в легкие и сердце вновь забилося. Хватка его руки ослабла, и я смогла дернуть головой, чтобы посмотреть за спину парня. Олег стоял, прислонившись к де-

реву и курил. Я не видела его, но знала, что это Олег. До носа донесся такой знакомый запах табака. Олег вышел из тени, выпрямился, демонстрируя внушительную фигуру. Дернул плечами, словно разминал затекшие мышцы и отбросил окурок в сторону. На нем не было привычного костюма. Сейчас он был в простых синих джинсах и белой футболке. Олег выглядел как-то по-другому, особенно мягко. Но, несмотря на его мнимую мягкость, зеленые глаза даже в темноте сверкали яростью. Эмоции. Я впервые увидела эмоцию на его лицо, пусть это ярость, но я ее увидела!

– Ты кто? – парень развернулся, делая шаг в сторону.

– Дама сказала, чтобы ты отвалил!

– Ты, уе*ок, свали! Это моя телка! – это были последние слова, потому что через мгновение парень уже лежал на земле, а Олег, присев на одно колено, наносил один удар за другим. Один за другим. Глухой звук, сопровождаемый еле различимыми вздохами.

– Олег! Не надо! Остановись! – я резко очнулась и бросилась к нему, стараясь схватиться за руку. Но выпитый алкоголь отнял все силы. – Остановись! Отпусти его! Не надо! Прошу!

От резкого движения его руки, за которую я пыталась ухватиться, рухнула на асфальт, издав при этом писк. И Олег обернулся. Он не слышал моих просьб и крика, но от малейшего вскрика боли застыл. Прищуренный взгляд сосредоточился на мне всего на пару секунд, словно оценивал произо-

шедшее, а потом резко встал.

– Чтобы я тебя здесь больше никогда не видел! – он снова нагнулся и прошелся по карманам куртки валяющегося парня. – Землин Николай Алексеевич. У меня фотографическая память, поэтому советую больше никогда не подходить к девушкам! И поверь, с завтрашнего дня у тебя начнется веселая жизнь!

Он разогнулся и вытер окровавленный кулак о футболку. Я поморщилась, наблюдая, как на белой ткани появляются отвратительные разводы.

– Теперь ты! – он нагнулся и, подхватив меня под руку, поднял. – Я, кажется, сказал, что отвезу тебя домой! Что было непонятно?

– Как ты меня нашел? – взвизгнула я от боли. Он слишком крепко схватил меня за локоть. Мой топ съехал, оголяя плечо так, что еще чуть-чуть и выпадет левая грудь. Но мне было все равно, потому что я хотела, чтобы он увидел. Хотела, чтобы он прошелся своим горячим взглядом по нежной коже груди, заставляя сосок твердеть от желания. Даже в пьяном состоянии мое тело пульсировало, просто крича о готовности сдаться.

– Черт! Я убью тебя! – заорал он, приближаясь ко мне. Красивое лицо застыло всего в паре миллиметров от моего, и я снова вдохнула аромат, от которого пьянела сильнее, чем от текилы. Глаза продолжали сверкать, губы были поджаты, а брови сведены вместе. Желваки на скулах не просто хо-

дили ходуном, они вибрировали, демонстрируя бушующий гнев. – Что я тебе сделал? Почему ты рушишь мою привычную жизнь? Почему я должен искать тебя до утра? Почему я ощущаю себя нянькой? Почему я должен находить твое пьяное тело, прижатое к стене? Ты знаешь, что бывает с такими девочками? Слышишь, заноза? Да! Ты знаешь! Тогда почему? Что за режим самоуничтожения? Где этот тумблер? Я его вырву с корнем, чтобы ты больше не искала приключений на свою хорошенькую задницу!

– Откуда ты знаешь, что она хорошенькая, если не смотришь на меня? А если твоя голова и повернута в мою сторону, то ты ничего не видишь!словно я пустое место!!!

– Зараза такая! – Олег задрал голову вверх, а потом резко нагнулся и уронил меня на свое плечо. Одним резким движением спустил и без того довольно низкие джинсы и приложился ладонью по попе.

– Больно! – я просто ревела от боли. Дикое жжение парализовало мое тело. Меня не смущало, что моя голая задница сверкает прямо у его лица, все, что я чувствовала – боль.

– Больно? А знаешь, чем заканчиваются такие попойки? – очередной резкий шлепок раздался в тишине. – Смотри! Ты орешь, а никто не выходит! Потому что тебя не слышно! Тебя бы никто не спас! Никто не нашел!

– Ты нашел! – продолжала орать я, извиваясь на его плече.

– Я всегда нахожу то, чего хочу!

– Значит, ты меня хочешь? – боль отступила, а пульсиро-

вание между ног стало невыносимо сильным. Казалось, что он почувствовал мою дрожь и резко убрал руку, которая до этого покоилась на моей заднице.

– Я убью тебя! – очередной шлепок уже не был таким жгучим. Больше походил на поглаживание. Олег вернул джинсы обратно.

– Отпусти меня! – голова тряслась от его шагов. Он почти бежал, а моя тошнота снова вернулась.

– Еще чего!

– Мне плохо!

– Этого мало! Была бы моя воля, я бы отходил тебя ремнем! – Олег подошел к машине и почти забросил меня на сидение.

– Ты отвратительный! Я ненавижу тебя!

– Да? А мне показалось, что наоборот! – Олег внимательно осмотрел меня.

– Я ненавижу тебя! Слышишь? – так и думала. Все, как я и хотела! Топ съехал, оголяя грудь, на которой и был сосредоточен его взгляд. Спокойное лицо не дрогнуло, только глаза снова засверкали, только теперь это была не злость, а что-то другое.

– Отлично! Поверь, это лучше для тебя! – Олег не отводил глаз, застыв на месте, потом стянул окровавленную футболку и, выбросив ее, захлопнул дверь.

Олег сел за руль и, резко стартанув с места, помчался вон из города. Мой язык застыл, я не могла сказать и слова. Все,

что я могла – смотреть на его оголенный торс. Наблюдать, как перекачиваются мышцы на его спине, как мощная рука с остервенением дергает ручку коробки передач, разгоняя машину все быстрее.

Глава 15

Олег

Уличный фонарь нагло заглядывал в незашторенное окно. Мягкий свет подсвечивал мелкие бусинки пота на смуглой коже. Мои руки лежали на округлых женских бедрах, подушечками больших пальцев ощущая остроту бедренных костей, а остальными впивались в упругую попу, ощущая каждое напряжение мышц. В ночной тишине квартиры так отчётливо слышались звонкие шлепки кожи, сдобренные сдерживаемыми женскими стонами. Я слегка подталкивал ее, помогая подняться выше и с силой опускал, делая встречу наших бедер сильнее, жёстче. Именно в этот момент слышал такой приятный всхлип, почти стон! Когда она поднималась, отталкиваясь ногами от кровати, то задерживала дыхание, открывая рот. Ее мышцы напрягались, твердея подобно камню. Все вены на шее вздувались, выступая на влажной коже, а нижняя губа была сильно закушена, даже больше, чем было нужно.

От резких толчков большая аппетитная грудь подскакивала, с глухим звуком падая обратно. Темные соски напряглись, сжавшись до размера монеты, а вершинки дерзко торчали, притягивая к себе внимание. Она закинула голову назад, представляя моим глазам тонкую шею. В глубоких впа-

динках ключицы заблестели капельки пота, скатываясь тонкими ручейками. Острые ногти впивались мне в ноги. Хватка ослаблялась при подъёме и усиливалась при опускании. Грудь почти перестала вздыматься, словно она перестала дышать. Движения стали медленными, лицо напряглось.

Я чувствовал всем телом, что она находится на грани, хотелось оттянуть это ощущение власти над женским удовольствием. Хотелось рассмотреть ближе, впитать хриплый стон, ощутить судорожные спазмы. Поэтому резким движением перевернул ее на спину, за что получил громкий, почти плачущий вскрик. Сильный удар маленького кулачка в грудь вызвал улыбку. Подхватив стройную ногу, закинул себе на плечо. Она извивалась на белой простыне, пытаясь ухватить меня руками. Бедра двигались в поисках разрядки. Стоны превратились во всхлипы, а распластанные по кровати руки сгребали простыню, сминая ее в кулаках.

– Ну же! – вскрикнула она, как раз в тот момент, когда я дёрнул бедрами, входя в нее так сильно, как мог, ощущая ее напряжение и усиливающиеся судороги. Ее глаза резко распахнулись, и комната наполнилась громким и таким долгожданным вскриком, полным хрипа и облегчения. Сгибая лежащую на плече ногу, она прижимала меня к себе, цепляясь пальцами за толстую цепочку на шее.

Насытившись ее судорогами, начал ускоряться, наслаждаясь плавным покачиванием женской груди. Пройдясь рукой по тонкой шее, остановился на соблазнительной округлости,

взяв сосок между пальцами, слегка потянул. Чуткое женское тело отреагировало моментально, словно и забыло, что еще не успело отойти от предыдущего оргазма. Она выгнула спину, прижимаясь ко мне всем телом. Ее горячее дыхание обожгло шею, а такой мягкий и тёплый язычок заскользил по коже. По моему телу покати́лась волна напряжения, такая желанная и медленная. Она подкрадывалась, замедляясь в моменты, когда мягкие женские губы отстранялись. Проскользнул рукой между наших тел и тут же ощутил жар. Едва коснувшись ее клитора, ухо резанул сдавленный стон. Ее острые коготки впились в спину, стараясь выпустить то напряжение, которое скопилось в ее теле. Переместив весь вес на левую руку, стал массировать интенсивнее, наслаждаясь волной удовольствия, накрывающей нас обоих...

– Ты всегда будешь приезжать под утро? Если да, то мне нужно срочно пересмотреть режим дня. Из-за недосыпа могу потерять работу, – Настя выписывала пальцем круги на моей груди. – Но я готова пойти на эту жертву, зная, что меня ждет качественный секс.

– Нет, не всегда.

– Ты такой немногословный, – брюнетка перекинула ногу и снова села сверху, чуть заметно поерзав бедрами.

– Кофе! Давай, подсуетись.

– Наконец-то! А то думала, чем придется отрабатывать! Кофе – можно! – Настя соскользнула с кровати и потянулась, подставляя свое тело ласковому утреннему солнцу. Вздох-

матив длинные волосы, повернулась, широко расставив ноги. – Нравится?

– Нравится, – я с нескрываемым удовольствием наблюдал за ней. Нескрываемая сексуальность делала ее сногшибательную фигуру еще лучше.

– А так? – Настя перекинула волосы за спину, обнажая моим глазам грудь.

– И так неплохо, – я врал, конечно, врал. Это не могло быть неплохо. Это было прекрасно.

– И так? – ее тонкие пальцы заскользили по шее, спускаясь все ниже и ниже...

– И так...

– А, может, так? – закинув одну ногу на кровать, стала медленно разводить колени. При этом скользя пальчиками по бедрам.

– Я кофе не дождусь?

– Мне нужна расписка, – она вдруг замерла, прекратив свою соблазнительную пытку.

– Хм... Это уже интересно, – стало действительно любопытно, что может прийти в эту хорошенькую головку, поэтому я сел на кровати, сложив руки на груди.

– Я не глупая, знаю зачем ты приезжаешь. И я была бы полной дурой, чтобы закатывать тебе истерики, потому что от такого секса я не готова отказаться. Поэтому, мне нужен график. Я не хочу ждать тебя каждый день. Не хочу писать, звонить. А больше всего не хочу ждать звонка. Поэтому, мне

нужен график, – брюнетка сбросила с кровати ногу и сложила руки на груди, давая понять, что говорит вполне серьезно.

– Интересно. Я подумаю.

– Нет! Мне нужен ответ, – она топнула ногой.

– Брюнеточка...

– Настя.

– Хорошо. Настенька, я подумаю. А теперь вари кофе, пока я в душе. – соскользнул с кровати и направился в ванную, проходя мимо раскрасневшейся девушки.

– Нет! Ты не уйдешь! Вторник, четверг и понедельник, – ее крик догнал меня, когда уже взялся за хромированную ручку двери.

– Понедельник, четверг и суббота, – сквозь смех сказал я, захлопывая перед ней дверь.

Старый двор произвольно навевал приятные воспоминания детства. Цепочка старых пятиэтажек была плотно заперта между высоких новостроек. Как оазис среди душной пустыни. Тут даже дышалось как-то по-особенному. Деревья скинули все листья, им оставалось только стыдливо размахивать голыми ветками, зато осмелевшие листья, почувствовавшие свободу, начали кружиться по двору. Они выписывали виражи, врезаясь в еще сонные окна дома, забивались под дворниками автомобилей, укрывали опустевшую песочницу.

Открыв дверь, впустил в машину свежий морозный воздух. Ветер старался пробраться как можно глубже, задувая под кожаную куртку, но мне было все равно. Такие минуты полного спокойствия выдавались не часто. Город еще спал, радуясь субботней беззаботности. Как бы я ни старался не впускать в голову мысли, это не получалось. Перед глазами всплывали обрывки ночи, но какими бы они ни были жаркими, их перекрывало воспоминание о голубых глазах. Испуганных, тревожных и таких настоящих. То, как она вжималась в серую стену, как вспыхнула, когда увидела меня и, как пыталась помешать выбиванию дерьма из того придурка. Яна смотрела на меня так, словно чего-то ждала, словно я должен был сделать что-то. Но что я упустил из виду? Я должен был извиниться? Или что? Черт! Как понять этих баб, один и тот же взгляд которых может говорить о разных вещах. То, что она не задумывается о собственной безопасности – это скорее вина Моисея. Она настолько привыкла к постоянной охране, что перестала трезво оценивать возможные риски своих поступков, надеясь, что кто-то всегда будет рядом...

– Привет, мажор, – из подъезда вышел Паха.

– Привет, бюджетник, – Я рассмеялся и выскользнул из машины, обняв Паху.

– Поехали? Нам еще пилить больше часа. – Паха постучал меня по плечу и потянулся. – Где твой костюм? Лакированные туфли?

– Бояра, я же знал, что если так оденусь, то ты мне до конца поездки покоя не дашь.

– Ладно, живи, мажор! Мы еще с Марой оторвемся, когда встретимся. Вспомним все!

– Ой! Да, что там вспоминать-то?

– Нет, уж мы постараемся! Но для начала давай позавтракаем?

– Давай, я тоже не успел. Куда, барин?

– На выезде из города есть кафешка, там никто не помещает. Потому что теперь ты от меня никуда не денешься.

– Слушай, Паха, не растягивай. Начинай в машине, потому что я могу разнервничаться и наговорить кучу гадости.

– Ты пропал на десять лет! А с учетом того, что ты свалил сразу после армии, то я не видел тебя 12 лет, – сходу заорал Бояров, он будто ждал отмашки, чтобы выпустить пар. Его кулаки сжались, он замахнулся правой рукой, но затормозил в паре миллиметров от панели. – За все это время позвонил нам три долбанных раза! А потом появляешься и делаешь вид, что выходил за сигаретами. Как я должен реагировать? Научи? Ты же всегда был у нас самый умный!

– Б*ять! Бояра! Я просто работал! Ты же сам сказал, что я наемник. Не прикидывайся лошком, потому что в жизни не поверю, что не наводил справки. И знал, что я в городе, и знал, чем я занимаюсь. Поэтому заткнись, исповедь я не заказывал!

– До меня тут слухи дошли...

– Да срать я хотел на слухи!

– Не прикидывайся. Ты думаешь, что я не догадался, за-
чем ты вернулся? Да я тебя уже давно жду. Знал, что этого
не пропустишь! Он взлетел слишком высоко. Да?

– Да! Б*ядь! ДА! Доволен? Психотерапевт х*енов! Так и
знал, что залезешь под кожу! – я сильно треснул рукой по
рулю, ощутив ладонью жгучее жжение. – Знал, что не успо-
коишься, не уймешься! Знаешь, а ведь в тебе это с самого
детства! Задатки мента так и прут из тебя!

– ДА! У*бок! – взвыл Паха и, развернувшись ко мне всем
корпусом, врезал кулаком в плечо. – Ты знаешь, чем он те-
перь занимается? Ты знаешь, что Корней примкнул к ору-
жейникам?

Черт! Ведь знал, что день не будет легким! Знал, что про-
сто так не отъеду на смешках. Понимал, что Бояра со свой-
ственной ему бульдожьей хваткой вцепится мне в горло, в
поисках правды. Ему всегда было просто необходимо знать
истину, искать ее, копать в многослойной куче дерьма. Та-
ких, как он, много. Но среди всех этих навозников он един-
ственный, кто не стремится завалить раскопанным окружа-
ющих. Все делает тихо, аккуратно. Не прикопаться. И сей-
час, он так смотрел на меня, будто видел насквозь. Я резко
свернул на обочину и вышел из машины. Как только первая
порция никотина проникла в легкие, обернулся. Бояра сидел
в машине, не скрывая улыбки.

– Я ждал тебя три года назад, когда освободился Корней.

Но ты не приехал и перестал звонить и мне, и Маре. Было два варианта, либо ты затих и ждешь, либо поймал свинец. Я надеялся, что ты зазнался, забыл, отвык! Но только не сдох. Поэтому я и начал собирать информацию на него, чтобы занять себя. Чтобы просто не думать об этом. На, держи! – Бояра достал из кармана джинс флешку и бросил ее мне. – Если ты собираешься убрать его, то я с тобой.

– Нет, мне вообще с тобой лучше не видаться, не хочу светиться.

– Да брось! Ты еще не знаешь, но мой начальник кушает с руки Моисея, поэтому пока тот кормит, за меня можешь не волноваться. Тебе просто нужно контролировать порции. Мой шеф очень прожорлив.

– Я сказал нет.

– Да.

– Нет, Бояра. Нет! Ты не знаешь, куда влезаешь. Я иду против многих, поэтому хочу быть один.

– Значит, слухи – правда?

– Мне необязательно отвечать на твои вопросы. Ты и сам все знаешь. А теперь поехали завтракать? Конечно, если твои вопросы закончились.

– Ты всегда был такой, – Паха выскочил из машины и в один прыжок оказался около меня. Его огромные руки сгребли ворот футболки так, что я чувствовал, как ткань сжимается у горла. – Мы вместе били стекла, жгли мусорки, заливали клей в замочные скважины. Но если нас ловили,

ты вставал и брал все на себя, даже не давая возможности вставить слово! Но теперь я не доставлю тебе этого удовольствия. Поэтому умолкни!

– Ба! Какие люди! – не успел я затормозить у высокого забора из серого камня, как увидел сторбленную фигуру, сидевшую на ступеньках. Как только машина остановилась, он встал, сбрасывая капюшон серой толстовки.

– Мара... Мара... Марадона! Все тот же пижон, – я выскочил из машины и медленно направился прямо к нему. Мара снял зеркальные очки, обнажая серое лицо. Под глазами залегли глубокие синяки. Худое овальное лицо осунулось. Впалые скулы. Многодневная небритость, граничащая с легкой формой бороды.

– Ну-с... – Мара расправил плечи и направился навстречу. Но потом остановился, окидывая меня холодным взглядом. – Какими судьбами, мажор?

– Да вот... Бояра сказал, что ты скоро «в ящик сыграешь», поэтому приехал, боясь пропустить пышные похороны, – я повторил его холодный тон, не переставая рассматривать друга, которого не видел двенадцать лет. Помню, как он притащил на вокзал толпу телок, бочку пива и угощал всех. А когда нас с Боярой погрузили в состав, долго бежал за вагоном. Помню его широкую улыбку, серые глаза, в которых блестели слезы. За ним бежала толпа телок, сопровождаемая громкими свистами всего вагона будущих служак. Бояра

остался в области, а меня угнали на Крайний Север. Так мы и не виделись больше, только пару раз созванивались.

– О! Тогда, может, отвезете меня в одно место? Там есть то, что может помочь вам погулять на моих похоронах, – прошипел он, подойдя настолько близко, что почти касался носа. Но я не шевелился, просто ждал.

– Лучше я сам тебя грохну. Тихо и аккуратно. Обещаю, что больно не будет.

– Скала, а я вот тебя только и жду. Думаю, кто, как не лучший друг, избавит меня от этих нечеловеческих мучений.

– Могу прямо сейчас. – я откинул куртку и вытащил ствол. – Хочешь? На х*й тебе жить? Зачем? Смотри! Ты только скажи.

– Э! Парни! Завязывайте, – Бояра попытался отобрать пистолет, но щелчок предохранителя заставил его отойти. Он знал, что нельзя вмешиваться, когда ствол готов выстрелить. И со мной не нужно связываться. Мои руки уже лет пять чешутся надрать Илье задницу.

– Зачем тебе жить? Чтобы колоться? Нюхать? Е*ать обшаренных телок? А потом молить у Бога пощады, сидя в коридоре дорогой больнички, в ожидании анализов на СПИД? Ну, как? В этот раз пронесло?

– Заткнись! – Илья дрогнул, а в глазах появились слезы. Голос больше не был холодным. Достучался? Что, и пары выстрелов не пришлось делать?

– Нет, это ты замолчи! Собирайся.

– Куда?

– Лечиться будем! Хватит. Думаешь, что отсидишься тут? Хрен тебе! Будешь у нас на глазах. И не дай Бог, я узнаю...

– Понял я! Понял, – Илья улыбнулся и обнял меня, сжимая мои плечи с какой-то нечеловеческой силой. Или яростью. – Но и ты запомни. Если ты пропадешь, то мы с Боярой найдем тебя и повесим за яйца. А если ты все же планируешь съе*аться, то лучше сразу скажи. Не нужно играть в дружбу!

– Пошли, придурок.

Мартынов собрал небольшую спортивную сумку и с радостью запрыгнул в машину, не забыв обложить трехэтажным матом персонал, пытающийся остановить душевнобольного наркомана.

– Псих! А, правда, что в таких лечебницах все ходят в одинаковых пижамах? – мы привезли Илюху домой. В квартире пахло сыростью и пылью, словно жизнь в помещении остановилась.

– Еще бы! Думаете, почему я так долго собирался? – Мара порылся в сумке и вытащил пачку серых в черную полоску пижам.

– Точно, псих! – Бояра сбросил кеды и пошел по квартире, открывая белые глянцевые двери.

– А ты мент. Нет тут преступников. Даже тут в ищейку играешь. Я уже и сам не помню, когда был тут в последний раз. – Илья загнул сумку в гардеробную и направился в кухню. – А знаешь, Олег, по чьей наводке меня упекли в боль-

ничку?

– Да! И сделаю еще раз, если только узнаю, что ты подойдешь к Макову. Запомнил? Делаешь шаг к Макову-младшему, и я упекаю тебя в психушку. Усек? – Бояра открыл холодильник и тут же закрыл, издав грустный вздох. – Что, пожрать нечего?

– Тебя проще убить, чем прокормить, – я сел на кожаный диван и пододвинул пепельницу, наблюдая, как Бояра осматривает морозильник.

– Тебе помочь или не мешать? – Илья отвесил тому пинок и, на всякий случай, отпрыгнул в сторону.

– Я не услышал ответа. – Бояра с неопишуемым восторгом выудил из недр морозилки пачку пельменей.

– Понял я. Понял! Был один зануда, а теперь вас в два раза больше! – Илья достал бутылку водки и открыл банку корнишонов.

– Водка, водка, огуречик – вот и спился человек, – я наблюдал за парнями, снующими по огромной кухне. Бояра налил воды в кастрюлю и взглядом старался ускорить процесс закипания. А Илья доставал рюмки, попутно пихая друга в бок. Но голодный Паха становился безразличным к внешним раздражителям. – А расскажите мне про Макова?

– Олег! Не смеши меня, – Бояра зло зыркнул на меня, обернувшись всего на пару секунд. – Лучше ты нам расскажи. Я вот думаю, может вас с Марой вдвоем упечь в психушку? Как тебе в голову могло прийти пойти туда в одиночку?

– Я не один.

– Пи**ец! Лазарев, конечно, прикроет твою грудь. – Бояра вернулся к закипающей кастрюле.

– Я не просил консультации, доктор.

– А какой Маков тебя интересует? Я знаю только младшего. Толкает дурь. Качество отменное. Думаю, что ему гонят ее из Афгана. Но, сука, не колетса, не говорит, где берет. – Илья сел на стул и закурил. – Ну, бухнем?

– Наливай, – я скинул куртку. – А старший не торгует?

– Нет, он мелкий бандюга. Живет тем, что курирует рынки, точки. Я сам удивляюсь, как он доверил своему сынишке такое дело. Потому что Маков-младший прожженный нарколыга. Но ему везет. За ним гоняются очень долго. – Бояра закинул пельмени и присоединился к нам. – Иногда мне кажется, что это не просто везение. Ему помогают. Но вопрос – кто? Но это не мой отдел, а головной боли в виде косяков мне предостаточно!

– А узнай, друг мой? Узнай?

– Олег! Ты же знаешь, что никто не любит, когда вмешиваются в работу чужие.

– Паша, а ты попробуй. У тебя по-любому есть хорошенькая дамочка в отделе наркотиков. А лучше – парочка. Знаешь поговорку? Там, где баба – там рынок, а где две – базар. А где базар, там сплетни.

– Скала, ты действительно думаешь, что в бабских сплетнях найдется что-нибудь интересное?

– Ты недооцениваешь женщин, – в этот момент завибрировал мой телефон. – Кстати, о них. Да, Моисей.

– Через час у меня, – взвыл «папа» и отключился.

– Вот и посидели. Вот и поговорили, – я вздохнул, понимая, что сегодня определенно не мой день.

– Что, правда, к Моисею подался? – Илья опрокинул рюмку и закинул в рот огурец.

– Слухи, Мара... Это слухи! До завтра.

Глава 16

Олег

Небо затянуло пышными тучами, по-осеннему бледная голубизна неба исчезла за мрачным покрывалом. Большие капли лениво падали с неба, разбиваясь о лобовое стекло. Выключил магнитолау, чтобы ничто не мешало. Монотонный звук дождя успокаивал, выстраивая мысли в очередь.

Мартынов никак не выходил из головы, прочно заняв первое место по важности. Илья изменился. Должен признаться, я не был готов к переменам такого масштаба. Мара всегда был любимчиком всех девчонок. Мимо него было просто невозможно пройти. Правильные черты лица, постоянная щетина, глубокий и слегка дерзкий взгляд исподлобья. Все это прилагалось к двухметровому росту и широким плечам, а самым убедительным аргументом была черная БМВ. Его мускулистое тело было покрыто самыми невообразимыми татуировками, а лицо было истыкано всеми вариантами пирсинга. Но, несмотря на подобную эпатажность, этот пиджон смотрелся органично даже в абсолютно классическом смокинге. Как только в поле его зрения попадалась подходящая особа, он приоткрывал рот, цепляя зубами штангу в языке. От одного этого движения, девки плавилась. Жены уходили от мужей, отменялись свадьбы, а скромницы начи-

нали фантазировать о самом извращенном сексе.

Его жизнь была больше похожа на эталон. Папа всю жизнь в политике, мама историк-искусствовед. Рожденный в полной любящей семье, хорошо учился, окончил вышку. И все легко, не напрягаясь, я бы даже сказал играючи. А теперь? Меня весьма шокировал его внешний вид. Он был настолько худой, что даже через плотную ткань толстовки можно было разглядеть истощавший скелет, сдобренный сухими мышцами. Когда-то широкие плечи осунулись, щеки впали, а руки постоянно тряслись мелкой дрожью. При всеобщих изменениях остался только его фирменный взгляд. Глубокий, оценивающий и довольно жесткий, огня в нем не стало. Ни единой искры. И эти шутки. Будто старается показать, что все хорошо. Врет. Все в нем врет. Он, как выжженное поле. Почва еще плодородна, только семена выгорели.

Но Мара был не единственной проблемой, которая обрисовалась сегодня. Бояра. Я, конечно, знал, что он копает на Корнея. Он не мог не копать, потому что знает о нем все. Знает, какой он урод, понимает, что таким не место на земле. Поэтому и взялся за раскопки. Черт! Его дикое стремление к справедливости доставляло нам очень много проблем в молодости. Постоянные драки, вечно пополняющиеся ряды врагов. И сейчас. Но одно дело, когда копают извне, а другое дело, когда роет мент. А Бояра самый настоящий мент, и он не отступит. Не сдастся. И врать ему бесполезно, потому что он знает: я тоже не отступаю. Не умею. Не привык. Я очень

долго шел к этому, теперь не могу упустить шанс. А Паха под ударом, потому что в ментовке могут оказаться такие же «Пахи», работающие на Корнея. Черт! Бояра... Бояра...

Но и это не было последней проблемой. Янка. Не знаю, что в ней особенного. Она такая же женщина, как и десятки предыдущих. Но ни одну из них мне не хотелось защитить. Ни за одной я не катался по городу, прочесывая клубы и бары. И уж тем более, ни за одну мне не хотелось грохнуть пьяного утырка, поверившего в безнаказанность. Но ничего, теперь его будут тормозить на каждом посту ДПС. Черт! Да, что в ней не так? Это раздражает, потому что, если она рядом, мне хочется смотреть на нее, постоянно держать ее в поле зрения. Ее настроение меняется, она может быть домашней мышкой, пекущей пироги, а может быть бестией, нагло истребляющей мой гардероб. Что касается Янки, будь моя воля, посадил бы ее под замок, и всё. Пусть развлекается на ограниченной, но зато очень защищенной территории. Потому что с той интенсивностью, с которой она притягивает к себе приключения, ей просто противопоказано выходить из дома. Характер у нее, конечно, моисеевский. Однозначно. Она как вирус. И мне требуется прививка. Нужен антидот. Потому что я определенно болен. А болеть мне нельзя, потому что на кону стоит моя жизнь. Нет вариантов: либо я, либо меня.

Откатные ворота скрипнули, и стал виден дом. Я открыл окно, чтобы поздороваться с охранниками, которые поче-

му-то стояли у самого забора скучковавшись, как напуганные пингвины.

– Здравóво, мужики.

– Привет, Скала, – Веселков поправил серый пиджак и направился ко мне. Гриша был рыжеволосым парнем с огромным количеством веснушек. На солнце его волосы горели, как костер ночью. Но, несмотря на внешнюю миловидность, с первого взгляда становилось понятно, что он чрезвычайно серьезный. Не знаю, что привело его к Моисею, но характеристика у парня была отменная. Отслужил, потом еще четыре года по контракту, отличная стрельба. Отменная реакция. Владеет широким спектром единоборств и, как ни странно, закончил университет, что большая редкость среди «моисеевских» псов.

– Привет, Весел. Что тут у вас за слет? Папа выгнал?

– Ха! Нет, отрабатываем маневры на случай атомной войны, потому что чую я, она не за горами. – Гриша прислонил ладонь к глазам и посмотрел в сторону дома. – Проезжай, Моисей очень ждет тебя.

– Ты завтра придешь?

– Как я могу не прийти? Я так понимаю, что это не просто встреча в спортивном комплексе? Проверять нас будете?

– С чего взял? – я закурил и открыл окно шире.

– Новая метла по-новому метет. – Гриша пожал плечами. – Ну, не на лекцию же о современных тенденциях моды вы нас пригласили?

– Не, Веселков. Я не новая метла. – вдруг до меня донесся какой-то шум. Я повернул голову в сторону дома, виднеющегося среди облысевшей рощи деревьев. – Да и с модой у вас все в порядке. Костюмы, что надо.

– Жаль. Я бы хотел поработать с тобой. Уж очень характеристика у тебя примечательная. А костюмы – это заслуга Яны Викторовны. Она помогла нам.

– Веселков! Много слов. Очень много слов! – я закрыл окно и въехал на территорию. Надавив педаль газа чуть сильнее, покатился по брусчатой подъездной дорожке. По мере приближения шум становился отчетливее и яснее. Громкая музыка сопровождалась глухим грохотом.

Как только показался большой особняк из серого камня, все стало ясно. Моисей сидел на последней ступеньке парадного входа в дом. Рядом стояла бутылка коньяка и поднос с закуской. Видимо, давно сидит, потому что бутылка почти пуста. Поза Моисея была расслабленная, даже слишком. Седая голова безвольно болталась, а руки были скрещены на коленях. Голубой пиджак был расстегнут, а галстук намотан на кулак. Вдруг с балкона второго этажа вылетела ваза, если бы я вовремя не остановился, то поймал бы творение древнекитайских мастеров капотом своей машины.

– Вот это жаркий прием! – присвистнул я.

– Привет! – прохрипел Моисей.

– Я больше не буду декоративной собачонкой. Устала. Хватит. Ты радуешься, когда я дома, когда весела, когда в

безопасности, как бриллиант в сейфе. Но, папа! Мне нужна собственная машина. Мне нужна собственная жизнь. Мне не пятнадцать, да и давно уже не двадцать. Я и так прожила долго с тем, кто считал меня декоративным приложением к твоему статусу и деньгам. Я знаю, что ты сейчас думаешь, что не навязывал мне. Да! Только почему мне так везет, что из всех неудачников я выбрала самого алчного и жестокого? ВСЁ! Засиделась я в детстве. Живу с папенькой. Получаю второе образование, только вот на практике ни одно не применяю. Сколько осталось освоить профессий, а, папочка? Что дальше? На переводчика я отучилась. Знаю четыре языка. Теперь вот балуюсь дизайном. Дальше куда? Хирург? Юрист? Архитектор? Что делать дальше? – наконец-то крик из глубины комнаты прекратился, и на балкон выскочила Янка. Она замерла у кованых перил, обвитых пожелтевшим виноградом. Увидев меня, сложила руки на груди и прищурилась. Даже со второго этажа голубизна глаз была неестественно яркой, особенно на фоне серого неба. Светлые волосы были взлохмачены, клетчатая рубашка расстегнута, в вырезе которой виднелось красное кружево белья. – О! И ты здесь? Приехал на цирк посмотреть? Ладно!

После этих слов с балкона вылетел стул. От столкновения с мощной площадкой деревянное основание треснуло, а лиловая бархатная обивка лопнула с громким треском.

– Деточка! Может, вызвать врача? – я закурил и сел на капот. Отсюда была видна полная картина этого театрально

действия.

– Заткнись! – в воздухе запорхали журналы, вслед полетели покрывала и одежда с вешалками.

– Фу, как грубо!

– Замолчи! Меня тошнит от твоего голоса! – после этих слов из окна вылетели красные подушки, а за ними принтер. Казалось, что она выметает из комнаты все, что попадает под руку. Пространство парковки было засыпано девчачьим барахлом. Видимо, этот концерт начался давно, а я успел только к финалу. На аккуратно постриженной живой изгороди валялись ее шмотки, на кусте жасмина болтался бюстгальтер ярко-розового цвета. Искусственный газон был усыпан обрывками тетрадей. Я так засмотрелся на поле боя, что пропустил очередной снаряд. Плетеное ротанговое кресло летело прямо на меня, выставив правую руку, отбросил его в сторону.

– Взаимно! – как же мне захотелось подняться и отлупить ее еще раз. Ремнем, да до красноты кожи. Чтобы помнила! Чтобы сидеть не могла!

– Папа! Что он тут делает? Ты забыл, что этот придурок убил моего мужа? – взвизгнула она и перегнулась через перила.

– Я ему завидую! – посмеялся я. Неконтролируемое желание досадить, раззадорить, разозлить победило разум. Не мог не ответить. Впитывал, наслаждаясь ее румянцем, гневным прищуром и застывшим в изумлении ротиком.

– Замолчи! – Янка схватила стул и выбросила его с балкона с таким остервенением, что он рассыпался на мелкие кусочки прямо у моих ног. А сама Заноза исчезла в комнате. Но я рано радовался, стеклянная дверь за спиной Моисея распахнулась, с грохотом ударившись о каменную стену. Она перепрыгивала через ступеньки, с быстротой кошки направляясь в мою сторону. – Замолчи!

– Только после тебя!

– Как мне хочется тебя ударить! – она сжала руку в кулак и подняла ее.

– Давай, – пожал плечами и отвернулся от покрасневшейся девушки. Янка зарычала, громко и отчетливо выплевывая гортанные звуки, а потом с силой выбросила свой кулачок, попав мне в живот. – Не думай, что если выручил меня один раз, то...

– Три.

– Что три?

– Три раза.

– Папа! Ты хоть одно слово услышал? – Янка поджала губы и отвернулась от меня, направляясь в сторону отца. А я перестал улавливать суть разговора, потому что мой взгляд был приклеен к ее заднице. Упругие ягодички были затянуты в трикотажные белые шорты, которые задрались и показывали чуть больше, чем стоило. От холодного ветра по белой коже бегали мурашки. Тонкий пушок волос встал дыбом. Янка то и дело проводила ладонью по ногам, пытаясь усмирить

мурашки. Руки дрожали то ли от холода, то ли от бьющего через край адреналина.

– Слышал. Я все слышал. – Моисей поднял голову.

– И, что?

– Что я могу сказать, дочь? Ты единственная моя слабость.

Почему ты выбрала именно этот момент, чтобы взбунтоваться? – Моисей приложился к бутылке, сделав пару больших глотков. – Почему не в шестнадцать или восемнадцать? Почему в двадцать пять? Почему? Где ты нашла эту кнопку, которую все жмут еще в подростковом возрасте? Черт! Ты дождалась, пока я не смогу тебе помешать? – Моисеев встал. – Так вот знай. Я сделаю всё, чтобы обеспечить твою безопасность. Всё. Если нужно, то запрю тебя!

– Пап!

– Замолчи! Я час уже слушаю твою истерику. Молча смотрел на то, как ты выносишь свою комнату через балкон. Теперь твоя очередь слушать. Хочешь машину – пожалуйста! – Моисей достал из кармана брюк брелок от гаража и бросил дочери. Янка сморщила нос и едва заметно втянула шею, словно испугалась. Сейчас она снова была, как в первый день нашего знакомства, такая же испуганная, а ее огромные голубые глаза.... В них плескались непролитые слезы. Видимо, Моисей с ней никогда не разговаривал в подобном тоне, потому что напыщенная бравада испарилась. Она вновь превратилась в послушную папину дочку. Но Моисей разошелся не на шутку. Его такие же голубые глаза стали почти

прозрачными, сверкая неподдельной яростью. Пальцы руки, которыми он сжимал матовое горлышко бутылки, побелели, казалось, еще чуть-чуть и стекло треснет. – Бери, катайся, живи. Но за тобой всегда будет ехать охрана. Всегда! И лучше тебе смириться, это в твоих же интересах! Я ясно выразился?

– Предельно! – Янка подпрыгнула от его крика и бросилась в дом.

Я закурил очередную сигарету, просто чтобы не смотреть ей вслед.

– Стоять! – взревел Моисей, отбросив бутылку. Та со звоном разбилась о каменные ступени. Янка замерла, вжав голову в плечи.

– Что, папа?

– Я завтра уезжаю во Владивосток. – Моисей сделал шаг ко мне. – Присмотри за Янкой?

– Что? Почему я? Она больше и на шаг не подойдет к моей квартире! – я кивнул в сторону заваленного бараклом газона.

– Что? Я не маленькая! Мне не нужны надсмотрщики, хватит и охраны!

– Янина! – зашипел Моисей.

– Янина? – я не смог удержаться, чтобы не усмехнуться. – Значит, Янина?

– Не называй меня так! – заноза так быстро затопала ногой, что расстегнутая рубашка распахнулась, оголяя грудь в красном кружеве.

– Что, и в паспорте так написано?

– Папа! Скажи, чтобы он заткнулся!

– Яна!

– Моисей, почему я? Попроси Лазаря!

– Он летит со мной!

– Значит, Буба. – не сдавался я.

– Все, что мне нужно: чтобы Янка отчитывалась перед тобой три раза в день. Утром, днем и вечером.

– Днем и вечером. – На автомате возразил я.

– Э! А вы меня не хотите спросить?

– Нет! – рывкнул Моисей, осадив снова зарумянившуюся девушку. – Тебе сложно написать смс?

– Нет. – Пробурчала она и сложила руки на груди, наблюдая за мной исподлобья.

– А тебе сложно прочесть несколько строк?

– Нет, но ты мог бы найти кого-нибудь другого.

– Значит, ты ему доверяешь? – внезапно Яна растянулась в самой широкой улыбке. На щеках проявились довольно глубокие ямочки, а глаза заблестели, но как-то не по-доброму. Вернее, как-то загадочно.

– Пока не было повода, чтобы усомниться. – Моисей глубоко вдохнул перед тем, как ответить, словно набирался спокойствия.

– Отлично! – Яна развернулась и медленно пошла к дому. – Я буду писать тебе, злюка!

– Б*ять! Моисей? – зашипел я, как только она скрылась.

– Скала, хватит! С меня сегодня хватит истерик. Ты все равно будешь всю неделю с парнями на тренировочной базе. Тебе же несложно читать сообщения? А по вечерам тебе будут звонить с поста охраны, чтобы доложить, что дочь вернулась.

– Моисей...

– Хватит, Олег! – голос старика изменился. Появилась напряженность. Его лицо напряглось, отчего морщины стали глубже. – Я очень редко прошу. Поверь.

– Ладно! Это все, что ты хотел сказать?

– Нет! Выпьешь?

– За рулем.

– Тогда идем на веранду, поговорим.

Мы вошли в дом. По темным коридорам гулял сквозняк. Первый этаж был сдержанным, даже аскетичным. Контрастные цвета, резкие линии. Никакого намека на уют. Широкие коридоры перетекали друг друга, отражаясь в огромных зеркалах, словно в лабиринте. Дом словно был пуст. Только наши шаги отдавались тихим эхом в темноте.

– Не люблю этот дом за эти бездушные коридоры! – Моисей толкнул высокие двустворчатые двери. – Тут теплее! И тише!

В гостиной потрескивал камин, наполняя комнату ощущением уюта. Какой контраст по сравнению с ледяными серыми коридорами. Моисей закрыл двери и махнул в сторону пары английских кресел у самого камина. Несмотря на то,

что на улице еще было светло, плотные портьеры были задернуты, отсекая солнечный свет почти полностью. Огромная комната освещалась только настенными бра, но основным освещением служил огонь. Его игривые языки пламени роняли тени на светлые стены.

– Я в темноте лучше думаю. – старик словно прочел мои мысли. Он скинул пиджак и распахнул огромные двери на террасу. По вечернему прохладный воздух ворвался в комнату.

– Говори. Не тяни. – Я сел в кресло, с интересом наблюдая за стариком.

– Я не могу спать. Постоянно кажется, что как только засну, получу пулю в лоб. И страшна не смерть. Я ее не боюсь, потому что пожил. Познал и радость, и горе. А страшно за Янку. Я как загнанный зверь. Думаю, может, отправить ее за границу? Спрятать в каком-нибудь небольшом графстве? Но понимаю, что там она будет еще уязвимей. – Моисей сел в кресло напротив и закурил сигару. Густые, почти молочные клубы вяло, по-старчески поползли к потолку. Старик смотрел на огонь, почти не моргая. Он вытянул ноги, забросил руки на подлокотники и закрыл глаза.

– Ты совета хочешь?

– Ну, попробуй. – Проскрипел он и повернул ко мне голову.

Зачем я это сказал? Кто тянул меня за язык? Какие, на хрен, советы? Меня вообще не должна волновать его чокну-

тая дочь. Хватит и того, что я уже для нее сделал.

– Как только она покинет страну, то перестанет быть Моисеевой. Просто приставь к ней хорошую охрану и все. Пока ей ничего не угрожает. Найди крысу, и тогда все будет нормально.

– Нормально, говоришь? Нормально уже не будет. Как только я найду крысу, начнется возня. А если я не найду крысу, то начнется война. Знаешь, чего мне стоило установить мир в области? Я много лет потратил на то, чтобы примирить большие группировки и присоединить к себе мелкие. Если не отреагирую, подумают, что я ослаб, и налетят стервятники, жаждущие моей крови. А отреагирую, прольется кровь, которой давно не было. Это замкнутый круг.

– Тот, кто начал это, именно этого и ждет.

– Чего?

– Ему понравятся оба варианта.

– Ты думаешь?

– Да. За Янку можешь не переживать. Им интересен ты. Твое место. Сколько старших? Немного? Три? Четыре?

– Четыре.

– Подожди. Если они не перекинутся на других, значит, им интересен именно ты. Тогда не избежать крови. Но я бы на твоём месте не распространялся о своих проблемах. Даже старшим. Как ни странно, стабильность – это всего лишь видимость. Никто не откажется от твоего места.

– Ты мне нужен! – Старик повернулся. Я чувствовал его

взгляд. Он медленно исследовал мое лицо, спускался к рукам.

– Моисей, мы говорили об этом.

– А я помогу тебе добраться до Корнея. – Он швырнул сигару в камин и сложил руки на коленях, переплетя пальцы. Его взгляд прожигал, улавливая каждое движение мышц. Ждал реакции. Любой. – Ты же не станешь отрицать, что вернулся за его головой?

– Не стану.

– Тогда также согласишься, что одному тебе его не достать. Тебе нужна моя дорога к нему.

– Я попробую один.

– Второго шанса не будет. – Моисей ухмыльнулся. – Ты же не дурак. Как только подойдешь к нему слишком близко, появится только один шанс. Зато выхода будет два: либо могила, либо победа. Парадокс, правда? Шанс один, зато выхода два...

– А зачем тебе помогать мне?

– Я ничем не отличаюсь от тех, кто затеял возню. Не откажусь от возможности убрать неудобных мне «старшаков». А Корней неудобный для меня.

– А я, значит, удобный?

– Ты справедливый.

– Не боишься проиграть самому себе? Я «убирал» и более важных мира сего.

– Не боюсь. Не я затеял тусню. Теперь все просто. Либо

я, либо меня.

– Я никогда не стану твоей «шестеркой».

– У меня их предостаточно. Мне нужен равный.

– Не смейся меня. Равных убирают.

– Не всех. Только тех, с кем нельзя договориться. А с тобой можно говорить.

– Неожиданный поворот. – Я встал и направился на террасу. Виски пульсировали. Не ждал, что этот разговор произойдет сейчас. Конечно, Моисей облегчил мою задачу, но не так рано. Слишком рано. Сев на перила, закурил. Солнце зависло над горизонтом, приготовившись скрыть город в одеяле ночи. Страшно захотелось выпить.

– Ты знаешь, что Корнея надо убрать, не хуже меня. – продолжал Моисей из гостиной. Его хриплый голос был ровным, без намека на панику. Спокойствие, с которым он говорил, поражало. Хотя, на то он и Моисей. Он построил себя сам. И теперь он знает, что если проиграет, то его растопчут. Смешают с грязью.

– Ты его недооцениваешь. – На выдохе ответил я и тут же снова затянулся. Сигарета истлела моментально.

– Ошибаешься. Мы впервые пересеклись еще до рождения Янки. И знаю я его давно. Слишком давно, чтобы говорить о том, что могу недооценить.

– Даже если я соглашусь, это самоубийство, копать, пока не найдем крысу. – громкое лошадиное ржание отвлекло меня. Ворота конюшни распахнулись. Сначала вышел конь, а

потом показалась хрупкая фигурка Янки. Девушка остановилась и прижалась к коню, крепко обхватив того руками. Она зарылась носом в гриву и постояла так недолго. Затем сунула руку в карман узких белых брюк и достала лакомство. Конь тихо заржал и аккуратно взял угощение с крохотной ладони своей хозяйки. Яна стянула длинные волосы в пучок и ловко запрыгнула на коня. Жеребец топтался, давая хозяйке время, чтобы она села удобнее, но уже предвкушал чувство свободы.

Свобода.... Ничто не удерживает. Можно лететь навстречу ветру, замирать от резких порывов, наслаждаться лаской, впитывать последние лучи. Ощущать щекочущее касание уже сухой травы, радоваться разлетающимся во все стороны брызгам.

И Янка. Только что пылающая от гнева девушка сейчас казалась самой счастливой. Она ласково что-то шептала коню, гладила его по мускулистым бокам и теребила шелковистую гриву. Ее длинные ноги обнимали мускулистое тело скакуна. А я больше не мог ни о чем думать. Представляя ее ноги, хотелось подойти ближе, чтобы рассмотреть малейшие изгибы. Услышать тихий смех, почувствовать, как она задерживает дыхание, предвкушая свободу. Я не знаю, что такое свобода. Но обидно не от этого. А оттого, что животное, живущее в загоне, более свободно, чем мы – люди, живущие в современном мире.

– Я согласен! Мне пора! – я схватил пиджак и выбежал из

дома, по пути набирая номер.

– Я скоро буду!

– Но сегодня не суббота! – вяло отозвалась Настя.

– Да по *уй мне на твой график!

Глава 17

Олег

– Э! Ковбой! – я уже в пятый раз посмотрел на часы, когда тихий утренний двор взорвало от резкого звука торможения. В распахнувшуюся дверь подъезда высунулась встревоженная консьержка. Бросив ей извиняющийся жест, убрал пачку сигарет, которую уже приготовил, чтобы скоротать время. Мара со свистом припарковался рядом. Дикий рев Мустанга было слышно еще на подъезде к жилому комплексу. Илья вылез из машины, коварно прищурившись. – Сколько можно тебя ждать?

– Олежка, друг, неужели ты никогда никого не ждал? – он выпустил в воздух густое облако сигаретного дыма и надел очки. – А как же Наташка Смирнова?

– Эй, нарик! Кто тебе выдал инструмент для самоубийства? – я выхватил сигарету и отвесил другу звонкий подзатыльник. – И это не я ждал Смирнову, а она меня.

– Знаю... знаю... – Илья потирал ушибленное место, изредка поглядывая на меня. – Тебя сложно окрутить, а вот я бы встретился еще разок со Смирновой. Не видел ее с выпускного!

– Что, менее приметной машины не нашлось? Обязательно на пробежку нужно приезжать на Мустанге? – сам питал

слабость к таким мощным, своенравным и дерзким тачкам, но уж больно они приметные. Пробежался пальцами по отполированному капоту, проскользил по воздухозаборнику, приятная прохлада железа сменялась диким жаром от недавно заглушенного движка. Темно-серый, почти асфальтовый цвет кузова, и абсолютно классическая, широкая полоса цвета металлик пересекала всю тачку, начиная с бампера, заканчиваясь на коротком багажнике.

– Нет, мог, конечно, и на мерсе приехать, но мне на встрече сегодня, поэтому уж извини.

– И давно на встречи ездят на коллекционных тачках? – как можно не наслаждаться подобным творением человека? Это плевок правилам и ограничениям, а уж в этом Мартынов был мастак.

– Нет, совершенно недавно. С сегодняшнего дня, поэтому твоя консервативная ласточка нам не подходит, – Илья закрыл машину, бросив ключи в карман серых спортивных штанов.

– А если серьезно?

– Решил делом заняться, раз уж у меня появились няньки, которые следят за каждым моим шагом. – Мара улыбнулся и медленной трусцой побежал в сторону набережной.

– Так, а теперь поподробнее. Не заставляй связывать тебя. Куда вляпался? – немного постояв, пребывая в легком шоке, побежал за Ильей. Какие могут быть дела у того, кто тратит свое время исключительно на потребление всех благ, со-

зданных человеком, начиная с тачек, заканчивая авторской кухней.

– Никуда! Сами же говорили, что пора за ум браться!

– За что браться? Маара, не смейся! – я обогнал Илью, чтобы посмотреть в его глаза. – Ладно! Молчу! Только расскажи. Давай обойдемся без сюрпризов?

– Решил открыть автоклуб.

– Что сделал? Решил?

– Наскалов, прекрати. Я, может, и исхудал, но сила удара осталась! – Мартынов остановился и сел на мраморный парапет, скрестив руки на груди.

– Ладно. Может, расскажешь, раз уж моя пробежка отменяется?

– У меня есть огромная территория недалеко от города, еще дед дарил на совершеннолетие. Никаких жилых поселков, только удобная развязка и сплошное поле с горами и пригорками.

– И?

– И хочу построить гоночные треки разных уровней сложности. Такого у нас еще нет, да и не только в нашей области. Треков нет, а вот гонщиков предостаточно. Лучше уж пусть гоняют на специальном покрытии, чем на дорогах! Ставки, телки, тачки! Это же рай!

– Мара? Это ты? – я не удержался и стал ощупывать друга.

– Олег, прекрати. Я, конечно, понимаю, что амплуа торчка за мной останется надолго, но ты же знаешь, что я не кон-

ченный придурок! – зашипел он, отбиваясь от моих рук.

– Ты с самого детства бредил тачками. Сколько раз мы тырили по ночам шестисотый твоего отца?

– Да, знаешь, мне кажется, что именно тачки держали меня, пока вас не было. Потом пытался Бояра. Теперь ты.

– Раз уж пошла такая пьянка, то я поеду с тобой. Очень хочется посмотреть на твою земельку. Только сначала пробежим. Осталось всего три километра.

– Сколько?

– Три с копеечками. Давай, не ной, – я вскочил и побежал, постепенно увеличивая темп.

– Я не ною. Но с тебя душ.

– Да сколько угодно! Семь дней в неделю мой душ в твоём распоряжении.

– Сколько? Охренел, что ли? Какие семь дней?

– Могу перечислить. Понедельник, вторник...

– Ну, давай хотя бы три?

– Семь!

– Шесть!

– Хорошо! Шесть, – я тихо рассмеялся, не без удовольствия наблюдая, как серое и безжизненное лицо Ильи наливаются румянцем.

– А еще открою мототрек. Давно мечтал освоить мотоцикл, – с нескрываемым энтузиазмом говорил Мара, пока мы с ним взбежали по лестнице на двадцать пятый этаж.

– Тш-ш-ш-ш!– зашипел я, подойдя к двери. – На лестнице! Живо!

Как только Илья отошел на безопасное расстояние, я стал осматривать стальную дверь. Коврик, который я каждый раз сдвигаю вправо, когда ухожу, сейчас лежал ровно посередине. Нагнувшись, стал осматривать замочные скважины на царапины или иные признаки взлома. Никто не может случайно передвинуть коврик. На площадке всего две квартиры. Старушка живет в квартире напротив, да и не станет она нагибать свою больную спину, чтобы поправить ковер. Ни царапин, ни вмятин... Черт! Я достал жвачку и залепил глазок и микрокамеру видеодомофона.

– Что? – Мара нервно тербил сигарету.

– Там кто-то есть! – я спустился на пролет, пытаюсь понять, что делать дальше. – Тебе нельзя! Ты новую жизнь начинаешь!

– Сука! – он слегка толкнул меня в бок, когда я отобрал сигарету. – Ментов?

– Придурок, что ли? – в одну затяжку высадил сигарету и затушил в горшке с цветком. – Стой тут, пока не свистну!

Тихо подойдя к электрощиту, достал тщательно спрятанный нож. Чтобы не спугнуть «гостей», не стал вырубать пробки. Лучше застать врасплох. По миллиметру вставил ключ в скважину. Черт! Дверь открыта.

Тишина квартиры не предвещала ничего хорошего. Отпустив хромированную ручку, остановился на пороге, прислу-

шиваясь. Прихожая не выдавала никаких признаков вторжения. На полу не было обуви, конечно, не станет же взломщик разуваться или убирать за собой ботинки в шкаф. В гостиной послышался шорох. Прижавшись к стене, стал медленно двигаться по квартире. Кухня пуста. Гостиная тоже. Дверь в столовую закрыта, но это даже к лучшему. Шаг за шагом двигался по коридору, затаив дыхание. Голова вибрировала от мыслей. Стараясь усмирить гнев, продвигался все дальше и дальше, ступая так тихо, как только мог, учитывая собственный вес. Терпеть не могу, когда врываются на мою территорию. Хотя она уже перестала быть моей, в последние несколько недель квартира превратилась в гостиницу. Но все равно, это моя территория, здесь мои правила. Дойдя до раздвижных стеклянных дверей, замер. Сквозь матовое, практически непрозрачное стекло было невозможно рассмотреть комнату полностью. Только передвигающийся силуэт. Только шорохи, похожие на легкие шаги, напоминали о постороннем присутствии. Легкие шаги? Б*ять! Меня аж затрясло, когда быстро заглянул в зал.

Этот придурочный Кролик курсировал по гостиной, держа в руках книгу. Она читала, а потом поднимала глаза к потолку и что-то бормотала. Что? Она учит, что ли? Пи**ец. Ее выгнали из универа? Или закрыли библиотеку? Что? Почему это нужно делать в моей квартире? Каждое ее слово, каждое движение рвет меня на части. Она говорит то, что вызывает желание промыть ее рот с мылом. А за ее действия

так и хочется наказать.

Нет, ну точно ненормальная. Не знаю, почему, но я не спешил выходить. Гнев бурлил, повышая давление во всем теле. Ей нужно постоянно задницу румянить, чтобы хоть иногда головой думала? Ладно...

Скрипнула балконная дверь. Подождав, пока Янка выйдет на балкон, выскользнул в гостиную. Сквозь серебристый тюль просвечивал ее задумчивый силуэт. Она положила руки на подоконник, уложив подбородок на ладони. И не шевелилась, только тихо нашептывала себе что-то под нос. Глаза были закрыты, только выгоревшие кончики длинных ресниц светились на солнце. Я не думал долго. Не осознавая, что мной движет больше: желание наказать, проучить или прикоснуться, пересек комнату и тихо вошел на балкон.

Ворвусь в твои мысли, вплетусь яркой лентой,

Потоками лавы войду в твои сны...

Шампанским на губы... мускатно... игристо,

Собой опьяняя... ты только дыши...

*автор неизвестен

Она вновь и вновь повторяла эти строки, как мантру. Ее губы мягко двигались, от этого движения на щеках то появлялись ямочки, то снова пропадали. Затем медленно подняла голову и повернулась к окну, сощурившись от яркого утреннего солнца. Я сделал медленный шаг, оказываясь прямо за ее спиной. Перевернул нож в правой руке лезви-

ем к своей ладони и резко прижал к тонкой девичьей шее, а левой перехватил запястья, заводя их за спину. Блестящая сталь вдавливалась в белоснежную кожу, отчего жилка на шее стала быстро пульсировать. Металл был создан для нее, на его фоне кожа приобрела какой-то фарфоровый оттенок, почти прозрачный. Мелкая россыпь родинок смотрелась как-то нелепо и искусственно. Они забирали на себя все внимание, а так хотелось наслаждаться этой идеальной шеей.

– А! А! А! – сдавленно закричала Яна. Есть, есть инстинкт самосохранения, потому что при крике она старалась не шевелиться. Прекрасно понимала, что малейшее движение, и на ее тонкой шее появится порез.

Благодаря своему росту, я смотрел на нее сверху вниз. Видел округлившиеся глаза, побледневшую кожу. На губах была помада цвета спелой вишни. Неосознанно прижался, вдыхая какой-то сказочный аромат. Плохая девчонка! От нее пахло вишней, ванилью, а весь купаж запахов завершал резкий оттенок табака. Голова была наклонена на правое плечо. Волосы заправлены в пучок. Ничто не мешало рассмотреть ее. Шифоновая черная блузка была настолько прозрачна, что я видел кружево ее белья. Пуговицы разошлись, натянув тонкую ткань. В вырезе показался аппетитный рельеф груди. Как ей удастся быть настолько соблазнительной, при этом оставаясь полностью одетой?

Толкнул ее вперед, прижимая к панорамному балконному остеклению. Яна резко втянула воздух, а потом зарумя-

нилась. Ее щеки просто вспыхнули багряным цветом, а до этого зажмуренные глаза распахнулись

– Ненавижу тебя! – зашипела она, стараясь вырваться. – Я чуть не умерла от страха!

– Ничего страшного. Кто сказал, что ты можешь приходить ко мне в любое время?

– Я думала, что ты более гостеприимен.

– Только не в твоём случае, Кролик. – гневная дрожь не проходила, а только усиливалась. Хотелось сделать ей больно, хотелось напугать, чтобы она поняла. – Девушки бывают либо умные, либо красивые!

– От тебя пахнет потом, – Яна перестала сопротивляться, только прижималась щекой к прохладному стеклу, оставляя отпечаток своей губной помады. Вдохи становились глубже, а веки вновь сомкнулись.

– Черт! Да ты потекла, – не в силах сдержать смех, прижался к ней еще крепче. – Может, тогда, у клуба, ты тоже была возбуждена? А я приехал и обломал твой качественный трах?

– Придурок!

– Ответь!

Яна перестала сопротивляться, ее руки расслабились, поэтому я разжал пальцы.

– Что у тебя в кармане, милый? Телефон? – Янка игриво вильнула задницей, прижимаясь к паху.

– Кролик, почему тебя постоянно нужно учить? Почему

ты не ценишь собственную жизнь? Если уж ты приходишь одна домой, то должна убедиться, что дверь заперта! Замок если и не спасет тебе жизнь, то даст нужное время для звонка. Ну, а урок о шлянии по сомнительным клубам, я надеюсь, ты усвоила навсегда?

– Да, учитель! – она выдохнула, отчего на стекле появилась испарина. – только от твоих уроков мне хочется нарушать правила все больше и больше! Может, мне нужен репетитор?

– Деточка, почему я не могу от тебя отделаться?

– Потому что не хочешь!

– Ян, прекрати! Найди себе другую игрушку, чтобы развлекаться. Мне все это не интересно.

– Я предлагаю тебе дружбу, – она резко дернулась, развернувшись ко мне лицом. – Мне просто нужен друг!

– Друг? – я видел ее прищуренные глаза, понимая, что она что-то задумала.

– Да, только друг. Кино, обеды. И все!

– В чем подвох?

– Честное Крольчачье! – Янка схватилась за свои мочки и потянула вверх. – Честно-честно!

– Я подумаю. А теперь в душ, – сделав шаг в сторону, ощутил холод и пустоту. Но так и должно быть. – Как ты опять оказалась у меня?

– У нас пары отменили. Решила зайти на завтрак, а у тебя в холодильнике пусто, да и тебя дома не оказалось.

– Ясно, – я остановился в коридоре, как тут же почувство-

вал легкий удар.

– Ой. Прости. А, что ты так резко останавливаешься? – Янка сморщила нос и потерла лоб, которым врезалась в мое плечо.

– Ты всегда будешь ходить за мной по пятам? – я едва сумел сдержать улыбку. Черт! Илья! Я свистнул, отчего Кролик подпрыгнула на месте и еще крепче прижалась ко мне.

– Наконец-то! Я уже собрался звонить Бояре, чтобы прислал труповозку. Не везти же твое бездыханное тело на моей «девочке»! – Илья медленно вошел в квартиру, сжимая портплед с костюмом. – Оп-пачки! Я там стою на лестничной площадке, а тут такая красота от меня прячется!

– Здрасьте, – Яна машинально сделала шаг назад, прячась за моей спиной.

– Кролик, это Илья. Илья, это Кролик, – я скинул футболку и направился в спальню.

– Боже, какая красота, – бас Ильи доносился из коридора, пока я скидывал одежду.

– Кролик, если что, бей в нос, – крикнул я и не успел зайти в ванную, как раздался вскрик. – Илья?

– Жив! Почему ты не предупредил меня, что к ней нельзя прикасаться?

– Хотел, чтобы ты лучше усвоил урок, – рассмеявшись, направился в душ.

Встав под горячие струи, выдохнул. Расслабился. Не знаю, от чего я больше раздражаюсь: то ли от ее нескрываемой

симпатии ко мне, то ли от собственной реакции на нее. Эта девчонка не входила в мои планы, а я не привык менять курс на полпути. Совершенно. Не могу позволить себе такой роскоши. Одно дело – Настя. Та все прекрасно понимает, знает, что не могу дать ей отношения, о которых грезят все девки. Точно, меня бесит собственная реакция. Не могу подавить. Прощаю хамские разговоры, позволяю вторгаться в свою квартиру. Вижу ее насквозь, вижу, как старается храбриться, хотя в глазах плещется страх, как улыбается, когда ей хочется разреветься, как краснеет и смущается. Я-то понимаю, что она просто запуталась. Что чувствует силу, способность защитить, спрятать, уберечь. А мне, наоборот, хочется убежать от нее, потому что она заставляет меня посмотреть внутрь себя. Задуматься о собственных чувствах, забыть о цели, к которой я шел долгие восемь лет. Мне просто нужно доказать ей, что я друг. И самому нужно перестать видеть в ней девушку. Друзья...

– Кролик! Верни ключи от квартиры, – судя по плеску воды в гостевой ванной, Илья еще не выходил.

– Ну, и пожалуйста! – крик Янки донесся из кухни. – Прекрати меня называть Кроликом!

– А чего это ты так просто отдаешь ключи? – Янка стояла, облокотившись о барную стойку, и ковырялась в телефоне. Чертовка. Ее длинные ноги были обтянуты кожаными брюками, которые повторяли каждый миллиметр ее де-

вичьих изгибов.

– Ты же мой друг, неужели непустишь на кофе? – она даже не повернула головы.

– Черт! У тебя несколько ключей, да?

– Не понимаю, о чем ты, – она пожала плечами, продолжая что-то быстро печатать.

– Ну, может, теперь позавтракаем? – из ванной вышел Илья, на ходу застегивающий джинсовую рубашку. – После такой пробежки, я бы слона проглотил!

– К сожалению, в этом доме нечем завтракать. Тут даже мыши не выживут, потому что нет ни единой крошечки! Сплошная стерильность. Дома должно быть тепло, уютно и пахнуть пирогами, – Янка отбросила телефон и выпрямилась, сложив руки на груди. – Как нос?

– Жить буду, – Илья поморщился, притронувшись к переносице. – Поехали, по пути к треку заедем перекусить.

– К чему? К какому треку? – щеки девчонки вспыхнули румянцем.

– Хочешь, поехали с нами. Вместе веселее, а то с этим занудой можно и уснуть. Он просто замучает меня!

– Отлично! – Янка проскользнула мимо меня, обволакивая своим ароматом. – Ну же! Едем! Что вы, как мухи сонные. Быстрее! Трек? Боже, как интересно! У тебя пирсинг в брови! Больно? Я тоже хочу. А еще есть? – тараторила без остановки Янка. Судя по стихающему щебетанию, она уже выбежала из квартиры навстречу приключениям.

– Кто тебя за язык тянул? – одними губами проговорил я Маре.

– Поехали, красота! – Илья пожал плечами и, накинув кожаную куртку, пошел за Яной.

Б**ть. Вот это я отгородился от нее. Вот это здорово! Пнул дверь с такой силой, что задрожала стеклянная витрина с бокалами.

– Эй, мавр! – вернулся Илья и застыл, всматриваясь в мое лицо. – Нет-нет! Да ладно?

– Заткнись, придурок! Твоим длинным языком надо асфальт мыть!

– Нет! Этого быть не может! Илья! Это твоя машина? Это же не авто, а произведение искусства! – верещала Янка, бегая вокруг Мустанга. Она протягивала руку, а потом резко одергивала, словно боялась притронуться. – Э! не трогай! Поцарапаешь!

Янка ударила меня по руке, когда я хотел открыть водительскую дверь.

– Лучше бы ты так от пьяных парней отбивалась, Кролик.

– Хватит меня так называть!

– Хорошо, Янина.

– Нет, уж! Лучше Кролик, – Яна поджала губы и отвернулась.

– Ну, не ссорьтесь! Кролик, а почему, собственно, Кро-

лик? У меня фантазия богатая, – рассмеялся Мара и прищурил глаза. – Если это то, о чем я ду...

– Замолчи! Могу повторить удар, – Янка шлепнула его по плечу и снова стала кружить вокруг тачки.

– Точно, я прав!

– Нет! Это все папа, – она гневно затопала ногой.

– Все! Хватит. Начинаю жалеть, что связался с вами, – я сел в свою машину и закурил. – Ты на машине?

– Да, – Янка небрежно манула в сторону красной Вольво.

– Тогда вперед! Куда поедем?

– Э! Мы что, поедем на трех машинах? – подскочила Янка, облизнув губы. – Я хочу с тобой, Илья! Ну, пожалуйста!!!!

– А ты мне что? Титьки покажешь? – рассмеялся Илья и прикрыл нос ладонью. – Шучу!!!!

– Я прямо не могу определиться, то ли вызвать охрану, чтобы твою мордашку расквасили, то ли промолчать, но прокатиться на этом жеребце, – Янка достала телефон и что-то быстро написала.

– Я могу прокатить тебя на другом жеребце, кра...

Он не успел договорить, как из-за угла выскочил черный джип, откуда высыпало трое парней.

– Хочешь договорить? – Янка высунула язык.

– Нет, спасибо, – Илья сел за руль.

– Олег! – Динар подошел ко мне.

– Сегодня ты старший? – обменявшись рукопожатиями, я

осмотрел парней, закрепленных за Янкой.

– Да, сегодня я. Поэтому не смогу присутствовать на базе. У Яны Викторовны сегодня запись в салоне, – он горько вздохнул.

– Яна Викторовна решила поменять свои планы, поэтому поедет на базу с вами.

– Еще чего!

– Мустанг, – прошептал я одно слово, после которого пришла ее очередь издавать горький вздох.

– Ненавижу! – она бросила Динару ключи от машины. – Отгони на базу.

– Не имею права, – Динар выпрямился и опустил голову. – Запрещено отходить от вас.

– Еще чего! – взвизгнула она.

– Не имею права, – монотонно повторил Динар. – Разрешено только оставлять вас в доме, либо с Лазаревым, либо с Приз... с Олегом.

– Ты же мой друг? – Услышав это, Янка сделала шаг в мою сторону и захлопала длинными ресницами.

– Ладно, езжай. Мы скоро приедем. Я присмотрю за ней, – Динар кивнул и направился к Янкиной машине.

– Ага! Скажи спасибо, что я не рассказала, что ты приставил мне нож к горлу.

– Скажи спасибо, что я папеньке твоему не рассказал, за что нарумянил твою задницу.

– Еще скажи, что тебе это не понравилось.

– Нет! У меня нет друзей, которые напиваются в хлам и ищут неприятности в подворотнях.

– Отлично! – Янка запрыгнула на пассажирское сидение Мустанга. – Буду первой!

– Пристегнись! – крикнул я, но меня, конечно, никто не услышал, потому что Илья нажал педаль и быстро выехал с парковки под звонкий девчачий визг.

– Дети!

– Что ты узнал про Макова младшего? – мы сидели с Ильей на капоте и пили кофе, наблюдая, как Янка бегает по полю с какой-то дворнягой.

– Ну, говорят, что папа и сын кушают с разных рук. Маков работает один, но очень дружен с Мишиным. Именно он продвигает его.

– Мишин, говоришь? – я откинулся на лобовое стекло, вытягивая ноги. Погода на удивление решила побаловать теплым деньком, хотя сейчас я бы не отказался от дождя. Подумать надо. – А младшенький откуда кормится?

– Знаешь, Олег, вот этого я так и не смог узнать. Какая-то тайна, черт побери! Самому стало интересно. Но то, что «кайфа» у него Афганская – это однозначно. Но, насколько я знаю, Моисей закрыл дорогу этому дерьму к нам в область. Он вообще барыг не жалует. И строго следит за тем, чтобы в области не появились тяжелые наркотики, особенно «афганка». У нее такой концентрат! Я вчера сунулся в старые «ко-

ридоры», а там половина проводников уже в земельке гниют. А меня не было всего два месяца! Какие-то десять недель! А если бы я...

– Мара, ты делом займись, меньше думать будешь об этом. И, кстати, чтобы я тебя в твоих старых «коридорах» даже не видел! Ясно?

– Мне и самому пока на тот свет не хочется.

– Отлично. А ты больше не лезь к Макову. Я сам узнаю, кто там такой смелый нашелся, что мимо Моисея дорогу «афганке» открыл. Не отсвечивай!

– Меня не тронут, ты же знаешь?

– Знаю, папеньку-депутата огорчить никто не захочет. Но все равно. Не лезь. И за Боярой следи, а то он не по-детски в Корнея вцепился.

– Его нельзя остановить. Он всю жизнь себе на уме! Сутками на работе пропадает. Ни бабы, ни интересов! Нарвался в том году на какого-то генерала, чуть из органов не выперли. Отец помог. Но от него все равно не отстали, в архив засунули, а потом и вовсе в дорожники перевели. Предлагал помочь, а он говорит, что в архиве еще интереснее. – Илья поднял очки, наблюдая за резвящейся Янкой.

– Черт! Лучше бы его выперли.

– Сам потом пожалел. Устроили бы его к отцу и все! Нет же, он роет глубже, чем экскаватор! Я рад, что ты вернулся. Только, придурок, ты где был все это время?

– Работал!

– Наскалов, ты мне мозг не пудри!

– Мара, ты все равно ничего не узнаешь, но поругаемся, а может, даже подеремся, – я закурил и спрыгнул с капота машины.

– Ладно. Ну, как тебе моя земелька? Еще по плану здесь будет бойцовский клуб. Не тот, где в кровь бьют друг друга за бабки, а куда будут приезжать тренеры, чтобы научить и занять молодежь. Лучше, чем по подъездам шариться, – Илья горько вздохнул, бросил короткий взгляд на правую руку. Рукав рубашки задрался, обнажая неестественно синюшную кожу локтя. И снова нацепил очки на глаза. – Ты не думай, я больше туда не вернусь. Не дождутся. Буду занимать молодежь. Не дам им колоться. Хватит, я сам за них все перепробовал.

– Здорово! Когда начнешь? – я еле сглотнул ком в горле. От его слов по коже побежал холодок.

– Сегодня, – Мара кивнул в сторону вереницы грузовиков, мчащихся по дороге. – Я скоро. Только встречу.

Участок и правда был отменным. Огромное поле, окруженное глухим лесом. Вдали виднелось озеро. Рельеф, был бесподобный, такой настоящий, но в то же время своенравный и дерзкий. Резкие перепады, хороший обзор. К участку вела узкая проселочная дорога, на которой, кстати, уже лежало отличное покрытие. По периметру стояли строительные бытовки, а из прибывших автобусов высыпали рабочие.

– Друг мой Кролик!

– А?

– Прыгай в клетку, – я открыл пассажирскую дверь.

– Скала, сидеть! – взвизгнула она.

Я сначала не понял, что она имела в виду, а когда обернулся, увидел, что Кролик говорила с черной шавкой. Небольшая, худая, покрытая репьем собака, послушно сидела и виляла хвостом. А Янка победно раздавала команды:

– Лежать, Скала!

Глава 18

Олег

Засранка! Всю душу мне вымотала с этой собакой. Еще и назвала его весьма оригинально. Заноза! Смотрела мне прямо в глаза и учила пса столь унижительным для кобеля командам: то сиди, то лежи. Но ничего, пес отказался плясать под ее дудку. Я думал, что девчонка закатит привычную истерику, когда пес вместо подчинения только и делал, что терся о ее ноги, но нет! Она стала дрессировать дворовую псину с еще большей настойчивостью.

Янка сидела на заднем сидении, сложив руки на груди. Ее вывернутая нижняя губа и подтеки туши под глазами – результат взаимонепонимания. Ну, проще говоря, истерики, которую она закатила, когда поняла, что я не возьму блохастую псину в свою машину. Янка вцепилась в шею кобеля, отказываясь двигаться с места. Я видел, как ее лицо искажает рвотный рефлекс, могу представить тот аромат от собаки, но Янка упорно обнимала животное.

Иногда мне кажется, что Кролику просто очень нравится, что ее постоянно таскают, как мешок картошки. Даже на моем плече она умудрялась орать и дрыгать ногами, громко выражая негодование. Она висела вниз головой и долбилась кулаками в мой живот, привлекая к себе внимание. Ее ко-

жанные брюки скользили по тонкой ткани костюма, поэтому я старался придерживать извивающееся тело, пытаясь не касаться аппетитно обтянутой задницы. Янка дернулась и соскользнула вниз головой, перекинув правую ногу через мою голову. Вцепилась в мои локти и оттолкнулась, оказавшись на шее. Я расслабил руки, понимая, что она делает, но не стал скидывать. Поерзав на плечах, плотно обхватила ногами шею и громко выдохнула. Такой животный, громкий выдох. Я ощутил его всей кожей, так и застыв у своей машины, куда пытался закинуть кричащую девчонку. По спине побежала дрожь возбуждения, а там, где женские коленки обхватывали торс, чувствовал жар. Ее ноги то сжимались в напряжении, то расслаблялись, давая ощутить мандраж женского тела. Чувствовал спазмы мышц, ощущал, как быстро вздымается ее грудь. Она жадно хапала ртом воздух, словно задыхалась от восторга. Из рта вылетали сдерживаемые хрипы. Готов был поклясться, что она закусила нижнюю губу и крепко зажмурила глаза, упиваясь своей маленькой победой.

– Мужская шея – самое удобное место в мире, – радостно запищала она, запуская руки в мои волосы. Пальцы сжимали пряди, оттягивая их вверх, чтобы поднять голову. Я расслабил шею, позволив ей заглянуть в лицо. Откинул голову, уткнувшись в ее живот. Тонкие нежные пальчики соскользнули на скулы, очерчивая контур. Медленным движением двигалась от уха к подбородку, не отводя глаз. Она часто дышала, покрывалась густым румянцем, но не отводила

взгляда. Сердце стало ускоряться, мозг скандировал, чтобы я сбросил наглуую девчонку, а тело пело, чтобы я расслабился и посмотрел, как далеко она пойдет. Светлые волосы выбились из аккуратного пучка, теперь свисая тонкими прядями, обрамляющими красивое лицо. Голубые глаза сверкали, а розовые губы были приоткрыты.

– Деточка! Запомни, чтобы сесть мужику на шею, нужно хорошенько раздвинуть ноги....

К счастью, вовремя подоспевший на крики Мара вмешался в назревающий скандал. Даже я ощутил те разрывные искры, потрескивающие в воздухе. Хватка ее рук усилилась, от чего кожу головы саднило, но я не двигался, упиваясь видом ее коктейля из кардинально противоположных чувств. Из глаз сыпались искры, а щеки горели возбужденным румянцем. Еле ощутимые движения бедер на моих плечах заставляли мое сердце ускоряться, запуская кровь шумным потоком по венам. Мара снял ее с меня, заверив, что вечером доставит собаку домой. Она расслабилась, облизала распухшие губы и залезла в машину.

– Не смотри на меня! – зашипела Янка, поймав мой взгляд в зеркале заднего вида. – Ты черствый и бездушный.

– Собственно, я и не претендую на звание добряка.

– Ты мне не нравишься!

– Точно! Я-то думаю, почему ты постоянно трешься у меня дома?

– Замолчи!

– Ну, ты передумала насчет дружбы?

– Отстань! – она отвернулась, прислонившись лбом к стеклу.

– Ты сама напросилась с нами, а так бы уже давно была дома, вместо того чтобы закатывать истерики!

– Отвези меня!

– Нет, милочка! У меня есть планы, а я не привык опаздывать. Сейчас доедем до базы, и я скину тебя на чьи-нибудь плечи! Уж что-что, а объезжать шеи ты умеешь.

– Я не ругалась!

– Да ты способна поругаться сама с собой! – рассмеялся я, откинувшись на подголовник, и закурил. – Признайся, когда становится скучно, ты устраиваешь истерики сама себе? Так развлекаешься?

Янка притихла, даже не удостоив меня ответом. Тишина, возникшая в машине, напрягала еще больше. Что-то мне подсказывало, что намного безопаснее, когда она находится в свойственном ей состоянии истерики. Но Яна молчала, только громко сопела и поджимала губы. Она потирала ладони и иногда закатывала глаза, словно вела внутренний диалог сама с собой. Несмотря на кипящую злость, я с удовольствием смотрел за ее немой ссорой.

– Ла-а-а-адно.... Если ты так настаиваешь, держи, – я парковался, когда перед глазами возник крохотный мизинец.

– Что? – от неожиданности я резко вдавил педаль тормоза.

– Ой! – от резкого торможения хрупкое тельце девушки

вывалилось на переднее сидение. Она покряхтела, но все-таки умудрилась переместиться на пассажирское сидение, не запутавшись в своих длиннющих ногах. – Мириться давай, говорю!

– Я с тобой и не ругался, – передразнил ее слова и, удивившись, что она не набросится на меня, продолжил парковаться.

– Давай, говорю! – она оторвала мою руку от руля и мертвой хваткой вцепилась в мизинец. – Все? Мир, дружба, жвачка?

– Отстань, женщина! Тебе к врачу нужно.

– Я в бассейн, как закончишь, позвони, – Янка выпорхнула из машины и скрылась за стеклянными дверьми центрального входа Спортивной Базы.

– Пи**ец. Вот тебе и Кролик, – я закурил и вышел из машины, осматривая территорию.

Спортивный комплекс представлял собой абсолютно современное здание. Фасад был скрыт за зеркальными стеклами. Въезда было два: один для посетителей, а второй для своих. Территория была разделена высоким четырехметровым забором, вдоль которого курсировали вооруженные охранники.

– Олег!

– Привет, – я повернулся на голос. На крыльце стоял Динар.

– Привет! Все в сборе. Я провожу.

Динар был крепышом среднего роста. Короткая стрижка, всегда аккуратно одет, да и речь его можно было воспринимать нормально, она не была перегружена огромным количеством отборного мата.

Мы вошли в фойе. Стены и пол были отделаны темным мрамором. В целом, интерьер был довольно сдержанным, никаких изыществ, картин на стенах, персидских ковров. Сухо и безлико. За стойкой администратора стояли милые девушки, одетые в белоснежную форму.

– Дамы, – я кивнул им, задержав взгляд на симпатичной брюнетке.

– Милый, как освободишься, позвони, – знакомый окрик донесся откуда-то сверху. Янка стояла на балконе, вцепившись в кованые перила. Затем, расплывшись в самой фальшивой улыбке, скрылась.

– Не переживайте, дамы. Она не опасна для общества. Покричит и перестанет! Проводите меня в раздевалку?

– Я все слышу!

– Янка Викторовна! Какой у вас отвратительный писк!

Динар кивнул в сторону коридора, по обеим сторонам которого располагались раздевалки. Переодевшись в спортивный трикотажный костюм, я вышел в фойе. Вместо девушек за стойкой стоял молодой человек. Он пожал плечами, словно понял мой удивленный взгляд. Точно, истеричка!

Динар вывел на задний двор. Слева было стрельбище под прозрачным навесом. Площадка справа была выстелена ма-

тами, вокруг которых стояла огромная толпа парней в костюмах. Черт! Придурки. Жаль, Лазаря нет.

– Ну, что делать будем? – мне не были интересны их физические способности, скорее, наоборот. Нужно создать ситуацию, при которой бы проявились их личностные качества. Эта быдло-масса должна расколоться на лидеров и остальных. Остальные меня не интересуют, их потом переведем на второсортную работу, далекую от Моисея и его дел. А вот лидеров совершенно не хватает. Даже сейчас они все как один стоят в костюмах, хотя знали, что едут на базу не в покер играть. В первом ряду стояли Буба, Ворон, Динар и Веселков.

– Что скажешь, то и будем, – раздалось из толпы.

– Не знаю, как все, а я не собираюсь под твои указки тут круги нарезать.

– О! Мой старый знакомый, – я оттолкнулся от кованого забора, направляясь к номеру один в моем списке бунтарей, с которым мы познакомились не при самых приятных обстоятельствах на сортировочной станции вокзала. Сейчас он выглядел куда лучше, чем в прошлый раз. Не было этих ужасных армейских штанов и ботинок на толстой подошве. Да и волосы весьма отросли, покрыв отполированную макушку светлой порослью. На нем был темно-синий костюм, розовая рубашка была расстегнута, а из нагрудного кармана торчал галстук. – Сизый, друг мой! А чего ты пришел, раз не собираешься?

– Все пришли, и я пришел, – прохрипел он, покрываясь румянцем. По мере моего приближения, толпа расступалась, оставляя Сизого один на один со мной.

– О! Нет ничего сильнее стадного чувства, да?

– Да, пошел т... – он не успел договорить, потому что моментально оказался на земле вниз лицом. Выхватив галстук, связал им запястья за спиной. Он был настолько шокирован, что даже не сопротивлялся, только открывал рот, как рыба, выброшенная на сушу.

– Нет, Сизый, ты непроходимый тупица.

– Пошел ты!

– Сизый... Сизый... В нашем мире все настолько относительно... Запомни, нарываясь на драку, будь уверен, что ничто не может сыграть против тебя. Ни торчащий галстук, ни развязанный шнурок, ни выпавшая зажигалка! Ты понял меня? А ты мне нравишься! Ты молодец. И я буду учить тебя при каждой встрече. Надеюсь, что однажды тебе удастся уложить меня на лопатки. А пока ты просто шестерка! – я перешел на шепот, чтобы мои слова были слышны только обездвиженному парню. – Пока ты не заставишь себя думать, пока не начнешь пользоваться мозгом, будешь постоянно валяться на матах. Ясно?

Сизый молчал. Я чувствовал, как его мышцы расслабились, приняв поражение.

– Ребят! В костюмах нужно ходить на работу, а не в спортзал, – рявкнул я и вернулся на место, откуда была видна вся

толпа. Парни переминались с ноги на ногу, бросая растерянные взгляды на Сизого.

Ну, же? Давайте, хоть кто-нибудь. В таком большом коллективе, помимо назначенных лидеров, должны быть неформальные. Их уважают, слушают. Но зачастую такие не справляются в официальной должности, потому что коллектив теряет доверие. Мне нужны неформальные – это подводное течение, которое всегда нужно держать под контролем. Буба, Динар и Веселков хотели подойти к лежащему на полу напарнику, чтобы помочь подняться, но я украдкой остановил их движением руки. Терпеливо обводил взглядом толпу, пока не уловил шевеление.

– Что вы как маленькие. Помочь что ли не можете? – низкий хрип становился громче. Растолкав толпу, на первый план вышел высокий паренек в спортивном костюме. Он достал из кармана складной нож и рассек шелковый галстук. – Сизый, завязывай! С первого раза не понятно, что твое хамство приводит к отдыху на земле?

Парень поднял Сизова с земли и уже собрался вернуться на свое место.

– Фамилия! – крикнул я.

– Куранов, – прохрипел он, обернувшись.

– Ты первый, – я бросил взгляд на часы. – Живо! Переодеваемся.

Толпа ломанулась в здание. Остались только Куранов и Веселков. Они растерянно переминались с ноги на ноги, ста-

раясь не смотреть в мою сторону.

– Я не убиваю просто так, – выпустил облако дыма, рассматривая парней.

– Приму к сведению, – прошипел Куранов и взобрался на ринг. – Ну, чего ждать-то? Давай начнем?

– О, как? А, давай, – выбросил окурок, скинул толстовку и отдал сигареты и телефон Веселкову.

– Вот, – Куранов демонстративно выкинул нож, ключи и документы на край ринга и встал в центр, приняв стойку. По мелкой моторике было видно, что парень не планирует обороняться. Руки на уровне челюсти, а, значит, готовится атаковать. Его серые глаза поблескивали, еле заметная улыбка дернула мускулы лица. – Когда?

– Не спрашивай! Никогда, – взмахнув ногой над рингом, зацепил парня под колено и повалил на мягкую поверхность. Но в его планы не входило быстро сдаваться, резким перекатом он выбрался из моих рук, довольно ловко встав на ноги.

– Отлично, – прохрипел он и прыгнул в мою сторону.

Ошибка. Все рассчитывают на то, что от резкого прыжка противник начнет пятиться назад, тем самым теряя точку опоры. Но не я. Он врезался в мою грудь, не рассчитывая на такую встречу, отпружинил. Именно на этом я и поймал его за шкурку, аккуратно укладывая на ринг. Только на этот раз придерживая коленом спину.

– Молодец, Андрей! Отличная прыгучесть. Чем занимался? – как только парень перебрал все способы выбраться из

захвата, расслабился, принимая поражение. Я встал на ноги и протянул ему руку.

– Чем только не занимался, но, видимо, я что-то пропустил. Почему ты не шагнул назад?

– А давай поэкспериментируем? Я докажу тебе, что не все решается мышцами и техникой, – прошептал я, осматривая собравшуюся толпу.

– Как?

– Стой! – Андрей догнал меня на стоянке. – Ты обещал рассказать.

– Куранов, запомни, что в драке выигрывает тот, кто думает. Сизый научится этому через год, а ты должен быть готов через месяц!

– Почему через месяц?

– Потому что имеешь для этого все. Думай, наблюдай, – я достал телефон, чтобы позвонить Янке, но она уже выбежала из комплекса. – Ты заметил, что все, с кем я ставил тебя в пару, делали шаг назад?

– Да...

– Не думаете. Отдаетесь инстинктам, рассчитывая, что они спасут. Нет! Тело выполняет приказы мозга, который в свою очередь старается защитить себя, запуская процесс страха. Ты должен тренироваться, чтобы твоему мозгу не было страшно, чтобы даже в самой стрессовой ситуации ты думал, не отдаваясь во власть инстинктам. Думай, не как по-

бедить. Просчитывай, что от тебя ждут. Побеждает тот, кто угадывает желания противника. Проигрывает тот, кто не может спрятать свои ходы. Думай!

– Научи, – парень хотел схватить меня за руку, но вовремя передумал, пряча ее в карман спортивных брюк.

– Яна! Познакомься, это Андрей. С завтрашнего дня он твоя тень. Андрей, познакомься, это твоя головная боль с завтрашнего дня. Никогда не верь ей, потому что она врет. Проверь ее местонахождение, не подпускай к клубам. Не ввязывайся в споры, потому что это закончится истерикой. А теперь мне пора.

– Придурок! – Янка заплела еще мокрые волосы в косу и запрыгнула на заднее сидение.

– Привыкай, – махнул растерянному Куранову и выехал со стоянки.

Янка молчала, отвернувшись к окну, а я размышлял о встрече с парнями. К моему удивлению, оказалось, что там очень много молодых способных ребят. Они смотрят и учатся. После второго спарринга они с педантичной точностью выполнили то, что «старички» не могли повторить и с пятого. У Сизого был отличный удар, Куранов поражал техничностью и мягкой прыгучестью. Буба был прямолинеен, но тоже неплох. Ладно, надо признать, что был неправ. Не получится так просто перестроить всю вертикаль власти.

«Напоминаю, что сегодня понедельник.... Н.»

Я прочитал сообщение, пока стояли на светофоре.

«Я помню».

Убрал телефон, бросив взгляд на часы, а потом в зеркало.

– Что? – ее прищур не обещал ничего хорошего.

– Ничего, – помедлив, ответила Яна и подалась всем телом вперед. Перебросив ноги, подтянулась и перелезла на переднее сидение. – Знаешь, а я затеяла ремонт.

– Угу.

– Давно пора было переделать эту коридорную паутину, а то, как в склепе, только светлее.

– Угу. – понимал, что если начну диалог, то она не отстанет. Бросив быстрый взгляд на Янку, напрягся. Ей что-то нужно. Определенно. Голос стал мягким, как бархат. Она почти шептала, а голубые глаза были широко распахнуты. После бассейна на лице не осталось ни грамма косметики.

– А кто сегодня на посту? – я вздохнул, когда автоматические ворота открылись, но навстречу никто не вышел. Собаки поскуливали, натягивая толстую цепь.

– Утром был Ворон, – Янка пожала плечами и пошла к дому. – Будешь чай? Заварю с мятой.

Как бы мне ни хотелось свалить отсюда, но я не мог уехать, пока не узнаю, куда пропала охрана.

– Давай свой чай, – терраса была заставлена мешками со строительным мусором. Коридор был застелен пленкой, чтобы не испортить дорогой камень. Стены местами были выложены декоративным кирпичом светлого цвета, что контрастировало с бархатной шероховатостью шелковой штукатурки.

ки кофейного цвета.

– Нравится? – Янка сбросила сумку и куртку на диван гостиной и побежала в кухню. – Хочешь поесть?

– Не пугай меня, пожалуйста, – я сел на угловой диван, наблюдая, как Кролик мечется по кухне.

– Чем я тебя пугаю? – она замерла на месте. – Стою тут, завариваю тебе чай. Хочешь, что-нибудь приготовлю. Ага. Я умею.

– Вот именно этим меня и пугаешь, – я достал телефон, чтобы позвонить Ворону, который теперь стал начальником охраны. – Привет, а где все хлопцы? Ясно.

Я отбросил телефон и откинулся на спинку, вытягивая руки. Хорошая тренировка получилась сегодня, давно так не разминался. Надо устраивать такие встречи почаще, глядишь, и парни подтянутся.

– Где все?

– На сверку оружие повезли. Приедут через пару часов. Ладно. Ты моим душем пользовалась, теперь я воспользуюсь твоим.

– Фу! Точно, ты же пахнешь, – Янка сморщила нос. – Идем, покажу тебе гостевую.

– И разбуди меня через час. У меня встреча.

– Ага! Конечно, милый. Честное крольчачье, – пропищала Яна и захлопнула дверь...

Яна

Не знаю, как смогла вынести этот день. Часы тянулись, как жвачка, а я терпела и ждала, сама не понимая, чего. То ли грозы, нависшей над моим домом, то ли мертвой тишины, которая всегда приходит после природной истерики. Несмотря на раскаты грома, продолжала стоять на террасе, наблюдая, как природа то волнуется перед грозой, раскачивая пушистые ели в бору, то притихает, выражая свою покорность перед бурей. Появление Олега в моей жизни было подобно лавине. На меня просто обрушилась смесь чувств, которые до этого мирно спали. Никогда не могла подумать, что рядом с человеком можно ощущать себя настолько безопасно. Даже когда он смотрит на меня из-под густых бровей, посылая по телу микро-разряды тока, я не чувствую страха, наоборот, хочется прильнуть, впитывая каждую эмоцию, которой он готов поделиться. Когда его грубый, с едва заметным оттенком хрипоты, голос доносится до моих ушей, все, что я могу делать – наслаждаться каким-то неопределенным акцентом, с которым он четко проговаривает каждый звук. Каждое его движение, мимика, смена тона – это спусковой курок для моего тела. Кажется, что я могу бесконечно наблюдать, как острые скулы, спрятанные за небритостью, гуляют, выписывая рваные линии. Или, сжав крепко свои бедра, наслаждаться его расхлябанной походкой.

Наскалов стал для меня стихией. Этот вихрь с каменным, абсолютно ничего не выражающим лицом, завладел моими мыслями, дыханием и сном. Глядя на него, хотелось поко-

риться, опустить взгляд, упиваясь жаром блуждающих зеленых глаз. Это желание казалось настолько естественным, простым и единственно верным, что спутанные клубки мыслей, до этого крутившиеся в голове, растворились, приводя голову в порядок. Но это был лишь мнимый порядок. Если то, что волновало меня раньше, пропало, то теперь появились новые вопросы. Почему я никогда не чувствовала таких эмоций раньше? Почему ни один мужчина не заставлял меня ощущать себя в эпицентре извержения вулкана, но при всем этом единственным местом, где я могла нормально спать, была его квартира. Собственный дом, комната – все стало чужим, не моим. Казалось, что моя старая жизнь стала похожа на скомканный лист бумаги. Ее просто выкинули, чтобы можно было начать все заново.

Я запрокинула голову, рассматривая ночное небо через прозрачную крышу террасы. Ветвистые лианы декоративного винограда были срезаны, позволяя моим глазам наслаждаться черными тучами, нависшими над домом. Они были настолько низко, что казалось, если подняться на цыпочках, то смогу зачерпнуть темную массу ладонью. Погода вторила моему настроению. Ощущение приближающейся грозы витало не только в воздухе, но и глубоко в душе. Внутри все сжималось, заставляя сердце работать неправильно. Когда-то сильные толчки превратились в едва ощутимое колыхание. Голова гудела, вторя обезумевшему ветру. Чувствовала, как воздух становится напряженным, даже кислород

стал каким-то неприятным. Было трудно дышать, я то и дело прислоняла дрожащую руку к груди, будто это могло облегчить дыхание. Подушечками пальцев искала пульсирующую вену, как признак того, что я еще жива.

Олег перевернул мою жизнь, показав всю палитру чувств, на которые способно мое тело. То, что творилось в голове и душе, я ощущала физически. Каждая мысль о нем резким ударом отдавалась в теле. Невыносимая, неконтролируемая тяга к этому высокому мужчине пугала. Смесь испуга и дикого желания опьяняла. Чувствовала легкое головокружения от невиданных до этого момента эмоций. Чувство ревности, которое проснулось во мне, било ключом, заставляя совершать несвойственные для меня поступки, за которые сейчас было стыдно.

Вдали слышались раскаты грома. Мощные взрывы заставляли вздрагивать, отчего чай из кружки проливался на руку. Я морщилась от жжения, но все равно сжимала стеклянную чашку. Ветер сильными хлесткими порывами ударял прямо в лицо, заставляя затаивать дыхание. Распушенные волосы то взметали в воздух, то со шлепком падали на открытую спину. Холод сковывал тело, но я все равно стояла, боясь вернуться в дом. Стояла в тонком сарафане, терзаемая дерзкими порывами ветра. На полу лежал Скала. Огромный черный пес положил свою мордочку на мою ступню и крутил круглыми глазками. Он поджимал уши всякий раз, когда гром раскалывал тишину ночи, но все равно не уходил.

Неловко. Стыдно. Страшно. Почему? Потому что решила, что имею право рыться в чужих телефонах, хотя сама отстаиваю личное пространство, лишённое контроля и неудержимой заботы отца! Меня, как магнитом тянет к нему. В его присутствии мне хочется, чтобы зелёные глаза Олега смотрели только на меня. Хочу, чтобы он вдыхал воздух, пропитанный моим запахом. Чтобы я, пусть и в шлейфе духов, но проникала в лёгкие, насыщая кровь кислородом. Хочу промчаться сквозь сердце, чтобы убедиться, что оно не из льда, что мышца, перекачивающая кровь – живая, пульсирующая... А потом попасть в мозг, потому что все, что хочу – знать, о чем он думает. Кожа начинает гореть от одного только воспоминания о его глазах. Такая неестественная зелень, слишком чёрный зрачок и медлительность, с которой он проходится по мне. Он не прятал взгляд, не маскировал его, а просто смотрел. Медленно скользил по ногам, останавливался на попе, скользил по талии и замирал на груди. Не таился, смотрел прямо, давая насладиться приятной колючестью.

Я знаю, что сама во всем виновата, но не могла иначе. Меня будто тянуло к его дому, поэтому вместо учебы приехала в знакомую квартиру. Открыла дверь ключами, которые стащила, убегая. Знала, что по утрам он бегаёт. Понимала, что это единственный шанс заглянуть в его телефон, в котором хранились так нужные мне ответы на вопросы. Не могла забыть тот до отвращения ядрёный аромат женских духов.

Помню непонимающий взгляд, который потом превратился в прищур, сопровождаемый откровенной ухмылкой. От него невозможно ничего скрыть. Все мои мысли, как на блюде.

Как только дверь его спальни хлопнула, руки сами потянулись к черному смартфону. Не знала, что искала, но уверенность в собственных действиях глухим стуком отдавалось в висках. Руки тряслись, пока я пыталась разблокировать экран. К удивлению, на телефоне не было ни паролей, ни современных примочек со сканированием отпечатков. Одним движением пальца разблокировала экран, на котором тут же выпал список последних вызовов: Мара, Лазарев, отец, Динаров... Брюнетка 1,4,6.

Брюнетка 1,4,6! Черт! Что это? Порядковый номер? Он их подписывает что ли? Или это номер в отеле? Черт! Что нельзя написать подробнее? Закрыв журнал вызовов, вошла в сообщения:

«Я подумала. Хорошо, понедельник, четверг и суббота. Н.»

Что? Понедельник, четверг и суббота? Что это? Черт! 1,4,6! Первый, четвертый и шестой день недели – понедельник, четверг и суббота. Придурок! График составил. Ладно! Посмотрим мы на регулярность твоей половой жизни!

...Знала, что нарываюсь на неприятности, когда подмешивала в чай снотворное. Но как еще можно было его остановить, ведь сегодня понедельник? И без того нелюбимый

всеми день недели для меня теперь стал ненавистным. Подлила в ресторане, где мы заказали завтрак на вынос, затем дома. Глупо! Глупо! Посмотрела на часы.

– Три часа ночи... Хорошо, сегодня не поедет, а потом? Остальные два дня? Я не смогу его поить снотворным каждый раз, когда собирается свалить к своей телке. Потому что он не тупой цепной пес.

У меня не было уверенности, что Олег не поймет все с первого раза. Именно поэтому и стояла на холоде, укрытая толстым слоем мурашек. Потому что страшно возвращаться в дом. Вдруг уже проснулся?

Руки тряслись не от грозных раскатов, а от внезапно накатившей злости. Как заставить посмотреть на себя ни как на дочь Моисея? Как просочиться сквозь ту толщу льда, скользящую его.

Неосознанно стала бормотать полюбившееся стихотворение:

*По капле в тебя, закружившись от страсти,
До тона сжав кожу, до крика блуждать,
Чтоб взглядом безумным в тебе задержавшись,
Все шрамы неистово сразу сорвать.*

– Кролик! Ты решила замерзнуть и заболеть мне назло? Чтобы я поил тебя чаем с малиной? Или, чтобы я получил втык от твоего отца? Если так, то это все как-то мелко.

Резкий звук его голоса заставил вздрогнуть. Уже остывший чай снова выплеснулся на руки.

– Ага! Еще чего, – чувствовала, как загорелись мои щеки, а холод сменился каким-то невыносимым жаром в теле. Делая вид, что все мое внимание приковано к мокрым рукам, пыталась не смотреть ему в глаза. Знала, что увижу то, что мне не понравится. Только по его насмешливому тону было понятно, что он все знает. Знает! Зажмурилась, ожидая продолжения.

– Ладно. Я поехал. У меня еще встреча, – но его голос был ровным, ничего не выражал. Было невозможно определить, насколько он зол. Внезапный звук раздвигающейся створки двери резанул по ушам. Сердце замерло, а потом, перезапустившись, как старый мотор, забило частыми импульсами.

– Уже три часа ночи, – я поморщилась, услышав собственный голос. Обыденность разговора лопнула, благодаря моему крику. От громкого звука в доме охраны загорелся свет. Олег замер, но всего на мгновение, словно понял что-то. Он громко выдохнул, а потом скрылся в темноте кухни.

– Пока, – по звуку было ясно, что он уже в коридоре, всего в паре метров от входной двери.

– Почему ты так со мной разговариваешь? – взвыла я и бросилась за ним. Запутавшись в занавеску, рванула вперед, услышав треск ткани. Но это было неважно. Я бежала, чтобы догнать, не успев даже включить свет.

– А как с тобой нужно разговаривать? – Олег уже взялся за ручку, но все же остановился.

Он уронил голову на деревянную поверхность двери, за-

тем чуть надавил на металлическую ручку и тут же отпустил, передумав. Словно давал шанс сказать. Он прислонился к косяку, достав сигарету. Рубашка была расстегнута на три пуговицы, пиджак распахнут. Он крутил головой, в поисках пепельницы. Казалось, что он тоже ищет повод, чтобы не смотреть на меня. Но так лучше. Проще. И хорошо, что темно. Спокойнее.

– Ты понимаешь, о чем я! Откуда этот тон? Ты говоришь со мной, как с чем-то неодушевленным. С чем-то неважным и настолько мелким, что жаль своего времени, чтобы подбирать слова.

– Ты постоянно лезешь в бутылку, – он усмехнулся.

– Ответь!

– Зачем тебе все это? К чему эти разговоры?

– Ответь! – взмолилась я, не скрывая отчетливого надрыва в голосе. Понимала, что глупо ожидать развернутого ответа, объясняющего его поведение, но все равно ждала. Всмотривалась в темноту, пытаюсь поймать взгляд. Знала, что он не будет церемониться, оберегая мои чувства, но все равно спросила. Все равно ждала ответ, ощущая, как замирает сердце.

Прежде чем заговорить, долго молчал, чиркая золотой зажигалкой. Ленивое пламя вспыхивало, вытягивая нас из темноты, а потом гасло, принося ощущение облегчения. Но даже доли секунды хватало, чтобы рассмотреть его напряженное выражение лица: туго сведенные брови образовыва-

ли глубокую складку на лбу, плотно сомкнутая челюсть делала скулы еще резче, пухлые губы превратились в тонкую напряженную линию. Он сосредоточенно о чем-то думал.

– Потому что ты лживая, – Олег крутил сигарету между пальцев, разминая фильтр. Его слова, как пощечина больно ударили. Я инстинктивно сделала шаг назад, упираясь в стену. – В тебе врет все! Кричишь, закатываешь истерики! Это все ху... хрень полная! Ты говоришь и ждешь моей реакции.

– А взгляд? Иногда ловлю твой взгляд, в котором так много презрения! – не хотела думать над его словами. Не хочу думать. Он говорит не мне. Это все не про меня! Пусть говорит, я подумаю об этом потом. Просто пусть говорит.

– Тогда зачем ты постоянно возвращаешься? Откуда это упорство? – он выдохнул клуб дыма и сбросил пепел сигареты в мешок со строительным мусором. Объемное облако кружилось в воздухе, подсвечиваемое редкими вспышками огня зажигалки.

– Потому что отталкиваешь, – я не успела замолчать. Слова сами выпорхнули. Было слишком поздно, потому что Олег ухмыльнулся, делая очередную глубокую затяжку.

– Бинго, – он так громко рассмеялся и, наконец-то, поднял на меня глаза. Его хохот еще пару мгновений блуждал по пустому дому, отражаясь от полуголых стен. – Я не могу смотреть на тебя, говорить, слушать, потому что вижу, как ты из кожи вон лезешь, чтобы привлечь к себе внимание. Знаешь, что я чувствую? Брезгливость! Я вижу тебя на-

сквозь. Ты не такая. За мнимой воинственностью в глазах таится нежность. За напускной истерикой – мольба. Все твои движения, взгляды, разговоры – это фальшь. Терпеть не могу лжецов! Они мне противны! Почему, чтобы увидеть тебя настоящую, мне нужно вытаскивать тебя из очередного дерьма? Похищение, перестрелка, клуб... Почему ты не врешь, только когда тебе страшно? – Олег сделал шаг в мою сторону, но потом снова отступил. – Обычно страх пробуждает в людях самые отвратительные стороны: кто-то падает на колени, моля о пощаде, некоторые готовы продать семью, детей, взамен на пару лишних лет жизни. А ты просто начинаешь жить. Когда ты боишься, твои щеки становятся румяными, а глаза блестят. Куда девается та бравада, которую ты щедро источаешь в обычной жизни? А, Кролик? Ты запуталась. Слишком долго притворялась. Улыбалась, делая вид, что все хорошо. Да, деточка? Трудно теперь показать себя настоящую? Больно? Кролик, проснись! Живи! Знаешь, почему? Потому что просто можешь. А вся твоя тяга ко мне – стресс, который пришлось пережить. Ты просто видишь во мне того, кто способен защитить. Поверь, я не единственный!

– Что ты говоришь! – силы покинули меня. Я прислонилась к стене, скатываясь вниз. Все его слова, как заезженная пластинка, крутились в голове.

– А чего ты от меня ждешь? – он перешел на шепот, только от этого становилось еще хуже. Это было громче крика. – Чего ты хочешь, девочка?

Ноздри защекотало от запаха его сигарет. В сумраке коридора блеснула его белая рубашка. Он присел на корточки рядом. Сложенные в замок руки легли на колени. Темный костюм сливался с темнотой, не давая разглядеть очертания фигуры. Все, что я видела – тлеющая сигарета, зажатая между пальцами.

– Говори, Яна. Скажи это, и всё. Ты должна сказать, а я должен услышать!

Я подняла голову. Он был так близко. На щеках ощущался жар его дыхания. Полумрак коридора не мог спрятать зелень его глаз. Сейчас они сверкали, как новогодняя елка. Жаль, что не могу увидеть его мимику. Хочется уловить каждое движение бровью, малейшее движение губ, прищур глаз. Он не отводил взгляда, прожигая во мне дыру. Горло пересохло, не позволяя произнести ни звука. Да, я и не пыталась, потому что сказать было нечего.

– Со мной нельзя играть исподтишка! Только лицом к лицу. Люблю прямых и честных. Терпеть не могу игры, потому что наша жизнь состоит из сплошных салочек и прятков! Я устал от них. Если ты приходишь ко мне в квартиру, если ты хочешь дружить или просто присутствовать в моей жизни, то тебе придется сдернуть ту маску фальшивой стервы. А если ты вжилась в роль, то лучше не приходи, потому что взамен будешь слышать только пренебрежительный тон.

Словно зомбированная, я смотрела на него. Видела только блеск глаз и тлеющий уголек сигареты. То, что он гово-

рил, эхом отдавалось в голове. Сердце уходило в пятки от одной только мысли, что все это время он читал меня, как словарь. Молча наблюдал за моими попытками обратить его внимание на себя.

– Говори, Кролик. Просто скажи!

Но я не могла говорить, казалось, как только скажу хоть одно слово, он уйдет. Но все оказалось не так. Не дождавшись от меня ответа, Олег встал и быстро направился к дверям.

Послышалось размеренное урчание двигателя его авто и скрип ворот. Ком в горле превратился в огромную тяжелую глыбу, мешающую дышать нормально. Воздух просто застрял во мне, парализуя все тело. Ни руки, ни ноги не слушались. Темнота дома, которая мешала еще пару минут назад, стала такой необходимой, важной. Холод от мрамора на полу просачивался в каждую клетку тела. Взгляд упал на незашторенное окно. Ни намек на свет. Осень забрала надежду на ранний рассвет. Ненавижу темноту, потому что в такие моменты остаешься одна. От мыслей, которые не мучают в течение дня, уже не скрыться. Они как паутина окутывают тебя, лишая возможности бежать. Обездвиженная лежишь на горячих простынях, пытаешься найти хоть какое-то облегчение. И сейчас снова одна. Грудь сдавило, а из глаз хлынули слезы. Послышалось цоканье по каменному полу, и прохладная мордочка легла на мое плечо. Я сильно обняла худую шею пса, вдыхая аромат своего шампуня, которым

теперь пахла собачья шерсть.

– Рядом, Скала... Рядом...

Глава 19

Олег

«Оповещение: Жива и вполне здорова».

– Заноза, бл**ь! – отбросил телефон, чтобы его не раздавить. Потому что желание сломать, ударить... УБИТЬ частым пульсом вибрировало в голове. Накинув халат, вышел на балкон. Казалось, что небо даже прогнулось под тяжестью серых туч. Они плотным покрывалом укрыли город, лишая даже надежды на солнечный день. Ноябрь кричал о приближающейся зиме, сигнализируя сильными порывами ветра, в которых кружилась оставшаяся листва. Он готовил прохожих к скрипучим морозам уже сейчас, румяня еще бронзового цвета щеки. В воздухе пролетали мелкие мухи снега, которые можно было разглядеть только здесь, с высоты двадцать пятого этажа, потому что, подлетая к земле, бесформенные снежинки превращались в переохлажденные капли дождя. От одного только сообщения кровь побежала по венам со скоростью света. Воспоминания вчерашнего дня накатили с новой силой. Не помогла даже пробежка. Весь вчерашний день наблюдал за ней. Ждал, что она остановится, опомнится. Но нет! Она надела маску «роковухи» и играла свою игру до самого антракта.

При каждой разблокировке, телефон делает фото, поэто-

му я всегда знаю, кто брал его. Никогда не ставлю пароль, потому что не храню важную информацию в бездушном гаджете, но, видимо, у Яны было другое мнение. Каково же было мое удивление, когда в галерее обнаружил одиннадцать фотографий. Не две, не пять! А одиннадцать! Это уже не праздное любопытство, а несанкционированное вторжение в личную жизнь. Ладно, сам виноват, что оставил телефон, можно сказать, спровоцировал ее. Но когда в ресторане увидел, как она что-то бросила в кофе, меня просто затрясло от гнева. До сих пор не понимаю, почему не всыпал ей по заднице прямо там, в ресторане. Нужно было перегнуть ее тонкое тельце через стеклянную перегородку и, содрав эти ужасные кожаные штаны, отшлепать у всех на виду. Чтобы запомнила. Чтобы не повторяла моих ошибок.

Думал, что, не реагируя на нее, лишу даже малейшего повода трактовать мои действия как-то иначе. Видел, как она на меня смотрит. Чувствовал, как реагирует девичье тело на меня: румянец, мелкая дрожь рук, медленные взмахи ресниц. Но разве это повод врать? Разве этим можно объяснить бездумные, абсолютно нелепые поступки? Сегодня она решила меня усыпить, а завтра? Какая-то безответственность! Наплевала на свою жизнь, а теперь и до моей добралась. Зараза!

Никогда не боялся смерти. Бывали времена, когда просто подставлялся, ждал момента, чтобы на своей шкуре ощутить то, через что проходят мои «клиенты». Не ценил, да и сейчас

особо не держусь за жизнь, потому что реалист, потому что выучил единственное правило – смерть не единственная, кто может забрать твою жизнь. Поэтому не стоит привыкать дышать. Нужно жить в каждую минуту. Наслаждаться морозом, ветром, жарой, улыбками родственников и друзей, потому что это может кончиться в любую минуту. Но смерть категорически не желает видеть меня, словно дает немое согласие на дальнейшее накопление грехов. Но я и предположить не мог, что нужно бояться ту, которую вытащил из многих передрыг. С которой судьба свела меня еще до того, как я вернулся в родной город.

Не ожидал. Чувства глубокого разочарования и какой-то необъяснимой злости просто одолевали меня. Я ждал, что она опомнится, но нет. Янка смотрела, как пью кофе с неизвестным мне препаратом. Она не задумывалась о том, что снотворное – один из самых аллергенных продуктов. Одна ошибка в дозировке и все. Смерть! Но все равно продолжала молчать, расплывшись в самой лучезарной улыбке. Черт! Как я в ней ошибся! Меня бесил не столько ее поступок, сколько бездушие, с которым она наблюдала. Ее такие нежно-голубые глаза теперь казались каменными. А приклеенная улыбка бесила до дикой трясучки. Фальшь билась в истерике, выходя наружу в ее шумных выдохах. Фальшива, как холостой патрон. Страшно смотреть, а внутри.... Каждый человек имеет право на правду. Никогда не вру и не терплю лжи и подлости по отношению к себе. Привык говорить пря-

мо, неся полную ответственность за слова и поступки. Возможно, я многого требую от нее. Но и я не клялся ей в верности, чтобы ощущать на своей шкуре все оттенки женской ревности.

Ревность! Черт! Это второе искреннее чувство, которое она умеет показывать. Все остальные эмоции словно вымученные и выведенные. Напускное веселье, язвительный тон – провокация, направленная на попытку вывести меня из себя. Она не думает. Совершенно. Если она сможет вывести меня на те эмоции, которых ждет, что будет делать с ними дальше? Я вчера только поговорил с ней, не поднимая при этом голоса, а она зажалась, сверкая хрустальными слезами в глазах. Я не сказал и десятой части того, что крутилось на языке. Да, что сказать! Мне хотелось разнести весь дом на **й. Не оставить ни единого кирпичика! Но я сдержался, решив не выражать свое разочарование, потому что она все равно ничего не поймет. Ее тонкие руки дрожали, она никак не могла найти им места, то закидывая за спину, то смыкая в замок на груди. Белая кожа была покрыта мурашками, которые проявлялись, как только я касался ее взглядом.

Эта девчонка заставляет меня чувствовать, отключая способность думать в любых ситуациях. Именно поэтому я стоял и ждал. Мне было необходимо знать, чего она хочет. Хотел услышать раскаяние, крик, слезы, очередную истерику. Был готов ко всему, только бы услышать конкретные слова, чтобы развеять ту недосказанность, которая грозой трещала

в воздухе. Нет ничего хуже, чем двусмысленность ее взгляда... Ее глаза, эти огромные голубые алмазы! Я думал, что нет ничего чище и искреннее. Думал, что они настоящие...

Она смотрит, а мне душно. Она говорит, а на мне брюки готовы разорваться в клочья. Ее мелкая мимика, мягкое движение руки, когда она откидывает распущенные волосы, маленькая грудь с дерзко торчащими сосками – все это выводит меня из себя. Я не ребенок, чтобы закрывать глаза и прятаться. Понимаю, что происходит со мной, но не понимаю, что происходит в ее голове. Именно поэтому мне нужны ее слова. Конкретные слова, чтобы среагировать. А ее молчание обезоруживает, не давая возможности для маневров.

Из непрекращающейся карусели мыслей меня выдернул звонок домофона.

– Привет, – Мара медленно вошел в квартиру, снял очки и улыбнулся.

– Что ты весел, друг мой? Ты помнишь наш уговор? Что с тобой будет за один прогул? – я включил кофемашину и пошел в спальню, чтобы переодеться.

– Ладно, мавр! Успокойся, я, между прочим, был занят нужным делом.

– Ну? Давай, не тяни кота... Оправдывайся. Давай-давай! Обожаю слушать оправдания, мольбу...

– А я к тебе с завтраком, – Мара брякнул о стол бумажным пакетом с ресторанной эмблемой. – Помню, что у тебя даже мыши не выживают. Кофе-то есть?

– Да.

Мара выставил упакованные тарелки на стол и медленно сел на кожаный диван, закидывая ногу на ногу. Сука! Мажор долбаный. Темно- синяя рубашка, расстегнутый ворот, бежевые брюки. А главное, взгляд: такой дымчатый с поволокой. Густые ресницы дрожали, выдавая сдерживаемый смех парня.

– Ну? – меня бесила его самодовольная улыбка. Б**ть! Он всегда так делал, когда знал то, чего не знали мы с Боярой. Однажды Маринка Соловьева попросила передать Бояре, что он ей нравится. Она явно намекала на школьную дискотеку, которую неожиданно затеял директор. Но Мара так долго тянул с этой секретной информацией, что, когда устал ходить с мордой зазнавшегося гуся, рассказал. Но было поздно. Соловьева, по которой тайно сох Бояра, пошла на дискотеку с другим парнем.

– А ты мне что? – Мара прищурился, приложившись губами к чашке кофе.

– А я синяков тебе не оставлю, а, может, даже, по старой дружбе, не сломаю пару ребер!

– Скала он и в Африке Скала.... Подонок ты! Всю жизнь кулаками размахивал!

– Илюша, дорогой мой друг... Благодаря моим кулакам ты не сторчался в восемнадцать, – я закурил.

– Ладно, но зато благодаря мне ты закончил универ. А то тебя каждую неделю отчисляли из-за потасовок.

– Еще раз говорю, что благодаря моим дракам в универе ты не сдох от передоза еще на первом курсе. Завязывай, говори!

– Ладно, – Мара достал из кармана электронную сигарету и крепко затянулся. – Мне тут птичка шепнула, что товар ввезли со стороны казахстанской границы. В город товар попал в районе 16-17 сентября! Тихо и без шума.

– Хм... Шестнадцатого, говоришь? – пазл в голове сложился окончательно...

– Ну, что ты его по яйцам гладишь? Если схватился, то бросай! – я уже час наблюдал, как молодняк оттачивает приемы борьбы. Стоял, повиснув на канатах ринга. Нервы ни к черту, бывало, доводилось работать с отморозками и похуже, но никогда не хотелось убить их всех. – Привыкли прятаться за стволами. Руками надо работать и мозгами, тогда до оружия не дойдет! Марат! Захват должен производиться твердыми руками. Ощути каждую мышцу, но не зажимайся. Знаешь сколько суставов в руке? Они для того, чтобы менять положение, делая хват удобнее для тебя и безвыходнее для противника. Не отводи глаз. Ты должен следить за лицом! Смотри, как ему не хватает воздуха. Это гарантия того, что ты все делаешь правильно.

– Ну, что ты к ним прицепился? – голос Куранова заставил обернуться.

– Я что-то не...

– Яна Викторовна в бассейне. – Андрей поднял правую руку, делая шаг назад, словно уворачиваясь от нападения. – С собой не пригласила.

– Хм... Расстроился? – опять это имя. Сегодня все будут говорить о ней?

– Нет, у меня дома жена и трое детей. Мне и так хорошо... С парой яиц, – Куранов хмыкнул.

– Сколько? – я снова обернулся, обводя молодого парня взглядом. Высокий, крепкого телосложения. Глубоко посаженные карие глаза сверкали будто издалека. Он не производил впечатления многодетного отца, а когда я смотрел его дело, там было, кажется, всего двое детей.

– Ага... Жена два дня назад подарила третью девку, – Куранов закурил и, убедившись, что бить его не собираются, сел на край ринга.

– Да ты «ювелир», я посмотрю? Поздравляю!

– Ага! Мне, конечно, мама говорила, что я вырасту бабником, но не думаю, что она именно это имела в виду.

– Тогда прости, что бросил тебя на передовую. Нервы выматывает? Или у тебя иммунитет на женские истерики?

– Нет, все нормально. Истерики нет, луну с неба не просит, – он рассмеялся.

Я нахмурился и развернулся к нему всем телом, внимательно рассматривая парня. Он не трясся от страха, не дрожал от неуверенности, не заискивал, даже ненависти не было. Ничего! Просто сидел и курил, осматривая уличную тер-

риторию. Слегка прищурился, рассматривая мишени, по которым палили парни.

– Да, расслабились без Козыря. – он встал и пошел в сторону тира.

– Пока свободны! – я махнул парням и последовал за Курановым. – Что ты имеешь в виду?

– Просто Козырев был хорошим мужиком. Сам подбирал каждого парня. Учил, помогал! Не терпел быдлчества, хамства и пьянок. А теперь? Посмотри на них, – мы подошли к Динарову и Бубе. – Привет!

– Привет! Что, говорят, тебе доверили сокровище? – рассмеялся Буба, похлопывая по плечу Андрея.

– Так, ладно. Завтра тренировка отменяется, мне из города нужно смотаться, – я развернулся и достал телефон. – А как умер Козырь?

Куранов поджал от гнева губы, а остальные стали нервно переглядываться. Они были в шоке от такого поворота, а я так долго ждал пока они расслабятся.

– Умер? Ему проделали дырочку в черепе, когда он шел в садик, чтобы забрать дочь, – Куранов пнул кованую скамейку и сел на нее, подняв воротник черного короткого пальто. – И все сразу бросились пить и бухать. Никто не ищет того уroda.

– А ты ищешь? – я повернулся к Куранову. Парень встал, втянул шею, убрал руки в карманы пальто.

– А я найду, – он кивнул и направился к главному входу

в спортклуб.

Город уже погрузился в темноту. Расслабился. Границы стеклянных высоток перестали казаться резкими. Не стал зажигать свет, так и сидел на диване в полной темноте. Казалось, что, если зажечь хрустальную люстру, все мои проблемы и мысли вспыхнут, как светлячки ночью. Нет, я не хотел их прятать или забывать, просто нужен порядок.

Я знал, что Козырева убили. Но все как-то странно. Все в кучу, как салат оливье. Козырева убили за два месяца до похищения, за два дня до моего приезда. Выстрелили в голову в подъезде детского сада. Я слышал о нем, как о жестком, но справедливом, да и Бояра отзывался неплохо. А ему я верю. Яркая, неподдельная реакция Куранова немного смутила меня. Вернее, тот контраст между реакцией Андрея и остальных. Они были смущены, только непонятно чем?

Меня больше всего смущает совпадение дат. Что нужно сделать, чтобы обезопасить коридор, по которому везется партия товара? Сначала нужно умаслить «старшаков», затем занять Моисея так, чтобы он ничего не заметил, ну, а потом договориться с «органами». Если все так, то я обложен со всех сторон: коллеги Бояры берут на лапу не только от «папы», «Старшие» города сего не соизволили все рассказать Моисею, скидывая того со всех счетов, ну, и последнее – похищение Янки....

– Бояра, привет! Как дела?

– Привет, Олег. Только приехал от Мартынова. Ты видел,

какую он там стройку закатил? Жесть! Говорит, что до первого снега зальет основание под гоночные треки. – голос Пахи был спокойным, даже немного усталым.

– Привет. Нет, не ездил, но мы утром завтракали, поэтому он мне что-то там говорил.

– Ладно, говори, что хотел?

– Поделись, с 14 по 18 сентября в городе проходило что-нибудь?

– Ну, да. У нас был День Города.

– Бояра, не тупи, – сел на диван и закурил.

– Ладно, завтра позвоню.

Самые серьезные вещи тонут в мелочах. Мы их не видим среди тонны мелких вопросов. Сейчас у меня полное ощущение, что все началось с июня месяца, с убийства Козырева. А особенно меня интересует другое совпадение.

– Лазарь? Привет. Рассказывай, как Владик? Стоит?

– Владивосток стоит и стоять будет! – голос Сереги был еле слышен на фоне громкой музыки. – Подожди, я выйду.

– О! Братия отдыхает?

– Ага! Говори. – послышался щелчок зажигалки.

– Есть у меня информация, что в город была ввезена крупная партия «афганки»...

– Нет, не может быть. «Папа» выгнал из области всех барыг. Он оставил только травку да колеса. Какая «афганка»?

– Такая, Лазарь. Самая сильная, охренительная, настоящая, от которой зубы дробятся, и звезды ближе, чем окна до-

- ма. И не перебивай. Ввезли ее в период с 15 по 17 сентября.
- Ну, и?..
 - Думай.
 - Говори, б**дь!
 - С пятнадцатого сентября ваш «папа» мог думать только об одном. А быки рыли все окрестности в поисках...
 - Янки...
 - Молодец, Лазарев. Пока мы все искали Янку, которая мирно ехала в поезде, в город ввезли то, что запрещено.
 - Это война...
 - Да, Лазарев. Это война...

Глава 20

Яна

Открыв глаза, не сразу поняла, почему в комнате так светло. По коже пробежали мурашки холода, я сжалась в комок, стараясь согреться, но тонкое одеяло оказалось неспособно обогреть. Нежная ткань простыни впитывала остатки тепла моего тела, а возвращала прохладу, от которой дрожали руки. Светлые стены, белая мебель, в глянце которой отражался солнечный свет из окна во всю стену. В стерильно-белой комнате диван цвета спелой малины притягивал внимание. Каждое утро, открывая глаза, я смотрела на него, растягиваясь в улыбке. Он был ярким пятном, напоминающим, что, несмотря на безликость жизни, нужно запоминать лишь самые яркие моменты. Это был мой личный акцент. Если день не задался, то засыпала я, глядя на прекрасный диван сочного цвета. Ну, а, просыпаясь, задавала темп всему дню. Но сегодня диван казался светлее, чем обычно. Я свесила ноги и, накинув плюшевый халат, подбежала к окну балкона.

– Боже! – вся территория была усыпана снегом. Он лежал, еще не тронутый дворником, покрывая кустарники рыхлой пеленой.

На башнях высокого забора скопились аккуратные шапки, треугольные собачьи будки были укрыты белоснежной

толщей, заботливо хранящей спокойный сон их обитателей. Солнце светило из-за леса, еще не поднявшись высоко в небе. Аккуратная поросль елей была присыпана пушистым снегом. Сильный ветер раскачивал их, словно пытался стряхнуть, как перхоть. Снег перекрыл все темные участки с пожелтой травой, рельефная равнина у озера выглядела сказочно: гладкая, почти глянцевая поверхность сверкала, заставляя мое сердце заходиться от неконтролируемого всплеска щенячьей радости. От восторга захлопала в ладоши и бросилась в душ, позабыв о холоде. Внутренний трепет затмил все мои мысли, я просто думала о том, что хочу упасть в снег. Хочется набрать пригоршню снежинок и приложить к лицу, чтобы ощутить ту морозную, еще кристально чистую свежесть, хранящуюся в нем. Первый снег, он особенный, такой волшебный. Каждый год он разный: то скупой, почти не укрывающий промерзшую от осенних ливней землю, то щедрый, как пуховая перина.

– Дядя Миша! Не трогайте снег, – завизжала я, увидев, как дворник достал метлу, и выскочила на балкон. – Не трогайте!

– Простудишься! – крикнул старик, но все же убрал метлу обратно в чулан. Даже с третьего этажа было видно, как он ворчит и тяжело вздыхает, глядя на запорошенные дорожки.

– Я скоро, – досушив волосы, выбежала из комнаты и, свежившись через перила, закричала. – Тетя Маша!!!!

– Да, Яночка. – полная женщина подошла к лестнице, вытирая руки о белоснежный фартук. Ее круглое блестящее

лицо было, как всегда, украшено здоровым румянцем. Она улыбалась, отчего тонкие очки опускались до самого кончика носа.

– Где теплые вещи? Не могу найти! – голова закружилась то ли от высоты, то ли от нетерпения выскочить на улицу.

– Детка, мы же их унесли в гардеробную. Что нужно достать?

– Мой сиреневый горнолыжный костюм, – я от нетерпения притопывала ногой.

– Оденься, горе мое! Простудишься. Михаил только сейчас камин растопил. – ворчала старушка, спускаясь в подвал. – Ей богу, простудишься... Еще этот снег...

Стянув волосы в хвост, натянула водолазку и застыла на месте, увидев телефон.

– Ла-а-а-адно... Получай. – быстро напечатала сообщение и отправила адресату, которому писала последние три недели. Но сейчас не хочу о нем думать. Не хочу! Написала, что жива, и хватит. Бросив телефон на ещё не заправленную кровать, побежала по лестнице на первый этаж, перепрыгивая через две ступеньки. Хлопковые носки проскальзывали по лакированным деревянным ступенькам. Но это мне не мешало, даже угроза сломать ногу не станет помехой повалиться в снег, к тому же солнце поднималось все выше и выше, обещая растопить еще неокрепший снежок.

– Ну, тетя Маша! – я уже хотела броситься в подвал за медлительной домработницей.

– Янка! Оденься, – старушка вытащила чехол с костюмом. – Ноги голые, все на виду! Кто придумал эти прозрачные труселя? Это не дом, а проходной двор! Рабочие, строители, охрана! А ты тут с голыми ногами!

– Задралася юбка... Оголился срам... – шутливо пропела я шутливую песенку, которую постоянно повторяет отец, увидев меня в юбке. – Тетя Маша! Они на меня даже голову не поднимают, словно я чудовище морское, честное слово! – я стала натягивать теплые штаны, параллельно повязывая шарф на шею. – По вечерам голову ошупываю, вдруг рога вылезли, а я не заметила!

– Боятся. Но ты все равно оденься, детка, – тетя Маша заботливо оглядывалась, чтобы никто не подглядывал, прикрывая меня пуховиком. – Я пирожки поставила, скоро будут готовы, поэтому ты недолго. Хорошо?

– Тетя Маня, у меня от ваших пирожков попа в костюм войдет, только если густо смазать сливочным маслом.

– Нормальная попа, дочь, – знакомый хрип заставил обернуться. В дом вошел отец, от мокрого снега удлинённые седые волосы начали виться, скручиваясь в аккуратные пружинки. На плечах блестели уже растаявшие снежинки. В руках у него был огромный букет ирисов, без которых я уже не представляю возвращение блудного папеньки. Он улыбнулся, глубокие морщины стали такими отчетливыми. В груди растеклось тепло от одной его улыбки, принадлежавшей только мне с самого детства. Он никогда не улыбался дру-

гим: ни подчиненным, ни домработнице, воспитавшей меня с пеленок, ни своим родственникам. Ну, во всяком случае, то, что он выдавливал для других, не шло в сравнение с той лучезарной улыбкой, которая делала его лицо добрым.

– Папенька! – взвизгнула я и бросилась к отцу на шею. Он отточенным движением подбросил меня, позволяя обхватить его крепкое тело ногами. – Почему ты так долго? Обещал неделю, а сам? Уже четвертая пошла! Я соскучилась!

– Кролик мой...

– Не называй меня так! И так уже прилипло.

– Ну, покажи папке кролика, дочь? – его огромная теплая ладонь легла мне на затылок, зарывшись пальцами во взъерошенные волосы. – Давай, я так соскучился!

– Нет, – я крепко сжала руками шею отца, пряча от него свою улыбку в мягком кашемировом пальто.

– Давай, покажи.

– Пап! Мне уже не пять!

– Дочь... А мне уже далеко не сорок, может, это в последний раз?

– Папа! Прекрати, – я откинулась, чтобы посмотреть ему в лицо. – Ты у меня еще молодой! Мне тут птичка напела, что девушку себе нашел.

– Моисеева! – он громко рассмеялся, откинув голову назад. – Ты настоящая Моисеева. Даже муха не пролетит.

– Па-а-а-ап... Ну, расскажи?

– Покажи кролика, – он свел брови вместе, пытаюсь сделать лицо суровее.

– Нет! Ты все равно меня обманешь. Я покажу этого ужасного кролика, а ты ничего не расскажешь. Я тебя знаю.

– Янка!

– На, держи... – я сморщила нос и вздернула верхнюю губу, обнажая передние зубы, сложив руки вместе, стала быстро выдыхать, пропуская воздух через зубы, издавая звук, от которого отец каждый раз катался по полу. И теперь он расхохотался так громко, что даже через толщину теплого костюма почувствовала родную вибрацию. Его бархатистый смех – это самое настоящее признание в любви. А голубые глаза, которые становятся цвета морского бриза, прозрачные ресницы сдерживали едва заметные слезы. Раньше я думала, что он плачет от смеха, а сейчас заметила, что смеяться он начинает после того, как предательские слезы наворачиваются на глаза. Мой папка.

– Янка, я тебя обожаю, – он прижал меня к себе так крепко, словно пытался заполнить каждый миллиметр между нами.

– Отпусти! Меня там снег ждет, а то дядя Миша, наверное, все сгреб, – я стала дергаться, пытаюсь спрыгнуть.

– Нет, не сгреб. Знает, что первый снег твой!

– Я скоро! Раз уж моя попка ничего, то я претендую на половину пирожков, – я поскакала к выходу.

– Янка.... Какая же ты девчонка!

Выбежав на улицу, зажмурилась. Глаза настолько привыкли к серости дождливой осени, что сейчас на миг показалось, что я попала в рай. Нет, я, конечно, люблю осень за ее ласковые дожди, за красоту опавших листьев, за тяжелое небо и устрашающие грозы. И лето люблю за предвкушение чего-то сказочного, нового, за тепло и бронзовый загар. А весну люблю за дурманящий аромат, который наполняет грудь свежестью, а душу надеждой.... А от зимы я просто в восторге! Она показывает всю природную мощь, решая судьбы букашек. Кто-то замерзает, кто-то впадает в спячку. Она морозит деревья, покрывает льдом машины, дома, заставляя людей греться не только физически... В такие моменты хочется чего-то больше, чем просто согреться. Хочется мира, уюта.

Вот и сейчас расплылась в улыбке, смотря на переливающееся покрывало. Уже декабрь, а снег в этом году не торопился укрывать уже промерзшую землю. Все три недели белые мушки летали, только изображая видимость приближающейся зимы. А сегодня всё, как я люблю. Уснула осенью, а проснулась зимой. Разбежавшись с крыльца, упала на заваленный снегом газон. Снег лежал такой чистый, настоящий. Блестел, заставляя жмуриться. Набрала полные ладони снега и подбросила вверх. Рыхлые легкие снежинки закружились в воздухе, ложась на лицо. Легкое покалывание сменялось приятным холодком. Справа послышался шорох. Ко мне бежал черный лохматый пес, который категорически отказывался жить в доме, выбрав себе место в стоге сена у

конюшни. Вечером зарывался в засохшую траву и спал до утра. Дикарь. Невозможно приручить. Делает только то, что хочет. Точно, Скала. Лохмач подбежал и сходу лизнул меня в щеку. Не в силах сдерживаться, рассмеялась так громко, что из домика охраны высыпали парни. Они почесали затылки и снова вернулись к своим делам. Собака легла рядом со мной, наблюдая, как я подбрасываю пригоршни снега в воздух, лишь изредка поскуливая, когда в него прилетали холодные комочки.

– Яна! – голос отца заставил привстать, опираясь на локти. Отец переоделся и стоял у крыльца. За его спиной стоял Олег, прислонившись к своей черной «бэхе». Скрещенные на груди руки, удлиненное серое пальто, кожаные перчатки и черный шарф, небрежно переброшенный через плечо. Несмотря на то, что он стоял довольно далеко, видела, как прищурился, наблюдая за мной. Как обычно, не скрываюсь и не таясь. Он свел брови, словно о чем-то напряженно думал. Что-то в его взгляде сменилось.

– Мне пора. Я заехал только тебя повидать, – отец поднял меня с земли, заботливо отряхивая от снега. – Это еще что за чертяга?

– Это Ск... Скуби. Его зовут Скуби. Смотри, какой он хорошенький! – вовремя осеклась, понимая, что отец не обрадуется абсолютно прозрачному прозвищу песика. – Куда ты?

– Дочь, я скоро вернусь! Меня не будет несколько дней. Я обещаю, что скоро вернусь. – отец снял перчатку и стер с

моих щек растаявший снег.

– Пап, тебя постоянно нет дома! – слезы брызнули из глаз, я встала на цыпочки, чтобы дотянуться до шеи папы. Он снова подхватил меня за попу и приподнял, прижимая к себе.

– Я не могу взять тебя с собой. И не могу отправить тебя отдыхать, потому что тебе безопасней здесь. За тобой присмотрят, я буду знать, что ты в безопасности. А когда я приеду, то познакомлю кое с кем. Кролик, не плачь. Ты рвешь меня.

– Я не плачу, – взвыла я, зарываясь носом в родные волосы.

– А что тогда катится из твоих глаз?

– Это льдинки.

– Все, мне пора.

Олег

Город был полностью засыпан снегом. То, что раньше называлось дорогами, теперь больше походило на непроходимые бурханы, только вместо песка был снег. Бежал по узкой протоптанной тропинке, вдыхая ледяной воздух, превращающийся в горячий пар на выдохе. Рука автоматически подносила телефон к глазам, постоянно проверяя входящие сообщения. Но их не было. Эта засранка не написала ни вчера вечером, ни сегодня. Все три недели заваливала меня подробными сообщениями, в которых описывала все свои передвижения, не упуская из виду ни одной подробности, как,

например, прием ванны, купание в бассейне или массаж. Подобные смс-атаки стали учащаться в последнюю неделю, подкрепляемые фотографиями, в объектив которых, словно случайно, попадали ее ноги, руки или волосы. Меня так и подмывало заблокировать ее номер, чтобы нормально работать. Но меня хватило только на один день. Потому что утро перестало быть добрым без ее сообщения. Кофе перестал быть вкусным без щепотки сахара, а сон не приходил, пока она не скинет фото своей комнаты с ярко-малиновым диваном. Даже аромат любимых сигарет отличался от того, что я чувствовал от ее волос, когда Янка тайком их курила. Не звонил и не писал, обходясь только перезвонами с Курановым. Парень оказался очень дисциплинированным, на время моей поездки в Казахстан, перевез семью в гостевой домик, чтобы находиться с Янкой рядом, при этом ни разу не задал вопроса.

Вернувшись в город, сразу помчался на пробежку, чтобы размять затекшее от двенадцатичасовой поездки тело. Бесило ее молчание, хотя знал, что она дома, потому что вчера звонил Андрею. Бесило собственное состояние, в котором мог нормально думать только тогда, когда знал, что через пять минут придет сообщение, где Кролик поделится со мной смешной историей про заснувшего преподавателя или про проделки того лохматого пса. Она как наркотик, вызывающий не физическую, а моральную зависимость. Хочется еще и еще!

– Андрей! Как дела? – не в силах больше терпеть, остановился, набрав номер Куранова.

– Мы в ветеринарке. Вчера вечером лошадь лягнула Скуби, всю ночь сидим тут.

– Почему не написал?

– Ну, не думал, что должен докладывать о здоровье пса.

– Ладно, если что, звони, – бросил трубку в карман брюк и помчался на еще один круг, ускоряя темп, чтобы сердце забилось быстрее, вырабатывая адреналин, способный заглушить переживания.

Но перед глазами все равно стояла грусть голубых глаз. Вспомнил, как увидел ее, выбегающую из дома. Она разбежалась и рухнула в сугроб, подбрасывая снег в воздух. Янка не заметила меня, пробежав всего в паре метров. Ее радостные вопли и такой чистый смех перевернули все внутри, напоминая, что я человек. Не смог смотреть из машины, хотелось подойти ближе и закрыть глаза, чтобы впитать этот самый сладкий звук в мире. Ее громкий смех сменялся тихим хихиканьем, когда снег попадал в глаза. Счастье, вот что я испытал. Настоящее счастье, которое раздавала эта девчонка, словно бесплатный WiFi, на который высыпали все. И охранные собаки, и бездомный пес, и охранники. Хотелось остановить мгновение не для того, чтобы впитать это чувство, а для того, чтобы Янка и дальше продолжала валяться в снегу, купаясь в собственном счастье.

– Привет! – из строительного вагончика выскочил Мара. Он помахал рукой в сторону парковки. – Бросай машину.

– Зачем?

– Затем! – он ткнул пальцем в сторону огромного снегохода. – Ты не в костюме, я надеюсь?

Чертяга! Выйдя из машины, закурил, осматриваясь. За месяц пустующее поле весьма изменилось. По периметру возвели высокий забор, вдоль которого строились невысокие домики. На берегу озера заводили под крышу одноэтажное здание с плоской крышей в восточном стиле. По территории сновало бесчисленное количество рабочих. За шумоизоляционным экраном была завершена подготовка первого трека.

– Слава богу, оставил свой костюм дома. Иногда мне кажется, что ты слился с ним. Я даже скучаю по тебе прошлому. Помнится, раньше не вылезал из спортивных штанов, а еще у тебя были счастливые джинсы, в которых мы искалечили полгорода!

– Завязывай! Чур, я за рулем, – отбросив сигарету, подбежал к снегоходу, заняв место. – Ты едешь?

– Мелко мыслишь, – Илья кивнул в сторону второго снегохода, припаркованного чуть дальше. – Пока идет стройка, закупил снегоходы. Здорово, да? Держи, пригодится.

– Спасибо, а теперь догоняй, – я натянул теплую шапку, раскатав ее на лицо, чтобы прикрыть кожу от ветра и стартанул, разбрасывая снег.

– Сволочь! – крик Ильи растворился в реве снегохода.

Мощь под телом, передаваемая размеренной вибрацией, заставляла задерживать от восторга дыхание. Обожаю скорость, именно поэтому в гараже стоит мотоцикл, на котором катаюсь по ночам. Черт! Как хорошо! Ветер грубыми шлепками ударял по лицу, оказывая сопротивление. Но это ничто, по сравнению с адреналином, выбрасываемым в кровь. Ощущение парения, когда снегоход подпрыгивал на холме, заставляло замирать перевозбужденное сердце. Мимолетные мгновения свободы. Полной, как у птиц.

– Ну? – Лазарев остановился рядом и снял защитный шлем. – Как съездил?

– Теперь у меня есть фото тех, кто сопровождал фуру. И таможенников я вычислил, и откуда платеж был проведен. Странно знаешь что?

– Что?

– Во-первых, это не парни Макова. Они вообще не наши. А во-вторых, все так просто и прозрачно! Словно никто не ожидал, что могут копать. Я бы даже подумал, что это подстава, если бы не знал примерный объем ввезенной дури. Там такие деньги, Мара! И для Макова это неподъемная ноша.

– Что будешь делать?

– Ну, теперь коридор, по которому они ввезли дурь в город, закрыт. Им придется искать новый путь, а на это уходит очень много времени. Я знаю маршрут, по которому ехали.

Знаю, где скинули наркоту, только потом ее распределили по городу, разбив на мелкие партии. Они воспользовались тем временем, пока мы искали Яну, чтобы разбить товар на мелкие партии. Понимали, что так труднее найти.

– Для меня это было большим сюрпризом. Из-за Моисеева, чтобы купить герыч, приходилось отъезжать от города на пару тысяч километров. За десять лет, которые он стоит у руля, город стал чище. А тут «Афганка»! Тут либо бессмертный, либо бесстрашный. Мне отец рассказывал, что Моисей собственноручно перестрелял барыг.

– Отец в курсе? И как официальная власть города отреагировала?

– Никак. Они боролись много лет, пока не появился Моисей. За это ему прощается многое. Больше отец ничего не сказал. Что делать будешь?

– Буду вычислять точки, куда развезли. Хочу пересмотреть камеры, чтобы найти того, кто не участвовал в поисках Янки.

– Один?

– Да, ты не суйся. Я прошу тебя.

– Зачем тебе это?

– Ты понимаешь, что все связано?

– Понимаю. А ты понимаешь, что им проще кокнуть одного тебя, чем потерять бабки?

– О! Это я прекрасно понимаю, поэтому отправил Моисея подальше. Когда «папа» в городе, ко мне особое внимание.

А так я вольный ветер. Да и при «папе» крыса не станет отъезжать, чтобы не привлекать внимание. – я упал на широкое сидение, закинув ноги на руль.

– Брат, до сих пор не понимаю, зачем тебе все это? Неужели она того стоит?

– Хм... Стоит чего?

– Дырки во лбу? – Мара отвернулся, чтобы не смотреть мне в глаза.

– С чего ты взял, что это из-за нее?

– Я видел тебя всякого, но с ней ты другой. Ты как пес, охраняющий свою территорию. – губы Ильи дернулись в намек на улыбку.

– Я и есть цепной пес. Могу убивать и охранять. Это мои природные инстинкты. А пули я не боюсь. Не получу ее сейчас, так получу через год. Успокойся, Мара.

– Как можно успокоиться? Если ты непробиваемый, как камень, то я так не могу! – он пнул меня по ноге и отвернулся. – Нельзя пропасть на десять лет, а потом вернуться с условием, чтобы к тебе никто не привыкал. Ты что, телефон, который можно заменить? Наскалов, ты такой придурок! Знай, на твои похороны я не приду.

– А я и не позову. Нарикам в завязке на подобном роскошном мероприятии не место... – В кармане зазвонил телефон. Расстегнув пуховик, вздрогнул, когда увидел имя Куранова.

– Что случилось? – вскочил со снегохода, надевая шапку и перчатки.

– Я не знаю, что делать... Она плачет и не дает увезти себя....

Хоть понимал, что с Яной все хорошо, но все равно разгонял машину по заснеженным улицам. Скрывать от самого себя, что не могу ровно относиться к этой девчонке, глупо, да и невозможно. Привычка смотреть правде в глаза въелась под кожу. Вот и сейчас, понимая, что ей не угрожает опасность, все равно ощущаю тревогу. Припарковавшись у центрального входа ветеринарной клиники, вошел, борясь с желанием побежать.

– Что тут у вас? – в коридоре сидел Куранов, но Янки нигде не было.

– Можно я домой поеду? Если она меня снова увидит, то расцарапает физиономию. – он встал, надевая куртку. – Она в процедурной.

Видимо, не настолько он непробиваем. Слабак. Хватило на сутки истерики. Перед тем, как войти к ней, решил проконсультироваться с врачом, понимая, что она ждет от меня чуда. Но грустный взгляд доктора дал понять, что сегодня неблагоприятный день для чудес.

– Привет, Крольчиха, – я толкнул дверь в процедурный кабинет. На стальном столе лежала псина, в лапу была воткнута капельница. Янка сидела рядом, уронив голову на руку. Она держала собаку за переднюю лапу и что-то тихо на-

певала.

– Они... Они говорят, что нужно усыпить. Обширное кровотечение. Не могут ничего сделать! – Янка подняла красные опухшие глаза, отчего мое сердце ухнуло в пятки. Все переживания пропали, а потом накатили с большей силой. Она хотела встать, но потом остановилась, словно что-то вспомнила. Ее руки сомкнулись в замок так сильно, что костяшки пальцев побелели. Челюсть была крепко сжата, но предательская дрожь губ все равно была заметна.

– Зачем ты это делаешь?

– Что именно? – сквозь зубы процедила она.

– Сдерживаешься?

– Потому что хочу тебя ударить! – Яна сделала шаг.

– Ударь, я для этого и приехал. Встал утром и думаю: «А чего это Кролик давно не била меня?» Вот, пришел сдаваться.

– Пойди, – Янка подпрыгнула ко мне, ударяя кулаками в грудь. – Пойди и заставь ему помочь! Пусть сделают еще одну операцию!

Она не кричала, словно силы покинули ее, но ее шепот был громче крика, в нем было столько боли. Маленькие кулачки снова и снова врезались в меня, а в глазах стояли слезы.

– Кролик, – я выдохнул, поднимая взъерошенные волосы. – Иногда так случается, что помочь уже нельзя. Нужно отпустить пса, ты только мучаешь его. Ты должна понять,

что, привыкая к кому-то, нужно осознавать, что рано или поздно придется набраться смелости, чтобы отпустить. Это не всегда случается, но к этому нужно быть готовым. У него сломаны ребра, ему трудно дышать. Ян, поехали домой?

– Это больно?

– Что? Ребра?

– Нет, отпустить. – Яна на мгновение подняла свои глаза, а потом сделала шаг, прижимаясь ко мне.

– Да, но с людьми еще тяжелее.

Янка снова подошла к столу. Пес не подавал признаков жизни, только глаза едва заметно подергивались. Такая крохотная ладонь легла на морду пса, поглаживая большим пальцем за ухом.

– Скуби... – она нагнулась, нашептывая ему что-то на ухо, надеясь, что пес очнется. – Олег?

От того, как она произнесла мое имя, сердце пустилось вскачь, будто я до сих пор гонял на снегоходе по лесу. Мне стало так жарко, что почувствовал, как намокает футболка на спине.

– Скажи им... Скажи! Я не хочу, чтобы он мучился! – Янка повернулась, ее глаза стали прозрачными. Такими холодными. – Скажи! И отвези меня домой! К себе домой...

Снег валил всю ночь, а я так и не смог уснуть. Слышал, как за стеной плачет Янка. Так тихо, но в тоже время громко, заставляя содрогаться даже мое каменное сердце. Как только

мы вошли в квартиру, она зашла к себе в комнату и больше не выходила. Я долго сидел на кухне, откуда была хорошо видна дверь спальни. Никогда не сталкивался с подобным. Ее горе было таким реальным, что казалось, что его можно ощутить, слизнув слезинку с ее щеки, почувствовав вкус боли на языке. Ходил по квартире, исследуя длинные коридоры. Такая огромная квартира, в которой нет места, где можно успокоиться.

– Привет, – выйдя из душа, буквально напоролся на Кролика, она стояла, прислонившись к стене. На ней была моя голубая рубашка, рукава которой были закатаны. – У тебя свой душ есть, почему ты занял мой?

– Деточка, хочу напомнить, что все ванны на этих двухстах квадратах – мои. Поэтому буду мыться там, где захочу!

– Хм... – она оттолкнула меня и просочилась в ванную, тихо прикрыв за собой дверь.

Я бросил взгляд на часы и пошел варить кофе, потому что без него не выйду сегодня на улицу. Открыл окно, выдыхая сигаретный дым. Снег, выпавший за ночь, укрыл припаркованные во дворе машины, спрятал детскую площадку. Ленивые дворники делали вид, что убираются, а сами прокладывали тонкую тропинку для пешеходов узкой лопаткой.

– Почему ты холост?

Дым застрял в горле, обжигая слизистую. Она застала меня врасплох. Из-за собственных мыслей не слышал, как она подкралась сзади. Капли воды стекали с длинных прядей и

падали на тонкую ткань рубашки.

– Почему ты спрашиваешь?

– Ответь! – Яна нахмурилась и сложила руки на груди. Намокшая тонкая ткань стала просвечивать, облепляя аппетитную форму.

– Я не холостой, а свободный.

– Ответь!

– Потому что не нашел ту, которая не бросится в первый же день переделывать меня. Ту, которая пойдет вместе со мной по моему пути. Которая примет его, понимая, что другого пути не будет. Которая оставит семью и станет только моей. Которая вывернет свой мир наизнанку и примет меня таким, какой я есть. Которая не будет жить в иллюзиях, думая, что я изменюсь... Ясно? – сказал все это на выдохе, не отводя от нее глаз. Видел, как меняется ее лицо. На белоснежной коже промчалось миллион эмоций. От гнева до растерянности. Румянец сменялся бледностью, губы то смыкались в плотную линию, то открывались.

– Предельно! А ты? Ты что дашь взамен?

– Взамен я выверну себя наизнанку, отбросив все принципы, лелеющие собственную свободу.

– А что такое свобода?

– Тебя интерес...

– Что ты называешь свободой? – она резко перебила меня, не дав возможности увильнуть.

– Ни о чем не просить, ни на что не надеяться, ни от чего

не зависеть!

– Ты свободен?

– Не совсем.

– Что из этого мешает твоему ощущению свободы?

– Ян, я и так сказал больше, чем был должен. И запомни, что все жизненные убеждения рано или поздно меняются. Нет ничего постоянного. Все временное. Друзья, враги, власть, машины, квартиры – все в жизни временное. Я скажу больше, мы с тобой тоже временные. У нас с тобой разные отрезки этого «временного», не укорачивай свой отрезок. Держись от меня подальше!

– Меня не устраивает понятие «временное». Я не хочу быть гостьей. Никогда не буду временной! Слышишь? Тогда вообще не впускай меня! Я никогда не буду для тебя удобной. Со мной не получится составить график. Я не буду Кроликом 1,3,5. Я буду Яной– 1,2,3,4,5,6,7! Я буду занозой в самом сердце! Слышишь? Я уже заноза!

– Чего ты ждешь?

– Хочу знать, чего хочешь ТЫ!

– Я хочу тебя! Но не могу себе позволить. Ты – слабость.

А мне нельзя, слышишь?

– Ты можешь сопротивляться, но я вижу, что твои глаза перестали быть стеклянными. Ты смотришь на МЕНЯ, видишь МЕНЯ. Тебе нравились мои смс?

– Да, – почти застонал я, понимая, что сам позволил загнать себя в угол.

– Ты мог бы соврать.

– Мог... – впервые пожалел, что не соврал. Не понимаю, что на меня так действует? Ее серьезный вид или напрягшиеся соски. Влажную ткань обдувало холодным воздухом из открытого окна. Мягкая кожа стала сжиматься, превращаясь в крохотные бусинки.

– Даже если ты будешь сопротивляться, я останусь твоей слабостью, потому что от этого еще не придумали лекарства. С каждым днем я буду проникать в твою кровь все глубже. Даже придерживая на расстоянии, будешь помнить меня. Я «отравлю» сначала твое тело, а потом и душу! – Янка опустила руки, открывая моему взгляду рубашку, которая почти полностью намокла.

– Ты упускаешь только одну деталь, – голос стал хриплым настолько, что каждое слово приносило боль в горле.

– Какую?

– Я не спорю, что физически ты близка к моей полной капитуляции. Но душа? Детка, ты погорячилась! У меня ее просто нет.

– Есть! – она вытянула руку, ударяя указательным пальцем в мою грудь. – Ты просто с ней еще не знаком, но не переживай, я вас познакомлю.

– Пи*дец! Всю жизнь мечтал познакомиться, где ты раньше была? Ян, прекрати. Это ни к чему не приведет.

– Это приведет к сексу, – шепотом сказала Яна, облизнув пересохшие губы.

– Хорошо... – я запрокинул голову, уткнувшись взглядом в глянцевый потолок. Внутреннее сопротивление превратилось в настоящую войну. Даже на расстоянии метра ощущал то девичье тепло, к которому тянешься, от него чувствуешь опьяняющее головокружение. По другую сторону баррикады стоял разум, он развернул транспаранты, призывающие защитить девчонку. – Черт с тобой.

Издав гортанный рык, я дернул футболку за ворот, повернувшись к ней спиной.

– Смотри! – закинув руку за спину, прикоснулся к выпуклому шраму, который тянулся от самого позвоночника, скрываясь под ребрами. – Это семь лет назад. Меня вытащили с того света. Этот – лет шесть назад. – я отогнул пояс джинс, обнажая круглый уродливый шрам. Затем просто стал поворачиваться, указывая на бесчисленное количество шрамов на своем теле. – А вот этот два года назад, пуля задела сердце, но я выжил. Эти шрамы – моя история. Их сорок девять, следующий будет юбилейным. При взгляде на любой из них погружаюсь в прошлое, испытывая ту боль. Она не проходит. Она остается в голове. Знаешь, почему меня называют Призрак?

– Потому что никто не может поймать тебя!

– Нет! – я рассмеялся, глядя на абсолютно бледное лицо Янки. – Это сказка, которую придумали окружающие, потому что я никогда не оставляю свидетелей, способных поведать подробности. Нет, меня так прозвали, потому что на мо-

ем теле нет ни единого органа, который бы не был прострелен или порезан. В меня стреляли, резали, душили, взрывали, поджигали! Я всегда выкарабкиваюсь, потому что не умею прощать. Возвращаюсь с того света, распинывая чертей, утаскивающих меня в огненный котел. Возвращаюсь, чтобы отомстить, потому что не страшно. Некого терять. Ничего не держит!

– Боже! – по бледной щеке скатилась слеза. Такая большая и чистая. – Олег!

Снова! Она снова сказала это и подняла на меня свои глаза. Там не было жалости, страха, там была боль. Она словно ощутила то, через что раз за разом проходил я. Тонкая рука поднялась, остановившись от моей груди в паре миллиметров. Яна выдохнула и слегка дотронулась до меня в том месте, где был главный шрам, на самом сердце. Под уродливой вмятиной была татуировка. Она была сделана с той кардиограммы, когда врачи перезапустили мое кровоточащее сердце. Выписавшись из больницы, я решил сделать татуировку, вдруг сердце снова забудет, как биться правильно. Тонкая черная линия то взмывала вверх, едва касаясь контура шрама, выписывая пик удара, то падала вниз, расслабляя мышцу.

Я снова ощутил, как сердце сжалось, как только нежная кожа пальцев коснулась бугристой кожи. Янка опустила глаза, закусывая губу, прошла взглядом по татуировке, которая начиналась от солнечного сплетения, уходя под рукой за

спину. И длинным ногтем указательного пальца стала повторять линию кардиограммы, вдавливая его в кожу, оставляя еще один след на моем теле.

– Олег!

– Ян, поверь, так будет лучше, – я сделал шаг назад и снова надел футболку, отгораживаясь от ее рентгеновского взгляда. Звонок в дверь заставил ее вздрогнуть, а меня выдохнуть. – Открой.

– Я?

– Ты.

– А как же никогда не открывать?

– Открой! Женщина, ты научишься выполнять указания? – я толкнул ее в спину. – Давай!

Янка нахмурилась и вышла в коридор на цыпочках. Тишина немного напугала, поэтому я пошел за ней. Она рассматривала лестничную площадку в экране видеодомофона.

– Тут никого нет, – она обернулась. Ее нос был сморщен, отчего верхняя губа вздернулась, обнажая передние зубы. Точно, кролик.

– Открывай, Кролик!

Она топнула ногой и стала отпирать замки.

– Что это? – на полу лестничной клетки стояла большая корзина с крышкой. – Олег?

– Ян? Может, ты Кролик, потому что боишься всего на свете?

– Придурок! Я иногда об этом забываю, но ты мастерски

напоминаешь мне. – Она наклонилась. Короткая рубаша задралась, оголяя круглую попку. Черт! Отсутствие белья почему-то меня совсем не удивило. Мои глаза прилипли к аккуратной заднице, на правой ягодице которой был длинный тонкий шрам.

– Олег!!!!!!!!!!!!!!!!!!!! – Янка откинула крышку корзины, откуда донесся едва уловимый писк. – Это щенок!

– Да, самый настоящий, живой и ручной. У него есть паспорт, нет блох, и ты можешь таскать его везде.

Янка достала из недр огромной корзины крохотный белоснежный комок. Он пищал и жался к ее рукам в поисках тепла.

– Это померан. Белый, как снег!

– Да, белый, как снег. – я откинулся на дверной косяк, наблюдая, как Кролик прижимает крохотный комок, помещающийся на ее ладошке, к сердцу.

Не мог уснуть, вспоминая боль в ее глазах при прощании со Скуби. Не знаю, что меня подтолкнуло, но не успокоился, пока не нашел белого щенка, напоминающего сугроб. На фотографии он был очень похож на снежок, только если присмотреться можно было рассмотреть глазки и черный носик.

– Это снежок! Олег, посмотри! Это Снежок! – Янка подскочила, поднося пищашее создание прямо к лицу.

– Называй, как хочешь. Но по паспорту он, кажется, Вулкан.

– Э! Назовите его Лазарь! – в открытую дверь вошел Се-

рега, увешанный пакетами. – Что я, зря за ним катался к черту на кулички?

– Привет, – я похлопал парня по плечу, забирая пакеты. – Держи, Кролик, это приданое твоего Снежного барсика.

– Боже! Мальчики! – Янка заходилась слезами, не пытаюсь их утирать, потому что не могла оторвать рук от щенка, который пропищался и теперь сладко спал на ее груди.

– Я принес завтрак, поэтому давайте есть? Прошу! – Лазарев сбросил пальто на пол и промчался на кухню, шурша бумажными пакетами. – Кролик! Жрать хочу!

– Я тебе не Кролик! – взвизгнула она, поднимая на меня свои глаза. Они снова блестели счастьем, напоминая теплое и ласковое море. – Спасибо!

– Оденься, – с огромным трудом отвернулся. – Мы сегодня будем есть?

– Пирожки! Обожаю пирожки, – с набитым ртом кричал Лазарь.

– Лазарь, не в пирогах счастье, – вдруг вспомнился старый добрый мультфильм.

– Ты что? С ума сошел? А в чем же еще?

Глава 21

Олег

– Давай на **й всех перестреляем? Соберем их в одном месте и шлепнем? – Лазарев вскочил с кожаного дивана. В один прыжок очутился у противоположной стены и крепко приложился кулаком в поверхность, отделанную шпоном канадского ореха. – Это невозможно смотреть на людей и гадать, кто из них готов в любой момент приставить пушку к твоему виску. Козырев их собирал по деревням, подбирал с улиц. Отправлял в институты, армию.

– И что ты потом будешь делать? Лазарев, ты мозг во Владике отморозил? Мне срать на крыс, мне нужна «голова». Нужен тот, кто все это затеял. Тот, кто запустил маятник.

– Ты знаешь, да? Б**дь! Ты знаешь его? – Серега замер и резко развернулся в мою сторону.

– Лазарь, знать и догадываться – совершенно разные вещи. Я не могу знать, пока не увижу доказательства. И крысы мне нужны для того, чтобы получить причину, по которой я заставлю этого мудака подавиться собственной кровью!

Мы сидели в моем кабинете, снова и снова просматривая запись таможенного пункта на границе. В объектив единственной камеры попал правый борт фуры. Номер был различим только частично, да и неважно это, потому что маши-

на уже год числится в угоне. При досмотре грузовика из кабины вылезли трое мужиков. Они выстроились в ряд, повернувшись спиной к единственной камере, будто знали. Конечно, знали. Огромные панамы, закрывающие не только лицо, но и шею, смотрелись абсолютно нелепо среди других людей, пересекающих границу двух государств. Сотрудник таможни бегло осмотрел фуру. Вся процедура оформления заняла не более пяти минут, после чего сопровождающие груза быстро сели в фуру и скрылись. Все так складно. Без осечек, словно это была отточенная операция. Но я-то знал, что эта партия была, скорее всего, чистым экспериментом, который удался.

Наблюдая боковым зрением за мечущимся по комнате Серегой, перематывал четырехминутный ролик снова и снова.

– С Козыревым тоже все неладно. Это чередка каких-то невообразимых совпадений. Мы столько лет жили спокойно. Все проблемы решались на уровне переговоров. Моисей вел политику сдерживания, не давая возможности залить город кровью! – Серега закуривал и, делая пару затяжек, тушил сигарету в пепельнице. – Скала?

– Сядь, не мельтеши! Мешаешь думать. Что мы имеем?

– Что?

– Деньги.

– В смысле?

– В прямом. Тот, кто ввез «афганку», вложил туда много денег. Очень много, Лазарь. Либо он придурок, у которого несколько лямов зелени жгли карман, либо у него бы-

ла гарантия того, что получится! Нет, даже не так. Он готов был пожертвовать деньгами, чтобы расшатать город в нужном ему направлении. Все это время мы отталкивались от похищения Яны, но ошиблись. Как бы не ошибиться сейчас.

– Значит, нужно изменить тактику, – Лазарев снова подскочил с дивана, схватившись за сигареты.

– Сядь, я сказал! – перехватил его запястье, чуть вывернув его, чтобы обездвигить руку. – Успокойся. Все это время мы плясали от произошедшего, а теперь пойдем другим путем... У Кирилла, несмотря на годы тренировок, не хватило бы ума создать этот коридор, да и бабок он таких в глаза не видел. Я проверил счета. Он в основном переписывал недвижимостью, словно готовился к отходу.

– То есть?

– Из этого следует, что он был одним из стукачей. Сливал информацию, чтобы подвинуть Моисея.

– Моисея? – успокоившийся было Серега вновь вскочил на ноги.

– Ну, это единственный вариант.

– Это нелогично.

– Не путай нелогичное с невозможным. Это как раз возможно. Мы живем в мире, где деньги помогают ощутить себя непросто одним из... Бабки делают твой характер жестче, а х*й толще.

– Ты о чем?

– Я решил зайти с другой стороны. Есть у меня один ко-

решок в Афгане. Все, что мне нужно – определить связного. Рыться в «своих» бессмысленно. Именно этого они и ждут. Надо ехать в Казахстан и искать лица. Фото, камеры. Да все, что угодно! Их много, Лазарев. Крыс, как минимум три, не считая главного! Кирилл – первый неизвестный. Он, будучи приближенным, сливал важную информацию. Второй неизвестный должен быть в средней прослойке. У него есть авторитет, но неявный, чтобы в глаза не бросаться. Третий неизвестный – мелкий, жадный придурок, у которого нет цели подняться, он, скорее, просто хочет денег! Именно с него и начнем. Такие рвачи очень часто ошибаются, потому что спят и видят «зелень».

Иногда жалею, что поспешил «убрать» Кирилла, потому что мог «поговорить» с ним. Поспешил.

– Поехали к Моисею, – я посмотрел на вспыхнувший экран телефона. – Ждет нас.

– Зачем?

– Удовольствие, наверное, доставлять будет, – я пожал плечами, наслаждаясь растерянностью на лице Сереги. – Тебе. Я-то на него не работаю.

– Придурок!

– Взаимно.

– Мне тут слили, что Маков нарыл что-то на Коновалова! – Моисей затянулся сигарой и выпустил облако пряного дыма в воздух. Затем развернулся на кожаном кресле в сто-

рону брата Миши. Мужичок снял очки и стал старательно протирать стекла своим галстуком.

– Предупредим? Коновалов сговорчивый, проблем не доставляет, деньги отчисляет исправно. – Миша надел очки и обвел взглядом кабинет.

– Зачем Макову нужен Конь? Он занимается автомобилем. Весь город держит. И салоны, и эти, как их... – Лазарев, все это время смотрящий в окно, обернулся.

– Автосервисы, Сереженька, – Моисей прищурился. – Автосервисы...

– Ага, точно. Маков обнищал, что ли? Зачем ему это? Ведь не потянет. Не по Сеньке шапка. Народу у него мало, мозгов, к слову, еще меньше, а амбиций море.

– Выслуживается, наверное. – Миша помешивал кофе в фарфоровой чашечке с золотым узором, противно брякая ложкой.

Моисей вызвал нас в главный офис, который находился в ресторане «Белый лотос». Кабинет находился в подвальном помещении, у единственного входа в который стоял целый кордон охраны с металлоискателями. Бордовые, почти черные стены, обтянутые бархатной тканью, темный деревянный пол, замысловатая мебель из красного дерева. У единственного окна, находящегося под самым потолком, сидел Лазарев. Вдоль стены была расположена библиотека, ровные стеллажи которой заставлены книгами в кожаных переплетах, а прислоненная к полкам лестница служила Лазареву

креслом. Взявшись на самый верх, он вытянулся во весь рост, рассматривая что-то за окном, крутя меж пальцев золотую зажигалку.

В углу кабинета стоял кожаный угловой диван, где сидели Ворон, Сизый, Буба и Веселков. Они играли в нарды, тихо переговариваясь между собой.

Моисей сидел в центре кабинета в огромном кожаном кресле. Внешне выглядел весьма расслабленно, только правый уголок губ изредка подергивался. В целом спокойная обстановка казалась какой-то угнетающей, может, сказывался мрачный интерьер, а может, тяготило молчание, нависшее над нами. Каждый думал о своем, и только беззаботные парни тихо матюгались, передвигая деревянные пешки. Моисей монотонно постукивал перьевой ручкой по поверхности стола.

– Ну, что решим? – Моисей хлопнул в ладоши, и в кабинет тихо вошла официантка, заменившая уже остывший кофе.

– Нужно поделиться информацией. – Миша закинул ногу на ногу и откинулся в кресле. Весь его вид выражал скуку, такую густую, тягучую. Он без конца протирал очки и смотрел на дверь, словно ожидал кого-то. Было видно, что все эти разговоры его не интересуют, он и появлялся-то только из уважения к брату, потому что привык тихо заниматься бумажной работой, не вылезая из своей квартиры.

– Скала? У тебя есть другое мнение? – Моисей сидел ко

мне боком, но, заметив мою улыбку, повернулся, впиваясь прозрачно-голубыми глазами. – Поделишься, что конкретно развеселило тебя?

– Виктор Викторович, с чего вы взяли, что у меня есть мнение? Я человек в городе новый, многого не знаю...

– Но?

– Но даже мне понятно, что развелось таких, как Коновалов, слишком много. А это чревато объединениями. Коммерсанты готовы на многое, лишь бы недоплатить, сэкономить. Жмут каждую копейку. А вы им позволили плодиться. – Я закурил, чтобы еще раз прокрутить в голове то, что хотел сказать. Обвел взглядом присутствующих и, убедившись, что все меня слушают, продолжил. – Кто такой Маков-старший? Старый знакомый. Пусть «отобедает» крупной рыбкой, зато вам не придется руки пачкать. Пусть развлекается дяденька.

Сказал и снова окинул кабинет взглядом. Моисей сложил руки на груди, испепеляя меня взглядом, Миша по второму кругу протирал свои окуляры, а Лазарев отвернулся к окну, сжав зажигалку до белизны костяшек.

– Ладно, не будем вмешиваться. – старик потер рукой щечину на подбородке, не сводя с меня пристального взгляда.

– Моисей, мне нужны записи видеокамер с территории твоего дома за сентябрь и октябрь. – я налил себе кофе.

– Зачем тебе? – Моисей поднял брови, отчего поперечные морщины стали похожи на каньоны.

– Ребят посмотрю. Интересно, как общаются между собой, пока никто не наблюдает. Именно для этого ты меня нанял, да?

– Хм... ну, ладно.

– Я могу помочь, – Веселков поднялся с дивана, разглаживая черные брюки.

– Что он, без тебя не справится, что ли? Малыша нашли... – бурчание Сизова было едва различимо. Он закурил, не поворачивая головы в мою сторону.

– Сизый, ты опять накопил ненужную энергию? Да? Значит, едем в зал!

– Нет, Скала, завязывай. У меня с е**льника только фингал сполз! – Сизов подскочил, грубо оттолкнув Веселкова. – Ни телку цепануть, ни дома появиться!

– Заткнись, Сизый! – Ворон со звонким щелчком отвесил подзатыльник другу. – В зал, значит в зал. Все? Еще распоряжения будут?

– Нет, свободны. Ворон, ты понял, что нужно усилить охрану дома? – Моисей встал, давая понять, что встреча подошла к концу.

– Да, Босс! – Ворон почти пинком выгнал бурчащего Сизова.

– Олег, останься, я дам тебе номер спеца, у которого нужно забрать записи, – Моисей открыл неприметную дверь за рабочим столом и скрылся за ней.

– Ты что задумал? – Лазарев еле дотерпел, пока кабинет

опустеет и подскочил. – Какой тебе Маков знакомый? Опять играешь втемную?

– Да, поясни! – Моисей стоял, прислонившись к дверному косяку.

– Я принесу тебе бизнес Макова и Коновалова на блюдечке. – Я затушил сигарету и надел пальто, висевшее на спинке кресла. – Моисей, я прошу, не лезь. Мы сами разберемся. Веди себя как можно естественней. Побольше появляйся на людях. Встреться со старшими, напомни о себе! Ответом на все вопросы я тебя обеспечил. Вали все на Кирилла.

– Хм... – Моисей достал бутылку коньяка и щедро плеснул себе в чашку с кофе. – У тебя хватит изоленты, чтобы изолировать меня от происходящего? Е*ом не торкнет, как говорит мой друг?

– Нет, не торкнет. Если ты забудешь про нас.

– Лазаря тоже забираешь? Ладно, только помни, что мне деньги не нужны. Ты мне крысу найди, – Моисеев залпом осушил кофе.

– Деньги нужны всем, не ври. Только помни, что помимо шуршащих купюр, они означают власть. А твое место кому-то приглянулось. Пора напомнить, кто в регионе главный!

– Скала, мне не нужна война!

– Тогда снимай перстень и вали из города, потому что тебя скоро раздавят, как муху, – я усмехнулся, наблюдая, как краснеет лицо старика.

– Ты забываешься, щенок! – он резким движением схватил меня за шею, сомкнув пальцы.

– Вот! Вспомни, что иногда нужно отвечать! Почувствуй, как пульсирует кровь. Ощути власть над моей жизнью! И очнись! – с этими словами резко шагнул на Моисея, от неожиданности он разжал руку. – Очнись! У тебя есть дочь!

Лазарев надел пальто и вышел из кабинета. Его обычно непроницаемое лицо сейчас вообще превратилось в камень. Он двигался медленно, словно боялся пропустить какой-то важный пункт.

– Олег? – старик губами приложился к бутылке.

– Моисей, тебя убьют. – на выдохе сказал я, прогоняя возможные варианты.

– Ты это знаешь? – он вытер рот тыльной стороной ладони.

– Да.

– Откуда?

– Моисей, либо мы идем до последнего, либо через неделю нас тут не будет, независимо от того, что именно мы знаем. Либо я убираю Корнея, либо ты труп... Если ты хочешь жить, то не пытайся контролировать меня. Мне нужна помощь, поэтому я забираю Лазарева. Тебе нужно говорить, что крыса сдохла. Это все, что от тебя требуется на данный момент.

– Я могу прострелить твою башку прямо здесь! – Моисей дернул рукой и, достав пистолет из-за пояса брюк, направил

на меня.

– Знаешь, сколько раз я это видел? Ты сейчас прищуришься, потому что почувствуешь бурление крови. Адреналин начнет бить, отчего задергается рука. Ты смотришь мне прямо в лоб, стараясь не встречаться взглядами, потому что отвык быть готовым на все, чтобы отвоевать место под солнцем. Только я скажу тебе, что твой лежак давно занят, а ты ничего не заметил. Давай! – я сделал шаг навстречу и, обхватив холодный металлический ствол, приставил к своему лбу, наклонив голову, чтобы Моисей чувствовал давление. – Давай, я жду. Еще раз повторяю, что не живу, потому что люблю жизнь. Существоваю, потому что еще не нашелся тот, кто перехитрит меня. Я вижу тебя насквозь. Смотришь на меня, а перед глазами стоит Янка, да? Позволил выйти замуж, чтобы в случае чего она не осталась одна? Знал, что Кирилл продажный, что за бабки будет пылинки сдувать с дочери. Да? Да? Думал, сможешь купить ее спокойствие?

– Да! – заорал Моисей и убрал предохранитель. – Думал! И сейчас думаю. Любви нет, найду того, кто сможет обеспечить ей безопасность, когда меня не станет. Пусть и за деньги!

– А теперь подумай, что сделают с ней, как только тебя не станет? Ее не спасут твои деньги. Ее ничего не спасет. Надеешься на своих быков, которые крысятничают? Нет, уже не надеешься. А я тут. Потому что у меня есть цель. Своя цель. И я расшибусь, но доведу дело до конца. Выбирай, «папа»!

– Что? Что тебе нужно?

– Проснись, Моисей. Хватит защищаться, пора нападать! Инструкции получишь от Лазарева. – с этими словами я вышел из кабинета.

– О! Сизый! – у крыльца стояли Сизов и Ворон, они курили и о чем-то бурно беседовали.

– Чего опять Сизый? Другой фамилии не знаешь? – парень бросил сигарету и сделал шаг навстречу. – Скала, ты меня изрядно ****ал! Отвали от меня!

– Держи. – я протянул ему листок с номером телефона. – Это специалист, который привезет тебе записи. Ты должен все пересмотреть и выписать на листочке тех, кого не было в период с четырнадцатого по восемнадцатое сентября. Пиши аккуратно, приеду – проверю!

– Ладно.

– Зачем ты Моисея отдаляешь? – мы уже час стояли в пробке, направляясь в спортивный клуб, но это были его первые слова. Он хранил молчание, натянув на лицо маску равнодушия.

– Я думал, что они клюнут на него, когда отправил из города. Но нет. Эти крысы настолько уверены в своей неприкосновенности, что никто не дернулся, – меня рвало от злости. Бесило то, что все залегли на дно. Хотел избежать крови. – Лазарев, ты все запомнил?

– Не маленький. – огрызнулся он и, открыв окно, высу-

нул голову. Ледяной воздух ворвался в нагретый салон авто, проветривая закипающий мозг.

– Тогда держай. Чем больше шума, тем лучше...

– Привет, – в динамиках авто раздался приторно-ласковый голос Янки.

– Говори, – я вздрогнул не от испуга, а потому, что сердце, которое до этого билось медленно, смакуя план мести, ускорило только от одного звука ее голоса.

– Я скинула тебе сообщение со списком продуктов! Купишь по пути домой.

– Чего купить?

– Продукты! Это такие штуки, из которых готовят еду. Потому что я не могу питаться кофейными зернами. Моя сумка осталась в машине у Куранова, а он сегодня на выходном!

– Янка, попробуй отобедать зернами. Знаешь, есть такой сорт Копи-Лювак? – заржал Лазарев, схватившись за живот.

– Замолчи! Олег! Скажи ему! – заныла Янка. Я на миг закрыл глаза, представляя, как она топает ногой от негодования.

– Может, ты тоже перерабатываешь...

– Лазарев! Даже если ты будешь подыхать от голода, я не накормлю тебя!

– Ян, закажи продукты! На барной стойке в пепельнице карточка, – закурил, надеясь на то, что никотин сжалится и снизит сердцебиение.

– М-м-м-м... На ней кончились деньги.

– Что на ней? – я подскочил на сидении, сжав кожаную оплетку руля.

– Деньги кончились.

– Ян, не говори ерунды! Там было... Что? Что ты опять сделала?

– Олег, я кое-что купила. Кровать в моей комнате отвратительно неудобная и диван в кухне выбросила, он совершенно не подходит к интерьеру.

– В смысле – в твоей комнате?

– Ладно, в той комнате, где я обычно сплю!

Лазарев подавился сигаретным дымом и начал расстегивать пуговицы пальто, пытаясь ослабить давление на горло.

– Черт, где мой телефон, – я начал искать по карманам, чтобы отключить громкую связь, пока этот придурок не умер от смеха. – Ян, пока я не отключу громкую связь, прошу фильтровать свои слова не только через рот, но и через мозг!

– Я пока ничего такого не сказала.

– Пока? – Лазарев снова рухнул на сидение, схватившись рукой за горло.

– Ян, что случилось с ТВОЕЙ кроватью? Она новая!

– Она неудобная.

– Аргумент пи**ец. – выдохнул и расслабился, потому что она уже все сказала. Теперь от Лазарева никогда не отделаться.

– Ну, я бы показала, да кровать уже вынесли из квартиры!

Кстати, в гостиную диван тоже привезут. Тебе какая обивка больше нравится? Синяя или красная?

– Какая на **й красная? – моя голова рухнула на руль.

– Ок! Синяя, значит синяя! Так и думала. И приезжай до-мой пораньше, нужно помочь разгрести твои запасы алкоголя.

– Яна! Я вот сейчас прямо из последних сил держусь, чтобы не послать тебя... за моей мебелью обратно! Что случилось с витриной, где хранился алкоголь?

– Вино не должно храниться по-хамски, – взвизгнула она. На заднем фоне слышалось тихое попискивание. – Обещаю, тебе понравится. Там даже встроенные холодильники для бутылок.

– Я убью тебя! – прошептал я, понимая, что уже все сделано.

– Не злись! Я купила тебе новые рубашки. Жду! Продукты не забудь, – она отсоединилась.

– Что? Я молчу! И ни о чем даже не думаю, ни разу, – Лазарев сжал челюсть, чтобы не взорваться от хохота. – Вообще ни единой мысли... Или догадки. Или фантазии... Вообще ни одной! Ты Моисея не просто так называешь «папа», да? Тренируешься?

Припарковался у дома, но не спешил покидать машину. Так и сидел, откинувшись на кресле. Снег только усиливался, засыпая опустевший двор сугробами. На часы можно бы-

ло не смотреть, потому что весь паркинг был занят, а в окне консьержа погас свет, подсвечивая коморку бликами работающего телевизора. Двор опустел. Ушли даже собачники, выгуливающие своих питомцев по вечерам, вместо них территорию начали обходить охранники.

Голова трещала, потому что забыл, когда спал нормально. Несмотря на долгий и тяжелый день, ноги просто не несли домой. Понимаю, почему эта девчонка вызывает во мне такую бурю эмоций. Потому что она не боится, не думает, не подбирает слова. А утренний разговор вообще выбил почву из-под ног. Ее чистый, искренний взгляд заставлял поверить. Не хотелось сбежать, накричать. Хотелось слушать и смотреть. Но теперь, понимая, что на своей территории я больше не хозяин, бился в агонии. Собственноручно впустил ту, которая перевернула все вверх дном. Но еще отвратительнее то, что глубоко в душе сам давно отдал ей все ключи, подписал всевозможные дарственные, генеральные доверенности. Проблема в том, что меня долго переучивали заглядывать туда, что люди называют душой. А теперь прислушиваюсь к внутреннему голосу постоянно.

К подъезду подъехал автомобиль с логотипом ресторана.

Тянуть было бессмысленно, потому что другой квартиры у меня нет.

– **ядь! А это хорошая идея!

Коридор квартиры был просто завален коробками и упаковочной бумагой. Поставив пакет на комод, скинул паль-

то и пошел вглубь квартиры, заглядывая во все комнаты. На кухне стоял новый стеклянный стол на кованых витиеватых ножках. Вокруг него стояли новые стулья, а у самого окна, где я обычно сижу, стояло мягкое кожаное кресло. Из столовой исчез только диван. Гостиная, которую Янка назвала «своей», оказалась пустой, в углу стоял только встроенный зеркальный шкаф. Дверь в мою спальню была закрыта, а из гостиной доносился звук работающего телевизора. Прислонился к стене, осматривая просторную комнату. У черной стены с имитацией кирпичной кладки стоял большой подобный диван приглушенно-синего цвета. У панорамного окна появились два белых кресла на резных ножках с высокими подголовниками. Завершением обновленного интерьера была она... Янка стояла посередине комнаты и спокойно гладила рубашки. Короткие джинсовые шорты, спортивный топ, открывающий всю красоту женского тела, а на ногах огромные тапочки-кролики, уши которых лежали на черном паркете. Она плавно покачивалась, проглаживая серую рубашку.

– Хм, не знал, что у меня есть эта штука, – кивнул на утюг.

– Ой! – Она подскочила. – Не пугай так больше! Чуть не умерла.

– Может, объяснишься? – я махнул в сторону дивана.

– Присядь сначала, а потом можешь кричать. Я же вижу, как твоя вена вздулась. – Янка отключила утюг и двинулась ко мне.

Б**ть! Как в ней это все сочетается? Простота, уют, какое-то еле уловимое спокойствие, а с другой стороны – секс. Даже в столь скромном облики, с детскими тапками на ногах, она делала с моим телом что-то невообразимое. Яна облизала губы и прошла по мне взглядом снизу вверх, остановившись на расстегнутом вороте рубашки. Ее соски тут же напряглись. Тонкая хлопковая ткань повторяла каждый изгиб аккуратных округлостей. Она глубоко вздохнула, отчего ее пресс напрягся, демонстрируя плавный рельеф мышц. Длинные ноги мягко ступали по паркету, шурша свисающими кроличьими ушами по полу.

– Я не хочу кричать.

– Нет, хочешь. Ты как сосуд, в котором копятяся все виды эмоций. Ты их складировуешь аккуратными стопочками и запираешь на замок. Так нельзя!

– Да? А как можно? – я обошел Янку и сел в кресло. В картонной коробке на полу стояли бутылки с алкоголем. Отлично. Достал и приложился прямо к горлышку. – Я же говорил. В тот же день, когда я дал слабину, ты набралась смелости, чтобы поучить меня жизни. Начинай! Уверен у тебя море нотаций о том, что моя жизнь неправильна. Валяй! Я, когда пьяный, очень добрый. И очень ласковый, – я снова приложился к бутылке, делая несколько больших глотков. – Давай, я почти пьян.

– Я не хочу тебя учить жизни...

– Хочешь, кролик, хочешь... – встал с кресла, подходя к

ней ближе. Аромат сладких духов защекотал в носу, раздражая все рецепторы. – Не говоришь, потому что сказал тебе утром, что не потерплю этого. Ты сдерживаешься, потому что хочешь, чтобы я трахнул тебя. Да, милая?

– Я не милая!

– Милая, еще какая милая, – отхлебнул еще коньяка и поставил бутылку на гладильную доску. – Мокрая уже?

Она распахнула глаза, как только мои пальцы взялись за пояс джинсовых шорт.

– Давай, скажи мне...

– Отвали... – ее голос пропал, окрасившись таким глубоким хрипом. На шее выступила влага, а нижняя губа задрожала.

– Нет, ты же хочешь? Давай, я побуду твоей шлюхой на сегодня. Чего ты хочешь? О чем ты мечтаешь? Я воплощу любую фантазию! – сердце забилося, наслаждаясь вспыхнувшим румянцем.

Схватившись за пояс шорт по бокам, резко дернул. Тишину квартиры разрушил треск рвущейся ткани. Шорты рухнули на пол, сбрызгав металлическими клепками.

– М... Какая прелесть, – я поднял мизинцем лоскуток розовой ткани, которая раньше была трусиками. Второй рукой схватился за топ, рванув его вниз. Тонкие лямки лопнули, оставляя на бледной коже красные полосы. Подхватил растерянную Янку под попу и посадил на гладильную доску. Ее лицо стало красным, руки дрожали.

– Давай, чего ты хочешь, милая? – не мог подойти ближе, потому что рассматривал каждый изгиб. Кожа на маленькой груди стала розовой, а светлые соски стали съеживаться, превращаясь в маленькие жемчужинки. Она часто дышала, по шее скатывались капли пота. – Скажи...

Но Янка молчала, только с силой сжимала края доски. Развел руками ее ноги в стороны, от чего Янка застонала и запрокинула голову назад.

– Смотри на меня! – схватил рукой ее за шею, надавливая большим пальцем на подбородок. – На меня глаза! Никогда не отворачивайся. Слышишь. Мне нужны твои глаза!

Большой палец соскользнул, надавливая на нижнюю губу. Ее рот открылся, она издала какой-то глубокий гортанный звук.

– Чего ты хочешь? Я спрашиваю в последний раз. Но только помни, что это всего один раз. Всего один. Я не часто напиваюсь, пользуйся, пока есть возможность!

Но Янка молчала, так и не произнеся ни единого слова.

– Как хочешь, – пожал плечами. Подхватил с пола пальто и вышел из квартиры...

– Олег, ну, что за манера приезжать под утро! Мне завтра на работу! – Настя была, как обычно, в прозрачном пеньюаре, но перед глазами все равно стояла обнаженная Янка.

Выбежав из дома с бутылкой коньяка, понял, что не взял ключи от машины, да и куда в таком состоянии за руль. По-

этому вызвал такси и поехал туда, где не будут осуждать, не будут переделывать. Но, увидев брюнетку, захотелось обратно.

– У... Батенька, да ты в стельку! – Настя подхватила меня под руку и повела к дивану. – Я уж на миг обрадовалась, что будешь всю ночь извиняться за незапланированный визит. – вздохнула Настя, присев на пол. – Что мне с тобой делать?

– Ну... Есть у меня пара вариантов.

– Э... Парень, это ты вторгся на мою территорию, – Настя поджала губы, а я вытянул ноги, расслабив тело. – Ответь на это гребаный звонок!

– Не настроен на телефонные разговоры, – покосился на вибрирующий телефон в кармане пальто.

Брюнетка встала и стала медленно развязывать пояс халата. Звонок в дверь заставил вздрогнуть обоих. Сказать, что я напрягся – ничего не сказать. Машинально стал ощупывать пояс брюк, где в кобуре должен был лежать ствол. Б**дь! Перед тренировкой снял его и оставил в машине.

– Это еще что? – она снова завязалась и вышла в коридор. – Ты кто?

– Привет, моя хорошая! – довольно длинную паузу разрушил приторно-ласковый голос ЯНКИ...

Послышался медленный цокот каблуков по кафелю в коридоре. В тускло освещенном проеме показалась женская фигура.

– Милый, ну, что ты меня не дождался? Втроем, значит

встроим! – Янка сделала шаг, выходя на свет. Прозрачно-голубые глаза сверкали, на губах была ярко-алая помада, светлые волосы крупными волнами спадали на плечи. Длинная соболиная шуба была небрежно повязана поясом. За ее плечами замаячила Настя.

– Ты ее знаешь? Давай вызову ментов? – почти шепотом бормотала она, затягивая полы халата.

– Зачем, моя хорошая? М-м-м... Точно, это была ты! – Янка нагнулась к брюнетке, приняхавшись. – Я пришла повеселиться. Да, милый? Только один раз. Только один.

С этими словами она рванула за пояс, и шуба распахнулась, демонстрируя абсолютно обнаженное тело. Высокие замшевые сапоги скрывали колени, а я готов был поклясться, что они дрожат, но Янка закусывала губу, чтобы не показать этого. Она стала медленно двигаться ко мне. Она шла и сжимала бедра. Такая идеальная. На контрасте с черным соболем ее кожа казалась еще бледнее. Она подошла вплотную и, оперевшись правым коленом о диван, раскрылась для меня. Мне казалось, что я повидал многое, но о таком и мечтать не мог. Она прищуривалась, сканируя мое лицо, словно считывала реакцию, затем улыбнулась.

– Нравится? Ну же? Скажи мне?

– Да. – прохрипел я.

– Очень? – она вложила в свой рот два пальца и облизала, затем заскользила по шее, опускаясь к груди, зажала крохотный сосок между пальцами и спустилась к животу. Она вдавли-

ливала длинные ногти в кожу, оставляя едва различимые розовые следы и разводы красной помады, а потом скользнула между ног. Ее глаза закрылись, я видел, как по ее телу прошел разряд дрожи. Током било не только ее, я еле сдерживался, стараясь не шевелиться. Боялся спугнуть, боялся, что все это прекратится.

– Нравится? Да? Мне нужен всего один раз. Или тебе нужен один раз? Ты сможешь остановиться? Скажи? Тебе хватит одного раза? – я едва улавливал смысл ее слов, потому что наблюдал за медленными круговыми движениями ее пальцев. Вдруг она замерла и вынула руку, поднеся ее к моему лицу. Влажные пальцы накрыли мои губы. Едва надавила, проникая тонкими пальцами в рот. На языке взорвался солоноватый вкус. Но что-то в нем было особенное. Такое сладкое, дурманящее. Я вздрогнул от ее резкого движения, потому что у моего горла оказался нож.

– Если ты, сука, еще раз появишься здесь, я собственноручно исполокую ее прекрасное лицо! Буду наслаждаться и радоваться. Понял меня? Еще только один раз! – голос стал таким напряженным с ярким металлическим оттенком. – От меня ты больше не сбежишь. Я буду всегда находиться рядом и дышать тебе в затылок.

– Мне уже можно бояться?

– Не бойся, а вот ей пора! – Янка встала и запахла шубу, затем обернулась. – Ты поняла, моя хорошая? Кто ты там? Настя 2,4,6?

Настя застыла у стены, не сводя взгляда с ножа в руке у Янки.

– Давай познакомимся. Я та, о которой он думает, пока трахает тебя. Я – Яна 1,2,3,4,5,6,7... И иногда 8! Ясно? – Янка двинулась в сторону коридора.

– Прости... – я порылся в кармане и выбросил на диван всю наличку, что была в бумажнике. – Побалуй себя!

Не мог больше ни о чем думать, только бы догнать эту дрянную девчонку. Еще никогда не чувствовал себя настолько использованным. Черт! Как мне это нравится. Тихий стук каблучков слышался где-то внизу. Я бежал, перепрыгивая через ступеньки. Все, о чем я мог думать – догнать. На губах до сих пор был ее вкус. Я боялся часто облизывать их, чтобы сохранить это ощущение до того момента, как смогу вдоволь насытиться. Выбежав из подъезда, наткнулся на свою машину, за рулем которой сидела Янка. Я запрыгнул на пассажирское сидение, повернувшись всем корпусом к этой бесити. Она курила мои сигареты, лаская губами фильтр. Затем улыбнулась и тронулась с места. Шуба была полностью распахнута, демонстрируя шикарное тело. Холодный воздух врывался в приоткрытое окно, лаская ее. Белоснежная кожа покрывалась мурашками. Она выжимала педаль газа, проскакивая все светофоры на красный.

Не мог просто смотреть. Руки сами тянулись к ней. Хотел ощутить мягкость кожи, испить всю ее до дна, насытиться ее стонами, которые приобретают сиплый оттенок.

– Стоять! Во двор! – скомандовал я, дернув за руль. Машина застыла около городского парка. – Сюда! Ты знаешь, что это не игрушки?

Я застал ее врасплох и, схватив за правый локоть, дернул на себя, усаживая на коленях.

– Один раз, говоришь?

– Это ты сказал!

– Нет, теперь я буду трахать тебя всю ночь! Ты будешь молить, чтобы я остановился. Начинай, кролик, моли меня!

– Не останавливайся!

– Ты пьяная? – положив руку на затылок, притянул ее лицо ближе. В нос ударил запах коньяка, причем, не от меня.

– Конечно, ты думаешь, я способна на подобное в трезвом состоянии?

– Боже! Женщина... – я слегка толкнул ее, чтобы насладиться ее телом вблизи.

Янка упала на панель, демонстрируя всю себя. То, о чем я мечтал, сейчас стало реальностью. Я положил ладони на грудь, кожей ощущая бушующие мурашки. Никогда не видел настолько красивой груди. Наклонив голову, прижался к соску. Ореола была светлой, нежно-телесного цвета. А комочек, в который сжался сосок, заставлял мое сердце пуститься вскачь.

– Ну же! Ты же не собираешься заниматься ванильным сексом? Давай же! Возьми меня! – захрипела Янка, поднимаясь. Она прижалась своими губами ко мне.

Боже! Это было последней каплей моего самообладания, все месяцы пролетели перед глазами. Ее нежный язык резко ворвался, переплетаясь с моим. Янка стала двигать бедрами, кружа на моих коленях.

– Милый, возьми меня! Возьми, пока я не протрезвела!

– Ты сможешь остановиться?

– Заткнись! – взывала она в голос. Резкий крик в небольшом салоне автомобиля надорвал перепонки. Ее руки скользнули к ширинке, судорожно пытаюсь расстегнуть ремень.

– Глаза! – рывкнул я, когда она опустила взгляд. – На меня, слышишь? Никогда не опускай взгляд! Никогда! Опустить глаза, значит отвернуться!

– Я не отвернусь!

– Отвернешься.

– Не-е-е-е-ет! – взывала она, как только я резко опустил ее бедра, входя одним резким толчком.

– Ты возненавидишь меня! – я едва мог говорить. Чувства какого-то бурлящего наслаждения накрывали меня, мог только смотреть на помутневшие глаза Кролика. Она обвила мою шею руками, прижавшись лбом.

– Не говори ерунды! Я буду рядом. – шептала она.

– Не обещай! – я крепко держал ее за бедра, то поднимая, то с силой опуская. С каждым толчком ее тело становилось все мягче, а вздохи быстрее. Она впивалась ногтями мне в шею, грудь вибрировала от быстрых толчков.

– Б**ть! Б**ть! Б**ть!

– Давно мечтал прополоскать твой рот!

– Лучше поцелуй, зануда...

– Не отводи глаз! Смотри на меня! – я еще никогда не был рад тому, что лифт поднимается так медленно. Как только мы вошли в лифт, прижал к зеркальной стене. Сжимая одной рукой порозовевшую от ласк грудь, второй скользнул между ног. Нашупал клитор и, пропустив его между двумя пальцами, начал растирать влагу, едва касаясь напряженного бугорка. Янка хныкала и старалась крутить бедрами в поисках пальцев. – Тише! Не разбуди соседку!

Я перекинул ее через плечо, как только двери лифта открылись. Впервые готов был взорваться от гнева, что на двери так много замков. Янка похихикивала, слушая мои чертыханья.

– Я знала, что ты будешь ругаться, поэтому закрыла только на верхний, – пропищала она.

– Кажется, я говорил тебе, чтобы замки всегда были закрыты? – войдя в квартиру, запер дверь и бросился в спальню, скидывая сапоги с ее ног.

– Не-а... Там тоже нет кровати, – ее хохот стал громче.

– Заноза такая! – взвыл я и поставил ее на пол. Без высоких шпилек она стала такая маленькая, едва доставая мне до плеч.

– Я выкинула все, на чем ты мог трахаться со своей брю-

неткой! – крикнула она и схватила бутылку коньяка, оставленную мной на гладильной доске. – Чтобы духу ее здесь не было! Никогда! Слышишь? – ее глаза блестели огнем, в котором сгорала смесь чувств. Там было все: и ревность, и желание, и гнев. Все сразу, одновременно. Она сорвала с меня рубашку и быстро расстегнула брюки. Тело дрожало, движения стали резкими, а улыбка коварнее. Черт! Эта женщина станет моей погибелью...

– Ее и не было. Ты первая, кто осквернила мое жилье. – подцепив пальцем край шубы, сбросил ее на пол. – Один раз!

Рывком притянул ее к себе, чуть приподняв, чтобы достать до губ. Чем больше я прикасался к ней, тем сильнее хотелось. Какие-то неконтролируемые эмоции захлестывали меня.

– Зачем ты приехала? – я начал двигаться на нее, а Янка улыбалась и отходила, не отводя глаз.

– Я думала, что ты меня пригласил! – она пожала плечами, но в тот же момент вскрикнула, потому что уперлась в окно во всю стену. Бежать было некуда, отчего огонь в глазах вспыхнул еще ярче.

– Зачем ты приехала? – повторял я вновь и вновь. Янка прижалась к стеклу, раскинув руки в стороны.

– Мне стало одиноко, – она закусил губу и прильнула ко мне.

Черт! Ее шелковая кожа так волшебным образом ощущалась всем телом.

– Как ты узнала адрес?

– Не скажу, – стонала она, пытаясь заткнуть мой рот целуем.

– Как ты узнала адрес?

– Лазарев! Это он тебя с ней познакомил. Прекрати болтать! Вспомни... Ты сегодня моя персональная шлюха! Поэтому не забывай... – она не успела договорить, потому что я поднял ее и, крепко сжав бедра, вошел. Только на этот раз так медленно, как мог. Янка стонала и билась головой о стекло. Выходил полностью, заставляя ее почти плакать, а входя, будто случайно задевал клитор головкой члена, упиваясь ее громким вскриком.

– Называй меня Ваше Величество, – Янка закусила нижнюю губу.

– Женщина, кто Вы? Где та трепетная лань?

– Знакомься, прислуга... Я стану твоей королевой. Приказываю тебе трахнуть меня до искр из глаз, – хрипела она. Тонкие пальцы судорожно сжимались, скребя ногтями по стеклу. Янка готова была расплакаться, но держалась, не сводя с меня глаз.

– Очень грязный рот... Очень! – Мои движения становились все медленнее. Я входил в нее миллиметр за миллиметром, наслаждаясь ее страдальческим выражением лица. Янка пыталась двигать бедрами навстречу, но я крепко прижимал их к холодному стеклу, лишая всяческой возможности двигаться.

– Я больше не буду! – сквозь стон прошептала она.

– Что конкретно?

– Не буду пить!

– Пей, милая... Пей, но только дома! – я чувствовал, как оборвалось сердце, когда я отпустил ее бедра и вошел так глубоко, как только мог. Янка распахнула глаза, вновь вспыхнувшие ярким пламенем.

– Я не могу пошевелиться, – на мою грудь легла тонкая ручка. Она выписывали круги, перебирая волосы. Я лежал на боку, а Янка прижималась всем телом к моей спине, перекинув правую ногу.

– Ян, открой дверь! – Мы проснулись от настойчивой трели домофона. И этот гость явно не планировал уходить так скоро.

– Это твоя квартира, – прохрипела она.

– У меня другое мнение на этот счет. – я поднял голову и осмотрелся. Мы так и уснули на полу, лежа прямо на шубе.

– Ты мне должен шубу.

– Почему я? – перевернулся на спину, чтобы увидеть ее лицо.

– Потому что у тебя не хватило сил, чтобы донести меня до кровати! – Янка почти шепотом произнесла эти слова и покраснела. Щеки вмиг стали пунцовыми, а густые ресницы затрепетали, как крылья мотылька.

– Я закинул деньги на карточку, с остальным ты спра-

вишься.

– Мне не нужны деньги!

– А я не умею покупать шубы! Вставай, там может быть кто угодно. Начиная с Лазарева, заканчивая твоим отцом.

– Отцом? – взвизгнула Янка и бросилась в ванну, прикрывая хорошенький зад крохотной ладошкой.

– Черт! – я сгреб валяющуюся одежду, забросил в гардеробную и, накинув халат, пошел к двери. – Да!

– Олег, это Виктор, охранник. Утром оставили сумку для Яны Викторовны, – пробубнил парень.

– Виктор, сможешь занести?

– Да, конечно!

– Отбой, Кролик, сегодня порка ремнем от папки отменяется, – я остановился у двери в ванную, слушая, как включилась вода в душе. – Б*ять!

Сел в новое кожаное кресло и закурил, включив кофемашину. Внимательно рассматривал стальной агрегат, заполняющий маленькие чашки ароматной жидкостью, а сам все равно вспоминал подробности прошлой ночи. Почти залпом выпил кофе, не ощущая вкуса. Выпил, словно воду. Отвлёк стук в дверь.

Достал из комода деньги и отблагодарил услужливого охранника. Как только дверь захлопнулась, бросился в душ.

– Олег! – Янка взвизгнула и стала крутить головой в поисках укрытия. Прозрачная стеклянная ширма не могла скрыть ее.

– Прогони меня! – зашипел я, наблюдая, как по телу струится вода. – Прогони!

– Нет... – прошептала она, опуская руки, которыми до этого старалась прикрыть собственную наготу. – Один раз...

Она стояла, опустив взгляд, но потом вздрогнула и подняла свои голубые, как море, глаза. С длинных ресниц падали капли. Они катились по щекам, а Янка слизывали их розовым языком. Щеки вновь зарумянились, а жилка на шее стала быстро пульсировать.

– Ян, ты пожалеешь! – сбросив халат, встал под душ.

– Ты запугиваешь?

– Я обещаю....

Янка

Тяжелые пакеты с продуктами перевешивали. Увидев меня, услужливый охранник Виктор бросился на помощь.

– Яна Викторовна! Нельзя таскать такую тяжесть! – он помог занести пакеты в квартиру.

– Спасибо, Вить!

Я прислушалась к тишине. Только тихий писк Снежка создавал ощущение жизни в этой огромной квартире.

– Привет, милый мой! – подняла кроху с пола и стала целовать в крошечный черный носик. – Ты скучал?

Я ногой подталкивала пакеты с продуктами к кухне. Все тело ныло, а глаза просто закрывались. Едва держалась, чтобы не уснуть в универе. Как назло, сегодня были самые важ-

ные пары и слинять никак не удалось. Бросила взгляд на часы. Через час должны привести новую мебель.

Вибрация телефона заставила отвлечься от распаковки продуктов.

– Растяпа! – на каменной столешнице лежал телефон Олега, на экране которого высветилась фамилия Лазарева. – Да.

– Янка, ты?

– Да. Но ты можешь меня назвать Ваше Величество. – хихикнула я, погружаясь в воспоминания, от которых заныло внизу живота.

– Олег где? – Лазарев прокашлялся.

– Я откуда знаю? Когда я убегала в универ, он еще был дома. Я только вернулась.

– А... Ладно. А посмотри, пожалуйста, его машина стоит под окнами?

– Блин, ты думаешь, он бросит свою ласточку? – я выбежала на балкон, пытаюсь вспомнить, где мы вчера припарковались. – Нет, машины нет.

– Ладно, Янка-обезьянка! Пока!

– Стой, а что случилось?

– Дозвониться весь день не могу!

– Ладно, пока. Там мебель привезли.

Боролась со сном, пока собирали мебель, занимая себя домашней работой. Приготовила обед и с дрожью в руках убрала бутылку шампанского в холодильник. Постояв немного,

добавила еще одну. Сказать, что я надеялась на повторение – ничего не сказать, потому что просто жаждала этого. Никогда не думала, что ощущение близости с мужским телом может опьянять сильнее, чем алкоголь. Его грубоватые, но уверенные движения рук, то, как он играл моим телом – все это было сказкой, сном. Олег ни разу не отвернулся, не закрыл глаза. Он впитывал каждую эмоцию, считывая меня, как банковскую карточку. Как только он видел, что я на грани, менял позу и замедлялся, пытаюсь растянуть ночь как можно дольше. Я была не против. Да что я вру! Если бы только знала, где он сейчас, то влила бы в себя пару бокалов коньяка и рванула к нему, завернувшись в шубку.

– Ну, хозяйка, принимай работу!

– Вы сами-то не проверили?

– Обижаешь, – сборщик облизался, глядя на коробки с алкоголем, стоящие на полу.

– Так, – я выключила утюг и зашла в гостиную, где собирали новые стеллажи и барный комплекс.

... Прямо в центре города утром прогремел взрыв. Со слов очевидцев, черная БМВ, припаркованная у ресторана «Пляж», взлетела на воздух...

– Черная BMW... Черная BMW... Черная BMW... – вновь и вновь повторяла я, не отрывая глаз от телевизора.

Глава 22

Олег

Сердце обливалось кровью, глядя на то, как моя «ласточка» взлетела на воздух. После громкого хлопка автомобиль подкинуло в воздух настолько легко, будто сделан был из картона, не из прочного металла. Время остановилось, пока я смиренно наблюдал, как осколки пластика с дикой скоростью засыпали парковку. Металл кузова с диким скрежетом лязгнул об асфальт, заставив меня закрыть глаза. Кровь в мозге просто пульсировала, закладывая уши. Говорят, что нельзя сделать больно самому себе. Врут. Всё врут, потому что мои руки сжимались в кулаки так сильно, что кожа ладоней начинала гореть, а суставы напряженных пальцев шелкали, издавая противный звук. На огороженной парковке закрытого на ремонт ресторана догорало то, что когда-то было моей машиной.

С годами научился не привязываться к материальному, понимая, что у всего есть срок годности. Нет ничего вечного. Материальное иногда служит намного дольше, чем абстрактные чувства, которые мы называем любовью, привязанностью и родством. Эти невидимые нити настолько тонки, прозрачны и невидимы, что их может и не быть вовсе, а люди верят... Надеются, что не показалось, рисуя их в своем

воображении. Так что я хорошо научился отпускать...

А вот прощать я никогда не умел. Да и не хотел. На миг показалось, что в веренице чувств уловил ликование. Да! Именно! Полупрозрачный оттенок радости проскользнул, оставив за собой тонкий шлейф предвкушения. Давно не сталкивался с подобным. За много лет скитаний я успокоился, потому что все происходило по четкому плану. Не было сбоев. Цель, аргумент, подход и выстрел. Вот эти четыре «кита», на которых строился мой метод. Всегда тщательно изучал аргументы, на основании которых человек лишался права на жизнь. Никогда не поддавался внезапной панике, не устраивал кровавых расправ, потому что тщательно выверял каждый шаг, просчитывая его последствия. А сейчас я ощутил, как земля под ногами пошатнулась, потому что целей было много, аргументов еще больше, а подходов я пока не нашел. Нужно решить, кто станет первым...

Холодное стекло изо всех сил старалось успокоить непрекращающуюся карусель мыслей в голове. Они вылетали, словно искры из костра, стремительно поднимаясь в небо, обрастали фактами, мелочами, в итоге превращаясь в версии. Весь этот мысленный штурм был привычен, только было что-то странно тревожное. Оно скреблось в темном углу мозга, отвлекая от мыслительных процессов.

– Что, так и будешь смотреть? – тихий голос Бояры выдернул меня из собственных мыслей. Мы уже несколько часов сидели во дворе дома, откуда открывался хороший вид

на парковку ресторана.

– Б**дь! Да! – взвыл я, откинув голову на подголовник. – Дай насытиться чувством, когда только что пропустил собственные похороны! Только чтобы Мартынова на похоронах не было, если уж случится этот праздник...

– Мара-то тебе что сделал?

– А просто! Потому что мажор долбаный!

– Может, наконец-то, расскажешь? – Бояра вложил в мою руку вторую порцию кофе, наивно надеясь, что это поможет. – Я с самого утра только и делаю, что смотрю на твое багровое от гнева лицо. И, признаться, мне изрядно надоело.

– Не лезь!

– Сука! – Бояра резко обернулся и, схватив меня за затылок, притянул к себе. Хватка руки усиливалась, а пальцы больно впивались в основание черепа. Его карие глаза блестели недобрый светом, он щурился, отчего ресницы дрожали. – Заткнись! Мы уже не в школе, чтобы оберегать нас с Ильей, как курица–наседка. Прекрати играть в «папочку». Не скажешь, начну шуршать самостоятельно! Только от моего кипиша твои планы могут полететь ко всем известным только тебе чертям...

– Б**ть! – я дернулся, освобождаясь от его хватки. – Вышел утром к машине за сигаретами, а вокруг нее следы. Не мои. Всю ночь валил снег. Дверной замок был цел, повреждений не обнаружил. Только у днища с водительской стороны была смазана грязь. Я отогнал тачку в безлюдное ме-

сто и бросил. Все, больше мне нечего сказать! – выпалил и закурил. Густое облако дыма взмыло вверх и, ударившись о потолок машины, рассеялось тонким покрывалом.

Выбежав на пробежку, решил сначала забрать из машины документы и сигареты, оставленные впопыхах вечером. Но застыл в паре шагов, заметив четкие следы на еще нетронутом снегу. На ровной поверхности были четкие отпечатки одного человека.

Снег скрипел под ногами, вторя каждому моему шагу. На детской площадке сонные мамочки катали коляски, а на горках визжала ребятня. Радуюсь первому снегу, они с энтузиазмом лепили снеговиков, которые никак не хотели принимать нужную форму, потому что снег еще не видел настоящих морозов и недостаточно прогрелся на ярком, но все же прохладном солнце. Кругляши быстро рассыпались, образуя бесформенные кучи снега, где елозила ребятня. Крики, визг и постоянно вздымающиеся вверх охапки снега заставили меня остановиться. Нет, я не смотрел на детей. Я думал только о том, что если бы Янка не убежала в универ, то точно присоединилась к этим игрищам. И, несмотря на свой возраст, абсолютно органично вписалась бы в беснующуюся ораву молодняка. Длинный паркинг был отделен от большой детской площадки только тонким проволочным забором. Хлопнув себя по карманам, не обнаружил телефон. Перекинув быстрый взгляд на подъезд, прочитал пример-

ное количество времени, которое затрачу, а потом снова повернулся в сторону детской площадки, куда высыпало еще больше детей. Не было вариантов. Никаких.

Втопив педаль в пол, я мчался по городу, объезжая поутреннему ленивые пробки по тротуару, полосам общественного транспорта и парковкам торговых центров. Помню размеренное биение сердца, помню какое-то нереальное спокойствие, пока в голове мелькали варианты. Гнать за город было опасно, мог не успеть, оставалось найти место, подходящее для взрыва. Бомба, конечно, бомба! Потом вспомнил, что рядом с домом Пахи закрылся на ремонт ресторан и ночной клуб, где была довольно большая парковка. Если бы только взглянуть на заряд, то можно примерно рассчитать силу удара. Но нельзя было рисковать, как только остановлюсь, времени совсем не останется.

Сжимал руль, пытаюсь избавиться от нервной дрожи. Хотелось закурить, да так сильно, что стали чесаться ладони. Грубый шов кожаной оплетки руля впивался в руки, я почти не дышал, представляя перед глазами карту города. Нужно было добраться до ресторана, минуя людные улицы города. Как только остановился на парковке, окинул салон беглым взглядом. Достав из бардачка ствол, засунул его за пояс джинсов и вышел, оставив свою «ласточку» дожидаться своей участи.

– Кто? – Бояра потрянул меня за руку, выдергивая из вос-

поминаний. Я вдохнул, набрав кислорода как можно больше, а потом выдохнул, стараясь вытолкнуть тревогу, сцепившую сердце. Сжатая между пальцев цепочка с крестиком, впилась в кожу. Уже почти вылез из машины, когда взгляд напоролся на что-то блестящее на светлой коже пассажирского сидения. Тонкая золотая цепочка, на которой висел крохотный детский крестик. Это могло быть только ее. Простой, без резных узоров крестик, зажатый между подушечками большого и указательного пальцев, напоминал о Янке. В этот момент мысли полетели, как карусель. Расслабленный мозг перестал думать о случайных жертвах, сосредоточившись на хрупкой фигуре Янки. Она уже знала. Не могла не знать.

– Он! – я махнул в сторону неприметной черной «ауди», припаркованной за пожарным оцеплением. Как только я остановился на углу дома, сразу заметил эту тачку. Она со свистом затормозила у обочины, но из салона так никто и не вышел. Пашка жил в последнем подъезде, а чтобы позвонить в домофон, нужно было покинуть удачную локацию. Я сидел у детского деревянного домика, мою немаленькую фигуру скрывала фигурная качель. С моего места была отлично видна и парковка, заполненная ментами, пожарными, и обочина, где стояла тонированная «ауди». Мне даже и думать не нужно было, как связаться с другом, потому что Паха со скоростью света вылетел из подъезда, натягивая толстовку на ходу...

– А чего сидим? – Бояра схватился за ручку двери, но я

перехватил его, отбросив обратно. – Сидим. Он должен был проследить за мной, чтобы убедиться в том, что дело сделано. Но даже дураку понятно, что машина пуста. Чего он ждет?

– Привет, – задняя дверь Пашкиной машины открылась. Лазарь рухнул в салон легковой «тойоты», создав слишком много шума. – Держи!

Сергеа бросил мне на колени ноутбук и оставленный дома телефон. Внимательно посмотрел в лицо парня, стараясь прочесть эмоции. Только сейчас лицо Лазаря было безупречно спокойным, только мелкая россыпь морщин появилась, как только он рассмеялся. Хотелось спросить, как Янка, но не стал. Сам разберусь!

– Зачем тебе комп?

– Играть в «косынку» сейчас будем, – сквозь зубы огрызнулся. Не мог нормально разговаривать. Пока не мог, потому что не понимал, как правильно подобрать слова. Это словно кто-то отключил способность классифицировать, отличать и подбирать, оставив лишь способность огрызаться. Парни не обращали на меня внимания, переговариваясь меж собой вполголоса. – Сизый, ты отсмотрел пленки?

– Привет, – голос парня был весьма растерянным. Он кашлянул, а потом тихо продолжил: – Скала! Тут целый день по всем каналам гоняют видяху, где твоя тачка взлетает в воздух! Где ты?

– Потом вместе посмотрим ролик. А теперь помоги мне!

– Как?

– Ты отсмотрел, кого не было?

– Да, там целый список. Лето же, многие повезли семьи в отпуск! Я нарезал видео кусками, потому что если это то, о чем думаю я, то тебе они понадобятся. – Сизый говорил тихо и спокойно.

– Хорошо, высылай на почту. Жду.

– Э... Скала, я рад, что твоя заносчивая задница не пострадала, потому что я еще должен уложить тебя на лопатки.

– Сизый, утри сопли, – рыкнул я и отключился.

Запустив нарезанное Сизым видео, начал просматривать. Мелькали лица, машины, менялась погода.

– Стоп! Кто это? – я с силой нажал на экран телефона, останавливая видео.

– Э– э– э... Надо смотреть с другого ракурса, не видишь, лицо скрыто огромной панамой... – Лазарев сначала ухмыльнулся, а потом лицо стало багроветь. Конечно, для меня это были всего лишь незнакомые парни, а для него – братья. Желваки напряглись, а губы сжались в тонкую линию. Каждая мышца лица напряглась, а грудь расширилась с невыпущенным вздохом. Трудно было поверить, обмусоливая что-то абстрактное, маловероятное, а сейчас? Серега медленно поднял на меня свои карие глаза, а потом перевел взгляд на «ауди», которая, как по волшебству, стартанула с места, разбрасывая во все стороны подтаявший снег. – Оп-па...

Сделав последний оборот ключа, нажал ручку. По всей квартире горел свет. Скинув куртку на пол, направился вглубь квартиры, по пути выключая свет настенных бра. Из каждой комнаты доносился звук работающих телевизоров, они сливались, превращаясь в монотонный шум. Заглянул в гостевую спальню. Комната весьма преобразилась. В центре стояла большая кровать, накрытая розовым покрывалом. В углу появился туалетный столик на резных ножках, а стены были увешаны фотографиями Янки. Розовые занавески, орхидеи на подоконнике и круглый белый ковер на полу.

– Привет! Кушать будешь? – в коридоре появилась Янка. Длинные волосы были собраны в высокий пучок, открывая лицо и длинную шею. На ней снова была моя рубашка, стянутая на поясе тонкой тесьмой. Широкий ворот чуть сполз, оголив одно плечо. Тонкая прядка выбилась из тугого узла и щекотала ключицу, отчего Янка дергала обнаженным плечом.

Прислонившись к стене, внимательно изучал ее лицо. Но она лишь на мгновение подняла глаза, стараясь не столкнуться с моими. Внешне выглядела на удивление спокойно, ее выдавало только нервное колупание лака на большом пальце. Заметив, что я смотрю на трясущиеся руки, она сцепила пальцы, принявшись за кольцо. Резкими рваными движениями крутила объемное кольцо в виде цветка.

– Нет, спасибо.

– Ты ел сегодня?

– А ты?

– Нет... – на выдохе сказала Янка. Как только она выдохнула, закрыла глаза, откинув голову, прижалась всем телом к стене, словно искала опору. Видел, как она часто моргает, стараясь унять слезы, готовые вырваться из глаз. На миг показалось так тихо. Я готов был броситься, чтобы добавить звук на всех телевизорах. Потому что густая, звенящая тишина стала сдавливать уши. На длинной шее пульсировала жилка, а предательски вырвавшая слеза капнула со скулы, оставляя за собой темный подтек от туши. Не понимал, как реагировать, но зато ощущал всем телом ее дрожь.

– Тогда, может, сегодня я тебя покормлю? Хочешь?

– Хм... – Янка пожала плечами и, как одолжение, посмотрела на меня. Глаза были красными. Ревела. – Мне нужно закончить доклад.

– А мне нужно принять душ...

Неосознанно скопировал тон ее голоса: тихий, натянутый, но готовый сорваться в любой момент. Казалось, что она как струна. Даже малейшее движение, поднятый тон голоса – все может вывести ее из состояния покоя. Янка развернулась и побежала в гостиную. Звонкое шлепанье босых ног по паркету слышалось еще пару секунд, а потом тишина.

Перестал восприниматься монотонный звук телевизоров, перестал мешать яркий свет. Скидывая спортивный костюм, в котором утром выбежал на пробежку, быстрым шагом направился в свою спальню. Еще утром просторная комната

была пустой, а теперь... Теперь замер, потому что когда-то холодная, сухая атмосфера стала живой и теплой. На окнах вместо жалюзи, появились прозрачные серебристые занавески, прихваченные широким канатом. У кирпичной стены стояла огромная светлая кровать, а на новых прикроватных тумбочках стояли стеклянные светильники и рамки с фотографиями.

– Черт! – практически вбежал в душ, включив горячую воду. Помещение мгновенно заволочло паром.

Он густыми клубами скользил по черному кафелю, заполняя легкие обжигающим воздухом. Я вдыхал, наслаждаясь покалыванием, ощущая чувство расслабленности, которого жаждал с самого утра. Мышцы стали оттаивать, как от лютой зимы, а сердце ускорило темп, разгоняя остатки тревоги, скопившиеся за день. Единственным желанием... Нет, скорее потребностью, было упасть в кровать и уснуть, отключив мозг. Но не мог, потому что в гостиной меня ждала очередная проблема... Полуголая... Желанная, но такая грустная проблема. Заноза. Прямо в самом сердце!

– Ну? Идем кормиться?

Янка лежала на полу гостиной, зарывшись в тетрадках. Она болтала согнутыми в коленях ногами, легонько ударяя пятками по попе. Аппетитные округлости дрожали, и с каж-

дым ударом край рубашки поднимался все выше и выше.

– Нет, мне нужно еще почитать, – Янка даже не повернулась, продолжая мусолить кончик ручки.

Оттолкнувшись от стены, направился в кухню. Теплая подсветка, которой почти никогда не пользовался, превратила brutальный интерьер в что-то теплое, тягучее, как мед. От этого ощущения побежали мурашки по телу. Не мешали ни резкий переход от черного к белому или от глянца к матовому. Все было гармонично. На барной стойке стояла недопитая чашка кофе, а в пепельнице лежала недокуренная сигарета. На кожаной спинке стула висела ее сумка, а на полу валялись розовые махровые носки, будто она только отошла на мгновение. Поведя носом, осмотрелся. На плите стояла кастрюля.

– Черт! Это борщ? – открыв крышку, вдохнул пьянящий аромат домашней еды. – Где она взяла кастрюлю?

– В магазине, – тихий голос за спиной застал врасплох, но я уже не вздрагивал, потому что привык.

Привык, что не один дома, привык, что в квартире появляются новые полотенца, рубашки, кровати, диваны. Что под ногами носится щенок, еле ощутимо хватая зубами ткань трикотажных брюк. Только когда я успел привыкнуть?

– Я так понимаю, что на карточке опять нет денег?

Попытался отшутиться, но Янка грозно оттолкнула меня от плиты, сухо кивнув в сторону купленного для меня кресла. Она быстрыми движениями стала нарезать хлеб, доста-

вать что-то из холодильника, затем машинально включила кофемашину, но, взглянув на часы, выключила. Нахмуренные брови, прищуренный взгляд и слишком громкое закрытие кухонных шкафов – все говорило о том, что она злится. Злится, но продолжает сдерживаться. Не знаю, что было безопасней для меня – уйти спать, так и не выслушав, или попытаться сдуть этот шарик гнева. На столе появилась тарелка супа, две дольки чеснока и хлеб.

– Что? – я взял в руки головку чеснока. – Все было так плохо, что ты и не надеешься на продолжение?

– Ешь, – Янка достала заварочный чайник, засыпала в него две ложки чая, а потом подумала и добавила еще половинку. – Зимой необходимо есть чеснок. Пора инфекций...

Я орудовал ложкой, не ощущая ни вкуса, ни удовольствия от еды. Глаза были прикованы к хрупкой фигуре. Янка хлопала дверцами, а когда натыкалась на доводчик, то с силой прижимала глянцевую дверь, словно сопротивлялась чему-то. Налила в кружку чай, попробовала и быстрым движением вылила весь чайник в раковину.

– Та-а-а-к... А теперь дадим слово начальнику транспортного цеха... – отбросил ложку, она громко сбрыкала, ударившись о край тарелки.

– Я спать! – Янка вздрогнула от резкого звука и выбежала, скрывшись в темноте коридора. Только хлопок двери дал понять, что ушла к себе.

Напряжение вновь вернулось, а голова разболелась от од-

ной только мысли, что нужно попытаться поговорить. Бл*ть! Это слово – НУЖНО, да кому это нужно? Мне? Нет. А кому? Кровь пульсировала, заканчивая свой ритм где-то в висках, а злость застряла комом в горле. Закурив, бросился в спальню, громко хлопнув дверью. Хотелось разгромить все то, чего не было тут. Все действовало на меня раздражающе. Упав на кровать, затянулся, выпуская кольца дыма в воздух. На тумбе заботливо была поставлена пепельница. Стряхнув пепел, наткнулся на рамку. Широкий стальной кант обрамлял фотографию. Я чуть не подавился. Янка распечатала фото, которыми изводила меня, пока я был в Казахстане. Конкретно на этой были ее коленки. Кажется, что ничего откровенного, пошлого, но мой и без того бушующий пульс, стал просто зашкаливать. Как так? Коленки!

Выключил свет. Ну, как выключил... Запустил подушкой в суперсовременный светильник и все. Комната стала привычной. Ничего нет: ни ее следов, ни мебели, ни фоторамок. Только мрак и темнота. И уголек дотлевающей сигареты. Еще запах и рев... Тихий плач доносился из-за стенки, скручивая мое сердце в тугой узел.

– Хватит!

Не знаю, как я не вышел из спальни вместе с дверью, потому что перестал думать. Сердце рвалось, а нутро сжималось в конвульсиях гнева. Я рвался от дикого желания убить и пожалеть.

– Говори! – ногой открыв дверь, закричал. Янка сидел на

подоконнике, поджав к груди ноги. Коленки! Черт! Убить и пожалеть. Убить и пожалеть! Осталось только определиться, что сделать вначале.

– Не хочу! – в ответ закричала она.

– Убить! – рычал, сжимая руки в кулаки.

– Что?

– Пожалеть... Определенно... – подошел близко, так, что грудью ощутил шелковистость кожи ног. Янка опустила голову, скрывшись в занавесе локонов.

– Что? – пискнула она, но так и не решилась поднять глаз.

– Ничего. Просто скажи... – я перешел на шепот, чтобы успокоить ее нервные всхлипы.

– Я думала... Думала, что ты умер. Всего пару минут, но поверила в это. Понимаешь? Я представила только на миг, что ты больше не придешь, не помотришь на меня исподлобья, не зашипишь, когда я начну спорить. Что не увижу твои глаза, не почувствую аромат твоих сигарет. Черт! Засранец, ты хоть понимаешь, насколько чертовски приятно пахнешь? А потом пришел Лазарев и молча забрал твой компьютер и телефон, который я так и не выпускала из рук. А ты не позвонил. Ты так и не позвонил. Но я знала, что такие, как ты, не умирают от взрыва, пули или ножа. Ты умрешь стариком, пережив всех родных и близких. Мне было невыносимо больно. А я только представила... И? Как жить дальше? Как я могу? Что? Как... – Янка откинула голову, прислонившись щекой к холодному стеклу.

– Ян, ты не понимаешь, на что готова согласиться. Ты не должна понимать! Это неправильно. Я не смогу жить правильно никогда, потому что это невозможно.

– Что?

– Я никогда не смогу жить счастливо и правильно.

– Тогда научи, – взвизгнула Янка, вцепившись мне в плечи руками. Она скинула ноги с подоконника и обхватила мою талию, крепко прижимая к себе.

– Чему? – капельки пота мгновенно выступили на груди, как только я ощутил тепло ее тела.

– Жить неправильно, но счастливо! – она чеканила звуки, проговаривала каждую букву, стараясь донести до меня смысл сказанных слов. Но все, что я видел – боль. Под красными от слез глазами залегли глубокие тени. Кончик носа распух, а губы дрожали.

– Ян... – я выдохнул и прижался к ней лбом. Руки сами потянулись, обвивая хрупкое тело.

– Знаешь... Сегодня мне захотелось обратно... – прошептала она, зарываясь носом мне в шею.

– Куда?

– В прошлое. Там я – жена. Я знала, что муж всегда будет дома... Что он всегда вернется...

– Правильно, Кролик. Все правильно. Молодец! – я сильно зажмурился, а потом разомкнул руки и вышел, тихо прикрыв за собой дверь...

Глава 23

Яна

Вздрогнула. Тело сжалось в спазме, а по крови разлилось чувство страха, испуга и ужаса. Бьющееся сердце не давало прислушаться, а в голове вновь и вновь крутились собственные слова. Как только я сказала то, о чем думала весь день, силы покинули меня. Веки стали смыкаться под тяжестью усталости. Не видела, но чувствовала, как Олег вышел, тихо прикрыв за собой дверь. Понимала, что осознанно пытаюсь сделать ему больно. Ловила эмоции, которые могли бы мне ответить на вопросы, крутящиеся в голове. Не могла больше думать.

– Хватит! Стоп! – безмолвно кричал мозг.

– Достаточно! – вторило сердце, сжимаясь в болезненной конвульсии.

– Тупик... – отвечало тело, падая на мягкую кровать.

Тишина квартиры давила. Боясь пошевелиться, чтобы создать какой-то шум, лежала, смотря в белоснежный потолок. Мысли исчезли, сердце успокоилось, только страх продолжал стремительно передвигаться по венам. Боялась того, что осталась одна. Что, выйдя из комнаты, не обнаружу его на кухне. Не смогу насладиться расслабленной позой, в которой он пьет кофе по утрам. Утром он машинально достает

большую чашку, заполняя ее до краев. Заметила, что, сделав один глоток, морщится и добавляет щепотку сахара. Затем подгибает ногу под себя и откидывается на спинку, закури-
вая сигарету. Утром он делал короткие затяжки, внимательно рассматривая город за окном. А вечером курил, вдыхая дым резко и сильно. По утрам он пользовался гелем для душа с ароматом чего-то свежего, а вечером от него пахло чем-то по-мужски грубым и тяжелым. Черт!!!!

Скинула ноги с кровати, ощутив ласковое касание ковра, и, делая шаг за шагом, двинулась к двери. Щелчок замка оглушил и пролетел эхом по квартире, отражаясь от стен. Во всех комнатах горел свет, а в приоткрытую дверь его спальни, увидела не расправленную кровать. На цыпочках вбежала в кухню, прижав ладони к металлическому корпусу кофемашины. Холод. Такой неприятный холод обжог кожу.

– Ушел...

Все было, как вчера. В раковине валялась чашка и чайник, на плите кастрюля, на столе тарелка, на барной стойке пепельница. На черной гранитной поверхности лежал белый лист:

«Двери всегда должны быть закрыты на все замки. Телефон всегда должен быть заряжен. Куранов должен знать о всех твоих передвижениях по городу. Не верь никому, Кролик... Ушел...»

– Сука!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!

Олег

С каждым шагом в воздух поднималась пыль, такая сухая, мелкая. От нее было невозможно отряхнуться, крошечные частички крепко держались на хлопковой ткани штанов. Несмотря на то, что на дворе декабрь, солнце в Кабуле было теплым. Черная кожаная куртка впитывала ленивые лучи, отдавая телу все тепло. Я стоял, прислонившись к капоту джипа. Остановился, чтобы немного размяться. Путешествие длиною в сутки изрядно вымотало. Пришлось пересечь границу нескольких государств, чтобы достичь пункта назначения.

Горная витиеватая дорога, протискивающаяся вдоль высокой рваной скалы, за несколько часов стала давить на мозг своей монотонностью. Отсутствие растительности, звуки скатывающихся с отвесной скалы камней, тяжелый горный воздух, от которого хотелось делать глубокие вдохи, чтобы надышаться, безлюдность и еле уловимая напряженность – все держало и без того натянутые нервы в напряжении. Приходилось постоянно оглядываться, прислушиваться и держать руку поближе к стволу, хотя понимал, что он меня может не спасти. Было глупо ехать одному, но и взять с собой никого не мог.

Полез за сигаретами, но подушечками пальцев наткнулся на что-то острое. На ладони засверкал крохотный золотой крестик. Я отцепил цепочку и вложил православный крест в кожаный ремешок часов. Янка...

Приехал домой с уверенностью, что не могу уехать из города. Не могу оставить ее одну. Не могу бросить, но стоило взглянуть в прозрачные тусклые глаза, осознал, что она не оставила выбора. Нет, не в том, что несла окоlesiцу или делала вид, что спокойна, как слон, хотя лицо было красным от потрескавшихся капилляров. Не стал спрашивать, почему сгрызены ногти, искусаны губы или почему она, стараясь выразить равнодушие к моему появлению, уткнулась в книгу. Пальцы крепко сжимали коричневую обложку до белизны костяшек, только книга была перевернута верх тормашками. Не стал спрашивать, почему не мог до нее дозвониться, потому что увидел разбитый телефон, валяющийся у входа в мой кабинет. От каждого громкого звука Янка жмурилась и прикусывала губу.

Больше не было смысла действовать медленно, вычисляя подонка, сливающего информацию. Но и идти к Корнею было нельзя, потому что не вышел бы больше никогда... Хватит! Не для Моисея, а для нее.

Янка смотрела так, будто побывала на моих похоронах. Говорила все, что может сделать больно. Но слова давно уже не приносят боли. Она не замечала, что кричит, а я не слышал. Не нужно было слышать, потому что видел вздутую нашее вену, напряженные скулы, влажные глаза. Хотел бы почувствовать то, что она пыталась донести. Хотел забрать все, что скопилось в ее груди. Не понимает меня, находясь в мечтаниях. Не осознает всю серьезность. Думает только о чув-

ствах, надеясь получить отдачу. Но я-то не могу погрузиться в болото скандалов, чувств, слез и истерик...

Глупо врать, что не зацепила. Конечно, не могла не зацепить. Грустный, опустошенный взгляд затрагивал самые дальние уголки темноты, тревожа похороненные чувства страха и тревоги. Давно не испытывал более отчетливой потребности защитить и спрятать. Все это граничило с неконтролируемым желанием наказать, а потом пожалеть. Ощущал себя садистом, но не мог по-другому. Все, что она делала, каждое движение, вздох, всхлип – все выворачивало меня наизнанку. Но Янке было мало. А для меня это было пыткой, потому что признаться в слабости перед женщиной – ерунда. Главное – невозможность быть вместе...

– Хватит... – запрыгнул в джип и стартанул, поднимая дорожную пыль в воздух...

– Салам!

– Салам... – продавец вздрогнул, а потом машинально потер длинную бороду, накрутив на указательный палец черную, как смоль прядь. Обвел прилавок с овощами беглым взглядом. – Деньги есть или так, посмотреть?

– Если есть, что продать, то и деньги найдутся! – отсалютовал, прислонив два пальца к козырьку черной бейсболки и снова нырнул в толпу местных. К таким, как я, тут привыкли. Хоть мы и отличались от безликой бедной массы населения, перестали бросаться в глаза. Кожаная куртка, военные

светлые штаны и высокие ботинки на толстой подошве, чем больше ты похож на военного, тем менее заметен. Парадокс? Страна, изъеденная войнами, погрязла в ощущении постоянного вмешательства извне. Для людей стало нормой, что по уличному базару старого города разгуливает европеец, за поясом которого пара стволов.

Рынок находился почти в самом центре города. Снующая под ногами ребятня дергала меня за руку, рассчитывая на подачку. Карманы куртки были заполнены конфетами и мелочью, которую я горстями выгребал. С громкими криками мимо пробежали носильщики, толкающие деревянные телеги с тюками. Атмосфера оживленности, жизни, общей возбужденности давила на мозг. Воздух был переполнен ароматами специй, пота, выпечки, жареного мяса и крепкого кофе. Хаотичное людское движение, пестреющие лавки с детскими игрушками, у которых стояла орава детей. Молчаливые женщины в голубой парандже, до сих пор боящиеся скинуть глухую оболочку, несмотря на то что суровый режим талибов пал много лет назад. Они прячутся за плотной тканью, чтобы быть незаметными, чтобы слиться с неприглядной действительностью, лелея мнимое ощущение защищенности от внешних угроз.

Уши резало монотонное чириканье птиц в клетках, которыми были увешаны торговые лавки. Там, где готовилась еда, тут же стригли волосы, продавали птиц, от которых в разные стороны летели перья и опилки. Торговцы фруктами

лениво отгоняли мух, слетающих на запах гнили. Под ногами хлопала вода, хрустел мусор. Непрекращающееся барабанье, мужские крики, детский смех, лай собак.

Ускорил шаг, увидев свою машину, оставленную у обочины. И, запрыгнув, выехал на дорогу, плотно закрыв окна, чтобы не впускать непривычный спертый воздух, обогащенный разными запахами. Дорогой это было можно назвать только с натяжкой: хаотичное движение транспорта, монотонный звук автомобильного клаксона, звонкие крики. В открытых багажниках катались дети, животные и женщины, не удостоившиеся места в салоне. В открытых кузовах грузовиков перевозили скот, обогащающий и без того спертый запах. Хотелось закрыть глаза и отстраниться от этого постоянного мельтешения. Свернув с центральной дороги старого города в переулок, остановился на заднем дворе неприметного дома.

– Наскалов! Ты, что тут забыл? – как только я вышел из салона, правую руку крепко сжали, заводя за спину. – Ты же знаешь, что тебя здесь ищут!

– Знаю, Акир, знаю... Поэтому ты должен мне помочь, и я свалю.

– Как ты въехал в страну? – парень отпустил мой локоть и отпрыгнул к забору, прислонившись лбом к желтому пыльному камню. Он морщился и с силой растирал морщинистый лоб. – Ты в розыске уже три года.

– Через Пакистан. – улыбнулся, рассматривая друга. На

нем была длинная светлая рубаша, коричневая жилетка, светлые шаровары и тюрбан на голове.

– Олег, у меня осталось мало людей, способных помочь в твоём деле...

– Акир, мне нужна другая помощь. Нужно найти того, кто продал фуру «кайфы». Я видел упаковку, фирменный узел Халика. Только он так скрупулезно завязывает подобные узлы бечевкой, с вкраплениями сухих стеблей мака.

– Сколько? – перебил парень, округлив глаза.

– Фуру. Я дошел до Кабула, все нити идут отсюда. Хотя его плантации находятся на юге.

– Черт! – выругался парень, а потом задрал голову к небу и стал что-то нашептывать, быстро перебирая в руках деревянные четки. – Халик давно захватил рынки Кабула, задавив всех, кто мог более-менее конкурировать. Подкупил деревни. Люди, находящиеся на грани бедности, сдавали полиции плантации конкурентов, после чего их выжигали дотла.

– Это все знаю, Акир. Ты мне скажи, как выйти на тех, кто купил. Я приехал не для того, чтобы перекраивать рынок опиата, я здесь, чтоб найти того, кто ввез это в мой город.

– Твой? – парень скинул тюрбан и взъерошил черные волосы. – Как только Халик узнает, что ты снова здесь, то ты уже ничего не сможешь сделать для своего города. Я думал, что ты умнее, что не вернешься, тем более один...

– Сведи меня с Халиком, – я закурил, делая глубокие затяжки. Горячий густой дым заполнил мои легкие. Кабул не

тот город, где можно вычислить людей, фамилии, лица, только просматривая городские камеры, потому что их тут нет. Фура пересекла границы нескольких стран, и ни на одной камере я не нашел лиц. Шестерку в панаме я нашел уже давно. Клим работал шофером у Моисея, пока Козырев не привел своего родственника. Собственно, после этого Козыря и убрали. Но компания, с кем был Клим, остается для меня главной целью. Узнаю компанию— пойму на кого они работают. Пойму на кого они работают — пушу на корм собакам. Он станет первым. Первым и долгожданным...

– Я помогу, а ты вывезешь мою семью в Индию...

Глава 24

Яна

Рано радовалась выпавшему снегу. Земля, как по волшебству, сбросила белоснежный, почти свадебный наряд, облачившись в траурное одеяние из грязи. Собственно, все это настолько сильно гармонировало с моим душевным настроением, что становилось еще грустнее. Деревья зябко покачивались на ветру, размахивая уродливыми голыми ветками. Центральный проспект опустел. Люди старались не выходить из дома в такую погоду. Для нашей широты отсутствие снега в середине декабря – это что-то страшное, потому что морозы приходят как по расписанию – в ноябре. Они медленно осваиваются, наслаждаясь победой над «плаксивой» осенью, постепенно усиливая давление на еще хранящих тепло лета прохожих. Ветер зверствовал, показывая свою власть над нами, он резко врезался в девичьи фигурки, стараясь сбить их с ног, словно играя прохожими в боулинг. Но мы привыкли и к серому дождливому лету, лишаящему нас хоть капли тепла, и к холодным ночам, морозным зимам, и растянутым, слякотным вёснам.

– Моисеева, ты хочешь промечтать еще одну пару? Я не узнаю тебя в последнее время. Сессия на носу, а ты часами смотришь в окно, будто видишь то, чего не видим мы. – Ва-

лентина Ефимовна сняла узкие очки, машинально прикусив металлическую дужку.

– Простите... – смахнув так и неоткрытые тетради с парты в сумку, выскочила в коридор и побежала в гардеробную.

Конечно, видела! Сияющая зеркальной поверхностью высотка на противоположной стороне городской плотины притягивала все мое внимание. Если аудитория, где проходила пара, находилась на стороне с видом на это строение, то стараться вслушиваться в монотонное повествование преподавателя было бессмысленно. Прошло так много времени. Слишком много. Две недели. Я не видела его две долбаные недели, а меня уже скручивало от грусти и тоски. Мечтала отмотать время вспять, только бы не сказать тех ужасных слов. До сих пор отчетливо помню вспышку гнева в его глазах, а в ушах стоит тихий шорох босых ног по паркету. Я даже не посмотрела ему вслед, не насытилась идеально очерченной спиной. От одного только воспоминания о его обнаженном торсе стало душно. Горло сжало тисками, а легкие начинали гореть, отчего каждый вдох становился мукой. Не думала, что он смог так глубоко засесть в моем сердце. Да при чем тут сердце? Казалось, что каждый орган кровоточил от тоски.

Так сильно захотелось выбежать на улицу, чтобы вдохнуть свежего воздуха. Крашенные в нездоровый бежевый оттенок стены давили, вызывая ставшую привычной мигрень. Боли стали посещать все чаще, усиливаясь по вечерам, когда дом

замирал в тишине, где властвовал лишь стук моего одинокого сердца. Не радовало даже то, что отец перестал пропадать на работе, засев в своем домашнем кабинете. Не радовал Снежок, заметно подросший за эти две недели, да даже малиновый диван перестал поднимать настроение.

Схватив шубу, затормозила у дверей, посмотрев на огромный циферблат электронных часов в фойе университета. Куранов приедет только через час. Мы договорились, что он доверяет мне, а я не подставляю его, предупреждая о своих передвижениях заранее. Но сейчас мне было просто необходимо сбежать отсюда.

– Моисеева! – знакомый голос за спиной выдернул из неясных мыслей. В последнее время ясности в моей жизни совершенно не хватало.

– Привет, Марат! – увидев школьного друга, стала размахивать рукой, пробиваясь сквозь толпы студентов, спешащих перекурить перед парой.

– Ну, ты краса... – он схватил за руку и стал вращать, разглядывая, как экспонат в картинной галерее. – С каждым днем становишься все краше!

– Ладно тебе!

– Ты же помнишь, я никогда не вру!

– Ага, никогда не врал, когда прятался от Наськи в мужском туалете, тиская молоденькую практикантку английского, или не врал, притворяясь больным, когда мы всем классом шли на субботник...

– Хватит.... А то я получаюсь каким-то злодеем.

– А ты хороший? Белый и пушистый?

– Ага, – он дернул меня, выхватывая стиснутую в руках шубку. – Ты снова учишься? Решила освоить все профессии мира?

– Да, – я повернулась спиной, просовывая руки в рукава шубы. – Решила попробовать себя в детской психологии, как ты и говорил. Хотя... Если честно, то я очень сомневаюсь, что сделала верный выбор.

– А что так?

– А то, Маратик, что я в своих узлах мыслей разобраться не могу, куда мне к деткам? Да мне вообще к ним нельзя подходить.

– Ян, дети не ждут от тебя психоанализа высшей категории. Им нужна капля понимания и любви. А в тебе этого хоть отбавляй. Знаешь, я приглашаю тебя к себе. – Марат прищурился и полез во внутренний карман пальто.

– Куда? – я резко отшатнулась от друга, пытаясь рассмотреть его мимику.

– Расслабься, ты чего такая запуганная? Я уже два года руковожу детским домом– интернатом. Недалеко отсюда. Мой контингент – детки, вырванные из семей. Так сказать, жертвы гос. системы. А мы им помогаем, показываем, что пьяные матери, обкуренные отцы – не норма. Влияем на еще гибкий детский мозг, чтобы избежать, предупредить повторение сценария, только уже во взрослой жизни детей. Ну, что

я тебе объясняю. Присоединяйся, у нас коллектив молодой. Детки от пяти до двенадцати лет. Приходи!

– Даже не знаю... – я сжимала в руке втиснутую визитку.

– Ну, Моисеева! Ты что? Попробуй для начала.

– Хорошо...

Выскочила на улицу, вдохнув ледяной воздух полной грудью, и тут же застыла на месте, наткнувшись на скучающего Куранова. Он стоял, прислонившись к капоту машины, и играл в телефоне.

– Ну... И часто ты освобождаешься раньше? – абсолютно ровный, даже холодный, как декабрьский ветер, голос, не сулил ничего хорошего. Он продолжал быстро перебирать пальцами по широкому экрану смартфона.

– Нет... Прости. Я не планировала сбежать. Честно!

– Капюшон надень, простынешь, – прохрипел он и открыл для меня дверь машины. – Куда прикажете, сударыня?

Салон авто встретил меня потоком теплого воздуха, я перегнулась, чтобы забросить сумку на заднее сидение. Взгляд упал на чехол с моим костюмом, за которым ездил Куранов.

– У нас же еще есть время?

– Хм... – Андрей проследил за моим взглядом. – Есть. Гости придут часа через два. Опять?

Договорив, дернул ручку скорости и направился в сторону знакомого дома. Я периодически косилась на Андрея, пытаюсь понять, почему он сегодня так молчалив, но мой защитник не желал встречаться со мной взглядом. Он разминал не

прикуренную сигарету резкими движениями пальцев.

– Он звонил тебе? – мой голос превратился в хрип, когда я, наконец, набравшись смелости, задала вопрос, мучающий меня последние дни.

– Кто?

– Андрей, не заставляй меня...

– Не заставлять что? – он выдохнул и повернул голову, взглянув на меня лишь краем глаза. – Я не знаю, что у вас произошло. И мне все равно, почему ты постоянно реवेशь, но ответь! Зачем ты постоянно туда приезжаешь? Думаешь, что он прячется в шкафу? Или тебе нравится реветь?

Вопрос Андрея повис в воздухе, потому что я и сама не знала ответа на него. Просто ездила, просто ...

Прикоснувшись пальцами к холодной стальной двери, замерла, прислонив ухо к холодной поверхности. Хотелось услышать хоть что-то. Брякнула сжатыми в кулаке ключами и стала отпирать замок за замком. Звук бряцающего металла разрушал мирную тишину подъезда. Войдя, закрыла за собой дверь. Руки машинально откинули крышку охранной системы и ввели код безопасности.

Прислонилась к двери, всматриваясь в длинный широкий коридор, погруженный в темноту. Оттолкнулась и, делая шаг за шагом, стала двигаться вдоль стены. Шероховатая штукатурка приятно царапала подушечки пальцев. Перед глазами стали вспыхивать картинки: вот он возвращается домой и аккуратно убирает пиджак в шкаф или стоит, прислонив-

шись к косяку кухни, тихо наблюдая за мной.

Никогда не чувствовала большей радости, чем ощущать всем телом взгляд, наполненный нескрываемым интересом. Ему не нужно прятаться, таиться и маскировать немые эмоции, поэтому от одного только взгляда температура тела поднимается, а по спине скатываются капли пота. Хотелось вновь увидеть, как он скидывает надоевший за день костюм и остается в спортивных трикотажных штанах. Они сидят так низко, что невозможно оторвать глаз от ярко выраженных косых мышц пресса. Аккуратная поросль волос струится по груди и уходит тонкой дорожкой меж выпуклых кубиков. Пальцы помнят то ощущение упругости мышц, медленно перекачивающихся при каждом движении. Большие сильные ладони, обхватывающие мою грудь, горячее дыхание и чуть прищуренный взгляд, впитывающий каждый мой вдох. Никогда не встречала мужчин, все действия которых были направлены только на то, чтобы увидеть, как хорошо женщине...

Дернула головой, пытаюсь прогнать навязчивые мысли. Пустота и безликость квартиры стала раздражать. Начала быстро раздеваться, раскидывая одежду по всей квартире. Непреодолимая потребность оставить свой след победила. Джинсы полетели на светлое кресло у зашторенного окна, шелковая блузка упала прямо на пол, застыв красным пятном на черной деревянной поверхности. Недолго думая, сняла бюстгальтер и зашвырнула его на кованую ветвистую

люстру.

– Вот теперь хорошо. Просто замечательно! – рассмеялась, расстегивая чехол с костюмом....

Отец из года в год в середине декабря собирает друзей из нашего родного города. Много лет назад мы жили в П****ом. Моя любовь к снегу – это яркие воспоминания детства. Я выросла там, где из окон квартиры были видны горные вершины, заботливо укрытые снежным покрывалом. Просыпаясь по утрам, первым делом смотрела в окно, чтобы убедиться, что снег не растаял.

Сегодня был один из тех вечеров, когда дом наполнялся людьми, с которыми отец виделся раз в год. Они могли несколько дней подряд делиться событиями, прерываясь только на короткий сон, а в последний день перед отъездом садились за большой стол и, выгнав из столовой всех посторонних, заседали весь день. Попрощавшись с молчаливым Андреем, вышла из машины. Парковка у дома была заставлена, на террасе курила толпа мужчин, громко смеясь над чем-то. Вдоль забора стояла охрана, которой сегодня было много, как никогда.

– Дочь! Ты опоздала, – отец вышел из своего кабинета, чуть прищурившись, осмотрел меня с ног до головы. – Красавица.

– Пап, я наизусть знаю все ваши тосты и анекдоты. Не понимаю, зачем я тут тебе нужна? И мне нужно с тобой пого-

ворить, – на выдохе сказала я, сжав кулаки в карманах широких брюк синего цвета. Нет, не боялась реакции отца, боялась, что струшу и ничего не скажу.

– Проходи, мне тоже нужно поговорить. И если ты не возражаешь, то сделаем это на улице, – отец достал из гардеробной только что убранный шубу. Накинул ее на плечи, задержав большие ладони на моих плечах чуть дольше, чем обычно.

– Что? Все настолько плохо? Боишься, что я закачу истерику? – попыталась рассмеяться, но папа продолжал сжимать мои плечи.

– Да, боюсь, – накинув пальто, отец подтолкнул меня к двери на веранду. Стеклопанельная дверь скрипнула, в лицо ударил сильный ветер, поднимая волосы в воздух.

– Ну? – закутавшись в шубу, внимательно стала рассматривать каменное лицо отца. Он закрыл дверь, а потом снова открыл и закурил, сделав пару коротких затяжек, выдохнул клуб дыма в воздух и резко обернулся. – Помнишь, я обещал тебя кое с кем познакомить?

– Ты привел свою девушку? Где она? – я подпрыгнула на месте и стала оглядываться. Но терраса была пуста. – Зови!

– Нет, дочь. Я имел в виду не это. Я хочу познакомить тебя с твоим будущим мужем, – отец в одну затяжку докурив сигарету и щелчком отбросил окурочок в пепельницу.

– Что? – пальцы сильно сжали ворот, погружившись в мягкий мех.

– Мне повторить или сразу перейдем к истерике?

– Папа! Как ты можешь? Как вообще в твою голову могли прийти такие мысли? Я не понимаю!

– Ты поймешь меня, как только у тебя появятся дети, ты сразу все поймешь, – отец хотел подойти, но передумал и вернулся на место. Убрал руки в карманы и стал раскачиваться с носка на пятку. – А теперь начинай.

– Нет! Мне надоело, что ты принимаешь все решения за меня!

– Ну, раз мы перешли к истерике, то позволь ответить? С самого детства ты делаешь только то, что хочешь! Для тебя никогда не было ограничений. Я позволял все: хочешь в обыкновенную школу – пожалуйста, хочешь поехать на практику к черту на кулички – пожалуйста, хочешь выйти замуж за нищего пиз**ка – пожалуйста! Что хорошего вышло из этого? Назови мне хоть одну вещь, которую я навязал тебе? – отец проговаривал каждое слово, выделяя буквы. неподвижный взгляд застыл на белоснежной колонне, обвитой засохшим плющом, напоминающем о прошедшем лете.

– Пап? А как же любовь? – я застыла, не в силах пошевелиться. Все ждала, что отец рассмеется и скажет, что все это глупая шутка.

– Много хорошего тебе принесла твоя любовь? Много радости? Счастья? – он дернул губой и закрыл глаза, прижав пальцы к переносице.

– Пап! Но я уже не маленькая...

– Ты всегда останешься для меня крохотной малышкой. Я помню до малейшей мелочи день, когда принес тебя домой. Эмоции душили меня, рвя душу надвое. Одна часть хотела напиться и забыться, оплакивая любимую жену, а вторая гнала в церковь отмаливать свои грехи, чтобы ты была жива и здорова. И я почти сделал выбор, но ты ухватила мой мизинец и так серьезно посмотрела в глаза. Твои румяные щечки и безумно голубые глаза. Боже! Янка! Да я готов весь мир перевернуть, чтобы обезопасить тебя. Ты думаешь, что все это мне надо? – отец сделал резкий шаг и с силой пнул высокое мраморное кашпо с зеленым деревом. – На фиг мне это не надо. Но у меня нет выбора. А у тебя есть. Будет. Хочешь свободы? Я тебе ее устрою.

– Это шантаж! – прошептала, заглядывая в красные от гнева глаза отца. – Нет! – взвизгнула я и бросилась к двери, но в проеме показалась мужская фигура.

– Знакомься, вернее ты его знаешь, – отец прислонился к стене, пропуская темную фигуру. – Динар.

– Кто? Ты сошел с ума?

– Нет, недавно проверялся, – он грустно улыбнулся, а потом вздрогнул, будто вспомнил о неоконченном разговоре. – Пока готовитесь к свадьбе, я подготовлю все документы, и вы уедете. Сразу.

– Па...

– Я все сказал! – впервые крикнул отец, зло сверкнув своим взглядом.

Тело трясло от переизбытка адреналина, выбежала в коридор, а потом на улицу. Подъездная дорожка была заполнена мужчинами, сгруппировавшимися у беседки с большим мангалом. Громкий смех и музыка, от вибрации которой мое сердце дрожало, сбивая привычный ритм биения. Бросилась в сторону конюшни. Там всегда тихо. Высокие шпильки проваливались в размякший от дождя газон, но я все равно бежала, срезая путь, минуя витиеватые мощеные дорожки.

– Тенёчек! – ворвавшись в конюшню, рухнула в пышный стог сена у загона с моим конем. – Что же это?

Не стала включать свет. Темнота ласково окутывала трясущееся тело, сердце отбивала ритм боли.

– Хотела замуж? Сама же говорила, что хочешь? Чего теперь реветь? – сквозь дикий рев орала сама себе, словно хотела докричаться, убедить и успокоить. Перед глазами вспыхивали воспоминания последних месяцев, на этих картинках менялись обстоятельства, помещения, время года, но только один человек был постоянным – Олег.

– Ян? – тихий голос вырвал меня из темной пучины самобичевания. Динар вошел в конюшню и плотно закрыл за собой дверь. – Держи.

Он раскрыл ладонь, в которой лежала связка ключей.

– Что это?

– Моисей сказал, что это ключи от твоей свободы. Куранов здесь, он отвезет тебя в твою квартиру, – парень присел на край стога, расстегнув короткое серое пальто. – Хочешь,

я откажусь? Что нужно сделать? Не могу смотреть на твои слезы. Ян?

– Почему?

– Потому что сейчас очень опасно. Он переживает за тебя, не может больше ни о чем думать. А как только мы уедем, он выдохнет и успокоится. Скоро все наладится.

– Как ты согласился? Как мог?

– Я не знаю, что тебе ответить, – парень закинул голову, погрузившись ладонями в вьющиеся волосы, и откинулся на сено. – Я просто хочу тебе помочь. Это не значит, что ты должна меня полюбить. Нет, ты будешь свободна. Я не стану играть роль «мужа», мы просто будем рядом. Вернее, я буду всегда рядом. А как только все устаканится, мы вернемся. Поверь, все будет хорошо. Это когда-нибудь закончится, должно закончиться...

– Ты так спокоен, – биение сердца стало замедляться, а неконтролируемый поток слез прекратился.

– Мне не свойственны истерики. Не переживай, это всего лишь формальность. Как только мы поженимся, сразу уедем в Австралию. А пока, ты можешь делать то, что считаешь нужным. Я не враг тебе. Буду всегда рядом и не дам в обиду.

– Я не знаю, кому можно доверять. Все уходят, бросают, решают и могут только приказывать! А мне не хочется! Хочу свободы!

– Ян, если успокоиться и подумать, то ты поймешь, что все это только ради тебя. – Динар встал, отряхнул сено с брюк

и направился к выходу, но застыл у самых ворот. – Ты переживаешь за него?

Я застыла, наблюдая, как Динар, опустив голову, нервно сжимал деревянный засов.

– За кого? – прохрипела, не в силах вспомнить, как пользоваться голосовыми связками.

– За Наскалова...

– Нет.

– Пока! – дверь скрипнула и громко лязгнула, заставив вздрогнуть мое напряженное тело.

– Салам, Халик! – в тишине просторной комнаты мой голос прозвучал слишком громко. Неприятная, скорее даже удручающая пустота помещения и какой-то рваный интерьер, совмещающий в себе разлапистость восточного колорита и простоту европейского, напоминал лоскутное одеяло. На полу лежал дорогой ковер ручной работы, на окнах висели вертикальные офисные жалюзи, в углу стоял кальян, вокруг которого были разбросаны пышные яркие подушки, а завершающим штрихом был кожаный, абсолютно европейский диван. Мужчина, сидевший ко мне спиной на мягком диване, вздрогнул и подавился дымом самокрутки. По сладковато-приторному запаху было понятно, что курит он не табак.

– Салам, Корд*! – он обернулся и растянулся в широкой улыбке. Мускулы дергались, отчего казалось, что его

верхняя губа вибрирует. Глаза вспыхнули ярким светом и стали жадно шарить по комнате.

– Не надо, Халик... Ты же знаешь, что это бессмысленно. Двое у дверей спят и проснутся еще не скоро, а охрана у ворот успеет прибежать уже после того, как я нарисую кровавую, но очень аккуратную линию на твоей шее, – заметил, как он дернул рукой в поисках телефона. – Как-то ты расслабился. Твою домину охраняет всего шесть человек? Это же несерьезно, Халик. Ты очень безответственно относишься к собственной жизни.

– Призрак, ты же знаешь, что нельзя тебе появляться на этой земле после того, как перерезал половину моих ребят. Мы договорились, что я не ввожу дурь к тебе в страну, а ты забываешь про мою!

– Да, я помню, – я закурил, присев на широкий каменный подоконник, откуда был хороший вид на пустынный двор. У костра сидела охрана, пуская косячок по кругу. – Но ты первый нарушил наш уговор.

– Ну, возможно. Но мне сказали, что тебя шлепнули. В Стамбуле была заварушка, после которой ты исчез без следа!

– Тебя обманули, Халик. Ну, давай говорить?

– О чем?

– Скажи мне, кто купил у тебя дурь?

– Ха, смешно, Корд. Очень смешно. – Халик встал и подошел ближе. – Какой резон мне тебе сдавать моего, так сказать, оптового покупателя?

– Оттуда, Халик, что я пощадил твоего брата. Кстати, как он?

Мужчина замер, поджав губы. Он задумался, подергивая неаккуратную длинную бороду с явными седыми прядями. Когда-то сильный молодой европеец, заслуживший доверие у всех «шишек» Афганистана, прославившись своей кровожадностью и фанатичной преданностью Аллаху, теперь стал обыкновенным рано состарившимся наркоманом. Сальные волосы, темные круги под глазами, бегающий взгляд, неспособный зафиксироваться на чем-то конкретном. Он старался смотреть в глаза, но постоянно отворачивался.

– Ладно, давай я облегчу тебе задачу? Мне нужна фамилия, а тебе нужны деньги. Да? Я знаю, что ты готовишься свалить отсюда, – не в силах смотреть на него, отвернулся.

– С чего ты взял?

– С того, что у таких, как ты, век короткий. Что, подсел на свой товар? Говорят, что он сильнейший. Что ты туда добавляешь? Химиков нанял? Мало травить молодежь опиатом, так ты решил изменить формулу? – Халик округлил глаза и резко схватился за ствол, спрятанный за поясом. – Не смеши меня, ты и в слона не попадешь. Руки трясутся, как вибратор у старой девы. Давай! Рассмеши меня!

– Ты забываешься! Стоит мне только свистнуть, ты даже не успеешь пересечь границу, как получишь нож в грудь. А я буду смотреть, как мои ребята играют тобой в бужкаши**!

Я бросил окурок прямо на пол и поднял ногу, но вместо

того, чтобы затушить, пнул его под колено. Халик стал заваливаться вперед, а я, схватив грязную занавеску, засунул ему в рот, чтобы не успел закричать.

– Ну, скажи мне, Халик, почему ты такой тупой? Знаешь, в чем ваша беда? Вы мне все угрожаете смертью, расправой, стараясь запугать, но на меня это не действует! Я кайфую от этого. Иногда я устраиваю себе приятный вечер воспоминаний, пересчитывая каждого уже мертвого придурка, угрожавшего мне. Мне нравится! Ясно? Говори, а то шлепну! – достал нож из кармана и приставил к загорелой шее.

– Ладно....

* *Корд* – нож (перевод с афганского)

** *Бузкаши* – разновидность козлодрания – игра, распространённая в Узбекистане, Туркменистане, Афганистане и Таджикистане, напоминающая поло на лошадях. Отличие заключается в том, что вместо мяча используется обезглавленная туша козла. Цель каждого всадника – схватить тушу козла и владеть ей как можно дольше или доскакать с ней до финиша.

Глава 25

Проще расстаться с человеком, чем с иллюзией на его счет.

Марта Кетро

Олег

Золотисто-серые скалы искрились в лучах просыпающегося солнца. Оранжевый круг лениво выглянул из-за заснеженной шапки горы, разливая такое необходимое трескуче-прохладному горному воздуху тепло. Мне нравилось в горах, легкие уже привыкли к тяжелому воздуху, сердце освоилось, подобрав подходящий ритм, а мозг перестал сопротивляться непривычной высоте. Сидя на капоте внедорожника, пил кофе прямо из термоса. Горячая терпкая жидкость обволакивала простуженное горло, принося больше дискомфорта, чем удовольствия. Нестабильная погода сделала свое дело. Днем воздух прогрелся до абсолютно комфортной температуры, позволяющей скинуть куртку, а вечером холод приходил резко, сжимая тело в морозной дрожи.

Закрыв глаза, наслаждаясь настоящей тишиной. Нет человеческих голосов, не слышны сигналы автомобилей, даже телефон молчит, не решаясь разрушить идиллию. В небе кружили птицы, изредка перекрикивающиеся друг с другом, на дальнем лугу паслись бараны, заполняя воздух звуками

монотонного бляенья. Солнце поднималось медленно, прогоняя испарину, вырывающуюся изо рта вместе с сигаретным дымом.

Сколько бы ни пытался отвлечься, концентрируя внимание на звуке падающих с гор камней, оре бьющихся в утренней истерике птиц, размеренном биении собственного сердца, на душе все равно было тяжело. Желание сорваться домой почти победило необходимость закончить все дела тут.

– Черт, – увидев алое пятно на белой ткани, скинул куртку и, схватившись за ворот, стянул футболку, бросив на землю. Чуть помедлил, а затем нагнулся и поджог край хлопковой футболки. Ткань стала медленно тлеть, выбрасывая в воздух темный дымок. Вот, так намного лучше... До сегодняшнего дня жалел, что уехал из Афганистана три года назад, так и не добравшись до Халика. Но теперь мне хорошо. Светлая ткань извивалась, поглощаемая властным пламенем.

По телу побежали мурашки холода. Выдохнул и раскинул руки в стороны, подставляя обнаженную грудь солнцу. Ласковые лучи заскользили, стараясь обогреть и прогнать бьющую дрожь. Ласковые касания отбросили на несколько недель назад, а сердце странно сжалось, заставляя закрыть глаза и погрузиться в воспоминания. Пульс ускорился, а в груди растеклось тепло только от одного только воспоминания обнаженной фигурки Кролика. В носу защекотало, ее запах... Такой легкий, нежный, но настойчивый. После той ночи казалось, что от него невозможно избавиться. Она, как

невидимый шлейф витала вокруг меня, окружая ароматом своих духов. Помню румянец, который становился все ярче по мере протрезвления. Яна становилась все застенчивее, старалась прикрыть грудь маленькими ладошками, но бледно-розовые соски все равно выглядывали меж пальцев. На крохотных бугорках замерли капли пота, в которых искрился яркий свет уличных фонарей.

– Б**ть! Сука! – прыгнул с капота и, накинув куртку на голое тело, запрыгнул в машину и помчался по извилистой горной дороге, поднимая в воздух мирную пыль.

В ушах резонировали слова Пахи: «*Моисей выдает дочь замуж!*» Вновь и вновь слова друга заставляли сердце заходиться в истерике. Смирился с тем, что все мои мысли только и могли крутиться вокруг нее. Разве такое бывает? Почему я? Почему судьба сыграла настолько злую шутку именно со мной? Странная, мимолетная встреча, произошедшая одиннадцать лет назад, перевернула мою жизнь с ног на голову. Именно после той ночи моя судьба была решена.

Жизнь стала напоминать четко спланированный сценарий. Причем режиссером был не я. И вот теперь, когда у меня появился шанс все исправить, наверстать упущенные годы, она вновь ворвалась в мою жизнь, разбивая ее на мелкие осколки. Мне не хватает ее робкого взгляда из-под опущенных ресниц, плавного движения головы, когда она перекидывает длинные вьющиеся волосы через плечо, и ее глаза... В зависимости от настроения, цвет ее глаз менялся, стано-

вась то темным, как море перед штормом, то прозрачным, как кристально чистый лесной ключ. Я почти уверен, что все пойдет не так, как спланировал. Но у меня только два варианта: смотреть, как Кролик идет под венец или... Или не смотреть!

– Моисей, ну что же ты такой придурок? – почувствовав, что немного успокоился, стал раскладывать факты.

С возрастом люди становятся мягче, приоритеты меняются. Когда мы пересекаем условную линию «середины жизни», начинаем готовить почву для собственной старости. Делаем это неосознанно, на инстинктах, но тем не менее все наши действия направлены на семью: безопасность, благополучие, продолжение рода. Именно этим сейчас и занимался Моисей. Он старательно возводил стены вокруг единственного родного человека. Я видел влагу в глазах, когда он смотрел на дочь. Чувствовал дрожь в голосе. Только старик никак не может понять, что чем больше он старается ее обезопасить, тем глубже становится яма под собственными ногами. Он встал в самый центр воронки зыбучего песка, утягивая за собой дочь. Он настоящий отец, все его мозговые процессы направлены на защиту, забывая о реалиях, в которых живет. Забыл о настоящей жизни, правила которой сам и написал. Ладно, разберемся, а потом и постреляем в удовольствие.

– О! Вы посмотрите на него! Месяц пропадал где-то, мы думали, что работает, а он вернулся загорелый, – Ворон пер-

вым заметил меня.

Парни стояли у самого выхода из терминала, скучковавшись у припаркованных на тротуаре машин. Прилетевшие пассажиры недовольно обходили толпу мужчин с каменными лицами.

– Наконец-то! Возвращение блудного сына, – Лазарев прыгнул с капота и крепко обнял меня. Я было поверил, что он соскучился, но этот придурок начал мне отчаянно нашептывать, забрызгивая ухо слюной. – Ты знаешь? Скажи, что ты все знаешь?

– Смотря что?

– Не придуривайся, – его хватка усилилась, сжимая мои ребра, как в тисках.

– Здорово, – я освободился от крепкого приветствия Сергеи и стал обмениваться рукопожатиями с пацанами. Ворон, Сизый, Буба и, наконец, Динар. Он улыбнулся и протянул внушительного размера ладонь. Парень не смутился, расслабленное спокойное лицо не выражало ни стыда, ни страха. Ничего!

Я не мог не знать, потому что мог спокойно находиться в Кабуле только благодаря Пахе, он лично следил за Янкой, высылая мне подробные сообщения. Я знал, что Моисей готовится к свадьбе, знал, что Янка съехала из родительского дома и больше не разговаривает с отцом. Кролик не выходила из квартиры без Куранова и закрывала двери на все замки. Еще я знал, что последние несколько дней Янка почти не

расставалась с Динаром. Он сопровождал ее в кино, магазины, а по вечерам они гуляли вдоль городского пруда. Лучше бы я не знал...

Мне стало интересно, почему Моисей сделал выбор в пользу Динара. Что в нем привлекло старика? Может, то, что парень отслужил в спецназе? Или получил высшее образование, что является редкостью в пацанском окружении Моисея. Динар не мог не произвести хорошего впечатления: высокий, улыбчивый, а особенно в глаза бросаются его вьющиеся волосы, аккуратно зачесанные к затылку. Ладно, будем считать, что выбор мне ясен.

– Ну? Все закончили обмен любезностями? – Сизый развернулся, чтобы сесть в машину. – Стоим тут уже час. Я вообще не понимаю, какого хе*а мы тут делаем. Что, он сам дорогу домой не нашел бы? Моисея так не встречаем, как Наскалова. Тоже мне, авторитет!

– Успокойся, «бубнелка татуированная». Это Весел перепутал время прилета, – засмеялся Динар, ударяя друга в плечо.

– Лазарь? Тачка? – бросил взгляд на бледного Лазарева. Он нервно крутил в руках телефон, прожигая меня взглядом. Я сначала не понял, почему он так напряжен. Чуть сведенные брови то и дело подергивались. Черт! Пытается меня провести. Держит свою «легкого поведения бровь», взлетающую при каждой попытке утаить ту или иную информацию.

– Скала, ты о*ренел, что ли? Даже с моими связями не

смог за три недели найти то, что тебе нужно. Сказали, что придет в первых числах января. А на время я найду тебе тачку. – Лазарь закурил, пуская в морозный воздух кольца дыма. Он теребил черную пуговицу светло-серого пальто.

– Нет уж, не нужны мне ваши тачки. Дорого обходятся шуточки «вашего брата»!

– Олег! Ты со словами-то аккуратнее, – подал голос Буба. Он стоял, скрестив руки на груди, и смотрел в пол, ковыряя носком ботинка слежавшийся снег. – Я понимаю, что не доверяешь, но нам нет резона «убирать» тебя.

– Это вам надо быть аккуратнее. Крыса на крысе. Ладно, мне нужно в одно место, а вечером очень надеюсь поговорить с Климом. Да, Ворон?

– А что Ворон-то? – он аж подскочил на месте, выронив из рук ключи от машины.

– А то, что ты начальник охраны. И к тебе много вопросов! Лично у меня очень много вопросов. Даже не знаю, как я до сих пор терплю! – внимательно смотрел на светловолового парня. Ворон нервно провел ладонью по коротко стриженной голове и сжал подбородок, не отводя от меня глаз. Он стоял, не шевелясь, выдерживая напор взгляда.

– Олег, ты ж сам меня поставил начальником.

– Да, я надеялся, что ты начнешь не с того, что купишь дорогую тачку и переедешь ближе к центру, а с того, что перетряхнешь всех, кто приближается к Моисею ближе, чем на сто метров! – Я сделал шаг вперед и схватил Ворона за во-

рот кожаной куртки. Ткань натянулась, издавая характерный треск. – Вы мне все уже поперек горла своей бесхребетностью. Мягкие, как вата. Противно смотреть.

– Отпусти его, Скала. Мы следили за Климом. Он ни разу не выдал себя. Работа, дом, спортзал и все. Он даже по телкам не ездил, – Динар схватил меня за руку, привлекая к себе внимание. – Успокойся!

– Хм... То есть это нормально? – я разжал руку и отошел, прислонившись к капоту Лазаревской машины. – Да? То, что в тридцать лет мужик месяц не выходит из дома, нормально? Вы придурки, что ли? Или притворяетесь? – обвел взглядом нахмурившихся пацанов. – Б**ть! Не притворяетесь. Лазарь, ты со мной?

– Ага! Щас! – Лазарев быстро посмотрел на часы. – Вижу твой шальной непредсказуемый взгляд, а это значит, что я не успею на совещание у Моисея. А «папу» нельзя злить, особенно накануне дня рождения. Поэтому уж прости, но веселись без меня.

– Ну, что ты за друг такой ненадежный? Ни тачку купить не можешь, ни подвезти до одного адреса.

– Поехали, Скала. Свожу я тебя к телке. Все понимаю, месяц не было. Там, наверное, бабы страшнее, чем шайтан? – Буба было взялся за ручку водительской двери, но я успел опередить его и сел за руль сам.

– Учитесь, человек все понимает! Поехали, Буба, тебе не впервой ходить со мной «на дело».

Как только здание аэропорта потерялось в зеркале заднего вида, Бурханов обернулся.

– Мы не по телкам?

– Нет, Сань, не сегодня...

– Вы все бесстрашные в этом городе? – я сидел на деревянной скамейке в парке у дома Макова. Найти его было совершенно не сложно. Перед сном он бегал по лесу, нарезая круги по узким тропкам. На фоне всеобщей белизны, ярко-красный спортивный костюм делал его легкой мишенью. Маков застыл, остановившись спиной ко мне. Прямая еще мгновение назад спина осунулась, а руки медленно поползли к карманам пухового жилета.

– Призрак? Сегодня ты мзду собираешь? – Маков резко обернулся и вздрогнул, словно до последнего надеялся увидеть соседа с нижнего этажа. – А почему приехал не в офис? Не знал, что ты все-таки работаешь на Моисея. Тебя долго не было в городе, думал, что все... Вы больше не в паре... А ты? Что тебе нужно?

Маков истерично перебирал все, что приходило в голову, не давая вставить и слова. Но мне и говорить не нужно было, я наслаждался страхом, который так и плескался в его глазах. Он нервно дергал плечом и оборачивался, осматривая частый лесок. Вот так любимое место становится капканом, куда попадают из-за своей самоуверенности.

– Мне нужно, чтобы ни тебя, ни твоего сынка-обдолбыша

в моем городе не было.

– С каких времен он твой?

– С самого рождения. – я закурил и спрятал замерзшие руки в карман пальто. Несмотря на трескучий мороз, мне было жарко. Долбаная акклиматизация, организм перестраивается.

– Слушай, давай разберемся спокойно? – Маков сделал шаг, робко взглянув на скамейку.

– Давай. Кто дал деньги? – я отрицательно покачал головой, не дав разрешения присесть рядом.

– Какие деньги? – старик расстегнул жилет, ему стало жарко: впалые щеки зарумянились, а губы начали синеть.

– Шуршащие и такие зелененькие, на которые ты купил тонну «герыча». – старался говорить, как можно спокойнее, не выдавая бурлящих эмоций.

– Фу-у-у-у, – Маков выдохнул и заметно расслабился. – Ты же знаешь, что я не занимаюсь наркотой?

– Ну, и гнилье же ты, Маков. Даже сына готов сдать в первые пять минут страха. Еще раз спрашиваю, бабки кто дал?

– Я не занимаюсь дурью! – упорно повторял он, только на этот раз румянец, заливавший его лицо исчез.

– Спрашиваю в последний раз. Кто оплатил приговор Моисея?

– О чем ты?

– О том, что лично ты гол, как сокол. – Достал свернутый листок из кармана и еще раз пробежался по отчету по опера-

циям его банковского счета. – Я знаю, что дурь оплатил ты. Причем лично. – кинул к его ногам фотографию, сделанную с камер слежения у дома Халика. – И теперь каждый месяц переводишь весь доход на вот этот счет. я потряс бумажкой в воздухе и убрал в карман.

– Я не понимаю...

– Я вот тоже не понимаю, что же тебе такого пообещали, что ты потерял всякий страх? Сам поехал в Кабул, потом и в дом к Халику пожаловал, да еще и Клима притащил. Так сказать, лично, чтобы выказать уважение барыге? Да? А Клима-то зачем привез? Знал, что выйдем на него? Чтобы Моисею побольнее сделать? Интересно... Поведай, Маков? Исповедуйся? Обожаю слушать откровения тупых барыг, возмнивших из себя невесть что! Ты за месяц прибрал к рукам бизнес не только Коновалова, но и еще трех комерсов из разных ниш. Местечко себе пригрел? Посулили, что взлетишь высоко и стремительно?

– Я не понимаю... – Маков округлил глаза и стал пятиться назад.

– И я не понимаю. Ты даже операции не спрятал. – хлопнул рукой по карману, в котором лежала выписка по счету.

– Олег...

– Да ты не парься, Маков. Просто знай, что тебя слили. Сначала дали почувствовать власть, пощупать деньги, ощутить запах крови. А потом отправили в Афган, как мясо. Ты думаешь Корней не знал, что я пойду по следу? Он знает ме-

ня так же хорошо, как и я его. – Не мог не улыбнуться, уловив тень просветления на лице Макова. – Я пришел не для того, чтобы узнать, а для того, чтобы наказать. Не заморачивайся, уже ничего не изменить. Ты стал всего лишь наживкой, чтобы выманить меня. Не переживай, ты свое отжил. Ты станешь моим первым. Слышишь? У тебя был шанс покаяться тогда, когда я пришел к тебе сам. Два шанса не даю. Плохая привычка. Так что, уж прости!

– Это не я! Я не занимаюсь дурью! – заревел, увидев ствол. – Я поговорю с сыном. Хочешь? И с Корнеем поговорю? Он поймет!

– Знаю я вас, горе-отцов...

** выстрел**

Темнота укрыла город, давая возможность покрасоваться высоткам, блистающим яркими неоновыми вывесками. На улицах суетились прохожие, торговые центры заманивали прохожих, находящихся в состоянии эйфории от предновогодней суеты, волшебными рождественскими мелодиями. Движение на центральных улицах остановилось, автомобили разных мастей замерли в длинной пробке. С неба посыпались пушистые хлопья снега.

Мы ехали в полной тишине, не включая даже магнитолу. Буба, отвоевавший место за рулем, нервно стучал пальцами по рулю и то и дело бросал в меня короткие, но очень многословные взгляды.

– Да! – он долго скидывал дребезжащий телефон, но все-таки сжалился. – Я буду поздно, не жди меня. Да не с бабами я!

Буба зарычал и забросил телефон в бардачок, с силой захлопнув его дверцу.

– Жена?

– Что? – он обернулся, посмотрев на меня так, словно я спросил что-то странное и неприличное.

– Оглох что ли? Жена, спрашиваю?

– Нет, мы развелись, – он сморщил лоб, но затем расслабился и закурил. – Девушка. Названивает каждый вечер, не может уняться.

– Буба... Буба.... Хорошо, когда женщина изводит тебя, плохо, когда не звонит. А теперь отвези меня домой.

– А как же Клим? Мы же договаривались, что вечером поедем к Моисею! – взревел Буба, с силой ударив ладонью по рулю. – Скала, можно я его грохну? Эта скотина... Он причастен к смерти Козырева, к бабке не ходи!

– Бабка надвое казала: либо дождик, либо снег, либо будет, либо нет.

– Что ты имеешь в виду? Скажи!

– Рули, Буба, рули. Не отвлекайся. Неужели ты думаешь, что Клим еще жив?

Растерянный Саня так и не смог выдавить из себя хоть одну каплю эмоций. Они застряли в его горле, отчего лицо стало багряно-красным, а на шее вздулись вены. Он откры-

вал рот, но так и не смог ничего сказать, потому что тишину салона нарушил телефонный звонок.

– Да!

– Скала, тут такое дело... – Ворон заикался, голос то пропал, то срывался на крик. Я даже не стал дослушивать и отключился.

– Что?

– Домой, Буба... Домой...

Глава 26

Олег

Оставив растерянного Бурханова у подъезда, неспешно направился домой.

– Домой... – не поверив своим ушам, вновь повторил это слово. – Нет, не показалось.

Давно не называл жилую площадь, на которую имел свидетельство о собственности своим «домом».

Проигнорировал лифт. Помню, когда только въехал, консьержи на меня смотрели, как на умалишенного, когда я, потный после пробежки, проскакивал в сторону лестницы. А встревоженные охранники звонили по внутреннему телефону, чтобы проверить, жив ли я еще или уже можно вызывать труповозку. Но, спустя несколько недель они привыкли. Взбежал по ступеням, заглядывая в окна на каждом пролете.

Поочередно открыл все замки. Медленно. Смакуя громкие звуки лязгающего металла. В нос, как порывом сбивающего с ног ветра, ударил ее аромат. Такой легкий, едва уловимый.

Включил свет и присел на кожаный диван, стоящий в углу прихожей. Не знаю, чего ждал? Или кого? Просто водил взглядом по стенам, всматриваясь в темноту квартиры. Где-то у соседей лаяла собака, где-то играла музыка, кто-то ссорился, крики, переходящие в визг, сопровождались биением

посуды, а дома было тихо и одиноко. Да лучше бы она кричала. То, что я так любил, сейчас было в тягость.

Я привык к одиночеству, как например, к татуировке. Стоит только один раз перетерпеть, а потом привыкаешь и не замечаешь ее. Одиночество учит, в первую очередь, слушать себя, не шапочно вполуха, а внимательно запоминая оттенки реакции, чувств, ощущений. А главное – учит не слушать других, потому что все врут.

Хотелось закрыть глаза и дожждаться, пока хоть кто-нибудь не заговорит. Вернее, не кто-нибудь, а она... С каждым разом уезжать от Янки становится все сложнее. А не думать – просто невозможно. Она как вакцина – лечит мое обескровленное сердце, но истребляет возможность отсекал от себя всех и вся. Кажется, что я жму на педаль тормоза, а машина все сильнее разгоняется, пронося в окнах кадры моей жизни. Сопrotивляться? Очень хочется заставить себя сопротивляться, но не могу... Смысл?

Выдохнул, стараясь вытолкнуть из себя все эти «розовые сопли». Открыл глаза, вновь вернувшись к темной квартире. Не ощутил спертости воздуха, свойственного помещению, куда давно не приходили. Даже не мог уловить аромата своих сигарет в устойчивом облаке цитрусового запаха. Скинув пальто и обувь, направился вглубь квартиры. На стеклянной консоли аккуратно лежали женские кожаные перчатки и маленький поводок красного цвета.

Меня не отпускало ощущение, что здесь кто-то есть.

Невидимый шлейф женской руки так и норовил окутать меня теплом и лаской. Тело размякло, расслаблялась каждая мышца, вдохи становились глубже и ровнее.

Окинув гостиную быстрым взглядом, стянул ставшим невыносимо тугим галстук. Комната весьма изменилась. Исчезли плотные портьеры, их заменили почти прозрачные легкие занавески, сквозь которые без труда просматривался ночной город. По бокам дивана появились стеклянные столики, на них стояли небольшие вазы с цветами. Не поверил своим глазам и подошел, чтобы пощупать лепестки.

– Живые... – выдохнул я и упал на диван. – И свежие...

Янка.... Конечно, кто же еще? То помещение, что я назвал «домом» стало другим. Нет больше четкости и ясности. Отсутствуют резкие цвета, контрастирующие с черным полом, нет лаконичных линий мебели, и пропало ощущение необжитого пространства. Даже сейчас, упав на диван, ощутил мягкие бархатные подушки глубокого серого цвета.

– Душ! Мне очень нужен душ!

Хотелось смыть с себя въедливый аромат азиатских специй и усталость от многочасового перелета, а главное – запах смерти, который пришлось вдохнуть в очередной раз.

Капли стекали по телу, но мне все равно было душно. Открыл окно и, сделав пару вдохов, снова закрыл, припав к прохладному стеклу лбом. Непонятное ощущение ломки, непрекращающаяся вереница вопросов и мыслей – все это выводило меня из себя. Протянул руку, чтобы включить ко-

фемашину, но почему-то не обнаружил стальной агрегат на привычном для себя месте. Развернулся и стал внимательно осматриваться.

– Черт!

Кофемашина, стоявшая на барной стойке, перекочевала на кухонный гарнитур. На ней были аккуратными башенками расставлены белые чашечки с золотым геометрическим узором. На стеклянном столе появилась белая скатерть, а на стульях черные мягкие подушечки.

– Чего еще я не заметил?

Вышел из кухни и снова начал обходить комнату за комнатой. В гостевой были разбросаны женские вещи, посреди моей спальни стояли красные туфли на высокой шпильке. На гранитном полу ванной появились контрастно белые коврики. Черные полотенца, халаты почему-то теперь были кипенно-белыми, а на глянцевом комоде помимо десятка неизвестных склянок, появились фен и еще какие-то электроприборы непонятного для меня назначения.

Застыл в самой широкой части коридора, вращаясь вокруг себя по часовой стрелке. Теперь бросалось в глаза все: туфли в шкафу, бирюзовые подушечки на кровати в моей спальне, горшки с зелеными растениями, расставленные по всей квартире, фотография Снежка, воткнутая в зеркало у входной двери. На подоконнике балкона стояла чашка с отпечатком женской помады. На кресле валялись черные джинсы, на полу у столовой красная блузка. Но гвоздем всей

программы была люстра – на тонких кованных ответвлениях висел бюстгальтер из прозрачного красного кружева....

– Ну что, демоны? – медленно припарковался на служебной стоянке за домом Моисея.

Вдоль забора, зажав бутылку водки в руке, расхаживал Лазарев. Увидев меня, остановился, отщипнул от елки зелень и отправил ее в рот, сморщившись. Махнул мне рукой, затем, вяло пережевав иголки, выплюнул их и снова приложился к горлышку. Всегда одетый с иголочки Лазарев сейчас был похож на дворового гопника. Серые трикотажные брюки, кроссовки и кожаная куртка, накинутая поверх толстовки с глубоким капюшоном, скрывающим его лицо. Правду говорят, что одежда диктует походку, повадку. Сейчас Лазарев двигался, как кикбоксер, совершая короткие резкие шаги, направляясь ко мне. На крыльце сидели парни, опустив понурые головы.

– Приехал, б**дь! – как только я подошел к толпе, Сизый вскочил, собираясь смыться, но тут же оказался спиной на снегу. Я снова, как тогда в первую нашу встречу, прижал здоровяка коленом к земле.

– Меня изрядно зае**ли твои выходки. Скажи, ты меня прощупываешь что ли? По миллиметру подбираешься к красной линии? Да? Тогда ты близок, потому что мое терпение просто трещит по швам. Я еле сдерживаюсь... – меня колотило от злости, глядя на толпу мягкотелых полупьяных

мужиков. Первым попался Сизов, но он это заслужил. Щелкнул ножом и прижал холодное лезвие к мощной шее. Румянец отлил с лица, делая кожу парня бледной, стеклянные глаза стали быстро вращаться, а ноздри раздулись подобно парусу. – Страшно, сука? Страшно, я вижу. Я чувствую...

– Скала, хватит... – тихие голоса со всех сторон повторяли одно и то же, но никто не решался подойти, а Сизов и вообще перестал пыхтеть, успокоив свое дыхание.

– Полосни, Скала. Задрал он уже, – рывкнул только вышедший из дома охраны Ворон.

– Не нуждаюсь в советах, – встал и отряхнул колени от снега. – Терпеть не могу убивать по указке. Ну, нечисть? Сами сознаетесь или начать отстреливать? Буба! Доставай ствол. Дырку в лоб каждому, кто шевельнется!

Только подошедший Буба замер, осмотрев растерянных парней, но тем не менее достал ствол из кобуры.

– Что я пропустил?

– О! Ты как раз вовремя, сейчас будем играть в новую и очень занимательную игру, – убрал нож в карман пальто и, дождавшись, пока все «друзья» выстроятся в ряд, достал ствол.

– Скала, ты ох*ел? – Лазарь попытался рывнуться, но я щелкнул предохранителем и ему ничего не оставалось делать, как вернуться назад.

– Не боишься? – Сизый вновь подал голос. Он отряхнулся от снега и уверенно сделал шаг вперед. – Нас тут больше.

Мы завернем тебя в бараний рог и закопаем за холмиком в лесочке. Видели мы таких, как ты. Бабок уйма, а сам живешь так, чтобы не выделяться. Да, от твоего имени у многих ноги дрожат от страха, но признайся, как только человек начинает бояться, тебе его проще достать? Да? Ошибаются?

– Да, мой хороший, – медленно перевел прицел с опустившего голову Лазарева на Сизова. – И вы не станете исключением. Ошибетесь!

Парень расстегнул светлый пуховик и засунул руки в карманы. На лице застыла вызывающая улыбка, он чуть наклонил голову, вздернув подбородок. Но, несмотря на направленный на него ствол, продолжал щуриться, смотря мне прямо в глаза.

– Нас тут сколько? Ворон? – Сизый кивнул в сторону застывшего на крыльце друга.

– Сизов, завязывай! Ширанулся, что ли? Сам знаешь, что Скала не пришлый, а назначенный! Поэтому пыл умерь. – Ворон скатал комок снега и швырнул тому в спину, но парень даже не дернулся, не отведя от меня своего взгляда.

– Вас тут примерно двадцать три... – я обвел взглядом периметр просматриваемого забора, где стояли охранники. Они нервно переглядывались, не понимая, что происходит, но держали руки на прикладе. – Смотри!

Я резко поднял руку и пальнул в воздух. В одно мгновение нас окружили все охранники, закрепленные за территорией, только теперь их руки были на спусковом курке, а при-

целы были направлены не на меня, а на вмиг вскочившую с ног компанию. Лазарев скинул капюшон и вцепился в меня взглядом, его правая бровь взлетела вверх, а правая рука скользнула за пояс куртки.

– Ну... Ну... Лазарь, ты чего? Отстреливаться собрался? От кого? От меня что ли? – я махнул головой, и охранники разошлись. – Испугались, что ли? А чего?

– Б**ть! Ну, и шутки у тебя, – казалось, что все это время Ворон не дышал.

Его побагровевшее лицо и нервно дергающаяся верхняя губа – все говорило о страхе. Настоящем, густом страхе, который расплывается по телу человека подобно расплавленному воску. Все начинается с головы. Из-за выброса адреналина, кровь приливает к мозгу, к коже лица, человек становится похожим на помидор. Но в то же время, кровь покидает конечности, делая их бледными, как лист бумаги. Ворон классический образец страха.

– Заметили? Все посмотрели? Хотели увидеть страх? Вот он. – Я опустил ствол и ближе подошел к Лазареву. – Хотели меня шугануть? Да, Сереженька? А чего? Зачем? Чувствуешь свою вину? Ты, вроде как, здесь главный. Ах, беда! Не досмотрел. Как думаешь, Моисей сохранит твою головушку?

– Сука! Ты специально один свалил убирать Макова! – Лазарев зашипел сквозь крепко сжатую челюсть. Прищуренные глаза, сжатые в тонкую нитку губы, чуть выдвинутая челюсть – все выдавало в нем гнев.

– Специально для чего? – поставил ствол на предохранитель и сложил руки на груди, не отводя взгляда от взбешенного Лазарева.

– Ты знал, что помимо Клима есть еще один. Да?

– Да. А вот вы ничего не видите! Вы как слепые котятa, заигравшиеся в криминальные разборки. Только вы не заметили, что мир поменялся. Ваше время ушло. Теперь сильнее не тот, у кого ствол и протеиновые мускулы, а тот, кто имеет в голове что-то помимо рецепторов усталости, сна и инстинктов сношения. А вы только и умеете считать чужие бабки и драть силиконовых блядей в сауне. – Я легонько толкнул Лазарева стволом прямо в центр лба. – Заигрались вы. Слышите? Ну, сознаваться будем или начну отстреливать по одному в день? Кто? Все такие разные. Кто-то семейный, кто-то убежденный холостяк. Кто-то живет с размахом, а кто-то ютится в скромной однушке, складывая деньги в кубышечку. Один смирился со своим статусом вечного охранника «папы», а другой хочет большего. Знаете, что вас объединяет? То, что только вы знали про Клима...

Сделал два шага назад, обводя всю толпу взглядом. Никто не шевелился, они просто смотрели на меня, ожидая дальнейших действий.

– Ну? Что, еще подробнее объяснить? Клима, которого убрали вчера, был всего лишь шестеркой. А тот, с кем он контактировал, сейчас среди вас, друзья мои. Один среди вас. Он все это время ел с вами за одним столом, входил к

вам в дом, играл с вашими детьми. И был хорошим. Но ровно до тех пор, пока вы не заподозрите ничего странного... Вот Козырев заподозрил. И все...

Парни стали переглядываться, осматривая друг друга пристальными взглядами с ног до головы.

– Ну? Значит, по-хорошему не хотим? Опять я? Ладно. Сизов! На выход! – я ткнул стволом в сторону очумевшего парня. Стоявшие на стреме охранники подхватили его под руки и потащили в сторону конюшни.

– Сука! Это ты? – первым заорал Лазарев и собирался кинуться за ним, но я схватил его за руку и завернул за спину, обездвигивая.

– Я убью тебя! – Динар достал ствол и направил на Сизова, которого волочили по снегу.

– Это не я! – орал он, то и дело, ныряя лицом в сугроб. – Скала! Это не я! Мы же с ним вместе выросли! Я крестил его дочь!

– Хреновый из тебя крестный!

Пришедший в себя Буба, выбил из рук Динара оружие и повалил на снег, прижимая своим весом.

– Ну, а теперь все по домам... Сегодня у «папы» День Рождения! – бросил руку Лазарева только тогда, когда охрана скрылась из поля зрения. – Подарки все подготовили? Стишки с табуретки расскажете, мальчишки?

Припарковал машину у черного входа в казино «Кортик»,

где проходило празднование. Трехэтажное здание сверкало неоновыми огнями, освещая целый квартал. У входа была расстелена красная ковровая дорожка, по которой проходили гости. Все это больше походило на кинофестиваль, чем на юбилей «смотрящего» целого региона. Парковка ломилась от сверкающих «бэнтли,» штучных «меринов» и чарующих «бугатти».

У дверей меня встретили Веселков и Куранов, они курили, шумно о чем-то споря.

– Привет!

– Привет! – Веселков затушил сигарету и поспешил скрыться за мощной железной дверью.

– Ну? Меня тоже допрашивать будешь? – Куранов затаился, поднимая на меня глаза.

– Хочешь? Могу допросить.

Монотонный шум голосов и громкой музыки обрушился на меня, как только вошел в казино. Мимо шныряли официанты, одетые в красные костюмы, они ловко обходили нас, удерживая огромные подносы с выпивкой, одной рукой. Куранов шел следом молча, но по нему было видно, что хочет что-то спросить.

– Ну? Не тяни кота. Говори. – Зацепив с подноса пару бокалов коньяка, протянул один парню. – Расслабься и спрашивай.

– Что с Сизовым?

– С какой целью интересуешься? – мы поднялись в цен-

тральный зал. Гости явно делились на компании по интересам, справа, ближе к сцене стояли приглашенные гости, а слева кучковались разодетые, по всем правилам официальных приемов, парни. – Всем привет!

– Привет, – вялые приветствия полетели в меня со всех сторон, даже Лазарев не спешил подходить, обводя меня гневным взглядом.

– Да ладно вам! Весело же было сегодня! Чего вы? – я потрепал по плечу понурого Ворона. – То ли еще будет завтра! Вас вон сколько! На две недели веселья хватит!

– Что? – Веселков расплескал рюмку водки. – Завтра?

– Ну да... Вы же сами не сознались, поэтому ждем завтра. Ну, как завтра? – я бросил взгляд на часы. – Еще пятьдесят четыре минуты и наступит завтра!

Оставив взбешенных парней, отправился в центр, чтобы найти ту, ради которой и пришел сегодня...

Янка сидела за столиком, мило беседуя с Динаром. Она вращала головой, нервно теребя золотую салфетку в руках.

– Привет, – упал на стул рядом с очумевшей девушкой.

Янка повернулась резко, так, будто совершенно не меня ожидала увидеть. Но вырвавшийся изо рта вздох облегчения, говорил об обратном. И тут пришла моя очередь нервничать.

Взгляд заскользил по ней, стараясь не пропустить ни миллиметра. Длинные волосы были уложены набок крупными волнами, открывая взгляду тонкую шею. Длинная серьга,

усыпанная сверкающими бриллиантами, скользила по ключице. Готов был поклясться, что на шее выступили капельки пота, а жилка завибрировала. Яна пару раз взмахнула длинными ресницами и отвернулась.

– Привет, – прохрипела она, сжимая края стула до белизны костяшек. – Вернулся?

– Привет, – Динар встал, протягивая мне руку.

– Вас можно поздравить? – я махнул официанту, пробегающему мимо, чтобы занять руки хоть чем-то. Схватил стопку водки и осушил ее одним махом. Достал пачку сигарет и закурил.

– Да, наверное... – Динар улыбнулся и пожал плечами.

– Здесь не курят! – как-то слишком громко сказала Яна и покраснела. Румянец запылал, медленно спускаясь ниже...

Я не знаю, что сильнее ударило в голову: то ли алкоголь, то ли ее платье. Это было не просто платье, а кусок черного кружева, туго обтянутого вокруг ее фигурки. Прозрачная ткань открывала моему взгляду все ее изгибы.

– Вернулся? – прошептала Яна, так и не решаясь повернуться в мою сторону.

– Я думал, что ты меня ждала... На миг даже стало страшно, если уж ты для Динара так разоделась, то, зная, что я тоже приеду, пришла бы голой? Или для приличия накинула шубку?

– Наскалов, ты себе откровенно льстишь! Неужели ты ду-

маешь, что за двадцать шесть дней я могла соскучиться?

– А в часах?

– Что в часах?

– Человек, который считает дни, считает и часы.

– Придурок! – зашипела Янка, наконец-то повернувшись.

Румянец на ее щеках вспыхнул вновь, Янка закусила нижнюю губу, выставив передние зубки.

– Кролик... – как-то беззвучно произнес я.

Обернулся, не застав за столом Динара, схватился за край ее стула, притягивая к себе ближе. Нос защекотало, а сердце ускорило ритм. Меня окутало теплом, таким настоящим, реальным. Она пахла медом и цветами, хотелось провести пальцем по губам, размазывая противную помаду, скрывающую нежную розовинку. Глухое, под самое горло платье, раздражало еще больше. Хотелось взять нож и располосовать его на мелкие ленточки.

Какая-то неконтролируемая энергия вибрировала в моем теле, разгоняя кровь по венам. Но только выдержка не позволяла перекинуть ее через плечо и утащить домой... Домой...

Янка улыбнулась, словно прочитала мои мысли и откинула ногу в сторону. Тонкая кружевная ткань задралась, оголяя ногу. Ее рука легла на колено и впиалась длинными ногтями в кожу, начав двигаться все выше. Белесые царапины повели мой взгляд, пока не наткнулись на черную ткань, преграждающие путь к самому интересному, но оставляя непаханое поле бурной фантазии. Но и тут Янка не остановилась, тон-

кие пальчики проскользнули под ткань.

– Нравится? – ее шепот заставил вздрогнуть, но глаза не могли оторваться, продолжая наблюдать за выписываемыми кругами.

– Хм... Я знаю занятие и получше, но это для незамужних.

– Ты сам виноват. Уехал, оставил меня...

– Ты прогнала, вот я и ушел.

– Я не прогоняла... – ее голос стал неровным, а дыхание участилось.

– Ты хотела замуж, вот и получай!

– Олег! Моисей в кабинет всех позвал, – крик за спиной все-таки заставил оторвать взгляд от шаловливой ручонки.

– Сейчас приду, – Лазарев делал вид, что занят прочтением чего-то в телефоне, но вздернутая бровь выдавала его с потрохами.

– Стой! – Янка перехватила меня и провела пальцами по губам, оставляя свой аромат. – Теперь можешь идти...

– Заноза!

– Ну? Может, расскажете? – Моисей стянул черную бабочку и сел в широкое кресло.

– А что тебя интересует? – я закрыл дверь и обвел взглядом кабинет. – Вся честная компания собралась. Даже вижу лишних зрителей. Куранов, Буба и Марченко, на выход! Тут закрытая вечеринка. На всех патронов не хватит. «Па-

па», ничего личного! – дождался, пока недовольные парни выйдут и сел рядом с Моисеем. – Продолжим?

– Моисей? – Лазарь даже не смотрел в мою сторону. Обиделся «малыш», наверное.

– Ну?

– Что за игры?

– Не знаю, вы мне расскажите.

– Давай лучше я тебе покажу, Моисей? – я достал пистолет и положил его перед собой на обитый черным бархатом стол. – Вот стоят твои парни, которым ты доверил свою жизнь. – Я достал из внутреннего кармана конверт и передал его в руки Моисею. – А вот фотография того, кто вербовал мелких «шестерок» из твоей команды. Он выкупал самых жадных. Верняк.

Моисей достал фотографию и зарычал.

– Ну? Есть желание расколоться?

– Да ты нас на понт берешь! – взвыл Ворон.

– Ага. Точно! Начнем? Лазарь. Твоя «правая рука», погрузившаяся в бизнес. Косяк, Лазарь. Ворон – ответственный, но пофигист, свято верующий в братское плечо. Веселков – милый паренек, проигравшийся в твоём казино, Моисей. Да, Гришаня? Динар... Говорят, у тебя сестра болеет и тебе очень нужны деньги. Да? Ну? Кто из вас? Не хотим...

Я взял ствол и навел на парней, рассматривая каждого, как через лупу. Считывал их эмоции, смотрел, как реагируют, чем выдают себя. Снял предохранитель и остановился.

Все проследили за прицелом и взрвели.

хлопок

– Пап! – знакомый голос прозвучал параллельно выстрелу. Я обернулся, в пороге стояла Янка, плотно сжимающая руками рот.

– Упс... Кажется, это был твой жених?

Глава 27

Олег

– Б**ть! Вас и кукурузу нельзя оставить охранять! Сколько можно вести беседы? Вот скажите мне, на каком языке с вами разговаривать? – я убрал ствол и обвел взглядом застывших парней. – Ну? Занавес опустить, чтобы вы рассосались?

Парни нервно подскочили и бросились врассыпную. Лазарев обернулся, блеснув растерянным взглядом. Конечно, теперь он все понял. Понял, что та сцена у дома Моисея была разыграна только для него. Потому что именно он привел Динара в «семью». Именно он нашел этого перспективного парня в закрытом клубе подпольных боев, где проводил почти каждый вечер. Обычный улыбчивый парниша днем и опасный боец, сражающийся до последнего, по ночам. Он почти полгода побеждал на всех боях, соперники не выдерживали и трех минут на ринге. За ним не тянулся след постоянных приводов в ментовку, да и в целом от общения с ним оставался лишь приятный осадок. К нему как-то быстро проникаешься доверием. Широкая, даже слегка детская улыбка обезоруживала всех. Но не меня.

Когда я изучал дела парней, как ни странно, обратил внимание на этого «идеального» паренька: высшее техническое

образование, отсутствие родственников, сплошные хвалебные отзывы. Он пахал на Моисея пять лет, оставаясь незамеченным только потому, что никто не смотрел на своих. А я очень люблю покопаться в «своем огороде». Затем мой взгляд зацепился за размытый шрам, больше похожий на ожог на его плече. Такие остаются после сведения татуировок. Ну, а все понятно стало лишь в амбаре у Макова, когда подошел почти вплотную к рингу. У всех бойцов были одинаковые наколки, в форме сжатого кулака.

Лазарь был правой рукой «папы», оставался за главного, пока того не было в городе. Только Серега имел все полномочия для «привлечения новой крови», так сказать. Но он предпочел заниматься внешними врагами, чем вычищать собственное гнилье. Как только переходишь в режим атаки, ослабляешь внутренние позиции. Разочаровал он меня. Очень...

Серега то сжимал кулаки, то расслаблял, поигрывая пальцами. Даже находясь на другом конце кабинета, слышал треск суставов. Напряженная челюсть, бледное лицо, но багровая шея. Он то и дело поднимал руку, касаясь шелковой бабочки синего цвета, и снова одергивал. Его растерянность была явной, практически нескрываемой, потому как невозможно проглотить подобное, не проколовшись. Он понимал, чего я жду. Понимал, что Моисей еле сдерживается, понимал, что только что ступил на дорожку из зыбкого песка. А воронку я ему обеспечу.

– Ворон, убраться этот мусор!!!! – прорычал он сквозь сомкнутую челюсть, едва сдерживаясь, чтобы не пнуть распластавшееся тело Динарова. Застыл на миг в дверях и обернулся, словно хотел что-то сказать, объяснить. Но, бросив быстрый взгляд в сторону Моисея, лишь кивнул и вышел.

– Найдите ее! – взревел Моисей вслед удаляющейся фигуре Лазаря. – Убью! Завтра же всех собакам скормлю, навозники! Будете овощные рынки охранять у меня!

– Я, пожалуй, пойду... – боролся с желанием ускориться, да что там ускориться – побежать. Сказать, что внутри все перевернулось – ничего не сказать. Ее голубые глаза были направлены только на меня. Она не взглянула ни на отца, ни на остальных свидетелей «казни», только на меня. Словно ждала, что я рассмеюсь и скажу, что это все шутка.

– Поговорить нужно! – Моисей старался дозвониться до дочери, но даже издалека было слышно, как монотонное щебетание автоответчика вновь и вновь повторяло, что телефон абонента выключен. Кто ж сомневался? Это же, чтобы ее успокоить, придется сначала побегать... Найти и уговорить выслушать. Точно Кролик! Пристально смотрел на циферблат часов. Плавный ход секундной стрелки помогал сосредоточиться и успокоиться.

– О чем? – остановился в пороге, прислушиваясь к крикам из коридора. Лазарев орал так, что дрожали стены. – А вообще, мне некогда.

– Хм... Порой мне хочется прихлопнуть тебя! За то, что

ты всегда на два корпуса впереди. Тебя вроде нет, но все крутится вокруг. Молчишь, но делаешь. Кто ты? Кто ты, черт побери? Тебя прислали, чтобы меня заменить? Да? – Моисей встал и выпустил в воздух огромные кольца дыма. – Свалили отсюда! – взвыл он, когда в кабинет вбежали уборщики, чтобы прибрать «грязь».

– Ну, а что тут плохого, если и так? – я снял бабочку и закурил, внимательно рассматривая побагровевшее лицо Моисея. – А вообще, я не понимаю, о чем ты...

– Дочь не трогай, – почти шепотом сказал Моисей, садясь обратно в кресло. Старик опустил голову, сложив руки на фотографии, где был изображен Динар в сауне с Корнеем и Маковым.

Что тут сказать? То, что я жажду того момента, когда прикоснусь к ней? До треска в суставах, до головокружения и сухости во рту? Хочу прижаться и вдохнуть облако нежности и спокойствия. Или то, что его любимую дочь бьет током рядом со мной? Рассказать, что я пробуждаю в ней самые низкие желания, ради которых она готова на безбашенные поступки? Сказать нечего, поэтому я просто вышел, оставив старика думать. Пусть... Пока думает, глупостей не наделает. Мои мысли прыгали, судорожно пытаюсь определить, чем заняться в первую очередь. То ли помчаться разыскивать Янку, то ли посмотреть, чего там Лазарев зверствует.

– Стоять! – краем глаза заметил выбегающего Куранова. – Где?

Ему не нужно было повторять два раза, Андрюха быстро достал телефон.

– Домой. Она едет к себе домой.

– Хорошо, кто стоял на входе?

– Они у Лазарева в кабинете. – Андрей кивнул на узкую лестницу, ведущую в подвальное помещение. – Что делать? Я поехал?

– Она на чем уехала?

– На машине.

– Подожди меня, вместе поедem. – Я быстро спустился по ступенькам, открывая стеклянную дверь.

Лазарев расхаживал по кабинету и размахивал стволом, выкрикивая трехэтажный мат, среди которого не было ни единого человеческого слова. У стены стояли трое охранников, которые и дежурили у входа в приемную Моисея.

– Ну? Чего истерим? – быстро выхватил ствол у Лазаря и поочередно стал палить охране по ногам. Пули едва касались кожаных туфель. Кабинет наполнился густым запахом пороха и человеческого пота. – Чего с ними разговаривать? Гонять их надо. Кто пропустил Яну Викторовну?

Я продолжал палить, параллельно доставая свой ствол. Парни подпрыгивали, внимательно следя за направлением пистолета. Они пытались предугадать цель, пытались выжить, двигаясь так быстро, как только могли двухметровые качки. Идеально зачесанные волосы растрепались, а костюмы, сшитые на заказ, стали потрескивать от резких взмахов

ногами.

– Я! – крикнул самый мощный.

– О! Ты станешь моим любимчиком, а то Сизова больше нет... А жаль, – я замер и всадил последнюю пулю в ногу охраннику. Он взвыл и согнулся пополам, но все же остался стоять на ногах. – Скорую не вызывайте, наверху достойные люди отдыхают.

Лазарев забрал свой ствол и быстро кивнул, не проронив ни единого слова. А чего тут говорить?

– Я могу доверить тебе Моисея? Или тебя тоже пора учить танцевать? – перезарядил обойму, внимательно рассматривая реакцию Сереги, но он не дрогнул. Не скрывал злости, растерянности, но радовало то, что прекрасно понимает, что заслужил такое отношение. Он снова сделал быстрый кивок и, наконец-то, поднял на меня глаза.

– Скажешь, что нашел ее, что дома уже. Завтра она сама придет. И не дай Бог, я увижу его у себя в квартире, – засунул ствол в кобуру под пиджаком и быстро выбежал из кабинета. Куранов стоял на месте, продолжая попытки дозвониться до Яны.

– Скала, ее телефон не выключен. Он пропал. Я его больше не вижу! – он нервно тряс в воздухе смартфоном....

Сердце остановилось лишь на пару секунд. И то только для того, чтобы успокоиться. Я взлетел на шестой этаж так быстро, как только мог. Боялся, что лифт окажется мед-

ленной или просто застрянет. Мозг пульсировал от коротких мыслей, раздражающих нервы. Остановившись у светлой двери, пробежался пальцами по косяку, ощущая еле ощутимый сквозняк, характерный для неплотно закрытой двери. Черт! Чуть толкнул дверь, и она бесшумно открылась. Выдохнул и вошел.

Ни в одной комнате не горел свет. Просторная квартира была погружена в темноту ночи, лишь в незашторенные окна проникал свет фар, проезжающих мимо машин. Яркие вспышки пробегали по стенам, лениво и вскользь обнажая рельефные рамы картин, подсвечивая цветную мозаику бра. Мебель практически отсутствовала, открывая взгляду абсолютно чистое пространство.

Тишина стала напрягать, казалось, что мои шаги способны разбудить весь дом. Продвигаясь все дальше, осматривал каждую комнату, где двери были открыты. Попытался прислушаться к внутреннему голосу, но он молчал. А чего говорить, если и так все понятно....

– О! Какие люди! – тихий мужской голос заполнил тишину. – Я уже и не рассчитывал, что ты примчишься спасать свою сучку!

Зажмурился, проигрывая этот голос снова и снова. От одного только чуть шепелявого звука, на голове зашевелились волосы. Нет, не злость, а настоящий тягучий гнев прокатился обжигающей волной по всему телу. Как только услышал шум приближающегося автомобиля, вошел, успев выхватить из

темноты искаженное ухмылкой лицо. На кресле сидел Маков-младший, а на полу у его ног в неестественном положении была зажата Янка. Он держал одной рукой ее за волосы, чуть запрокидывая голову, а вторая прижимала стальное лезвие к горлу, даже в темноте были видны капли пота, стекающие по ее фарфоровой коже. Рот был заклеен скотчем, ноги и руки связаны вместе. Как только она мельком взглянула на меня, то громко выдохнула, а по щекам потекли слезы. Она даже как-то расслабилась и прикрыла глаза, будто собиралась отдохнуть.

– О! Какими судьбами? – я скинул пальто в пороге, затем немного помедлив, сбросил и пиджак.

– Дальше! – Маков кивнул на кожаную кобуру, ремни которой пересекали мои плечи.

– Боишься? Правильно. Бойся, сука! – я щелкнул пряжкой и скинул кобуру прямо со стволом. Резкий звук глухого удара заставил Макова вздрогнуть. Он стал вращать головой, будто и вовсе забыл, где находится.

– Ты не в том положении, чтобы выбирать тон разговора. – Маков наконец сфокусировался на мне.

– Хм... Ладно, диктуй. Чего хотел-то? – глаза уже привыкли к темноте, поэтому стали бросаться в глаза силуэты мебели. Чуть осмотрев комнату, сел на кресло прямо напротив ночного «гостя». Наклонил корпус вперед, облокотившись о колени. Неестественная худоба лица, слишком глубокие впадины под глазами, резкое искривление носа, ну и

главный признак – неспособность сконцентрироваться. Его глаза бегали по стенам, опускались к полу, мельком осматривали Янку и вновь возвращались ко мне.

– Я? – Маков немного растерялся и неосознанно ослабил хватку руки. Заметил, как волосы стали рассыпаться, падая на трясущиеся плечи. Я думал только о том, чтобы автомобили перестали проезжать по мостовой развязке, потому что мне просто необходима была темнота.

– Ты же пришел в гости к даме. Поэтому говори и разойдемся, – резко наклонился, как только очередной автомобиль, поднявшийся на мост, осветил комнату, внимательно следя за его реакцией. И без того широкие зрачки увеличились, выдавая затуманенное сознание. Он был как робот: не понимал до конца, зачем он тут, чего собирается добиться приставленным ножом. Но я-то знал абсолютно точно, что мне не нравится холодное оружие у ее шеи.

– Ты грохнул моего отца! – Зашипел он, скользя ножом по коже от ключицы до самого уха. Хотелось взречь и броситься на него. Но не мог, потому что она напугана и может дернуться...

Яна

Все его движения были резкими. Они несли прямую угрозу, даже мне стало страшно. Пыталась дышать ровно, как он учил. Но не могла. Я вновь и вновь проклинала себя за то, что выбежала из казино, не предупредив Куранова. Я стояла

на крыльце в одном только кружевном платье.

Снежинки кружились и падали рядом, облетая меня стороной, но я все равно задирала голову, в надежде получить хоть каплю прохлады. Казалось, что снежные фигурки тают еще на подлете, осыпаясь на ладонь уже горячей каплей. Хотелось растереть кожу, чтобы успокоить места ожогов, но не помогало.

Не помню, как запрыгнула в свою машину. Не помню, как въехала в подземный паркинг своего дома. Но отчетливо помню приторно-сладкий запах мужского парфюма, окутавший меня на лестничной клетке. Я задумалась, но все равно достала ключи от квартиры, чем и поплатилась....

– Ты грохнул моего отца! – зашипел парень и сильно прижал нож к моей шее. Дрожь стала уходить, а я не могла отвести взгляд от Олега. Он сидел на кресле, широко расставив ноги, а расслабленные руки лежали на подлокотниках, бликуя запонками. Шея была расслаблена, широкая грудь, обтянутая белоснежной рубашкой, расстегнутой на несколько пуговиц. Только глаза... Его глаза даже в темноте сверкали, заставляя сжиматься в комок. Какой-то неконтролируемый поток энергии волнами накрывал меня, обдавая то теплом, то таким мертвецким холодом, что сердце останавливалось, а кровь застывала в венах, парализуя тело.

Фары машины пересекли его лицо, и я расслабилась. Мне было важно увидеть его сосредоточенный взгляд. Он не смотрел на меня, не спускал взгляд с того, кто сжимал ме-

ня между своих ног. Как только комната осветилась, Олег дернулся. Парень сдавил мою шею, отпустив волосы, сжатые в кулак. Обе его руки обхватили шею, медленно стискивая. Но Олег лишь достал пачку сигарет и закурил, выпуская мощную струю дыма в воздух. Он отворачивался, осматривая комнату, скользил взглядом по мебели... Но только не смотрел на меня.

– Говори, и я пойду. – Олег снова затянулся, сконцентрировавшись на парне.

– Как пойдешь? А как же твоя сучка?

– Кто? Она? – он замер и бросил на меня быстрый холодный взгляд. Мороз побежал по телу, выстреливая в самое сердце, захотелось зареветь, но не могла. Не могла... Осталось только смотреть на то, как на красивом лице растягивается ленивая улыбка. – Моя сучка дома ждет меня. Ты что-то путаешь, Мишаня.

– Короче, мне по*уй, кто она тебе. Я знаю, что ты постоянно трешься около нее, вот и решай проблему.

– Не люблю решать чужие проблемы.

– Это ты грохнул моего отца! – заорал парень и чуть ослабил хватку, чтобы нагнуться. Я ощутила горячее дыхание у своей щеки. – Деточка, посмотри на этого дяденьку. Это из-за него ты тут сидишь. Именно из-за его неумемной энергии ты можешь сегодня больше не увидеть рассвет, ну, или закат, все зависит от того, как долго он будет строить из себя ледяную глыбу!

– Всё? – Олег сделал еще одну затяжку и внимательно осмотрел сигарету, задержав взгляд на тлеющем кончике.

– В смысле? – парень чуть привстал. Я ощутила свободу, стало легко дышать. Открыла глаза, наткнувшись на прищуренный взгляд зеленых глаз. Олег играл пальцами, выбрасывая в воздух четыре, потом три, потом снова три и четыре, затем два...

Это знак? Это знак! Я перестала дышать, наблюдая за его левой рукой, свисающей с подлокотника кресла. Два... Два... Что я должна сделать? Напасть, дернуться? Побегать? Чего бы хотел он. Я вновь подняла глаза, но только на миг. На один короткий миг. Потому что видела тот взгляд... Он хотел бы, чтобы я была в безопасности. Пригнуться?

Один.... Я дернулась вниз, прижимая голову к полу. Руки парня пытались меня схватить, а потом меня придавило. Все тело было прижато к полу какой-то тяжестью. Пыталась напрячься, чтобы услышать или повернуть голову, но на затылок легла большая рука. Так плавно и тихо, отвлекая от всего происходящего. Олег зарылся пальцами в волосы, слегка массируя кожу. Мурашки побежали по спине.... Он крепко держал меня, не давая возможности повернуться...

– Всё... Уже всё! – я смотрела, как пол отдаляется, стало так мягко и тепло. Хорошо и спокойно. – Всё... Уже всё...

Услышав его тихий голос, почувствовала, как он усилил хватку на затылке, прижимая меня к себе. Нагнулся и поднял пальто, накрывая меня с головой. Он прижимал к себе

так крепко, будто чего-то боялся. Всем телом ощущала его тепло и вибрацию. Он говорил с кем-то по телефону, спускаясь по лестнице. Медленно. Ступал по ступеням, стараясь не тревожить мой мир, ограниченный его теплым пальто. Чувствовала его аромат и засыпала. Наверное, это хорошо, что Олег не сорвал скотч, потому что очень хочется плакать.

Нет! Хочется реветь, разрывая глотку нечеловеческим криком. Хочется бить руками по тому, что может принести боль. Хочется ощутить не ту пыточную боль, которую испытывала, сидя в ногах у какого-то мужика. Хотелось физики. Чтобы отнимались руки, чтобы болело горло. Но сейчас я в плену. В его плену.

Договорив по телефону, он просунул левую руку под пальто и так легко пробежался по ногам, затем замер. Он остановился, и я снова взмыла в воздух. Теплое, ставшее безопасной броней пальто, рухнуло. Олег посадил меня на широкий подоконник, положив ладони на трясущиеся колени. Большие пальцы стали выписывать круги. Чуть сильнее, чем обычно. Он надавливал и не отрывал глаз, продвигаясь все выше и выше...

– Тш-ш-ш-ш-ш, Кролик! Смотри на меня. В глаза! Никогда не отводи глаз. Ты помнишь, да? – он был так близко, что наши носы касались. Его дыхание окутывало, а шепот заставлял дрожать. Он взял меня за подбородок, приподнимая чуть выше. – Сейчас я уберу скотч. Хорошо?

Мне ничего не оставалось делать, как кивать. Я затрясла

головой так быстро, что спутанные волосы рухнули на глаза, занавесив весь вид.

– Кролик... – он аккуратно отодвинул взлохмаченные пряди и опустил руку в карман, но чуть подумал и сел на корточки. На мне была только одна туфля. Черная замшевая лодочка, с мелкой россыпью камней на металлической шпильке. Олег улыбнулся и, оттянув скотч, рванул его зубами, освобождая затекшие ноги. Теплые пальцы обхватили щиколотки, разминая место, где их сжимали путы. Затем поднялся и, резким движением разодрал ткань платья по шву.

Мягкость в его руках исчезла, да и улыбка растаяла. Фонари погасли, как по щелчку волшебника, зато любопытный свет луны просачивался, делая его резкое лицо еще тверже. Его взгляд пробежал по безвольно свисающим ногам, остановившись на черных шортах под разорванной кружевной тканью. Быстро рванул ленту и обхватил обеими руками затылок. Подушечки больших пальцев больно прижимались к косточкам скул, но я не чувствовала, потому что смотрела в зеленый омут. Лунный свет делал зелень ярче. Олег подцепил край ленты и резким движением сдернул его.

Боль... То, чего хотела, ужалило меня всей своей мощью. Перед глазами заплясали светлые круги, но изо рта так и не вырвалось ни звука, потому что внезапно на меня обрушились теплые губы. Расслабив челюсть, выпустила застрявший крик. Олег судорожно сжимал мое лицо, прижимая к

себе. Крупная дрожь пробивала обоих, отчего зубы стучали друг о друга, вторя ускоренным ритмам сердец.

– Т-ш-ш-ш... – он поднял меня, словно пушинку и, обернув в пальто, прижал к себе. Я расслабилась и прижалась щекой к вибрирующей груди. Вдохнула пьянящий аромат, пальцы стали быстро расстегивать крохотные пуговицы. Желание притронуться к коже, ощутить неровности шрамов, а главное – повторить ритм биения сердца на его татуировке. Почувствовала, как он вздрогнул и прижал к себе еще крепче. Грудная клетка заболела, но я застонала, не понимая то ли от удовольствия, то ли от боли.

– Свободен. Лазаря предупреди, – резкий холод обжог обнаженные ноги. Не слышала, кому он это сказал, знала только то, что я в полной безопасности. Он не выпустил меня даже тогда, когда сел на водительское сидение, отодвинув его как можно дальше. Переключал передачи, придерживая руль коленом, потому что его левая рука лежала на моей поясице, прижимая к себе до боли, до стога и неспособности дышать. ...

А зачем дышать? Сейчас мне кажется, что я могу жить и без этого постылого кислорода. Могу смотреть на него и пьянеть от ощущения правильности происходящего. Могу наслаждаться головокружением от того, что он не выпустил меня из рук, пока мы не вошли домой...

– Где? Где ты был? – вдруг какой-то чужой шепот резанул слух.

– Почему? Почему ты опять сбежала? – Олег рывком скинул свое пальто и резко припечатал меня к стене. От удара весь воздух вылетел из легких.

– Я знала... Знала, что ты придешь!

– Замолчи! Замолчи сейчас же! – Олег приложил большой палец к моим губам и надавил. – Я хочу тебя. Хочу всю, без остатка и вечных вопросов... Я хочу тебя трезвую! Хочу видеть, как ты краснеешь и сводишь брови, пытаясь не улыбаться! Но, прежде чем я начну делать глупости, ты должна понять, что у меня не будет другой жизни. Ты должна принять меня!

– Я буду рядом всегда. Я верю тебе. Только с тобой я чувствую себя живой. Только с тобой мне не нужен воздух, чтобы жить. Только с тобой мне хочется краснеть и таять от каждого прикосновения. Я пойду за тобой, куда бы ты меня не завел!

– Однажды ты пожалеешь о том, что сейчас сказала, и я отпущу тебя. В тот же миг отпущу, разомкнув руки, и позволю уйти. Но сейчас мне не хочется об этом думать.

– Даже когда ты разомкнешь руки, я останусь рядом. – Это были последние слова, которые мне удалось произнести, прежде чем его губы обрушились на мои.

Настойчивым поцелуем, он вытягивал из меня остатки страха, укрепляя только желание. Желание физическое, граничащее с чем-то неосознанным.

– Нет, сегодня будет романтика... – тихо рассмеялся он

и, оторвав меня от стены, понес в свою спальню. Темнота не могла скрыть расслабленного лица. Казалось, что резкая линия скул стала мягче, протянула руку и легкими движениями пальцев, стала выписывать круги.

Олег положил меня на мягкую кровать, раскинув руки в стороны. Он не произносил ни слова, но и не нужно. Это было лишним, потому что каждое его движение заставляло трястись от желания. Видела его взгляд, чувствовала мелкую дрожь его тела и неровное биение сердца.

Он подцепил кружево и одним быстрым рывком разорвал, выбрасывая в угол. На мне остались только шорты с высокой талией и топ. Рванул бретельки и эластичный топ, отпружинив, скатался в тонкую полоску под самой грудью, приподнимая ее.

– Ох!!!.. – его громкий вздох ударил прямо в сердце. Из глаз хлынули слезы и покатались бурным потоком, делая все происходящее нереальным, сказочным.

– Моя... – повторял он, скатывая шорты. Пальцы сильно вжимались в кожу, медленно скользя все ниже и ниже. Живот обжигало горячее дыхание, а потом я резко взметнула в воздух и упала на живот, а Олег продолжал медленно стягивать эти ужасные шорты! Мне хотелось захныкать от нетерпения и поерзать на кровати, демонстрируя недовольство. Но не могла....

Двигаясь миллиметр за миллиметром, он умудрялся больно прикусывать оголяющуюся попу. Закусывая кожу зубами,

легкими движениями ласкал ее языком. Такое двойное ощущение, когда тебе вроде больно, но в то же время от каждого касания низ живота сжимался. Я не понимала, что болело, где болело, но знала, что мне хорошо... Однозначно...

Олег

Она сгребала простынь напряженными пальцами. Белоснежная кожа попы стала розовой, мелкие укусы стали проявляться. Кровь прилиwała к раздраженным местам, но я не мог больше держаться. Не сегодня. Только не сегодня. Как только она оказалась абсолютно голой, скинул рубаху и прижался к ней, впитывая тепло, по которому так скучал холодными ночами. Сердце-предатель отказывалось подчиняться сигналам мозга, продолжая биться о грудную клетку всей своей мощью.

Сегодня она мой кислород, только мой...

Перевернул податливое женское тело на спину, упиваясь белой, почти прозрачной кожей. Розовые соски-бусинки напряглись, сжавшись до размера жемчужины. Они торчали, притягивая все мое внимание. Щеки пылали ярким румянцем, а нижняя губа была закушена, отчего появились два передних зуба. Пробежался мелкими поцелуями от уха до ключицы. Именно там, где скользило лезвие ножа. Сердце ждалось от этих воспоминаний, но она забудет. Я буду помнить, но Яна забудет.

Чередуются едва ощутимые поцелуи с резкими укусами, дви-

гался все ниже, заставляя ее извиваться. Из глаз бежали слезы, а вскрики от боли сменяли стоны, такие глубокие, затягивающие в самую глубь омута, куда я собственноручно входил...

Отстранился, чтобы скинуть оставшуюся одежду. Янка тут же вскрикнула и судорожно стала сжимать мою руку. Она выгибала спину, от глубоких вдохов пресс напрягался, очерчивая каждый мускул. Каждая клетка тела вспыхнула огнем, ощущение бушующего жара расплавляло мой мозг. Мог только думать о том, что хочу быть в ней. Сейчас. Немедленно. Скинув брюки, схватил ее за бедра и притянул к себе. Длинные волосы, хранящие ее волшебный запах, упали на мои плечи.

– Я всегда буду с тобой... Оставлю семью и приму тебя таким, какой ты есть... – Янка обвила меня ногами, прижимаясь так крепко, как только могла. Пальцы короткими пробежками ласкали шею, она откинулась назад, демонстрируя всю себя. – Всего тебя... Навсегда....

Не мог больше сдерживать себя... Хватит ...

Глава 28

Олег

Яркие лучи как-то резко предприняли попытку ослепить. Дернул рукой, пытаясь прикрыть глаза, но рука не слушалась, будучи прижатой чем-то теплым. Вдохнул глубоко носом, заполняя легкие легким, ненавязчивым ароматом. Приоткрыл глаза и уткнулся в светлый затылок. Янка лежала на моей левой руке, подложив ладонь под щеку. Пальцами ощущал жар размеренного дыхания. Правой рукой придвинул хрупкое тельце к себе, впитывая все тепло. Громкий вздох разнес утреннюю тишину комнаты в клочья.

Стоило только коснуться ее обнаженного тела, ощутить податливость, с которой она прижалась, не мог больше контролировать себя. Пальцы сами стали выписывать круги по ребрам, соскальзывая к груди, будто случайно. Указательным пальцем кружил по окружности, забираясь к вершине соска. Ее дыхание стало учащаться, а сердце заколотилось, заставляя тело биться мелкой дрожью. Грудь вздымалась, замирая на мгновение на вдохе. На выдохе опускал руку к животу, прижимая к себе все крепче, чтобы дать почувствовать всю силу желания.

– Я не выпалась. – Ее шепот, наполненный таким глубоким хрипом, вырвался будто нечаянно, случайно. Тихое хи-

хиканье не могло не вызвать улыбку.

– Детка, ты же еще молода. Тебе должно хватать пары часов, чтобы восстановить силы. – Прижался губами к ее плечу, вырисовывая круги языком по коже.

– А ты-то не молод...

Как только я добрался до бедер, ее дыхание стало прерываться, а голос и вовсе пропал. Розовые губки то открывались в безмолвии, то плотно сжимались, образуя абсолютно прямую линию.

– Я за тебя переживаю. Вдруг сердечко не выдержит? Годиков-то немало!

– Не переживай за мои годики, – двигаясь как можно медленней, скользил по округлому бедру, то спускаясь к его внутренней стороне, то вновь поднимая руку к острой коленке. Кролик все ощутимей прижималась своей крохотной попкой, сжимая обеими руками мою руку. Острые коготки впивались в кожу каждый раз, когда мои пальцы соскальзывали к бедру. – Не забивай свою хорошенькую головку ненужными проблемами...

– А есть проблемы нужные? – крохотные кулачки сжались до белизны костяшек. Яна отпустила мою руку и обрушила всю волну своего напряжения на подушку. Выдернула ее и прижала к груди, смяв своими ладошками. Она крутила головой, разбрасывая длинные локоны по светлой простыне. Одеяло съехало, открыв всю красоту тела. Тонкие руки прижимали подушку к груди, то ли пытаясь прикрыться, то ли

как оружие для сдерживания возбуждения, бьющего через край. Пробежался пальцами по длинной шее, накрутив выбившийся локон на палец. Чуть потянул, заставив повернуть лицо.

– Есть, Кролик... Ты моя проблема. Прямо до основания черепа проблема, до костного мозга. И нужная, очень нужная! – не хотел, да и не мог больше сдерживаться. Пробежался по ребрам, положив руку на упругую попку. Подушечками пальцев ощутил бугорок длинного, чуть изогнутого шрама, рубец которого был светлее, чем тон кожи. Рваная линия пересекала всю ягодицу, разделяя надвое. Как «до» и «после» ...

Руки понимали, что они делают, а мозг растекся от приятного осознания обладания всем: каждым вздохом, взглядом, стоном. Спустил левую руку, сжав грудь в ладони. Тяжелое дыхание на выдохе превращалось в подобие глухого рыка. Все это принадлежало только мне, привыкшему не обладать тем, чем никогда не захочется делиться. А ею я никогда не буду готов делиться. Никогда... Впервые за долгие годы. Впервые.

– Мне нравится быть твоей проблемой, – Янка резко перевернулась на спину, обвив руками меня за шею. Тонкие пальцы зарылись в волосы, чуть впиваясь ногтями в кожу. – Когда у человека есть проблема, он постоянно думает о ней. Каждую минуту, секунду! А я хочу всегда находиться на первой странице твоих дел. Хочу, чтобы около моего имени сто-

ял, как минимум, миллион восклицательных знаков. Хочу поселиться в твоей голове. Надолго! Нет, навсегда!

– Какие нелепые мысли закрадываются в твою головку по утрам! – подхватил ее под колени, разведя ноги в стороны. Янка закусила губу и в одно мгновение покраснела. Она откинулась, подняв глаза к потолку. – Глаза, Янина Викторовна... Никогда не отводи свой взгляд!

Как только синева глаз окутала меня тягучей нежностью, почувствовал облегчение. Какая-то странная мысль пролетела в голове со скоростью света, но в данный момент не мог думать. Мог только смотреть, наслаждаясь податливостью изящного тела. Одним толчком вошел в нее, наслаждаясь каждой эмоцией, вбирая каждый вскрик, выпитывая каждый стон, сотрясаясь от всхлипов, заглушаемых прикрытым ртом. Янка отбросила подушку, нервное движение было переполнено смущением, неуверенностью. Чуть помедлив, она закинула руки вверх, открывая всю себя. Для меня...

... – А папа?

Янка тихо вошла в кабинет, быстро осмотрелась и машинально поправила новые черные подушки на диване. Как только убедилась, что больше ничего не требует ее вмешательства, подняла на меня глаза.

– Хм... – захлопнул ноутбук и внимательно стал рассматривать Кролика. Она крепче затянула полотенце, придерживая его у груди. – А что папа?

– Как мы скажем ему?

– Ян... А мы пока ничего говорить не будем.

– Как?

– А вот так. – Заметил, как она вздрогнула, весь румянец с лица исчез. – Кролик, мы с тобой договаривались, что ты не лезешь в мои дела, а я со снисходительностью смотрю, как ты перекраиваешь мою квартиру. Ну, и рубашки.

– Не смешно, – Янка чуть прищурилась, словно пыталась понять шучу ли я. – Это мой папа!

– Ян, для меня он Моисей. – выкатился на кресле в центр кабинета. – Ты, наверное, рассчитывала, что с самого утра мы с тобой купим торт и отправимся знакомиться? И твой папенька со слезами на глазах даст свое благословение и позволит называть его батей? Да, мой добрый Кролик?

– Олег, это не смешно, – Янка надула губу и отвернулась, наивно пытаясь скрыть влажность глаз.

– Вот именно поэтому, Кролик, тебе проще было бы пройти мимо дяди Олега. Я предупреждал, ты согласилась. Подписала договор. А я терпеть не могу, когда кто-то нарушает условия. Могу и ремень снять... Теперь мы будем играть только по моим правилам! – оттолкнувшись ногой, подкатился на стуле, затормозив только тогда, когда уперся в ее голые ноги. Чуть сдвинул край полотенца, прижимаясь ладонями к еще влажной коже. – И первой, кто будет беспркословно следовать правилам, станешь ты. А я буду следить за тобой. Всегда.

– Нет! – ее глаза вмиг превратились из голубых в прозрачные, зрачки сузились, губы сомкнулись в жесткую линию.

– Да, Кролик, да! Ты вчера все сказала. Никто за язык не тянул. Со мной, несмотря ни на что. За мной даже на войну, а если потребуется, и патроны подносить будешь! – чуть раздвинул ее ноги, проскальзывая рукой в самое теплое место в мире. На это невозможно насмотреться. Невозможно устать наслаждаться зарождающимся возбуждением женского тела.

– И на танке научишь ездить? – еще недавно уверенный голос пропал, уступая место то и дело пропадающему шепоту.

– Вот с танкистом тебе не повезло! Не прошел по росту. Могу только покатать на мотоцикле.

Не мог не рассмеяться. Подхватил ее, усаживая ее себе на колени.

– Правда?

– Как ты там сказала? – прищурился, делая вид, что вспоминаю что-то важное. – Честное Крольчачье!

– Хватит, – Янка ущипнула меня, устраиваясь удобнее. Она прижималась щекой к плечу, обдавая горячим дыханием шею. Пальцем зацепила цепочку, заставляя нагнуться ниже. – Меня и так все стали называть Кроликом из-за тебя! Это уже не тайна! Вот если меня снова украдут, то, как мне понять, что пришли от тебя? Как?

– Ну... Я буду называть тебя танкисткой, хочешь?

– Еще как! А каску выдашь?

– Ага! И бронжилет. А еще ремня дам, если будешь шляться по городу без Куранова. Ясно?

– Я-я-я-ясно... Предельно!

– Даже если поругаемся, ты не посмеешь выйти на улицу одна. Никогда. Будешь сидеть в комнате, пока не упокоишься. Это первое правило.

– Черт! Можешь, огласишь все правила сразу? – Янка сморщила нос и откинула голову, чтобы заглянуть мне в лицо.

– Нет, так будет неинтересно.

– А так неинтересно мне!

– Ой, вот над «интересностью» я могу поработать. Хочешь? – обхватил тонкую лодыжку, задирая ногу вверх.

– Хочу! Уже час, как хочу! Сильно хочу. Сильнее сильного. Уж начала сомневаться в твоих способностях «интересовать» девушку. – Захихикала, прикусывая нижнюю губу, но резкая трель домофона разрушила далекоидущие планы вернуться в спальню.

– Оденься, – поставил Янку на ноги и направился в коридор. – И прекрати шляться голой по утрам!

– Даже если мне хочется побезобразничать? – звонкий смех разлетелся по всей квартире.

– Яна! Оденься! Полностью. И выкини все свои шорты, – крикнул, подходя к входной двери. – Да!

– Открывай, медведь пришел! – знакомый голос донесся из трубки домофона.

– Зверинец какой-то, – проворчал, но все же нажал кнопку на пульте. Натянув футболку, осмотрел квартиру на наличие посторонних вещей и открыл дверь. На лестничной площадке стоял Мара.

– Кто ходит в гости по утрам, тот поступает мудро? – рассмехался Илья, протискиваясь между мной и дверным косяком. Как только мощное тело друга скрылось в квартире, перед глазами возникла понурая фигура Лазаря. Он переминался с ноги на ногу, не решаясь поднять и головы.

– Ну?

– Мириться пришел. Шею побрил, помыл, так сказать, приготовил к отсечению. – Лазарь скинул спортивную шапку и продемонстрировал новую прическу.

– Волосатым ты мне нравился больше! – Серега состриг волосы, пожертвовав модельной стрижкой. – А теперь даже не знаю. На гопника похож. А у меня в квартире жесткий фейс-контроль.

– Ну? Дашь пройти или так и будем тут стоять?

– Проходи. Но в кабинет, – толкнул ногой дверь, пропуская понурого Лазаря.

Мартынов уже распаковывал привезенные пакеты с едой, включив телевизор на кухне как можно громче. Видимо знал, что Лазарев его притащил сюда не плюшками баловать-ся.

– Давай... Рассказывай. – Я закурил, открыв балконную дверь. Морозный воздух ворвался в душное помещение,

проветривая голову. Свежие мысли мне сейчас пригодятся.

– Я не знаю, зачем пришел. Мог бы и не приходить, потому что ты мне никто. – Лазарев закурил и вышел на балкон, прислонив голову к покрывшемуся морозным узором стеклу. Стоял, всматриваясь в пасмурное, с некоторыми проплешинами ясности, небо, пожевывая губами фильтр. Он гонял сигарету из одного уголка губ в другой, напряженно о чем-то думая. На лице не дрогнул ни один мускул, даже его фирменная полуулыбка сейчас больше походила на оскал.

– И я не знаю, зачем ты пришел. Если честно, то и не ждал тебя сегодня.

– Я нашел его в бойцовском клубе. Встретил совершенно случайно за кулисами, когда шел искать приглянувшуюся танцовщицу. Он стоял в туалете, смывая с лица кровь. Было видно, что у него переломаны ребра, но он продолжал драться, изматывая соперника быстрыми перемещениями по рингу. Он был другим. Когда я влился к Моисею, то попал в среду настоящих бандюг. Они говорили на «мате», считая это нормой. Это было стадо, которому выдали оружие. А Динаров был таким спокойным, рассудительным. Да, что я тебе рассказываю. Ты и сам уже все знаешь. Порой мне кажется, что если тебя попросить, то ты выдашь обо мне такую тайну, что я сам буду не в курсе. И страшно. Даже мне страшно! Что ты знаешь? Нет, чего ты еще не знаешь? Ты всеми нами играешь. Смотришь, как мы врем, утаиваем. А ты смеешься, потому что все знаешь. Кто ты? – Серега распахнул створку

окна и вытащил голову, сделать несколько вдохов. – Расскажи мне, Скала. Где та грань между Скалой и Призраком? Как ты живешь, ходя по тонкой ниточке? Самому не страшно?

– Страшно. Но давай я поплачу на твоём плече о собственных страхах чуть позже? Говори?

– Что? – резко спросил Лазарь, затушив сигарету, и обернулся, сверкнув взглядом карих глаз.

– Спрашиваю еще раз, зачем пришел?

– Мириться.

– А я с тобой и не ругался.

– Боже упаси! – лицо чуть смягчилось, а губы дрогнули в подобии улыбки. – Хочу, чтобы в моей голове было ровно столько отверстий, сколько Бог выделил на раздаче.

– Хм... Верующий? – с кухни стал доноситься смех, смешанный с характерным для спортивного канала громким звуком.

– Когда заканчивается вера в человека, начинается вера в Бога! – Лазарев нахмурился, с интересом выглядывая в неприкрытую дверь.

– Хватит философии. В Бога я тоже верю тогда, когда задница горит, поэтому можешь говорить коротко и честно.

– Я не думал, что ты окажешься прав! Сука! До последнего не верил! – Лазарев в два шага пересек кабинет, застыв в паре сантиметров от меня. Он поднял руки, намереваясь схватить за ворот футболки, но замер. – Ты думаешь, мне не противно? Ты думаешь, я не понимаю, что если и сложу

голову где-нибудь в поле, как Кирилл и другие, то за дело? Всё я понимаю.

– Тогда, тем более, чего пришел? Ты же смирился со своей виной и даже уже принял участь.

– А то, что не привык опускать голову. Я буду до последнего карабкаться, слышишь? Пришел сказать, что не сдамся просто так. Я Моисею многим обязан, он достал меня из такой глубокой ямы, что до конца жизни не отмолю. А к тебе пришел сказать, что если дашь еще один шанс, то пойду с тобой. Это Корней, да?

– Лазарь, я не хожу на дело с теми, кто уже однажды проштрафился. Не готов я сейчас сдохнуть.

– Ты же знаешь, что я не подведу!

– Нет, Серег, я уже давно не верю людям. И тебе я тоже больше не верю. Но наказывать я тебя не намерен. Как ни странно, но ты мне еще понадобишься.

– Ну... Мальчики? Мы завтракать будем? – в кабинет заглянула Янка. – Очень есть хочется!

– О! Кролик? Ты как заползла в эту норку? Тебе папа не говорил, что с волками нельзя дружить? – Лазарев рассмеялся, его лицо расправилось.

– Папа еще говорил, чтобы я тебе тоже особо не доверяла! – Янка высунула язык и убежала.

– Видишь, даже ребенок понимает, что с тобой нельзя идти в разведку!

– Я подозреваю, что это влияние «скальных волков». – Ла-

заль неуверенно протянул мне руку. – Но я готов поработать над собственной репутацией.

– Посмотрим...

– Ну? И чаем напоишь? – Лазарев опередил меня, вбегая в кухню.

– Сереженька, ты разве не знаешь, что в этом доме водятся только кофе? Причем минимум двадцати сортов! – Янка распахнула шкаф, продемонстрировав одинаковые жестяные короба с зернами.

– Не нравится, не пейте. К тому же, я не особо настаиваю, да и в гости никого не звал. Да, Мажор?

Илья развалился на стуле, неотрывно наблюдая за происходящим на экране телевизора. Он, как обычно, был одет с иголки: белые джинсы, голубая джинсовая рубашка и оранжевые носки.

– Нет, ну точно Мажор! – пнул по ногам, проходя мимо.

– Э... Сам меня отучал выделяться. Вот я и эпатирую втихую, так сказать. Мне хорошо, а вам весело! – Мара задрал ноги, шевеля пальцами.

– Придурок! – я машинально стукнул рукой по месту, где обычно стояла кофемашина, но ладонь звонко шлепнула о каменную стойку.

– Не ругайся, – едва слышно шикнула Янка, ставя передо мной большую кружку кофе. Она крутанулась и ловко высыпала четверть чайной ложки сахара, быстро размешав ложкой ароматный напиток. – Так вкуснее.

– Да, я помню...

– Давайте завтракать? – Лазарев потер ладони и плюхнулся на стул.

– Сереженька, кажется, я зарекалась тебя кормить.

– Ну-у-у-у... Это было давно и уже неправда. Поэтому накрывай поляну, к тому же я сам сегодня вас угощаю, помня, что здесь можно рассчитывать только на зерна!

– Ну? Когда свадьба? – Илья вяло помешивал сахар, не задевая ложкой стенок чашки, так и не отрываясь от экрана.

– Завтра.

Илья и бровью не повел, а Лазарев подавился блинчиком, который старательно запихивал в рот целиком. Янка тоже округлила глаза, застыв у плиты.

– Хм... Ладно, успею смокинг сшить. Столовый сервиз подарить? Или ковер?

– О! Не стоит так тратить. Честное слово, не стоит. Подсунь пустой конверт и будет с вас, мажоров!

– А я? Конверт был моей идеей! – Серега наконец-то прожевал, освободив рот для прямого его назначения – ржать громче коня в период спаривания. Он, как обычно, обхватил себя руками и стал раскачиваться, сотрясаясь в конвульсиях смеха. – А в медовый месяц вы поедете в деревню?

– Лазарев, я не обладаю стойкой выдержкой, как Олег! – Янка звонко ударила его по голове. – Заткнись! Иначе больше сюда не войдешь! И мажоров в оранжевых носках это тоже касается! Всем понятно?

– Предельно. – Все так же спокойно ответил Мара, бросив на меня странный взгляд. – Какие планы на Новый год?

Я машинально бросил взгляд на часы. Черт! Уже тридцатое число.

– Я, как обычно, встречу его дома. – Янка дернула плечом. – С папой.

– Ну, Яна, готов тебя разочаровать, но встречать тебе придется его в одиночестве, потому что папик сваливает во Владик. Он уже заказал самолет. Вылет сегодня вечером. Поэтому советую появиться дома. – Лазарев украдкой взглянул на меня.

– Ну, раз планов нет, и все так удачно складывается, то приглашаю вас с собой за город. Будем пить, потом пить, ну, а потом и выпить можно! – Мара взглянул на часы и встал, едва заметно кивнув мне в сторону коридора. – Выезд завтра в шесть утра. Подарки, покупка продуктов и прочая хрень отменяются. Мажор угощает.

– Да? И я? – взвизгнула Янка, зажав рот руками.

– Я только тебя и звал, – Мара впервые улыбнулся за сегодняшнее утро. Эта девчонка способна растопить даже вечную мерзлоту своей непосредственностью и какой-то запретной соблазнительностью. – Этих оболтусов, если хочешь, тоже можешь взять с собой. А засим позвольте откланяться... Дела... Дела...

– Прямо не утро, а дом Советов какой-то! Тебе-то чего нужно? – плотно закрыл дверь кухни.

– Слышал про Маковых? – Мара достал из шкафа черное пальто, сжав его в руках слишком крепко. Челюсть напряглась, а глаза сузились, рассыпав мелкие морщины.

– Смотря что...

– Понятно. Мне пора беспокоиться?

– Мартынов! Ты за себя-то не умеешь беспокоиться, а за меня и подавно не стоит. Поэтому проваливай....

Глава 29

Яна

– Привет, дочь!

Все мои попытки прокрасться в дом как можно тише не увенчались успехом. Ну, как? Я практически смогла добраться до гардеробной, сделав три бесшумных шага. Но на третьем противная напольная ваза пошатнулась и стала раскачиваться, создавая слишком много шума. Затаила дыхание, дико желая, чтобы этот дорогой декоративный сосуд разлетелся на мелкие никчемные осколки. Хотелось что-нибудь разбить, сломать, насладиться видом хаоса. Но, к моему разочарованию, ваза крутанулась еще пару раз и замерла, выполнив свое «грязное» дело.

– Вот тебе... – пнула «стукача» носком сапога, наблюдая, как высокая ваза закружилась в истеричной попытке устоять.

Фарфоровое основание отчаянно цеплялось за шершавую поверхность гранитного пола, издавая визгливо-скрипучие звуки. Но, это было неизбежно. Наблюдала за тем, как ваза, завалившись набок, разлетелась на миллионы кусочков. Меня не волновал беспорядок, учиненный мною, даже не думала о том, что нашей экономке придется ползать, собирая мелкие осколки, которыми был усыпан весь пол прихожей.

Перешагнула грудь бесполезного мусора и замерла у основания лестницы. В голове вновь и вновь, как заезженная пластинка, крутилось приветствие отца.

Нет, это был не крик. ХУЖЕ! Этот тон я слышала много раз. Но ни разу он не применялся ко мне. Хриплый шепот заставил на миг испугаться. Только он мог кричать настолько тихо, что хотелось зажать уши, в попытке уберечь перепонки. Руки сжали куртку, пытаюсь избавиться от незнакомого чувства страха перед родным человеком. Ладони потели, а дыхание было настолько редким, что казалось еще чуть-чуть, и сердце попросту остановится от нехватки кислорода.

Обвела быстрым взглядом прихожую. Пыталась зацепиться взглядом хоть за что-нибудь, но весь интерьер превратился в серое бездушное пятно. Правую руку прострелила боль, привлекая к себе внимание. Опустила взгляд. Пальцы настолько крепко сжимали резной поручень лестницы, что рука покрылась синюшными пятнами. Еще раз обвела взглядом коридор с двумя широкими лестницами, делившими пространство надвое. Массивные сооружения стояли зеркально, повторяя малейший изгиб друг друга.

Первая вела в половину дома, принадлежащую отцу. Когда мы с Кириллом переехали сюда, отец сделал все, чтобы сделать наше совместное проживание комфортным для каждого. В его половине постоянно было много мужчин. Кто-то приходил, уходил, пользуясь отдельным входом с торца дома. Мне не хотелось нарушать его личное пространство. А

он никогда не заходил ко мне. Встречались на нейтральной территории первого этажа. Сейчас я понимала, что он пытался воссоздать ощущение обособленности, самостоятельности, усыпляя мою бдительность. Именно поэтому стало не по себе, оттого что голос доносился со второго этажа, а это значит, что он сидит в моей спальне.

Бросила куртку прямо на пол и пошла наверх, переборов желание пнуть и ее. Шагала тихо, пытаясь успокоить сбивчивое дыхание. Могла бы подобрать слова, но это было бесполезно. Знала, что готовиться к разговору бессмысленно. Лучше закончить с этим побыстрее.

Белая дверь спальни была открыта. Отец сидел на кровати, облокотившись о колени, и держал в руках старого мишку. Самого первого. Он был не похож на современные мягкие игрушки. Жесткий каркас, колючая ткань, покрывшаяся катышками. Помню, сколько раз тетя Маша пришивала его лапы, штопала оторванный нос или уши. Я таскала его везде. Даже за обеденным столом стояло отдельное кресло для Потапа. Отец недовольно фыркал, глядя на уродливую игрушку, но все равно позволял брать медведя и в ванну, и на море, и на торжества.

– Этого медведя я купил еще до твоего рождения. Стоял в очереди, потому что их не так-то просто было достать. Почему-то был уверен, что родится дочь. Мужики высмеивали. Говорили, что первенец должен быть парнем. А мне не нужен был сын. Мне не нужен был отморозок, копирующий

характер отца. Мечтал о нежной дочери. Представлял твой взгляд, способный растопить все ледники этого грязного мира. Радовался, еще не подозревая, что одно надвигающееся счастье может забрать то, что я тогда имел.

– Пап... – как только он поднял на меня свои прозрачно-голубые глаза, сердце перестало колотиться. Замерло, сжавшись от переизбытка эмоций, которые может вызывать только родной человек. Отец чуть прищурился и снова опустил голову. Захотелось сесть у его ног, как в детстве, распустить волосы, чтобы неумелые мужские руки пытались заплести косу. Но удержалась, подойдя к окну. Не могла отступить, потому что именно сегодня я должна сказать ему все.

– Где ты была?

– Дома.

– Почему тогда не открыла дверь? Ты же слышала, что я приезжал? Да?

– Потому что не хотела, пап. Я никого не хотела видеть. Даже тебя. За последние полгода я становилась невольным свидетелем чего-то ужасного слишком часто. Ты так не думаешь? Не хочу больше. Мое везение плюс твой образ жизни.... В итоге мы имеем то, что имеем.

– Вернись домой.

– Нет. Больше я не вернусь. Собственно, и сейчас приехала, чтобы собрать последние вещи. Я сняла квартиру недалеко от универа. А еще нашла работу. Буду помогать в детском реабилитационном центре при интернате.

– Что? Что ты говоришь? – он резко встал. Широкая ладонь сомкнулась, зажимая старого, и без того потрепанного медведя в крепкой хватке. Слышала, как трещит старая рассохшаяся ткань.

– Я не вернусь. – Смогла произнести это только после глубокого выдоха. Старалась не сорваться на крик. Пыталась оттянуть назревавший скандал. – Я то и дело слушаю тебя. Тебе самому не надоело?

– Что именно?

– Ты не считаешь гадким то, что подбираешь мне мужика? Ты думаешь о том, что не тебе жить с ним? Не думаешь, что он ляжет в постель к твоей дочери?

– Прекрати! Ян... – пальцы отца разжались, а сам он сел на край кровати, обхватив голову руками.

– Нет, ты подумай, пап... Каково это думать о том, что совершенно посторонний мужик придет, снимет носки и завалится в твою кровать. А я должна терпеть? Должна? Для чего? Для тебя? Чтобы отцу было спокойно? – сама не заметила, как перешла на шепот. На крик не было сил, из меня будто выкачали всю энергию, забрали силу, лишив возможности кричать. – Это противно, пап... Сокурсницы щебечут о влюбленности. Они заходятся от эмоций, описывая своих избранников. Могут вспомнить все: запах, привычки, тон голоса, походку. А я? Вынуждена безропотно принять все, что уготовил отец. Я никогда не думала об этом, потому что любила... – заметила, как отец вздрогнул, выронив медведя. –

И сейчас люблю, но так больше не будет.

– Прекрати. Ты же знаешь, что и я люблю тебя!

– Тогда почему ты лишаешь меня права любить. Я тоже хочу напитаться этим чувством до головокружения. Хочу думать только мгновениями. Отрывками, порой не связанными между собой. Отключать мозг, когда он рядом и существовать инстинктами. Хочу быть пьяной от ощущения наполненности, целостности. Мечтать о будущем. Строить планы и придумывать имена нашим детям. Ревновать так, чтобы хотелось убить каждую, желающую подойти ближе, чем на шаг. Хочу влюбиться по уши, чтобы не спать ночами, чтобы сердце замирало от разлуки! И реветь хочу, придумывая во влюбленной голове разные глупости. Хочу надевать короткую юбку только для того, чтобы насладиться яростным движением желваков. Робко поеживаться, ловя откровенные взгляды. Хочу!!!! Хочу! Папа! Хочу бежать домой, чтобы порадовать ужином. И просыпаться ночью, упиваясь видом его лица в отблеске луны.

– Я хочу, чтобы ты уехала из страны. Единственное мое желание – обезопасить тебя. Потому что я чувствую, что надвигается смутное время, Ян.

– Пап! Да когда у тебя были светлые времена? Когда? Ответь!

– Когда твоя мать была жива, тогда и были эти светлые времена. Хотелось возвращаться домой и не влезать в паутину городской грязи. Когда Томы не стало, я думал, что

теперь можно обнажать ствол и делать все, что угодно. По рукам бежали мурашки свободы, думал, что больше ничего не держит. Не связывает. Надеялся, что тугая хватка страха навсегда исчезнет, позволив дышать полной грудью. – Отец резко схватил меня за запястье, развернув к себе. – Но нет. Я был так глуп. За дочь переживать оказалось гораздо больнее. Это, как отрывать свою плоть по маленьким кусочкам, не позволяя ране зажить. Гораздо больней, Ян... Вижу, что глаза твои засияли. Вижу каждое изменение мимики, ловлю мгновения задумчивости и такие необъяснимые улыбки. Расскажи мне, Яна. Сама расскажи...

– Хочешь моей безопасности, тогда дай свободу. Слышишь? Я задыхаюсь. Иногда по ночам просыпаюсь от боли в легких. Открываю глаза, судорожно мечтаю оказаться не дома, не в своей гребаной комнате, больше похожей на тюремную камеру не по виду, а по ощущениям. Не хочу просыпаться по утрам, проигрывая предсказуемый день с точностью до минуты. Мне уже так много лет, а я до сих пор ничего не видела, находясь под крылом отца. Пап, не мне тебе рассказывать, что жизнь слишком коротка. Очень. Она промчится, оставив только россыпь морщин на лице и вечные вопросы – ЕСЛИ БЫ... Мы будем с тобой встречаться по выходным. Ходить в рестораны и смотреть кино, треская попкорн. Вот чего я хочу! – дернула руку, освобождая ноющее запястье. Отец расширил глаза, но сдержался. – Хочу отца, а не охранника. Очень хочу. Хочу сообщений и воз-

возможности приехать в гости. Да, черт побери, хочу, чтобы ты начал жить, прекратив оплакивать прошлое. Хватит, отпусти маму. Отпусти нас, выдохни! Я так много чего хочу... Папа... – почувствовала, как по щеке заскользила слеза. Смахнула и крепко сжала ледяную отцовскую ладонь обеими руками. – Посмотри на меня. Я жива. Я рядом. Но дай мне возможность жить. Просто жить...

– Яна, не уводи разговор...

– Я сняла квартиру, но надеюсь, что ты возьмешь на себя хлопоты по ее покупке? Она и правда нравится мне. Мне там спокойно и хорошо. Не люблю жить не у себя.

– А что с твоей квартирой? Чем она тебя не устраивает?

Я застыла на мгновение. Черные, как ночь воспоминания обрушились лавиной, заволакивая всю ясность сознания. Кажется, что позвоночник покрылся инеем страха, сковывающим тело в зябкой хватке. Не могла туда вернуться. Не хотелось вспоминать, что стала заложницей в собственной квартире, понимая, что нет безопасного места для меня. Нет его. Именно поэтому отправила Куранова собрать мои вещи, именно поэтому Лазарь, как заведенный искал квартиру в доме Олега. Хотелось быть ближе. Там мне спокойно. Там мне хорошо.

– Слишком далеко от университета, да и вокруг одни бизнес-центры, даже ночью окна светятся от ярких вывесок. Выходишь на улицу, а на ней нет людей. Одни снобы в костюмах, пробки из статусных кортежей. Ни одного взгля-

да, люди, как заколдованные смотрят в светящиеся экраны смартфонов, умудряясь передвигаться по тротуару, не задевая друг друга.

– А выбор твой случайный? – отец осторожно освободил свою руку и стал ходить по комнате, сложив ладони за спиной. Его тяжелые шаги разрушали хрупкую тишину. Повернулась, чтобы встретиться взглядом. Он не отстанет, пока не просканирует меня своими глазами. Так пусть смотрит.

– Нет, папенька. Он не случайный. В районе универа есть только один современный жилой комплекс с охраной. Или мне рассмотреть варианты хрущёвок? Там их предостаточно.

– Не передергивай. – На миг показалось, что губы отца дернулись в усмешке.

– Куранов...

– Что?

– Куранов там купил квартиру недавно. Будет всегда рядом. И семья мне его понравилась. Такие девчушки хорошенькие. А жена у него просто супер! Она моя ровесница, а уже трижды мама. Боже, пап... У меня даже нет подруг.

– Яна? Это все причины?

– Нет...

– Ну?

– Я же говорила тебе! Работу нашла. Буду ходить три раза в неделю в детский центр.

– Ты действительно хочешь этим заниматься?

– Пап, я хочу хоть чем-нибудь заниматься. Очень хочу. Да и Марат говорит, что мне понравится. Коллектив хороший, молодой, современный. Им помощь нужна. Хотя... Это еще не известно, кому из нас это нужно больше.

– Какой Марат? – отец перестал курсировать, застыв у двери. Глаза блеснули, а руки сложились в замок на груди.

– Ну? Ты что, забыл, как он закидывал мне эскимо в окно, когда у меня была ангина? Прочитал где-то, что поможет.

– Ага... Мать его! Помогло. Потом провалялась в больнице недели две.

– Три, папочка... Три...

– Виктор Викторович! К Вам пришли! – голос тети Маши с первого этажа, заставил разорвать зрительный сеанс гипноза. Отец как-то нервно хлопнул себя по лбу, начав растирать морщинистую кожу. Он закрыл глаза и стоял в полном безмолвии несколько минут. Не могла оторваться от него, наслаждаясь каждым его движением. На нем не было привычного костюма. Голубая рубашка, заправленная в светлые джинсы, делала его моложе. Даже дерзкие кудри с яркой проседью стали не так бросаться в глаза.

Папа раскинул руки, приглашая прижаться к нему. Выдохнула и, сделав шаг, утонула в сумасшедшем аромате детства. Отец никогда не менял парфюм. Старый, правда, уже пустой бутылек, всегда стоял на прикроватной тумбочке. Это был последний подарок от мамы. С тех пор он всегда пахнет одинаково. Но я ощущала этот аромат как-то иначе.

Для меня отец был жаром. Таким обволакивающим, приторным, но родным.

Прижимаясь к его груди, я каждый раз попадала в детство, когда забиралась к нему на колени по вечерам, вымаливая сказку. Только рядом с ним мне было тепло, только с ним я чувствовала себя любимой. Тогда.

– Янина... Моя Янина... – шептал он, а колючая борода приятно впивалась в кожу головы.

– Твоя. Пап, я всегда буду рядом. Я же твоя дочь. Никогда не уйду, не предам, ты только позволь мне немного расправить крылья? Хоть немного вдохнуть свободы. Ну, очень хотса....

– Хотся ей, видите ли... – он быстро прошелся пальцами по ребрам, заставляя меня расхохотаться от щекотки.

– Ну, па-а-а-ап!

– Ладно. Будет тебе квартира. – Опустил взгляд и пошел вниз.

Собрала вещи, хотя слабо понимала, зачем мне все эти старые тряпки. Это было только поводом, чтобы приехать к отцу. Но, тем не менее, запихнула первые попавшиеся вещи в чемодан. Окинула взглядом комнату, попрощавшись с малиновым диваном, и вышла. Мне больше это было не нужно. Ушла, плотно закрыв калитку в прошлое.

– Пап! Ты опять уезжаешь? – сбежала с лестницы, подтолкнув ногой чемодан к выходу. В коридоре было чисто,

видимо, тетя Маша уже прибралась. Надо будет извиниться.

– Яна Викторовна! От Вас слишком много шума, – знакомый шустрый голос заставил застыть в порогое.

– Папа! Зачем ты его впускаешь? – взвизгнула.

Лазарев стоял у плиты и тырил горячие оладушки прямо со сковороды. Тетя Маня ворчала, но по рукам не била, прощая переросшему детине шалости. Верзила подкидывал горячее лакомство высоко в воздух и ловил ртом, практически мгновенно проглатывая.

– Мне! Это для меня! Моё! – бросила в самодовольного индюка журналом, валявшимся на стеклянном столике.

– Твои в лесу шишки! Или сопельки под носом... – Лазарь вытянул руку, схватив меня за локоть так, чтобы удерживать подальше от плиты. – Я с самого утра ничего не ел. Да, Олег? Или ел?

От одного только его имени меня бросило в жар. По спине покатались предательские капли пота, а перед глазами стали всплывать картинки сегодняшнего утра. Готова поклясться, что ощутила приятное покалывание его щетины, быстрые касания и обжигающее дыхание. Ноги обмякли, я даже покачнулась, но Лазарь сжал пальцы, удерживая меня.

– Клоуны. – Олег сидел на высоком стуле, сложив руки на кухонном острове. Смотрел на меня, не пытаясь даже отвести взгляд. Чуть наклонил голову и прищурился, пытаясь оценить мое выражение лица. Затем бросил быстрый взгляд на отца и хмыкнул, дернув уголком губ.

– Э! – мне больше не были интересны ни олады, ни наглый Лазарев. – Поаккуратней со словами!

– Дети... – отец снял очки и взглянул на нас с Сережей, но убедившись, что мы не собираемся сражаться за ароматную выпечку на ножах, снова вернулся к каким-то документам. – Ну? Пока мы тут ни о чем не говорим, давай, расскажи папке про свою работу. Где ты опять встретила этого своего Марата?

– Хм... Работа? Очень интересно! С твоим-то умением находить себе приключения, я бы посоветовал тебе не выходить из дому. Да, Виктор Викторович? – Олег закурил, передвинувшись ближе к окну. – И чем же вы, Янина Викторовна, решили себе на хлеб зарабатывать?

– В реабилитационный детский центр нужен психолог. Буду разговаривать с детьми, читать книжки и стараться сделать так, чтобы им снова хотелось смеяться.

– Благородно... – Олег выбросил сухую фразу и отвернулся, разглядывая в морозное окно задний двор. Лицо было, как чистый лист. Не выражало ни единой эмоции.

– Ну? А Марата ты где встретила? – не унимался отец. Он даже не поднимал глаз, всецело погрузившись в отчет.

– Так в универе и встретила. – Не понимала почему, но голос пропал. Села на стул рядом с отцом, откинувшись на спинку, чтобы был виден профиль Олега. Желваки вибрировали, словно кто-то пытался сдержать их свободное яростное движение.

– Это тот самый? – обычно молчаливая тетья Маня возмущенно брякнула тарелкой. Она развернулась и, быстро обернув руки о белоснежный передник, подошла ко мне. Лазарев не мог не воспользоваться ее отлучкой, закидывая в рот охапки румяных оладий. – Тот самый, кто пробирался к тебе в спальню в одиннадцатом классе?

– Черт! – Серега подавился, начав кашлять, разбрасывая крошки по всей кухне.

– Зараза! – тетья Маша, нежно любившая обжору, схватила полотенце и звонко огрела его по коротко стриженной голове. Лазарев прожевал то, что пытался спрятать за щеками, и теперь заходился громким смехом.

– Ну, вы тоже нашли, что вспомнить. Хватит. – бросила в развеселившегося придурка скомканной салфеткой, хотя первой мыслью было запустить металлическим тостером.

– Нет, мне очень интересно. Поделись своим бурным прошлым. И много таких лазутчиков было? – он поймал легкий снаряд и, промокнув им рот, уселся за стол напротив Олега.

– Нет, немного... Правда, я думала, что и Марата больше не найдут, потому что его поймал отец и забросил в багажник! – больше не могла сдерживаться и рассмеялась, уронив голову отцу на плечо.

– Да... Слышала бы ты, как он плакал. – старик рассмеялся, ласково потрепав меня по волосам. – Спасите! Отпустите! А Козырев нагнетал обстановку, стреляя в окно из холостого ружья.

– Папа, да от тебя весь мой класс рыдал. Ты же замучил всех! Помнишь, как на мое шестнадцатилетие, закрыл парней в подвале? Так и не рассказал, о чем вы там говорили.

– Потом... – в его кармане зазвонил телефон, поэтому отец подмигнул и встал из-за стола. – Олег, потом зайди в кабинет?

– Ладно. – Олег сидел, не двигаясь. Сигарета почти полностью истлела, а длинный кончик пепла был готов в любой момент рухнуть на джинсы.

– Не знала, что ты приедешь... – как только Лазарев вновь овладел вниманием тети Маши, я пересела на отцовский стул.

– Не мог оставить тебя одну, вдруг ты начудишь?

– Например? Расскажу, что ты меня совратил?

– Ого! Деточка... – Олег затушил сигарету и обернулся. – А мне казалось, что все было наоборот. Моя тонкая натура с треском рухнула перед твоим напором.

– Ага! Точно, – толкнула его в плечо, но его рука мгновенно перехватила запястье, притягивая к себе ближе.

– К Т О Т А К О Й М А Р А Т? – по буквам произносил он.

– Олег, прекрати. Марат предложил попробовать, я и согласилась.

– А почему тогда не сказала?

– Когда? – пришлось потрудиться, чтобы освободиться от его хватки. На наше шуршание обернулась тетя Маша, но Олег даже не дернулся, продолжая сверлить меня взгля-

дом. – После первого секса? Ах... Нет! Там, где закончился первый, сразу начался второй раунд? Или я что-то упустила?

Олег бросил быстрый взгляд на Лазарева, и уже через мгновение на пол упала пиала с вареньем.

– Тетя Маша! Я такой неуклюжий? Где тряпка? Я сейчас все уберу! Знаете, как я умею мыть пол? Мама говорила, что варенье лучше стирать сухой тряпкой!

– Еще чего! Я в жизни не доверю тебе пол своей кухни! – женщина снова огрела «растяпу» полотенцем и вышла с кухни.

– Нет, позвольте мне доказать... – Сережа спрыгнул со столешницы и поплелся за ней следом. – Я так отдраю пол, что зеркала можно будет выбрасывать...

– Ты не расслышала вопрос? Я могу повторить! – Олег схватил меня за затылок, притягивая к себе ближе. Мы едва касались губами. Его дыхание сильным потоком вривалось в мой рот, осушая слизистую. Я облизала губы, чуть высунув язык. – Кто такой Марат? И где его найти?

– Олег... – выдохнула я, пытаюсь сосредоточиться. Но мысли улетели, не оставив и намека на ясность рассудка. Он, как гипнотизер смотрел прямо в глаза, чуть прищурившись. Сделав небольшую паузу, вновь вернулся к моим губам, терзая их с большей силой. Я вцепилась пальцами в кожаную спинку стула, чтобы не рухнуть на пол. Потому что сил не осталось. Меня будто вытряхнули, осушив эмоционально до дна. Когда Олег отрывался, чтобы дать возмож-

ность вдохнуть немного воздуха, видела его самодовольную неприкрытую улыбку. Он немного медлил, а потом вновь продолжал. Он даже целовался не как все. Чуть напряженные губы, властно обхватывающие мои. Он не касался, нет.левой рукой жестко удерживал затылок так, как ему было нужно, а правая расслабленно лежала на подлокотнике стула. Взгляд сверкал, как огни на новогодней елке, меняя оттенки от нежности до какого-то разрывающего душу пламени.

– Говори, детка... Говори...

– Одноклассник. Мы встретились в универе. – Слова лились неконтролируемым потоком. Его лицо становилось мягче. – Прекрати...

И он прекратил. Так прекратил, что мое сердце ухнуло в пятки. Его горячие, чуть солоноватые губы вновь обрушились на меня, вбирая остатки кислорода. Я уже не могла ни думать, ни сопротивляться. Да и зачем сопротивляться? Черт! Скатерть черная, а так хотелось выкинуть белый флаг, распластавшись на столе. Ладони чесались от желания сорвать одежду, чтобы утонуть в тягучем взгляде, наполненном только желанием. Кожа горела, предвкушая его касания, но он не спешил. Смотрел так, будто всей целью его существования было доводить меня до полного иступления. В то время как я сотрясалась от переполняющих меня эмоций, его дыхание было ровным, движения спокойными и слишком медлительными.

– И много у тебя одноклассников, которые влезали в твое окно? – Олег бросил быстрый взгляд на часы.

– Прекрати! Он был первым, кому я понравилась...

– Не первым, Ян. Далекое не первым... Потом поговорим. – Он резко отстранился и встал, убрал руки в карманы джинсов. – Куранов ждет. Он отвезет тебя в квартиру.

– А ты?

– Что я? – он обернулся уже в пороге, даже не скрывая своей насмешки.

– Ты придешь?

– Да... Как только найду твоего Марата....

Глава 30

Олег

– Каково это – дружить с дочкой Моисея? Я надеюсь, что ты не станешь отрицать очевидное? – голос Мары раздался где-то за спиной. Но я не мог оторвать глаз от незашторенного окна. Янка стояла посреди заснеженного газона, руководя процессом украшения уличной елки, мирно растущей последние двадцать лет у центрального входа загородного дома Мартыновых.

Когда я заехал за ней, то почти не удивился, обнаружив хрупкую фигурку, вытаскивающую довольно массивную коробку из гаража. Даже не стал пытаться отговорить ее не брать новогодние украшения, потому что по одному только блеску ее глаз стало понятно, что настроена она весьма категорично. А спорить хотелось, не будь рядом посторонних глаз, выкинул бы эту коробку, приготовившись к атомному взрыву. Хотелось напиться яркими вспышками ее взгляда, насладиться преобразованием пухлых губ в две тонкие линии. Она словно атомный реактор, приносящий в мое сухое бездушное тело желание жить и чувствовать. Но Мартынов молча убрал коробку в багажник внедорожника, лишив меня «доброе утра».

– Дружить... – не смог сдержать улыбку. – Я даже был го-

тов поверить, что способен подружиться с этой непокорной девчонкой, пока не начал ревновать.

Сказал и, набросив теплую куртку, вышел через стеклянную дверь на летнюю веранду. Рука машинально достала сигарету, чтобы затянуться успокоительным «лекарством». Не мог не смотреть, не слушать, не оглядываться. Необходимо было проверять, перепроверять тишину и спокойствие вокруг нее. Янка держала на руках маленького ребенка. Комочек весом в несколько килограмм занимал все ее внимание. Янка была в спортивном костюме яркого зеленого цвета, белой шапке с огромным помпоном. Как только она взяла на руки заснувшую девочку, то потеряла интерес ко всему происходящему. Не поднимала глаз на елку, даже не замечала начинающийся снегопад. Размеренное покачивание всего корпуса было таким осторожным, неуверенным, но руки, обнимающие детскую фигуру, были напряжены. Реагировала не на слова, а на громкость, будто всей ее целью стало уберечь и сохранить покой ребенка. Прижимала к себе, периодически прикасаясь тыльной стороной ладони к крохотному носу- пуговке.

– Неужели так затянуло? – Мартынов был явно в ударе. Я уже приготовился к тому, что проведу сутки, отвечая на многочисленные вопросы. Только Бояра молчал и неоднозначно морщил лоб, наблюдая за нами. Казалось, что все собралось не для встречи Нового года, а посмотреть, как когда-то твердая скала дала трещину.

– Затянуло что?

– Не прикидывайся идиотом. Я не интеллигентный Бояра, молчать не стану.

– Лучше бы тебе помолчать.

– Значит, колоться не собираешься?

– Почему это? – докурил и щелчком отправил окурок в засыпанную снегом урну. – Как раз собирался вечером составить подробный отчет о своей личной жизни. – Ты все сделал, что я просил?

– Убери свои иголки. Просто нам тоже нужно понять, как к вам относиться? Не меняй тему.

– Относись проще, Мара... Как можно проще. Проще... – похлопал друга по плечу и, накинув капюшон, двинулся к толпе, собравшейся вокруг елки. Куранов с Лазаревым стояли на стремянках, а Бояра подавал странные елочные игрушки. Янка с женой Куранова руководили творческим процессом.

– Наташа, не бегай! – Маша, раскачивая коляску, то и дело подхватывала быстрого гномика, снующего между стремянками. – Сейчас уронишь папу, тогда точно не получишь свой подарок на Новый год.

– Хм... Это же непедагогично, – встал между стремянками, положив обе руки на металлические ступени. – Нельзя заставлять ребенка делать то, что ты хочешь, путем шантажа. Маня... Как тебе не стыдно.

– Посмотрю я на тебя, когда родишь себе троих девчо-

нок. Будешь пользоваться всеми доступными методами, чтобы хоть немного успокоить их. Поверь! – Маша прищурилась, пытаясь придать своему взгляду, как можно больше серьезности. Почувствовал вибрацию правой рукой. Куранов явно напрягся, развернувшись, чтобы оценить обстановку. И лишь убедившись в мирности нашего разговора, улыбнулся.

– Какие девчонки? – сморщил нос и медленно повернул голову к Янке, тихо покачивающей ребенка на руках. Она подняла голову, округлив глаза. – Никаких девчонок. Только парни. Мне не нужны розовые сопли и разговоры о красивых платьях!

– Фу... Дядя! Ты тоже терпеть не можешь платья? А мама постоянно одевает меня в облако кружева! – быстро бегающий гномик замер прямо передо мной, скинув капюшон. На плечи тут же высыпала копна черных упругих кудряшек. Розовая атласная лента почти съехала, цепляясь за последний волосок.

– Наташа, не приставай ко взрослым! – сквозь смех шикнул Куранов, нагнувшись, чтобы попытаться ухватить дочь за капюшон.

– Ната, и правда, не встречай в разговоры. – Маша рассмееялась, наблюдая за удаляющейся фигуркой дочери. – А вообще, Олег, у Бога очень трудно заказать пол ребенка.

– У них и с третьего раза не получилось! – Лазарев не смог и дальше держать нейтралитет, сорвавшись на язвительную подколку. Но за Курановым не заржавеет, поэтому он, под-

хватив хоккейную клюшку, с помощью которой они развешивали игрушки, огрел хохочущего парня прямо по хребтине.

– Андрей! Успокойся! – взвизгнула Маня и бросилась разнимать сцепившихся парней. – Вы же рухнете! Куранов, только попробуй убиться! Не посмеешь оставить меня одну с оравой девок! Лазарь, вот только слезь, я лично промою твой рот с хозяйственным мылом.

– Я подержу этого умника, Мань, пока ты будешь проводить чистку его рта. Давно пора было! – Мартынов хлебал виски прямо из бутылки, наблюдая за разворачивающимися боевыми действиями.

– Э... Нарик, а тебе кто пить-то разрешил? – Бояра выхватил бутылку, приложившись к горлышку. – Кажется, мы все обговорили заранее. Да? Или повторим разговор?

– Что ты молчишь? – я почти не слышал, воспринимая громкие визги и перекрикивания, как шум. – Заболела?

– Нет, здорова. – Хриплый шепот, наконец, покинул пересохшее горло. Янка крепче обняла девчонку, завернутую в розовый плюшевый плед.

– Тогда идем... – чуть замешкался, взявшись за хрупкое тельце размером с «калаш». – Дядя Илья присмотрит за ребенком.

Недолго думая, передал «комоч розовых соплей» растерявшемуся Мартынову и подхватил Янку.

– Олег... – тихо выдохнула она, обхватывая меня ногами

за талию. Тонкие руки обвили шею, протискиваясь под капюшон. Замерзшие пальчики быстро пробежались по шее, зарывшись в волосах. – Я могу сама ходить.

– Да? А я, было, подумал, что ты приросла к этой девчонке! – понимал, что это глупо, но не мог ничего с собой поделать. – Решил, что пора тебя спасать.

– Черт... Наскалов? Ты... Ты... – Янка откинулась, усилив хватку ног. На румянном лице расплылась улыбка. – Ты ревнуешь? Да?

– Не говори ерунды. – Одним движением руки прижал ее к себе, только бы спрятаться от ее взгляда, пронизывающего насквозь. Он как старое привидение, знающее все укромные уголки родного дома. Скользила глазами, заглядывая во все запертые комнаты абсолютно по-хозяйски, открывая бронированные двери, срывая амбарные замки.

Прижимал вырывающуюся Янку к себе, ускоряя шаг. Нужно было уйти подальше от дома, скрыться от глаз, то и дело пытающихся просканировать, разобраться, спросить или дать совет. Не хотелось хамить, напоминая, что не давал объявление о необходимости совета. Нет! Не нужны мне их советы, потому что собираюсь делать только то, что хочу...

– Помнишь ты сказал, что я лживая? – устав сопротивляться, она расслабилась и прижалась к плечу, обжигая шею своим дыханием. Тонкие пальчики скользили по коже, замедляясь на границе с щетиной. Длинным ногтем она вырисовывала четкую границу. – Только это не я лживая. А

ты. Как только я подбираюсь слишком близко, ты группируешься, превращаясь в сплошную броню. Твой голос становится ледяным и трескучим, как сибирский мороз, движения резкими, как порывы ветра, глаза пустыми, слова больно обжигают, оставляя уродливые шрамы в душе, пронзая до боли и без того обескровленное сердце. А поцелуи... Они становятся грубыми и резкими, как волны океана. Настоящие только мурашки, которые пронизывают меня, как электрический ток. Я забываю дышать, не вижу окружающих, не слышу их слов, потому что всё моё внимание приковано к тебе. Ты магнит для меня. Ты стихия, Наскалов. А я ощущаю себя хрупким плотом последи ледяного океана. Меня окружают крейсера и ледоколы, поражающие своей мощью и силой. Но ты... Ты везде. Обнимаешь волнами, а мне жарко, целуешь, щекоча ледяными брызгами, а я горю... Мою грудь сдавливает, потому что я не понимаю, что мне делать? Плыть к берегу или утонуть, похоронив себя навсегда в тебе. Страшно разжать руки, крепко цепляющиеся за край плота. Очень страшно. Ты сила, от которой подгибаются колени, но в тебе нет цели. Вот ты смотришь, а я не понимаю, чего ты хочешь?

– Я хочу жить так, как хочу... – только и мог выдавить из себя. Остановился у старого амбара, прижав Янку спиной к деревянным дверям. – Не думай, детка. Оставь это мне. Просто дыши. Просто будь рядом, наполняя мою жизнь многочисленными оттенками бессмысленности!

– Боже... – она рассмеялась, закинув голову назад. На лицо стали падать мелкие снежинки, застревая в длинных ресницах. – Это сомнительный комплимент, Олег! Мне и в своей жизни хватает этого бессмыслия.

– Ян... – блуждал взглядом по тонкой шее. Объемный шерстяной шарф съехал, оголив кусочек бледной кожи. – Если бессмысленно одному, если плохо наедине с собой, то никогда не будет хорошо в бессмыслии и пустоте с кем-то. Две пустоты никогда не дадут ощущения наполненности. Запомни. А вообще, мы так много говорим... С тобой я ощущаю себя философом, а я мужик! И хочу говорить о сиськах, попках и тачках!

– Фи! – она опустила голову, впившись в меня самым мягким взглядом, ничего не ждущим, не требующим. Лишь отдающим всю себя, открывающим, распахивающим все настежь... Таким, от которого хочется поплыть, растаять. Розовые губы дрогнули, растянувшись в улыбке. – Поцелуй меня так, как вчера....

– Терпеть не могу целоваться....

– Что? Нет! Ни за что! – она вырывала свою ладонь, стараясь выскользнуть, но я стоял, не тронувшись с места. – Ты специально меня заговорил, чтобы я ничего не спрашивала! Да? Эти масляные глаза, тихий голос. Позволил понуть и задать кучу вопросов! Я почти поверила, что ты растаял, Наскалов! Это грязно!

– Да, детка... – как только она перестала вырываться, дернул, прижимая к себе. От нее исходило такое нежное тепло, окутывающее меня до самой макушки. Казалось, что, находясь с ней, действительно можно растаять и поплыть.

– Нет, Олег! – напыщенная злость слетела, остались только жалкие попытки отговорить меня.

– Да!

– Я сказала нет! – взвизгнула она, но не сделала ни одного шага, оставаясь прижатой. Тонкие пальцы сжимали куртку.

– А я сказал да... – снял с предохранителя пистолет и вложил в ее теплую ладонь. – Ты должна уметь все. Должна быть готова защищать себя, свою жизнь до последнего. Ты слышишь? До последней минуты. Знаешь, что такое жизнь? Это борьба. Ты должна вгрызаться зубами каждый час. Нет ничего ценнее кислорода и земли под ногами. Поэтому сейчас ты поднимешь ствол и будешь целиться туда, куда я тебе скажу.

– Олег...

– Яна. Ствол подними. – Подтолкнул ее под локоть.

– Я не буду!

– Нет, ты будешь, Яна! Ты должна уметь давать сдачи каждому!

– И тебе?

– А мне особенно, потому что пока ты больше походишь на мешок с пластилином, не способный позаботиться о себе. А это плохая ставка, Кролик. Нужно уметь все. – Обхватил ее правое запястье и поднял, выпрямляя дрожащую ру-

ку. – Ты станешь неудобной добычей. Будешь сопротивляться и бороться за собственную свободу. Никто не имеет права ограничивать ее, слышишь?

– А ты?

– И я не имею права. Никто. Поэтому ты должна сопротивляться, должна научиться ценить то, что имеешь.

– А как же «доброе слово»?

– Яна... – сжал ее подбородок, закинув голову, чтобы посмотреть в голубые глаза. – Запомни, с добрым словом и стволом, можно пройти куда дальше, чем просто с добрым словом.

– Но он же гигантский! – Янка опустила взгляд на «кольт», сжатый в ладони.

– Ни один враг не предоставит тебе удобное для тебя оружие. Скажи спасибо, что для начала я выбрал более компактный. – Нажал на мягкую подушечку под большим пальцем, чтобы она расслабила хватку. – Ян, то, что лежит в твоей ладони – шанс на выживание. Он любит уважение, не терпит страха. Не бойся, я научу....

Янка выдохнула, отпустив все чувство напряжения в теле. Плечи расслабились, а скрученные от ужаса пальцы разомкнулись. Развернул ее к себе спиной.

– Прижмись. Я буду твоей опорой. Рука должна быть сосредоточена. Нужно найти золотую середину между напряжением и ощущением полной расслабленности всего плечевого сустава. Почувствуй каждую мышцу. Ощути свое дыха-

ние, привыкни к шероховатости рукоятки. Ты должна чувствовать его. Но также должна осознавать всю серьезность совершаемого шага...

Яна

– Как думаешь, а папа знает... О нас... – долго не могла начать этот разговор. Как только я высадила несколько магазинов, попав в цель всего несколько раз, мы вернулись в дом, где уже вовсю шла подготовка к вечернему застолью. В гостиной почти пьяные парни собирали искусственную елку высотой под самый потолок. Мара взял на себя роль руководителя, ну, как взял. Просто никто не мог связно давать указания, кроме детей, конечно.

Маша крутилась на кухне, распаковывая ресторанный еду на позолоченные блюда, по пути качая детскую коляску. А младшие Курановы осваивали лестницу, ползая по ней вверх-вниз под чутким присмотром дяди Паши. Пролетая мимо, девчонки дергали его за бороду, заливаясь звонким смехом.

– Знает, Ян. Определенно знает! – Олег помог снять пуховик и убрал вещи в гардеробную, чуть задержавшись взглядом на мне.

– А чего тогда молчит?

– А вот с этим мы потом разберемся, а пока я помогу этим придуркам и мажору-руководителю, а то макушка елки оказалась почему-то у самого основания! – он рассмеялся, уда-

ляясь в сторону шумной компании.

– Тебе помочь? – быстро вымыла руки и, оторвав бумажное полотенце, подошла к Маше.

– Нет, все нормально. Я привыкла, – девушка перекинула длинную косу через плечо и быстро обвела просторное помещение пристальным взглядом. Убедившись, что все в норме, повернулась. Зафиксировав свой взгляд на мне, выдохнула. – Знаешь, я сначала очень обрадовалась хоть малейшей возможности вырваться из дома, а теперь уже и не знаю. На своей территории проще. Знаешь все острые углы, можешь привлечь внимание дочерей только одним взмахом пульта. А тут все иначе. Огромный дом, елки, новые люди. Не могу собрать ни одну девчонку. Вот бы еще накормить их...

– Накормим, не переживай, – не могла оторваться от настоящей красоты. Маша была так красива, что казалось, она только что сошла с обложки модного журнала, а не с улицы, где ловила неумемную Наташку. Высокая стройная брюнетка с черными как смоль волосами, скрученными в аккуратные кудряшки, не производила впечатления многодетной мамочки. Яркие карие глаза в обрамлении черных ресниц завораживали своей красотой. Рваные на коленях черные джинсы, светлый свитер крупной вязки, спущенный с одного плеча. По линии ключицы тянулась милая татуировка на латыни. Она крутила в руках бутылочку, постукивая длинными пальцами по пластику.

– Я? Совершенно не переживаю, потому что по вечерам

их кормит Андрей. Так сказать, складываю все свои полномочия на эти мощные плечи. Ровно в восемнадцать часов я открою бутылочку белого вина и закрою глаза, перестав контролировать сухость подгузников, не буду прислушиваться к быстрому топоту, машинально пересчитывая количество ножек! – Маша обернулась в сторону гостиной, где трудились парни. – Боже! Что я несу? Ведь это просто вечерняя усталость. Завтра я снова проснусь рано, чтобы приготовить любимым завтрак, потом сяду возле их кроваток и буду ждать, пока мои курносики проснутся. Затем придет Андрей, обнимет и громко кашляет, чтобы разбудить их скорее. Не слушай меня, Ян!

– Боже, Манечка! Ты такая счастливая!

– Да. Иногда об этом забываешь, взгляд замыливается. Слабость и усталость берут верх, погружая в дым истерики. Но все проходит. Запомни, Ян. Лучше истерить с любимым, чем биться в эйфории одиночества. Олег хороший. Надежный. – Маша вздрогнула от громкого рева, доносящегося со стороны лестницы, и выбежала.

Стало так важно увидеть его. Нужно было посмотреть, напомнив самой себе, что это не сказка, не сон. Олег разжигал камин, раскладывая дрова в стеклянном кубе. Но вдруг перестал шевелиться и замер, словно почувствовал мой взгляд. Захлопнул толстую стеклянную дверцу и встал, чуть потянувшись. Абсолютно идеальное тело, обтянутое только белой футболкой, которая просвечивала темную графичную

татуировку, пересекающую всю спину. Он обернулся, осматривая комнату. Остановился лишь тогда, когда столкнулся с моим взглядом....

– Надежный? – спросила я одними только губами.

– Как скала. – ответил он....

Глава 31

Яна

– Нет же! – я носилась по своей квартире, пытаюсь найти нужную коробку с вещами. Исполнительный Куранов позаботился о срочной доставке моих вещей. И теперь весь широкий холл был заставлен одинаковыми коробами с логотипом службы доставки. Не было ни единой надписи. Ничего! Просто аккуратные пирамидки коричневых коробок, составленные у зеркальной стены...

– Яна, если ты не успокоишься, то мы пропустим девичник Маринки! – Юля помогала разрывать коробки, пытаюсь найти ту, в котором были упакованы наряды для девичника, оставленные у меня для хранения, потому что Лёня никогда бы не отпустил нас в таком виде. Мы с Юлькой перерывали коробки, расшвыривая вещи в разные стороны. – А если мы не явимся, то Маринка нас убьет. Стрелять умеешь не только ты. Лёнька у нее вообще мастер спорта по биатлону. Он так ее там натренировал, что она попадет даже в родинку на шею! А это совсем не в нашу пользу...

– Юлька, блин! Только не ной. Сама виновата, нельзя мужику доверять собирать вещи. Вот теперь получаю. Но они просто должны быть здесь. Ищи. И молчи, прошу тебя! Молчи! – мы ползали по коридору в одном белье.

– Э! Телочки! Мы сегодня выдвигаться будем? – Оксана

вбежала в квартиру, сбрасывая шубу прямо на пол. – Нашли?
– Нет! – хором ответили мы.

– Ну, кто доверил тебе хранить костюмы? – взвывала Оксана, скидывая с себя всю одежду. Она бежала к нам, снимая замшевые сапоги по пути. – Совершенно несобранная. Что у тебя в голове? Мало того, что переехали черт знает куда, так еще и распаковать вещи не успела. Чем занималась? Ведь весь Новый год дома провела! Дядя Миша сказал, что отец свалил от тебя?

Я замерла, бросив многозначный взгляд в сторону разговарившейся двоюродной сестры. Оксана плавно перебирала километровыми ногами, двигаясь по коридору. Яркое лиловое белье подчеркивало идеальную фигурку. Тонкая талия, длинная шея, выразительная грудь. Длинные черные волосы были собраны в соблазнительную прическу.

– Оксана, поверь, твои причитания не ускоряют нас, а только злят. А когда я злюсь, то становлюсь нервной, – хотелось бросить в нее пальто, куртку, лыжи... Только бы размазать идеальный макияж, только бы стереть с лица это идеальное выражение. Хотелось, чтобы презрительная улыбка сошла с ее красных губ!

– Ага... И начинаешь звать своего личного охранника, – Оксана, наконец-то скинула тесный сапог и бросилась на помощь.

– Ты чего? У него трое детей, – замерла я, всматриваясь в коварное лицо сестры. Мы никогда особо не дружили. Сна-

чала воевали лет до десяти, потом соперничали, пока отец не принял решение переехать. Даже сейчас, увидев сестру впервые за пару лет, не вспыхнула чувством нежности. Наоборот, хотелось дать отпор.

– Я не про него! Маринка рассказала, как какой-то «шкафчик» прикрыл вас своей грудью, когда расстреляли ресторан дяди Вити, – Оксана рылась в кофре с вечерними платьями. Но даже в профиль я могла видеть ее коварное выражение лица. Чувство, что меня пытаются расколоть, потрясти что-то важное и абсолютно интимное, только крепло.

– Маринка вообще не умеет держать язык за зубами? – прошептала Юлька, зарываясь в коробку все глубже. Ее щеки покрылись красными пятнами, а значит, она в шаге от того, чтобы взорваться. Абсолютно неконфликтная подруга могла всё вытерпеть, подружиться абсолютно с любым человеком. Но только не с Оксаной. Они познакомились на моем совершеннолетию, после чего праздник закончился потасовкой...

– А чего? Я же должна знать, чем вы тут занимаетесь, пока я уши морожу во Владике. Я единственная из Моисеевых, кто остался на родине! Дядя Миша увез Маринку, а мой папенька, видите ли, не желает покидать родные пенаты! – Оксана отвлеклась от коробок, пристально вглядываясь в идеально покрашенные ногти. Всю жизнь была колючкой и редкостной стервозиной. Наши отцы были троюродными братьями, выросшими в одном доме. Дядя Костя единственный

отказался покидать Владик, не желая менять образ жизни, в отличие от дяди Миши, который быстро подхватил жену, дочь, кое-какие вещи и свалил вслед за отцом в поисках лучшей жизни. Собственно, именно за это мы с Маришкой всегда и получали от «двоюродной злочки».

– Может, тогда поделишься своей жизнью? – я встала, не в силах терпеть этот многозначный тон. Как только поднялась, наткнулась на ее сканирующий взгляд, шарящий по моему телу, абсолютно не стараясь как-то прикрыться. Наоборот, ее забавляла вся эта ситуация. – Почему только моя жизнь вызывает такой пристальный взгляд? Как твой Митя? До сих пор замуж не позвал? Да? Иногда мне кажется, что ты нам паришь мозг, потому что твой взгляд даже не горит на него!

– А я не тороплюсь, а то на твоём примере усвоила, что ничем хорошим это не заканчивается! – медленная улыбка растянулась по идеальному личику Оксанки. Она чуть вздернула правый уголок губ, не сводя с меня взгляда. Я знала, что не выиграю этот поединок, сохранив свои секреты. А она именно этого и добивается, хочет вывести, чтобы слова стали сами покидать мой рот.

– Э! Девочки! Завязывайте! Я, кажется, нашла костюмы! – Юлька встала прямо между нами, не позволяя вцепиться друг другу в волосы.

– Слава богу! Есть тут комната, чтобы переодеться? – Оксана поднялась с паркета и направилась в глубь квартиры, виляя идеальной задницей.

– Курица! – взвыла я, как только она скрылась. Глаза зачесались от скопившихся слез. Хотелось громко разреветься, так, чтобы напряжение, скопившееся в груди, испарилось.

– Яна, ты же знала, что эта сучка придет. Чего ждала? Целовашек и обнимашек? Да по ней же видно, что она спит и видит, чтобы жить так же, как ты! – Юлька бросила в меня чехлом с одеждой. – Соберись! Мир не может всегда напоминать розовое облако няшества. Даже среди родни попадают такие ... Такие... – Юлька забуксовала, подбирая эпитеты.

– Ты думаешь, она пошла переодеться? То есть, раздеться до кружева она не стеснялась, а вот натянуть несколько шмоток, прям на краску вся изошла бы. Да? Она там свои ноздри засовывает в каждый ящик! Вот увидишь!

– Отстань! Пусть смотрит сколько угодно! Ведь все твои вещи здесь? Там она ничего не найдет?

Перед глазами стали мелькать картинки «новоселья», которое мы устроили с Олегом, вернувшись от Мартынова. Нет, кажется, мы уснули прямо на паркете. Но потом приходила домработница. Черт! Я запуталась.

– Янка, блин! Ты мне ничего сказать не хочешь? – подруга вцепилась в меня мертвой хваткой, сдавив запястье.

– Юля! Вам не кажется, что к моей скромной персоне слишком много внимания! – натянув шмотки, помчалась на кухню, где надрывался мой телефон, не забыв громко шандалахнуть дверью, для большей убедительности. Увидев все-

го несколько букв на экране, забыла про гнев, разносивший меня на мелкие кусочки.

– Привет... – почти шепотом сказала, оборачиваясь в поисках укрытия.

– Ты где? – улыбнулась от его манеры сразу переходить к делу, не тратя драгоценное время на никому не нужные прелюдии.

– Дома. У себя дома. Собираемся на девичник!

– Куда? – совсем спокойный тон стал трескуче-холодным и тихим, как утренний рассвет.

– Я забыла тебе сказать! У Маринки девичник. Свадьба в пятницу. Собираемся потанцевать.

– Маринка? Моисеева?

– Да.

– Кто еще будет? – он чуть помедлил, а потом тишину разрушил щелчок золотой зажигалки. Закурил. Закрыла глаза, вспоминая его лицо. Почти ощутила терпкий аромат сигарет, услышала шумный выдох...

– Нас будет очень много. И мальчикам с нами нельзя. Ворон организовал охрану. Ресторан оцепили, ты можешь расслабиться.

– Ага, точно. Помню, чем закончилась последняя твоя вылазка в клуб. – Голос становился еще тише. Он проговаривал каждую букву, словно вбивал их в мой мозг. – Была бы моя воля...

– Слушай, Наскалов! А что там, кстати, с твоей свободой?

Как насчет ничего не просить, ни от кого не зависеть, никого не ждать? А то это как-то сильно смахивает на отношения... Кажется, ты сказал, что пока не нашел ту, кто бросит свое прошлое к твоим ногам. Или нашел?

– Хм... Кажется, ты сказала, что я никогда не найду такую идиотку. Или что, нашел?

– Боже, как мне хочется залезть в твой мозг! Хочу прочитать все твои мысли! И вообще, я хочу к Деду Морозу.

– Куда??? – рассмеялся он, заполняя мой мозг таким приятным бархатным звуком.

– В Великий Устюг, куда же еще?

– Почему?

– Все желания, которые я загадывала на Новый год, сбывались! – рассмеялась я, залезая на барный стул с ногами. – А ты где?

– Мы с Лазарем еще в пару мест заскочим и домой. Во сколько явишься?

– Я буду очень рано.

– Пока!

Отключился. Но я-то знала, что он сейчас сжимает свой телефон так сильно, что пластик скрипит, пытаюсь привлечь внимание владельца.

– Девки! Вы готовы? – Оксана показала в дверном проеме, осматривая просторную кухню лениво-выискивающим взглядом.

– Готовы. Одевайтесь, ключи от машины найду и едем!

Не успела я отложить телефон, как почувствовала его вибрацию:

«Купил много новых рубашек. И шампанское...»

Черт! Читаю и мне уже совершенно никуда не хочется ехать. Тело сотрясается от дрожи, пробивающей от самой макушки. Вцепилась в край стола, чтобы не упасть, потому что пульсация в самом низу живота заставила застонать и задержать дыхание. Как хорошо, что я одна. Дыхание сбилось в один миг. Стала хватать воздух ртом, в попытке наполнить горящие легкие. Сука! Он специально! Только пара строк, и я готова забыть обо всех и обо всём! Только пара строк, и кроме него никого не существует. Лишь пара строк!

Олег

– Ты один? – Мара встретил меня в дверях приватной кабины ресторана «Шарджа». Администратор забрал мое пальто и, отвесив низкий поклон, скрылся за несколькими перегородками.

– Да, у него появились срочные дела. Ну? Говори, чего вызвал? – официантка, одетая в по-восточному яркую паранджу, внесла позолоченный поднос, на котором стоял чайник, пиалы с закусками и восточными сладостями.

– Поешь? – Мара отложил кальян и сел, скрестив ноги в позе лотоса. Руки, на миг поднявшиеся над низким столиком, безвольно упали на колени. – Мне становится так спокойно в восточной обстановке. Как-то уютно, по-домашне-

му!

– Может, пора уже осесть где-нибудь, перестав проводить ночи у телок. Ты хоть их проверяешь? Или все-таки надеешься на легкую смерть от яркого букета инфекций? – закурил, внимательно рассматривая растрепанного Илью. – Мажор? Завязывай! Я думал, что строительство трека станет для тебя отдушиной, что ты захочешь жить!

– Дядя Олег! Завязывай! А давно ли я жил? – Илья поднял голову, блеснув ярким блеском карих глаз. Этот взгляд, движение губ, гуляющие желваки. Все говорило о вызове. И взгляд. Такой прямой и острый. – Давно ли ощущал радость от первых лучей солнца? А, Олежа? Да и не мне тебе об этом говорить. Ты ж смотреть-то на нас стал только недавно. Все ждал, что мы исчезнем, как призрачные страхи в твоей душе. Ты же смотришь на меня, как на временное явление. Подобное эксперименту, за который никто не берет ответственность. Подпустил к своим делам только для того, чтобы я был на виду. Чтобы не попал снова в больничку. ДА?

– О! Поговорить захотелось? Давай... – я скинул пиджак, перебросив его через мягкую спинку дивана. – У меня есть пара часов. Готов выслушать все твои претензии к своей скромной персоне. Только мораль мне не ясна. Не можешь найти свое место в этом бренном мире или наоборот? То, что выбрал ты, не нравится таким, как я и твой отец? Так ты скажи нам. Скажи честно, что решил снюхаться. Что именно в этом ты нашел свое призвание. Именно под коксом ты ви-

дишь мультики красочней, чем реальность. Давай. Но только я жду честности от тебя. Просто скажи.

– Сначала мне так хотелось смыться из больницы. А теперь... Теперь хочу обратно! – Илья снова затянулся кальяном, выпустив густое облако ароматного дыма. – Да, хочу обратно...

– Интересно... Но ты только махни, я быстро организую твое заключение! Но для начала скажи, почему?

– Потому что там такие же, как я... А тут вы... Такие счастливые, красивые, влюбленные! Мы с вами с разных планет! А там все просто. Просыпаешься и стонешь от тоски вместе с другими наркошами, алкоголиками, рассказывая сказки о том, что завязать проще простого! А главное, мы верим друг другу... А вот ты мне не веришь. Да?

– Не верю, Мара. Не верю. Я вообще перестал верить людям, окончательно разочаровался.

– А как же Янка? Тяжело, да? Приходится верить, чтобы не свихнуться? Да? Просыпаясь, разрываешь себя на две части: одна тянется за простой невинностью души, вторая сопротивляется, припоминая все возможные варианты. Ведь ты все просчитал? Да? Готов к ножу в спину? И к свадьбе готов, и к «розовым соплям»! В твоей голове проиграно миллион разных сценариев. Расскажи мне, друг? Какой вариант подходит тебе больше? Там, где она уходит? Или тот, где ты просишь руки её у Моисеева?

Конечно, я просчитал все. Рассмотрел каждый вариант,

взвешивая количество боли, которую придется похоронить в собственном сердце снова. Готов ко всему. Наметил свободное место на спине. Но не готов вытряхивать свою «душеньку» даже перед лучшим другом. Не готов.

– Приходится думать только о ней, чтобы не позволить от-
вратно–скользящим мыслишкам разесть твое хрупкое ощущение благополучия. Чертовски трудно, да? – Мара никак не мог уняться. Было ощущение, что мне мстят за каждый день, проведенный в одиночестве. Он прищуривается, всматриваясь в меня так глубоко, как только может. – Легко только в постели? Потому что тело само знает, что делать? Легко смотреть в глаза, легко думать, заполняя легкие ее сто-
нами? Да? Потому что в эти моменты жизнь становится предельно простой и наполненной целью. Но, как только она исчезает, сердце вновь сковывает многометровой толщей гранита, и ты уже вновь готов усомниться в ней. Помогают лишь ощущения...

– Хорошо... Продолжай. Если тебе нужен был человек для тренировки психоанализа, то давно бы дал знать. На меня перестали действовать слова. Я их ненавижу. Будь моя воля, то перестал бы общаться с людьми! Молчал бы, как рыба. Ты можешь говорить все, что хочешь! Но не думай! Не смей думать, что я бросил вас! Так? Попал в точку? – Мартынов отбросил трубку кальяна и отвернулся, наконец-то разорвав наш зрительный контакт. – Но это не самое страшное. Знаешь, что такое психосоматика? Ты вдруг решил, что просто

обязан жить так, как жили твои родители. Посмотрел на отца, попробовал. Не твое. Кто остался? Матушка? Ты нам лет до восемнадцати заливал, что она на гастролях. Но ты же врал, Илюша. Да?

– Хм... – ухмыльнулся он, так и не решаясь поднять свои глаза.

– Сколько тебе было, когда она в порыве творческого угара не рассчитала дозу? Сколько, пять? Семь? Ты до сих пор считаешь, что должен повторять их судьбы? – не мог больше сидеть на месте. Наклонился, схватив растерявшегося Илью за ворот свитера. – Никогда не начинай копать в душе человека без его разрешения, потому что тебя тоже могут копнуть! А теперь скажи, чего ты хочешь?

– Не знаю я, чего хочу! – заорал Мартынов, откинувшись на спинку дивана. – Просто дышу, живу, ем, трахаюсь. Вот ты, для чего живешь?

– Ты же сам знаешь...

– Месье, Наскалов, не лучшая цель жизни.

– Зато у меня есть хоть что-то! И ты найди. Хочешь, я провезу тебя по десяткам детских домов, заполненных абсолютно недолюбленными несчастными детьми? Если ты не в состоянии изменить свою жизнь, то дай цель им! – подхватил пиджак и уже хотел выйти.

– Стой... Корней...

Я замер в дверях, крепко сжав хромированную ручку стеклянной перегородки. Ненавидел его имя. Терпеть не мо-

гу это созвучие букв, заставляющих закипать все внутренности. Еще одно грязное слово, от которого хотелось умыться и прополоскать свой рот.

– Что?

– Я не знаю, насколько это важно... Просто мне тут сказали, что...

– Начали искать новую «тропку»? – сказал и замер в ожидании его ответа, от которого зависит многое.

– Да...

– Да... – повторил я на выдохе. Чувство облегчения накрыло. Значит, все не зря. Значит, все имеет смысл... Значит, еще поиграем... – Устрой мне встречу. Есть, что предложить! – бросил быстрый взгляд на Мару и вышел. – Алло? Акир? Все готово, начинаем!

– Где ты был? – Лазарев уже ждал меня у входа в спортклуб. Заметившие меня парни ускорили шаг, чтобы успеть переодеться перед тренировкой.

– Ужинал с Мартыновым. – Достал из багажника новой «бэхи» спортивную сумку.

– А чего не сказал? Я бы тоже с вами потусовался, – Лазарев закурил, осматривая новую тачку. – Круть. Как достал? Меня отбрили.

– Места надо знать, Сереженька.

– О! ЗдоровА! – Куранов подбежал, протягивая крупную ладонь. – Опоздал, готов отработать. Заезжал в садик. Ната

моя опять подралась. Пришлось кивать головой, пока родители и воспитатели что-то там говорили.

– А ты что? – не выдержал и рассмеялся, глядя на раскрасневшегося Андрея.

– Что? Забрал дочь из этого садика и все, – Куранов рассмеялся и пожал плечом. – Меняем уже третий садик.

– Кстати... А где Ворон? – вспомнил, зачем приехал.

– Его не будет сегодня. А что?

– Хотел узнать.... А собственно, и не нужно уже... – достаточно было только бросить взгляд на дисплей телефона, чтобы кровь закипела. – Да!

– Милый мой... – слишком сладко и громко пропела Янка. Я зажмурился, вырисовывая в сознании ее совсем не трезвый облик.

– Где ты? – даже не стал отходить от парней, просто застыл на месте, судорожно шевеля извилинами.

– Ой, Наскалов! На меня не действует твой устрашающий тон! – довольно дерзко ответила она. – Просто подними свою задницу и заведи меня из *****ска!

– Что? Откуда? Это же двести километров отсюда. Что ты там забыла? Вы должны были куролесить в ресторане! – заорал, закидывая сумку опять в багажник. Закрыв микрофон рукой, зашипел остолбеневшим парням. – Найдите мне эту «недоптичку» Ворона!

– Не ори! И прихвати с собой кого-нибудь, мою тачку нужно отогнать.

– Бл*ть!! Ты ещё и на машине уехала? Яна, я клянусь, что ты еще неделю сидеть не сможешь! Адрес! Быстро!

– Ой... Как-то ты слишком разговорчив для раба! Или сегодня мы не будем играть в госпожу и ее прислужника? – Янка сменила крик на шепот, от которого меня затрясло. Я крепче схватился за руль, чтобы просто не взорваться.

– Я еду... – убрал телефон и закурил. – Ну? У кого на сегодняшнюю ночь нет никаких планов? Работенка есть....

Моя челюсть громко сбрыкала о каменную брусчатку у входа в клуб, когда увидел толпу девчонок, вываливающихся из стеклянных дверей. За те полчаса, что мы торчим тут с Лазарем, успели обойти клуб по периметру, осмотреть подозрительных мужиков рядом с припаркованными тачками. Но теперь стало яснее, потому что все оживились, заметив толпу чертят.

– Ёшки-матрешки!! – Лазарев взвизгнул и в одно мгновение выскользнул из салона авто.

– Нет, ну точно матрешки!

Я и сам еле сдерживался, чтобы не выскочить, но не для того, чтобы посмотреть, а для того, чтобы прикрыть. Янка шла прямо в центре. Длинная норковая шубка была расстегнута, демонстрируя охренительно горячий наряд. Черный кожаный корсет открывал хрупкие плечи, а широкая шнуровка демонстрировала такую соблазнительную линию груди. Прищурился, чтобы разглядеть то, что прикрывало ее

задницу. Черт! Да там ничто не прикрыто! Какое-то подобие кожаных шорт с металлическими клепками по низу обтягивало ее бедра. Чулки в крупную сетку, высокие замшевые сапоги...

Взгляд снова скользнул вверх, чтобы рассмотреть лицо внимательней. Но лучше бы я этого не делал. Сердце сделало переворот, громко ухнув при падении. Длинные светлые пряди были скручены на затылке, рассыпая тонкие локоны по плечам, а на голове светились красные изогнутые рожки. Не знаю, сколько я еще мог просидеть вот так, наблюдая за вакханалией, творящейся на высоком крыльце клуба, но толпа мужиков, высыпавших вслед за девчонками, вытолкнула меня из салона так резко, что дверца новой машины жалостливо застонала от моего хлопка.

Янка, увидев меня, застыла на ступеньках, положив руку на бедро, тем самым, откинув длинный подол шубы. Ярко накрашенные глаза, красные губы с чуть вытершейся помадой, все это заставляло кипеть. Хотелось броситься и, перекинув ее через плечо, закинуть в машину. Но я продолжал стоять, присев на капот. Взглядом сканировал толпу, выискивая знакомые лица. Но проще было найти не знакомых. Дочери «смотрящих» сего города, внучки депутатов, племянницы полковников. Да на этом девичнике собрался весь цвет современной власти, как теневой, так и законной, так сказать фактической.

– Привет! – она медленно шла по парковке, подметая снег

подолом своей шубы. – Я думала, ты бросишься мне навстречу.

– А дорожку лепестками роз тебе не выстелить? – понимал, что говорю слишком грубо. Даже меня коробил неконтролируемый хрип собственного голоса, но для Янки, кажется, это было подобно спусковому курку. Румянец так ярко засиял на ее щеках, а губы разомкнулись, образуя аккуратную круглую форму.

– Оу... Олежа сердится? – подходя все ближе, она стала замедляться. Я уже слышал аромат резких духов и бешеное биение сердца.

– Тебя нужно показать врачу! Раздвоение личности налицо, – ладонь сомкнулась, сгребая выпавший на капот снег. – С утра опять будешь прикидываться робкой ланью?

– А тебе не нравится, милый?

– Кто это? – кивнул на толпящихся у крыльца мужиков.

– Боже, да ты точно ревнуешь! – Янка сделала последний шаг. – Мне пора бояться?

– Деточка, ты в полной безопасности, в отличие от этих пе**ил! Вот им нужно бояться, слышишь меня? – схватил ее за запястье, притягивая еще ближе. – Слышишь?

– Слышу....

Янка

– Папа! Какая наша Маринка красивая, – мы стояли возле трапа, по которому Лёня заносил новоиспеченную жену,

больше напоминающую пышный торт. Она визжала и игриво дергала ножками в белоснежных чулках.

– Да, дочь. Красивая! – отец крепко прижал меня к себе, укутывая запахнутыми полами пальто. Я определенно отвыкла от резкой смены погоды родного города. До сих пор не понимаю, почему для дяди Миши было жизненно необходимо сыграть свадьбу именно во Владике. Что? Тут брак крепче? Так сказать, сразу закреплён морозом, от которого дышать больно?

Молодые замерли на трапе, размахивая собравшейся толпе родственников руками. Сразу после ресторана мы всем табуном поехали провожать молодоженов в аэропорт. Небольшие самолетики стояли в аккуратную линию. Гости, попрощавшись с молодыми, стали рассаживаться по машинам, самолетам. Стало как-то грустно оттого, что праздник, к которому готовишься с замиранием сердца несколько месяцев, заканчивается слишком быстро. Я смотрела на их счастливые лица, не в силах оторваться от крепко сомкнутых рук, тихо плакала, замечая быстрые, понятные только для них двоих взгляды. И сердце откликнулось эхом...

Не видела Олега всего три дня, но уже считала часы до нашей встречи. В кармане шубы сжимала телефон, как тонкую ниточку, ведущую к нему. Именно в этом бездушном гаджете хранились те короткие сообщения, которыми я зачитывалась перед сном. Его односложные: «Как ты?», «Где ты?». Все эти обрывочные лоскутки чувств, на которые способен

этот сухой мужчина, разгоняли кровь по венам до безумных скоростей.

– Все. Поехали.

Как только трап небольшого самолета захлопнулся, отец взял меня под локоть, подталкивая к ожидающему автомобилю.

– Я так устала. Уже и забыла, что у нас так много родственников. – Автомобиль медленно катился вдоль стоянок частных самолетиков.

– Хм... Родственники, мать их... Добрая половина из них – стервятники, появившиеся только попросить очередной паёк. – Почти шепотом ответил отец и отвернулся. Он поправил шарф так быстро и неуклюже, будто просто пытался занять руки.

– Тогда зачем все эти пышные праздники? Зачем эти улыбающиеся люди?

– Затем, дочь, что с возрастом становишься сентиментальнее и уже начинаешь забывать, что отсылаешь дорогую открытку не племяннику двоюродной сестры, а очередному молокососу, ждущему подачки!

– Успокойся, – придвинулась и положила голову на его плечо. – Пап, мы летим домой. Скоро все будет, как обычно. Если только Оксанка не решит выскочить замуж!

– Нет уж... Я пас! – рассмеялся отец, зарываясь в моих волосах. – Хватит этой театральщины. Хватит...

Машина остановилась у нашего самолета. Бессменный ко-

мандир обходил свою «белоснежную птичку», шаря по глянце-
вой поверхности ярким фонариком.

– Летим, шеф? – у трапа стоял Лазарь, перебирающий ка-
кие-то документы.

– Да, Сережа! Домой! Дядя Вова, заводи свою пташку! И
побыстрее! Прошу! – почти влетела в нагретый салон.

– Яна Викторовна. Может, кофе? – услужливая бортпро-
водница вынырнула из подсобного помещения.

– Нет! Я хочу выспаться, потому что последние три дня
выдались слишком насыщенными, но от чая с мятой не от-
кажусь! – плюхнулась на свое кресло. Холод стал отступать,
принося такое блаженное ощущение расслабленности. Захо-
телось влезть в теплую пижамку, взять Снежка под бок и
уснуть на плече Олега. Как ни крути, но все мои мысли воз-
вращались к нему.

– Летим? – в салон поднялся отец, смахивая привычным
жестом снег с вьющихся волос.

– Ты летишь одна. – Он заглянул в кабину экипажа, что-то
быстро им сказал и, развернувшись ко мне, присел на край
кресла. – У меня дела срочные. Нужно остаться. Как только
ты долетишь, напиши. Я не задержусь. Прилечу в пятницу.

– Пап... Ну, что опять?

– Дочь, надо помочь Косте. Не могу просто улететь. Ты же
хотела быть взрослой, вот и получай! Лети, Кролик. – Отец
обнял меня и расцеловал в затылок быстрыми поцелуями.

Олег

Смотрел, как самолет, ведомый машиной эскорта, вырывается на стоянку, освещая темноту проблесковыми огнями. Как только супервайзер поставил колодки, трап откинулся, разрезая ночной мрак яркой полоской света салона. Командир вышел, чтобы убедиться, что за Янкой приехали.

– Привет, Владимир Алексеевич!

– За «сокровищем»? – он рассмеялся, помахав мне рукой.

– Нет, я за Яной Викторовной!

– Шутник, блин!

А как тут не шутить, когда последние три дня жил, сдерживая себя. Не успел утонуть в «сопливых» мыслях, как на трапе показалась Янка. Она куталась в шубу, пошатываясь на ступеньках.

– Олег... – Увидев меня, застыла.

– Слава богу... А то я подумал, что ты опять пьяная и придется снова устраивать порку!

– Нет... – Она инстинктивно прижала руку к своей попке, при этом, зажмурившись, словно рылась в воспоминаниях того дня. – Я спала.

– Я вижу, Кролик... Вижу! А теперь садись в машину, живо! – открыл пассажирскую дверь.

– Хм... Ты не за рулем? Привет, Андрюша, – как только я закинул ее чемоданы в багажник, сел на заднее сидение, поспешив прижаться так крепко, как только мог. Куранов кивнул, не поворачивая головы. – Доверил свою пташку Андрю-

ше? А он рассказал, как поцарапал соседскую машину, выполняя не слишком аккуратный маневр на парковке? – она не отводила глаз от меня. Ледяные руки сжимали ладонь, впиваясь острыми ногтями в кожу. Говорила на автомате. – Ты пьяный, что ли?

– Нет, ты помолчишь сегодня? Или весь полет придется терпеть твою непрерывающуюся трель?

– Я не... Что? Весь полет? – Янка вздрогнула. – Не поняла.

– Я, кажется, задолжал тебе подарок на Новый год.

– Олег...

– Замолчи, а то Дед Мороз узнает, что иногда ты бываешь плохой девчонкой! – вытянул руку, пробираясь сквозь шубу.

– Какой Дед Мороз?

– Ну, как? Тот самый, что живет в Великом Устюге, одна девчонка сказала, что там все желания исполняются....

– Я говорил тебе не надевать это ужасное... Отвратительное... Идиотское прозрачное платье! Я предупреждал! – Олег втолкнул меня в номер. Ударившись о стену, тихо застонала. Тонкие шпильки сапог путались в кружеве платья, лишая возможности нормально двигаться. – Этот кусок ткани не скрывает фасад твоего тела. Ты видела, как все мужики поехали тебя взглядами? Да?

Олег скинул пальто прямо на пол, срывая шелковый галстук одним движением руки. В тусклом свете блеснул браслет его часов. Подняв взгляд на его лицо, вздрогнула. Зеле-

ные глаза блестели, раскидывая искры по всему холлу просторного гостиничного номера.

– Мы должны были сегодня поехать на ночное катание на оленях, – сделал шаг, прижимаясь ко мне. – Но теперь все отменяется, Кролик.

Не могла шевелиться. Тело вдруг превратилось в натянутую струну, способную издавать мелодию от одного только его касания. Номер отеля был погружен в тягучую темноту. Лишь два тусклых светильника разбрасывали ленивые блики, обходя нас, не решаясь потревожить.

Тишина... Такая плотная, от которой закладывает уши. Не слышала его дыхания, только свое сердце. Олег завел обе мои руки над головой, пригвоздив к стене... Вторая его рука заскользила по моей руке, продвигаясь к шее так медленно, как только могла, будто боясь пропустить даже самую маленькую родинку...

Большой палец замер в глубокой ямке у горла, словно проверяя насколько быстро бьется мое сердце. А оно не просто билось, а колотилось, как запертый голубь. Одним движением руки сорвал единственную тонкую лямку моего платья. Шелковая ткань заскользила по коже, запуская табун мурашек по телу. Таких настоящих, заставляющих дышать полной грудью. Его ладонь медленно легла на затылок, пропустив конский хвост между пальцами. Зацепил шелковый платок и потянул так сильно, что из пересохшего горла вырвался слишком громкий вскрик...

– Я говорил, что иногда ты бываешь слишком плохой девочкой?

Прохладная шелковая ткань коснулась шеи. Шарф едва касался груди, скользя по нежной коже сосков. Горячая ладонь на контрасте с охлаждающими касаниями шарфа, заставляла сердце останавливаться. Олег поднял меня, как пушинку. Пальцы больно впивались в бедра, стараясь оставить отметины, которые он по утрам покрывал поцелуями. Медленными, настоящими, реальными. Чуть помедлив, Олег замер на распутье между спальнями, но стал опускаться на колени, укладывая меня прямо на шершавый ковер. Колючий ворс играл на контрасте, заставляя делать быстрые вдохи. Олег зажал шелковый черный шарф в своих кулаках. Нежная ткань легла на ключицы сначала мягко, даря шелестящие ощущения, затем давление усилилось, и он стал двигаться. Шелк скользил по коже, оставляя жаляще-горячие полосы. Он застыл в миллиметре от груди и усилил давление.

– Мы расскажем Деду Морозу о твоих шалостях?

Я вскрикнула от горящего ощущения на сосках. Открыла глаза, увидев абсолютно довольную улыбку Олега. Он чуть наклонился и стал дуть на вершинки груди, обволакивая приятной прохладой. Мои кулаки сжались, в поисках опоры. Чтобы была возможность передать то напряжение, закипающее где-то в глубине моего тела. Обжигающие волны проникали прямо в нутро, заставляя биться сердце, пульсация в животе усиливалась. Его горящее дыхание появлялось то

у шеи, то спускалось ниже, то ощущала его близость у пупка. Тело реагировало остро, вздрагивая, поднимая бедра на встречу ему. Хотелось дотронуться, прижаться, ощутить всего его...

– А про тебя? Про тебя расскажем Снегурочке? – знала, что он ждет. Ждет реакции.

Мои хриплые слова, больше похожие на нервный громкий шепот, прозвучали, как сигнал. Он выдохнул так громко, словно все это время не дышал. Пуск. Горячие губы обрушились на мои. Чувствовала его дрожь и быстрое дыхание.... Не могла больше сдерживаться. Ладони легли на его спину, ощущая подушечками пальцев каждый его шрам, я застонала. Но продолжала двигаться, будто пересчитывая их... Курок... Пуск...

Глава 32

Если ты меня любишь, то значит ты со мной, за меня, везде, всегда и при любых обстоятельствах.

В. Маяковский

Олег

Прохлада, струящаяся в открытую балконную дверь, кружила по еще влажной коже, поднимая тонкие струйки пара в воздух. Хотелось поёжиться от холода, но я терпел. Всегда терпел, впитывая неповторимые ощущения. То, как мороз вытягивал остатки тепла, как кожа, привыкшая к новым ощущениям, начинала гореть, заливаясь румянцем. И холод уходил.... Я открыл глаза и потянул носом запах завтрака. Янка стояла у плиты, пританцовывая, то и дело оборачиваясь в сторону телевизора.

– Мультфильм... Весьма оригинально. – Не мог сдержаться, хотя уже принял привычную позу для подглядывания за девочкой. За своей девочкой. Янка вздрогнула и обернулась.

– Ты постоянно подкрадываешься! – она взяла полотенце и бросила в меня. Поймав льняную тряпку, рассмеялся. Нет ничего приятней, чем наблюдать за ее мягкими движениями. Это стало вроде утренней традиции. Просыпаясь, я отправлялся на пробежку, преодолевая привычное расстояние в несколько километров за короткое время, чтобы побыст-

рее вернуться домой. Янка же, не отличаясь тягой к раннему пробуждению, валялась в кровати до последнего. Но стоило мне скрыться в ванной, как она, завернувшись в мою рубашку, мчалась готовить завтрак. Вот и теперь. Она довольно пританцовывала, а стол у панорамного окна уже был накрыт, кофе дымился в белых чашках с золотыми узорами.

Я уже перестал замечать ежедневные изменения собственной квартиры, устав отвоевывать право на квадратные метры. Видел, как ей это нравилось. Она могла часами переставлять очередную вазочку, меняя ее местоположение в поисках нужного ракурса. Если с утренним ритуалом я смирился, то вечерний меня выворачивал наизнанку, будоража мозг и тело. Она появлялась на пороге моего кабинета каждый вечер, в одно и то же время. По обнаженному телу струились ласковые лучи приглушенного света кухни. Длинные локоны, переброшенные через плечи, скрывали грудь не полностью, оставляя моей фантазии так необходимую пищу для игр. Сказать, что я удивился, увидев ее на пороге впервые – ничего не сказать. Помню тот горький вздох, полный разочарования, вырвавшийся из моего рта. Но это было другое разочарование. В тот момент я понял, что это конец. Собственный разум выбросил белый флаг и начал судорожно раздеваться, смирившись с полной передачей силы воли новому владельцу. Но все было бы слишком просто.

Янка быстро поняла, что меня довольно сложно отвлечь от работы и нашла неоспоримое оружие – себя. Она скиды-

вала одежду, а потом удалялась. Я находил её в самых неожиданных местах, потому что в тот момент мог думать только об единственно уместном занятии, но наши планы совпадали не всегда. Она могла сидеть на полу столовой, обложившись десятками книг. С ангельским лицом протягивала учебник, чтобы я погонял ее по вопросам предстоящего в универе теста. Или же мог найти ее, завернутую в мягкий плед на замшевой поверхности синего дивана. Вокруг стояли тарелки с попкорном и газировка, разлитая в высокие пивные бокалы. Именно таким оригинальным образом она приглашала меня на совместное вечернее времяпрепровождение. И я привык...

Привык к слезливым мелодрамам, к сериалам или авторским фильмам, над которыми она потом долго думала, сморщив носик. Привык к стеклянным баночкам, расставленным по всей квартире. Привык даже к тому, что она, совершенно не заморачиваясь, могла схватить мою зубную щетку, или к тому, что когда-то черные полотенца стали пропадать, их место занимали розовые, голубые или желтые. Она была везде. Была ароматом моей квартиры, одежды, кожи.... Стала необходимой жидкостью, струящейся по венам. Живительным кислородом, заполняющим мои легкие, нервными окончаниями мозга, благодаря которым я еще мог иногда сообщать. Она была во мне... Завладела. Захватила. Завоевала. Поработила...

А вчера она не торопилась появиться. Я уже выключил

ноутбук, погасил настольную лампу и закурил, ожидая её появления. Пепельница стала полнее ровно на четыре окурка к тому моменту, как Янка появилась в дверном проёме. Что-то было не так. Обычно она замирала на пару секунд, а затем исчезала, игриво виляя попкой, а вчера она задержалась. Руки, опущенные вдоль тела, стали подниматься, скользя по коже. Длинные пальцы обхватили волосы и стали перебирать, зарываясь все глубже. Она словно готовилась к чему-то, набираясь смелости, но я не успел завершить собственную мысль, потому что она резко развернулась спиной.

Сначала ничего не понял, но взгляд все же начал скользить по знакомым изгибам плеч, по тонким рукам и чуть дерзкой линии бедер, пока не наткнулся на.... Рука машинально шелкнула тумблером светильника. Теплый свет разлился по комнате, освещая татуировку, набитую на левой ягодице поверх ее шрама. «Призрак». Коротко и ясно.

– Ты постоянно меня пугаешь! – Янка размахивала кулаком, привлекая к себе внимание.

– А ты постоянно мешаешь мне...

– Что? Наскалов, я снова примусь за прореживание твоего гардероба! – она сделала неуверенный шаг навстречу, чуть прикусив губу. Взлохмаченные после сна волосы ярко светились в лучах утреннего солнца ярким шариком, как грива льва. Но так оно и было: она шла на носочках, переступая плавно и неспешно, как львица. Каждое движение было наполнено грацией и какой-то тягучей нежностью. Светлая

рубашка, застегнутая на одну пуговицу под грудью, скорее демонстрировала ее тело, чем служила прикрытием.

– Ты постоянно мешаешь сделать тебе подарок, – протянув руку во внутренний карман пальто, висящего на стуле, достал небольшую бархатную коробочку. – С Днем Рождения, кролик-танкист!

– Боже! А я всё утро гадала, как ты это сделаешь! – она рассмеялась и бросилась мне на шею, крепко обхватив торс ногами. – Никогда не думала, что ты можешь быть таким милым.

– Женщина, советую тебе контролировать подбор эпитетов. «Милый» – это твой Марат, зачесывающий волосы блестящим гелем, припрятанным от большевиков еще его прабабушкой!

– Олег, ревность тебе не к лицу! Я пропущу мимо ушей то, что ты каким-то неизвестным мне образом видел Марата, – она крепко прижималась ко мне, обвив руками шею. Теплые губы едва касались кожи, горячее дыхание было больше похоже на всхлипы.

– Ты чего ревешь?

– Ничего.

– Янка, я заберу сейчас подарок и отшлепаю тебя!

– Нельзя! Попа болит.

– Правильно. Потому что нечего было уродовать свою задницу. Никто тебе разрешения на это не давал. – Чуть касаясь, пробежался по воспаленной коже ягодицы.

– Но я хотела, чтобы ты всегда был рядом.

– Янка, ты еще такая девчонка. С кем я связался?

– Так! – она отклонилась, вонзив в меня свой взгляд. – Ты думаешь, что я еще маленькая?

– Конечно. Именно так я и думаю. Ты еще совсем ребенок, не понимающий, во что вляпался.

– Иногда мне нравится, что ты относишься ко мне, как к чему-то хрупкому, а порой меня это бесит! – Янка прищурилась и схватила меня за подбородок. – А сейчас мне это не нравится. Иногда я чувствую, как ты кипишь от неуверенности. Вижу, как сомневаешься, гоняя в голове что-то очень важное. Может, расскажешь уже?

– Всё-то ты видишь... И всё-то чувствуешь! А теперь хватит ерундой страдать. Открывай подарок.

– Поди, Лазаря опять запарил?

– Ага... Этому оболтусу нельзя доверять подобное!

– Слышишь, Снежок? В этой коробочке что-то очень важное! – Янка обернулась к мирно спящему щенку, свернувшись клубком на меховой подстилке в углу. – Даже Сереженьке не доверили!

– Всё? Запас колкостей иссяк? Ты совершенно не умеешь принимать подарки, Янина Викторовна.

– Я умею, милый, определенно умею! – Янка стала быстро срывать ленточки, обвивающие бархатный футляр. – Черт!

– Да, мне тоже нравится. – Не смог сдержать смех, рассматривая распахнутые голубые глаза.

– Точно такие же, как у тебя! – взвизгнула она, вытаскивая черный браслет часов. Пальцы стали бегать по глянцу черного золота, останавливаясь на шероховатой россыпи черных бриллиантов. – Они прекрасны...

– Это просто часы, Кролик....

Яна

– Боже... Какой мужчина! – Оксана растеклась по стулу, абсолютно не скрывая капающую слюну.

Она пересела за наш столик сразу, как только Олег с Андреем появились рядом, и уже пятнадцать минут и тридцать восемь секунд гипнотизировала его, осыпая абсолютно прозрачными намеками. Она тяжело дышала. Наверняка, нарочно! Грудь так сильно прилипла к прозрачному кружеву на вдохе, что казалось платье может треснуть в любой момент, а на выдохе ткань расслаблялась, позволяя вырезу декольте показать чуть больше, чем позволяли правила этикета. Я нервно обвела взглядом зал, глотнув слишком большой глоток шампанского. Опьяняющие пузырьки начали взрываться еще в горле, словно пытались привести меня в сознание, потому что моё тело было в шаге от обморока... Ну, или в секунде от драки. Так и хотелось вцепиться в ее брюнетистые лохмы и показать, каково это – класть глаз на то, что ей никогда не будет принадлежать. Ведь он только мой. Навсегда!

Уловила боковым зрением его движение. Правая рука была перекинута через спинку пустого стула, Олег о чем-то го-

ворил с Курановым, при этом постоянно осматривал зал, начиная движение от входа, заканчивая на мне. Несмотря на атмосферу расслабленности, спина была настолько напряжена, что даже через ткань светлой рубашки прорисовывался рельеф мышц. Хотелось выгнать всех и прикоснуться, ощущая родную неровность от шрамов, повторять рваные линии, представлять боль, которую пришлось испытать. Не понимала, что со мной. Ведь думала, что сильнее влюбиться уже невозможно, но стоит только уловить его образ в толпе, как ноги становятся ватными, прогибаясь в мягкости желания, сердце бьется в нежности, а руки дрожат в неконтролируемой тяге. Он как магнит. Такой сильный, мощный, в поле которого я становлюсь мелкой скрепкой, обнажая душу, раскрывая сердце. Готова. Абсолютно точно – готова пойти за ним, хоть на край света. Хоть куда... Везде и всегда. И точка.

– Оксана, мне кажется, что тебя уже заждались за столиком! – не удержавшись, дернула ногой, намереваясь попасть в нее, но заметила, как округлились глаза Маринки, сидящей напротив. Сестра поджала губу, но воздержалась от истерики, отвернувшись к мужу. Но я-то понимала, что ей эта ситуация нравится все больше только потому, что столкнулась с чем-то неясным, тайным, запретным. «Любопытная Варвара»! Она видела меня насквозь! Пока они были в медовом месяце, мы переговаривались только по телефону, так что Марина не могла определить степень вранья, сгущавшегося вокруг меня. Но сейчас я не могла спрятаться, потому что

ресторан отца был полон желающих поздравить меня с очередным бесцельно прожитым годом жизни.

Чтобы согнать румянец, отвернулась от стола, пытаюсь выдохнуть и абстрагироваться от колких фраз Оксанки, от тяжелого, практически непробиваемого молчания Олега и от откровенно любопытных взглядов Маринки. Все столики были заняты. В тусклом свечном освещении все казалось таким волшебным. Хрустальные капельки бра впитывали теплое свечение и щедро рассеивали его по серебристым стенам. Троюродные тётушки в светлых платьях, братья троюродных дядь в строгих костюмах, маленькие дети, резвившиеся на детской площадке, отгороженной от основного зала кирпичным простенком. Белоснежные скатерти, серебряные салфетки, горы подарков, аккуратно сложенных у нашего стола. Все, как всегда... Но только мне хотелось оказаться в уюте нашей квартиры. Наедине!

– Нет, дорогуши. Теперь вы меня отсюда никаким тягачом не вытянете. Олеженька, дорогой. А ты женат? – она закурила и, выставив локти на стол, водрузила свою увесистую силиконовую грудь на белоснежную скатерть.

– Хм... Вот прямо в лоб? Да? – Олег, все это время игнорирующий ее атаки, обернулся. Осмотрел сидящих за столом, в поисках источника шума, прервавшего разговор. Но, как только он остановился на Оксане, быстро окинул ее раздраженно-утвердительным взглядом, затем выдохнул и положил руку мне на колено. Так тихо и совершенно незаметно.

но. Даже ткань скатерти не шелохнулась. Странно, но я успокоилась. Дыхание стало восстанавливаться, румянец, поджаривающий лицо, отступал, а злость, закипающая где-то в районе горла, растворилась, будто и не было вовсе. Выдохнула.

– А чего тянуть? – Оксана вздернула подбородок, вытягивая и без того лебединую шею.

– Оксан, осади! – Маринка ткнула её в бок, но решительно настроенная Оксана даже не шелохнулась, продолжая сверлить томным взглядом Олега. Весь ее вид говорил о состоянии боевой готовности. Да от нее несло этой решимостью за километр. Я чуть не взорвалась, когда она скинула шелковый шарф, скромно переброшенный через плечи, при одном только появлении Олега в зале. Конечно, его сложно не заметить, но оголяться при виде первого встречного – это было основным ее жизненным кредо.

– Отстать, я не учу тебя семейной жизни, а ты не учи меня холостячкой. Ясно? – казалось, что ничто не может оторвать ее от выбранной цели, даже любимая сестра. Поэтому она отмахнулась от Маринки откровенно пренебрежительным жестом. – Ну, так что? Женат? Хотя... Признаться, меня это совершенно не беспокоит.

– Хм... – Олег как-то резко дернулся и нагнулся над столом, впившись взглядом в Оксану. Мощная ладонь впивалась в тонкую ткань скатерти, казалось, что был слышен треск напряжения. Он поджал губы и прошелся по ней взгля-

дом, но, не увидев для себя ничего интересного, снова отвернулся. – Да... Определенно. Ты одна из них...

– Из каких? – Оксана была явно не готова к такому повороту. Уверена, что в ее хорошенькой головке был выстроен длинный диалог, в котором не было места его словам, произнесенным в абсолютно пренебрежительном тоне. – Какие еще они? Что ты несешь?

– А какая разница? Тебя же это не беспокоит. – Олег пожал плечами, так и не повернувшись к своей собеседнице. Я чуть сжала его ладонь, потому что не ожидала настолько резкой реакции. Но Олег быстро отпустил моё колено, забирая с собой так нужное мне спокойствие.

– Нет уж. Договаривай. – Оксана теперь просто не могла унять. Щеки зарумянились, губы превратились в тонкую нить, а нос раздувался в гневном дыхании. Она резко дернула рукой, пытаясь перехватить ладонь Олега, но тот все видел, даже находясь спиной к нам. – Никто никогда не разговаривал со мной в подобном тоне!

Олег обернулся, еще раз окинул ее взглядом и вздохнул. Красивое лицо исказилось гримасой сдерживаемого раздражения. Было видно, что ему все это не нравилось. Хотелось спросить, почему он так напряжен и встревожен. Только сейчас увидела нервный бег глаз по залу, тяжелые вздохи, какую-то обреченность во взгляде. Я поежилась, ощущая страх. Самый настоящий. Такой глубокий и густой, что стало холодно. Тонкий шелк моего брючного костюма перестал

согреть, вытягивая остатки тепла из тела.

– Чего вы хотите, Оксана Константиновна? – на выдохе выпалил он, окинув зал ресторана ленивым взглядом. – Только прямо, без лирики. Я этого очень не люблю.

– А чего можно хотеть от высокого сексуального мужика? – чуть помедлив сказала Оксана, растянувшись в улыбке.

– Тогда пошли! – он резко встал, набрасывая на плечи пиджак, и протянул руку очумевшей Оксанке.

– Чего? – она подавилась сигаретным дымом, раскашлявшись громкими спазмами.

– Ты же не в шахматы мне сыграть предлагаешь, поэтому идем. И побыстрее, а то скоро торт будут резать. Я очень люблю сладенькое.

– Никуда я не пойду. Охренел, что ли? Кто ты такой? Охранник? Вот сиди и охраняй тело Её величества! – она злобно ткнула пальцем в мою сторону. – А обо мне тебе придется лишь мечтать!

– А чего же ты, деточка, делаешь абсолютно прозрачные и неприлично пошлые, как твоё платье, намеки каким-то там охранникам?

– Не думала я, что ты такой кретин!

– Спасибо! – Олег довольно откинулся на мягкую спинку стула и сложил руки на груди. Я еле сдерживала смех, потому что впервые за вечер увидела его настоящую улыбку. Черт! Да ему всё это нравится!

– А тебе говорили, что твоя улыбка больше похожа на

оскал? – Оксана хваталась за последние ниточки надежды остаться в победителях. Но было видно, что Олег настроен весьма решительно. Он почти не смотрел на нее, постоянно осматривая зал ресторана, замыкая взгляд на циферблате своих часов.

– Говорили.

– А ты?

– А я... – Олег свел брови, словно увидел что-то интересное. – А я привык благодарить за комплименты. Деточка...

Олег

Зал опустел. Нет, вернее, дальние родственники, друзья семьи продолжали прибывать, но те, за кем я следил, пропали. Не было ни Моисея с братьями, ни Лазаря с парнями, даже Куранов куда-то смылся, пока я отвлекся на эту стержозину.

Оксана Моисеева – дочь младшего из братьев. Как ни странно, но Константин – единственный, у кого два ребенка. Остальные, так сказать, сильно схалтурили, остановившись на дочерях. Когда мне Янка что-то там говорила за завтраком про свою сестру, я не придавал этому значения, хотя видел, насколько она нервничала, описывая сестру. А теперь мне и подавно было неинтересно. Хотелось побыстрее посадить ее на самолет и не забыть убедиться, что он взлетел, унося с собой отвратительный аромат парфюма.

– Олег? Моисей зовет. – Голос Бубы прозвучал у самого

уха как-то слишком громко и неожиданно.

– Да? Пороть будет? – рассмеялся, внимательно наблюдая за лицом Бубы. Он округлил глаза и нервно сглотнул слюну. В точку... Медленно осушил бокал виски, забросив в рот несколько, еще не успевших растаять льдинок и встал. Окинул зал взглядом, вспоминая все доступные выходы. Меховой полушубок Янки валялся на соседнем стуле, подобрал его и положил ей на колени.

– Ты чего? Мне не холодно, – она подняла свои голубые глаза, и я вздрогнул. Не знаю почему, но стало как-то непривычно. Что-то непознанное новое волной обрушилось на меня. Хотелось схватить ее в охапку и бежать. Но... Сплошные «но».

– Соберись. Я скоро вернусь, и мы уезжаем.

– Куда? Олег! Это мой День Рождения!

– Яна... Сейчас не время! – рявкнул. Понимал, что перегнул, но только это могло быстро донести важную информацию в ее голову. Только сквозь выступившие на миг слезы, она могла собраться и молча кивнуть.

Буба продолжал стоять за спиной, не сводя с меня глаз.

– Что? Приказали привести любой ценой?

– Скала! Что ты говоришь?

– А чего тогда мнешь ствол в руке? А? – кивнул на карман брюк и направился в сторону уже знакомого коридора в подвальное помещение, где находился кабинет Моисея. Вдоль стены стояли охранники, опустив голову. Да мне и не нужны

были их глаза, потому что знал, что произойдет дальше.

– Олег. Придется оставить ствол. – Охранник преградил мне путь к двери, как только рамка металлоискателя разрушила тишину коридора.

Выбросил ствол на тумбу и решительно шагнул к двери, открывая ее ногой. Но это было последнее, что я видел. Темнота....

– Очухался? – знакомый хрип доносился откуда-то изда- лека. Резкая боль пронзила голову, концентрируясь где-то у затылка. Как только открыл глаза, теплая жидкость просо- чилась в глаз, размывая картинку. Дернул руками, но беспо- лезно, они были связаны за спиной. Кожей ощутил прохлад- ное касание металла. Наручники.

– О! Моисей! А я-то думал, чего это ты ко мне сегодня ни разу не подошел. Обиделся, что ли? – пересохшее горло саднило, а вылетающие звуки больше походили на хрип.

Моисей стоял в паре метров от меня, скрестив руки за спиной. Он внимательно следил за мной, словно боялся про- пустить малейшее движение, взгляд или вздох. Казалось, что он приготовился. Будто просто ждал отмашки, чтобы взо- рваться. Но мне нужно было время. Выдохнул и, пользуясь моментом, окинул взглядом кабинет. Вдоль стен стояли пар- ни, они старались не смотреть в мою сторону. У стола «па- пы» стоял Костя. Он вертел в руках мой ствол, пытаюсь про- честь гравировку на рукоятке.

– Кто ты такой? – вдруг заорал Моисей, подскакивая ко мне. Было заметно, как его трясет. Морщинистое лицо то бледнело, то румянилось, как свежий персик. Глаза стали прозрачными, как ключевая вода. – Никто! Слышишь? Еще никто меня не провел. И тебе не удастся! Никому не позволю гнать дурь в мой город! Хотел повернуть все за спиной? Да? Ан нет, Призрак... Я думал, что ты умный мужик, а ты так себе... Грязь под ногами. Думаешь, раз снюхался с Янкой, то приму тебя и твое дерьмо с распростертыми объятиями? – Он нагнулся так близко, что в нос ударил резкий запах виски и пряность его сигар. – Нет, Скала. Я куплю доче новую игрушку, а ты исчезнешь с лица земли. Я раскусил тебя. Вижу насквозь. Твоя маска таинственности, вседозволенности – не что иное, как пустота и продажность. Ты пустое место. Шавка без роду и племени, готовый за зелень американскую убить любого. Ты один, а мы – семья! У тебя же на лице написано, что ты «шкура»!

– Что ты с ним разговариваешь? – Костя вышел из-за спины брата. Такой тяжелый взгляд шарил по мне. Я чувствовал каждой клеткой. Но он меня сейчас не интересовал. Закрыв глаза, в поисках хоть капли страха, растерянности. Но нет... Все как обычно. Сколько раз я слышал то, что сейчас вывалил на меня Моисей? Много. Да чего скрывать? Сорок девять раз. Сорок девять гребаных раз. Каждый раз видел глаза, наливающиеся кровью, раздувающиеся крылья носа, ощущал тяжелое дыхание, запах сигарет и алкоголя. Меня-

лись только люди, страны и времена года. Даже обстоятельства повторялись с завидной регулярностью. И все происходящее сейчас не было для меня сюрпризом. Раздражала реакция собственного организма. Полное отсутствие стандартного для обычного человека набора симптомов: страха, шока, волнения. Пошевелил пальцами, прижав их к ладони, но кожа была сухой, ни капли гребаного пота. Хотелось закрыть глаза и уснуть. Нет, не потому что голова вибрировала от боли, а потому что надоел шаблонный процесс. Усталость накапливалась где-то под солнечным сплетением. Кружилась, больно стуча в желудок, пинала в сердце и крепко сжимала легкие.

Вот и сейчас я смотрел на Моисея, скорее, как на что-то обыденное, привычное и рутинное. Кровь стала запекаться, лишая четкости зрения, стягивая веко. Устал смотреть на трясущееся от гнева лицо старика и вновь повернулся к Косте. Как только наши взгляды встретились, он подпрыгнул от неожиданности, уронив мой ствол на пол и замер, чем стал привлекать к себе внимание парней. Куранов, стоящий у стены, быстро отпнул оружие к входной двери и снова отвернулся, так и не подняв глаз. Костя пару секунд пытался собраться, а потом схватил графин виски и щедро плеснул в стакан со льдом.

– Что, дядя Костя, страшно? – прошипел я, сплевывая затекшую в рот кровь прямо на пол.

– Что ты тянешь? – вдруг заорал Костя, подбегая к расте-

рянному Лазарю. – Это он крыса! Пустили его, пригрели! Да если бы не я, то вы никогда бы не поняли, кто он! Стреляй!

Парень стоял прямо за спиной Моисея, сжимая в опущенных руках ствол. Он смотрел на меня исподлобья, практически не моргая. Никогда не видел настолько тяжелого взгляда. Пальцы крепко сжимали рукоятку. Белизна костяшек, нездоровый багряно-черный цвет кожи рук, мелкая дрожь и каменное выражение лица. Черт! Да он даже не пытался скрывать эмоции. Если Моисей кипел от ярости, борясь с диким желанием накрутить мои яйца на кулак, то с Лазарем все было иначе...

– Вообще, почему он до сих пор дышит? – Костя понял, что от Лазаря ему ничего не добиться и развернулся к брату, схватив его за рукав пиджака. Но Моисей нервно отмахнулся, сбросив крепкую ладонь брата, этот жест был похож на то, как отмахиваются от назойливой мухи в конце лета. Конечно, от него сейчас слишком много шума. Старик-у нужно было решиться грохнуть того, кого сам подпустил слишком близко. Подписывал приговор очередному мужику единственной дочери. Видел его муку, потому что на кону стояло что-то бесценное, неповторимое, то, что сложно вернуть. Любовь и доверие...

– Это мой город... – вновь затянул Моисей любимую песню.

– Он давно уже не твой. Тебя списали... Как только шлепнешь меня, то и сам пропишешься в комнате из красного де-

рева. Говорят, там тепло и хорошо... Продумай дизайн! А то красный бархат любит не каждый! – не знаю, но почему-то именно сейчас мне хотелось высказать ему все, что думаю. – Хватит, старик. Пора уходить...

– Заткнись! – взвыл Костя.

– Сереженька... – почти шепотом сказал старик, не отводя от меня своего взгляда. Но Лазарь стоял, даже не собираясь шевелиться.

– Моисей, порой даже я не могу понять тебя! – Костя стал расхаживать по темному кабинету, раскачивая бокал виски. Льдинки приятно побрякивали, успокаивая мое встревоженное сердце. – Надо было его убрать сразу, как только он нашел крысу. Так сказать, сделал дело – лежи тихо.

Костя хрипло посмеялся над собственной шуткой. Его смех был, как насмешка над каждым, находящимся в этой комнате. Как только понял, что, кроме него, никто не смеется, покраснел. Я не мог сдержать улыбку, потому что было довольно весело наблюдать за истерикой сорокалетнего мужика. Он то замирал, оглядываясь с опаской, то снова храбрился, выпячивая грудь. Успокоившись, он быстро подошел к бару и, добавив в стакан виски, встал у стены.

Моисей повернулся в сторону дивана, на котором сидел Миша. Худощавый мужчина нервно пожал плечами, наклонив корпус вперед. Тонкие жилистые руки дрожали. Было заметно, что творившееся в когда-то тихом и уютном кабинете ресторана было ему неприятно. Не привык Миша ви-

деть «черную сторону» семейного дела. Смирился с тем, что жить намного проще, не задавая лишних вопросов. Поэтому взвалил все бумажные дела на свои плечи, скрывшись ото всех в уюте своего офиса. А теперь? Теперь пришлось окунуться в зловонную пучину реальности. Миша на миг поднял голову, бросив на меня осторожный, но открытый взгляд. Когда-то голубые глаза теперь напоминали выцветший лоскуток ткани. Покрасневшие белки, морщинистые, чуть опущенные веки, дрожащие тонкие брови. В его взгляде было что-то настоящее, человеческое. Нотка боли, размылась под плотным покрывалом неизбежности и смиренности. Он смотрел на меня и просил прощения...

– Кончай его, Лазарь! – Моисей махнул рукой.

Сергея начал медленно поднимать руку, наводя ствол прямо на меня. Но двигался он настолько медленно, что стало скучно даже мне.

– О! Привет, дорогой, – я рассмеялся, но тут же зашипел. Запекшаяся кровь на разбитой губе лопнула, ноющая боль резко ударила в голову, затмевая бушующие мысли.

Снова обвел взглядом кабинет. Все, кроме Моисея и Кости, стояли с опущенными головами. Буба сидел на подоконнике, то и дело, сжимая кулаки до хруста костяшек. Мурашки отвращения покатались по телу. Ощущение тошнотворности перевешивало, потому что им всем меня было жалко. Жалость клубилась в воздухе плотным дымом сигар, она была в каждом вздохе, доносящемся из разных углов кабинета.

Ворон сидел на диване, сложив голову на подголовник. Никто не смотрел. Они думают, что если не смотреть, то совесть и руки останутся чистыми. Но нет, суки.... Вы еще долго будете видеть сны. Я позабочусь...

Лазарь наконец-то поднял руку, прицелившись прямо в сердце, ему не хватило смелости прицелиться в голову, потому что понимал, что Янка не отстанет, пока не увидит меня. Берег ее сердце, не решившись раздробить мою черепушку в мясо. Понимал, что его сделали палачом не просто так. Моисей наказывает и его. И за дело, между прочим, потому что молчал. Видел и молчал. Он крепко сжимал рукоятку ствола, смотря не столько на меня, сколько на дуло пистолета.

– Давай, Лазарь. Я жду! А чего? А чего такое лицо? Что? Прикипел всем сердцем? Бедняжка.... Но ничего. И тебе найдут нового напарника. Не переживай. Давай, стреляй... – громкий смех вырвался из груди, заполняя кабинет густым хрипом. Лицо Сереги становилось все краснее, было заметно, как дергается веко.

– Нет... – прошептал он.

– Да, бл**ь! – взвыл я и стал раскачивать стул. Деревянные ножки громко брякали по полу. – Стреляй, Лазарь! Стреляй, родной!

– Хватит! – в голове смешались все оттенки шума: надрывные голоса Бубы и Куранова, подбегающих ко мне, то ли успокоить, то ли освободить, хрип голосащего Лазаря и выстрел... Взрыв пороха оглушил, щедро сдобрив воздух каби-

нета резким запахом, от которого защищало в носу... В носу? Что я говорю?

Жалящая боль пронзила левую ногу где-то в районе колена. Вскрикнув, вытянул ногу, чтобы определить место очередного шрама. По касательной, однозначно. Ткань только слегка была надорвана, а значит, либо ему помешали выстрелить в сердце, либо он специально поцарапал меня.

Поднял голову. Абсолютно бледный Лазарь стоял все на том же месте, плотно сжав губы. Рука все еще сжимала ствол, направленный на меня. Придурок! На что он надеется? На то, что у меня есть запасной план? Очумевшие Буба и Андрей застыли справа от меня, не понимая, что уже сделали и, что делать дальше. Впервые увидел их глаза. Стра-а-а-а-ах... Черт! Конечно, они понимали, что теперь и им приговор будет подписан. Моисей не простит слабости. Никогда.

– Лазарь, что это, ** твою мать! – взревел Моисей и достал свой ствол.

– Не, все правильно! «Папа», что там насчет предсмертного желания? – выдохнул, резко вытолкнув остатки боли, и обернулся к вооружившемуся Моисею.

– Еще чего?

– Ну, как? Я всегда даю возможность озвучить желание. Правда, никогда не выполняю, но выговориться даю всегда.

– А я не даю! – заорал Моисей. – Лазарь! У тебя последний шанс! Либо дышишь ты, либо он! Ясно? Все просто!

– Ладно... Давай, Сереженька... Просто хотел сделать ста-

рику предсмертный подарок. Но он не хочет. – Пожал плечами. – Хочешь, я закрою глаза. Тебе так проще будет? Кстати, мою тачку забери себе. Дарю!

– Что ты хотел? – очнулся Моисей.

– Лазарь, стреляй! Только не промахнись! А то я умру от потери крови еще до того, как ты наконец-то найдешь жизненно важный орган!

– Скала! Скажи ему! – взвыл Лазарев, делая шаг ко мне.

– Стреляй!

– Олег? Что ты хотел сказать?

– Скала! Скажи! – Серега прижал дуло прямо к моему лбу.

– Я сказал, стреляй, тряпка!

– Нет, ты скажешь!

– Стреляй, б**ть! Кому говорю! – я вновь стал раскачиваться, то упираясь головой в ствол, то отдаляясь. Только теперь никто не бросился в мою сторону. Как только ножки захрустели, сделал последний рывок и встал, чуть поморщившись от стреляющей боли под коленом. – Стреляй! Никто не будет шантажировать меня! Моисей, запомни, что, как только я закрою глаза, то и ты отправишься вслед за мной. А там я тебя встречу. Хочешь, займу котел погорячее? – уже никто не обращал внимание, что рухнувший стул рассыпался, освободив меня. Осталось только скинуть наручники.

– Кто? – прохрипел Моисей. Его глаза потемнели и наполнились слезами. Дрожь только усиливалась, лицо покраснело. По надрывности голоса я понял, что старик почти готов,

осталось только несколько шагов.

– Стреляй! Хватит! – сделал шаг навстречу Лазарю.

– Олег! Скажи ему!

– Кто?

– Стреляй!

– Нет!

Наши крики звучали одновременно. Просто кричали, сотрясая стены кабинета. Страх ощущался в воздухе все сильнее, повсюду началось движение, потому что на это сложно было спокойно смотреть. Не мог отпустить взгляд Моисея. Наконец-то он понял все. Мне не хотелось говорить, хотелось показать.

– Но ты меня отпустишь! – прошипел я, наклонившись к Моисею так близко, что на его седых кудрях отпечаталась моя кровь. Но он не заметил, продолжая хрипеть от гнева. – Стоять! – заорал я, заметив, как Костя подорвался с места. Ворон быстро преградил ему дорогу к двери. Моисей развернулся, застыв на месте.

– Ты? – старик взмахнул стволом, остановившись на фигуре брата.

– Так... Это без меня! Хватит с меня! – внезапно возникший Куранов отщелкнул наручник с одной стороны, и я бросился вон из кабинета. – Оставайся со своей семьей!

– Дочь не трогай!

– Это мы еще посмотрим! – рассмеялся я в ответ, подхватив по пути заботливо отброшенный Курановым ствол.

Нужно будет поблагодарить...

Абсолютно на автомате взбежал по лестнице, пробираясь к главному столу вдоль стены. Свисающие серебряные каскады шелка, взволнованно шелестели, от каждого касания ко мне окрашивались в багряный цвет. Шел, проводя окровавленной рукой по серебристой штукатурке, оставляя неровные разводы. Хотелось оставить след «папе», чтобы не мог просто забыть. Гости испуганно стали оглядываться. Моя рубашка была в крови, а на руке болтался браслет, сотрясая воздух нервным металлическим побрякиванием. Увидевшая меня Янка распахнула глаза и застыла в неестественной позе. Она чуть приподнялась с кресла, оперевшись одной рукой о край стола, а другой быстро потирала черный металл браслета ее часов.

– Олег? – шептала она, боясь притронуться ко мне. В зале ресторана воцарилась тишина. Монотонное лязганье серебряных приборов о фарфор прекратилось, уступив место перешептыванию и вздохам ужаса.

«Родственнички» стали оборачиваться по сторонам, в поисках защиты, стараясь прижать детей к себе ближе.

– Идем, нам пора. – Схватил ее за локоть.

– Яна! – голос отца заставил ее вздрогнуть и обернуться. Моисей стоял в противоположном конце зала, раскинув руки в дверном проеме, а затем начал медленно двигаться в нашу сторону. Быстрым движением стер пот со лба, но зря, только размазал кровь с волос по лбу. Кровавые следы тяну-

лись ровными линиями, скрываясь в густых волосах.

Сжала челюсть, стараясь не поддаться желанию перекинуть Янку через плечо и вынести силой. Но, глядя в её влажные от непролитых слез глаза, чувствуя вибрацию тела, охваченного страхом, выдохнул, позволив сделать свой выбор. – Дочь!

– Папа? – Янка машинально сделала шаг в сторону, скрываясь за моей спиной.

– Ты никуда не поедешь! – Моисей говорил так тихо, но голос скрежещущим хрипом резал уши присутствующих, даже Янка сжала мою руку, вздрогнув от резкого тона.

– Яна! – повернулся, чтобы увидеть ее глаза. Страх? Если раньше я мечтал ощутить это, то теперь корчился от боли, видя то, что творилось во встревоженной голубизне. Слезы скатывались крупными каплями, падая на белый шелк обратительными каплями. Руки дрожали. Она вращала головой, поворачиваясь то ко мне, то к отцу.

– Дочь. Иди ко мне! – шептал Моисей, подходя к ней все ближе.

– Откуда у тебя кровь?

– Это не моя. – Сказал Моисей и тут же пожалел о сказанном, потому что Янка резко обернулась ко мне и, приподнявшись на носочки, провела пальцем по ссадине на лбу, по треснувшей губе и по когда-то белоснежной рубашке. Ее теплая ладонь обхватила мою, крепко переплетаясь пальцами...

– Идем, Кролик....

Тишина машины не тяготила, а скорее, наоборот, успокаивала. Янка не выпускала мою руку с тех пор, как мы сделали первую и единственную остановку, чтобы перевязать ногу. Ткань брюк уже прилипла к ране и при малейшем движении выстреливала резким импульсом боли в колено. Но я не замечал этого, лишь рефлекторно морщился.

– Олег, нужно остановиться. Я вижу... – она положила ладонь на мою руку, сжимающую руль с чуть большим остервенением, чем следовало. Но только так я мог скинуть хоть каплю напряжения от незабываемого вечера.

– Умойся, прошу... – она не могла смотреть на меня, отворачиваясь и плотно сжимая веки.

Прошелся рукой по уже засохшей крови на лбу и на губе, ощущая болезненную шероховатость. Прохладная вода смывала кровь, окрашивая белоснежный снег багряными разводами.

От Яны веяло каким-то смирением и чувством обреченности, что ли. Каждый ее жест был переполнен волнением и болью. То, как она вытирала кровь смоченным шелковым шарфом или перетягивала ногу бинтом, было неожиданно для меня. Хотелось подбежать, встряхнуть ее и умолять об истерике, о громком крике или слезах.

Но слез не было, собственно, как и слов. Она прижалась ко мне так крепко, стараясь не задеть ногу, что я ощутил всю силу сковывающего её напряжения, тогда мне вновь стало

страшно. Едва коснувшись моих губ, она вернулась в машину и выкинула в окно свой мобильный телефон.

– Нам пора. Я знаю отца, он не остановится...

Через пару часов нашего пути, Янка задремала, откинувшись в широком кресле, но даже тогда продолжала держаться за меня. Тонкие пальцы крепко обхватили браслет моих часов, будто она боялась, что я могу выпутаться и исчезнуть, я же, наоборот, готов был на все, лишь бы уехать подальше. Лишь бы не видеть никого.

На рассвете мы въехали в деревню. Сбавил скорость, чтобы не разбудить еще спящих жителей. Остановился возле высоких деревянных ворот, моргнув фарами семь раз. Ворота закрипели и распахнулись.

– Черт! Я уже начал переживать, – заспанный Сизый подбежал к машине, просовывая руку в окно. – Черт! Как они тебя...

– Это я упал...

– Ага. Точно... Раза два?

– Я сам! – рывкнул, увидев, как Сизый намеревается поднять Янку на руки. – Отойди.

Не мог никому позволить этой роскоши. Не мог никому довериться, потому что ее безопасность стала моей целью, смыслом, единственно возможным вариантом! Смотрел на дрожащие ресницы, на подрагивающие губы и тепло растекалось по телу, заглушая боль. Бережно отнес ее в спальню на втором этаже и начал раздевать. Впитывал ее тепло, стара-

ьясь насытиться чем-то настоящим, неподдельным. Тем, что нужно ценить! Стянув шелковые брюки, прошелся пальцами по обнаженной спине, ощущая каждый бугорок позвоночника, наслаждаясь нежностью прикосновений, когда дошел до тонкого шрама, разделяющего ее ягодицу на две половины, ощутил резкую боль в сердце. Как бы старался не думать об этом, каждый раз глядя на уродливо-рваную линию на идеальной коже, сжимался от злости.

– Нет, Кролик... Не юбилейный. Их было не сорок девять, а пятьдесят. Ты была первым шрамом прямо на сердце. Твои голубые глаза, наполненные слезами... Ты мой первый шрам...

Мне было страшно ее разбудить, страшно дышать, чтобы не потревожить, потому что не готов был ответить на все вопросы. Молился, чтобы она спала как можно дольше. Черт! Еще восемь часов назад я был прикован к стулу и молился ощутить хоть каплю страха, но сердце было пустым. А теперь? Теперь я боялся всего. Впервые в жизни у меня появилась настоящая цель, от которой зависело будущее. Сколько раз я заставлял себя подняться, заставлял дышать и жить, бредя в рутине дней на ощупь. Не ощущая всего спектра чувств. Меня загнали в угол, продиктовав условия, которые я заучил, как «отче наш». Но не понимал, почему все принял, позволив делать с собой то, что им заблагорассудится. Выполнял задания, преодолевал барьеры, перешагивал через людей, лелея в голове мысль о мести. Мечь? Она разве

что-то значит? Ничего. Я просто нарисовал себе цель жизни, чтобы заставляя себя просыпаться по утрам. Разве что-то изменится? Ничего. Тем, кого погубил Корней, уже не помочь, не вернуть. А Яна... Мой кролик... Она рядом и дышит. Ее сердце взволнованно стучит и рвется между мной и отцом. Разве я не понимал, что ей будет больно? Понимал. Все знал, но ничего не мог изменить, потому что до сих пор продолжаю оставаться загнанным в угол человеком... Глупец! Насколько я слепо жил....

Вибрация телефона заставила открыть глаза. Звук доносился из моей сумки. Я со скрипом поднялся с неудобного дивана. Конечно, лечь спать в гостиной было плохой идеей, но мне нужно было поговорить с Сизовым. А на самом деле я ждал звонка. Но телефон, который никогда не звонил, продолжал молчать, раздражая тишиной. Ведь им уже известно о произошедшем!

Сжал зубы до скрипа, ощутив боль, чтобы осознать, что уже не сплю. Открыв сумку со своими вещами, достал телефон.

– Да... – Все пошло не так, как было запланировано. – Сухой голос, которого я не слышал много месяцев, влетел в ухо, завибрировав в голове.

– Так бывает, ты же сама знаешь.

– Придется выходить из тени. Ты должен был сделать дело тихо, оставаясь незаметным.

– Да? А тебе не пришло в голову, что мне нужен кто-то, на кого можно рассчитывать? Или вам нравится штопать меня после каждого задания. Я уже не мальчик, уже не затягивается, как на собаке!

– Хватит. Знаю я, что помешало тебе. Почему не доложил, что связался с дочерью Моисея? Мы бы обдумали вариант.

– Никаких вариантов. Она вне этого. Я выполню ваше задание, но только попробуйте втянуть Янку, и я исчезну. Будете сами разгребать все дерьмо. Ясно?

– Олег! Ты понимаешь, ЧТО стоит на кону? Мы два года разрабатывали Моисея. И ты не имеешь права пустить все насмарку. – Голос в трубке затих. Был слышен монотонное щёлканье ручки по стеклянной поверхности стола. Нервничает. – Мы решили, что сегодня ты встретишься со связным.

– Наконец-то! – взвыл я, уронив руку на опухшее колено. – Кто он?

– Свой. Ты его знаешь!

– Кто?

– Через три минуты он подъедет. Я очень надеюсь, что не разочаруюсь в тебе. Закончи дело и осядешь на месте. Олег?

– Да.

Как только от меня услышали утвердительный ответ, отключились, в очередной раз оставив наедине со своими мыслями, с чувством загнанности и обреченности. Ненавидел этот телефон. Он никогда не приносил хороших новостей. Стоило только закончить задание, как он звонил, чтобы про-

информировать, что на мое имя забронирован билет в новую страну, где меня ждет новое задание...

Посмотрел на черную пластмассу смартфона и, недолго думав, отправил его в еще тлеющий камин.

– Олег?

Вот этого голоса я сейчас не ожидал. Обернулся и застыл на месте, заглянув в ее глаза, потому что понял, что она все слышала... Как мог не услышать? Или, наоборот, отключил бдительность, чтобы все рассказать, устав держать все в себе?

– Олег? – Сизый вбежал в дом, стряхивая хлопья снега прямо на пол. – Там... Гости. О! Януля? Привет!

– Сизый? – Яна стала скатываться по стене, хватаясь за шероховатость каменной кладки.

Я перепрыгнул через диван, стоящий посередине гостиной, и подхватил ее в сантиметре от каменных ступеней лестницы.

– Весело тут у вас, я погляжу!

Голос, который я меньше всего ожидал услышать в этом доме, вытеснил тишину, разорвав ее в мелкие клочья. Конечно... Кто, кроме него?

– Лазарь?

Глава 33

Олег

Солнце уже поднялось, зависнув белым светящимся шаром над горизонтом. Снегопад только набирал обороты, скрывая всю яркость светила, превращал лучи во что-то мягкое, тягучее, как плавленый сыр. Пушистые ели ровной стеной стояли прямо за домом, как настоящие стражники, берегущие наш хрупкий покой. Они раскачивали ветвями, сбрасывая снежные шапки, нашедшие убежище на острой бахроме иголок. Мне нравился этот дом, в котором я довольно часто находил укрытие, отлеживался месяцами, зализывая раны. Он стоял на самом отшибе небольшой, почти безлюдной деревни, в которой жили одни старики, оставшиеся доживать свой век на родной земле. До трассы было несколько километров, что позволяло насладиться настоящей тишиной в полной мере. Частая поросль леса заботливо огибала участков, скрывая дом от любопытных глаз.

Непривычно чистый воздух просачивался через деревянные рамы окон, опьяняя своим головокружительным ароматом: яркая хвойная нота, прикрытая земляным ароматом опавшей листвы, покоившейся под толщей снега, всю палитру ощущений дополнял резкий морозец. Настоящий, не такой, как в городе. Ничто не мешало ему показывать свое мо-

гущество, румяня щеки и рисуя красивые узоры на стеклах. Воздух не прогревали огромные рекламные щиты, светящиеся круглыми сутками, сказывалось отсутствие многокилометровых пробок из разогретых машин, не было толп людей, извергающих теплый пар в воздух. Все было по-настоящему.

Через приоткрытое окно слышался скрежет лопаты. Сизый уже шаркал по двору, пытаясь себя занять хоть чем-то. Пластмасса противно шкрябала по каменной брусчатке, раздражая напряжение, сковавшее всех обитателей лесного домика. Как ни странно, но Сизого понять мне проще всего. Усталость от пребывания в одиночном заточении делала его нервным, но он уже перестал задавать вопросы, смирившись со статусом отшельника. Надо признать, что ему это пошло на пользу. Он скинул ту отвратительную маску дерзости, оголив нутро, позволив узнать настоящего и надежного паренька, уснувшего под слоем пыли и городской мишуры.

Янка закрылась в спальне, отказываясь открывать кому-либо. Она не плакала, не кричала, просто шептала, что нужен воздух. Ее голубые глаза так и искрились грустью и непролитыми слезами, а руки дрожали. Она сдерживалась изо всех сил, чтобы не показать боль и растерянность, вибрирующую в теле.

Мое сердце сжималось от жалости, а голова трещала от безысходности сложившегося, потому что поменять что-либо был не в силах. Пока. Я стоял в тупике, долбясь в высоченную каменную стену, толщина которой была для меня

непреодолимой. Но ирония заключалась в том, что все было предопределено еще до моего приезда в этот город.

«База» знала обо мне гораздо больше, чем я думал. Они разыграли несколько вариантов, один из которых должен был сыграть. И сыграл. Вот только понять не могу, насколько выгодна им данная комбинация. Потому что от исхода операции теперь зависит намного больше, чем я готов был поставить на кон. Это перестало быть простым бездушным заданием. И они об этом знают, а еще понимают, что выходить на конфликт со мной им невыгодно. Черт! Бросил в стену газету, которую нервно мял, насилуя ослабленный мозг.

– Тебя они чем взяли? – в отражении стеклянного барного стеллажа увидел, как в дверном проеме застыл Лазарев. Он замер в нерешительной позе, занеся ногу через порог.

– Разве теперь это имеет значение? – как только я подал голос, он вошел в кабинет, плотно закрыв за собой дверь. – Они готовили меня, чтобы поставить во главе группы Моисея, как только он решит уйти на покой. Долго готовили. Настолько, что я стал сливаться с окружающими меня людьми. Но в какой-то момент что-то пошло не так и меня списали, забыв предупредить. Я даже не знал, что теперь не один. Они скрыли, – Серега сел в кресло напротив, впервые за день, подняв на меня тяжелый взгляд. – Олег, а если бы я тебя убил? Если бы швахнул тебе в лоб?

– То все было бы намного проще, Сереженька, – закурил, выпуская в воздух клубы дыма. Нога ныла, заставляя

меня замирать, избегая движений. Колено взрывалось острым болевым ударом. Боль медленно продвигалась все выше, но как только добиралась до головы, растекалась электрическим спазмом по мозгу, лишая возможности думать здраво. Отвык. За три года совершенно забыл, каково это – быть порванным, уязвленным и беспомощным. Именно так я ощущал себя сейчас. – Они бы вернулись к первоначальному плану, тогда бы ты получил своё тепленькое место старшего. Но... Через месяц Корней убрал бы и тебя, сразу после Моисея и Янки. Поэтому, Сереженька, поверь, это был бы самый простой вариант, как для тебя, так и для меня. А теперь нам придется крутиться на раскаленной сковороде вместе. Потому что на кону стоят наши шкуры...

– Тебе нужно вернуться. Я... Я не готов один...

– Знаю, – я прекрасно понимал, что «папа» сейчас в таком состоянии, что способен наворотить «дел» на горячую руку. Но злость перекрывала все здравые мысли в голове. Не мог найти аргумент, чтобы вернуться и вновь заглянуть ему в глаза. Не мог заставить себя снова начать говорить, устал умирять его пыл, от которого сейчас намного больше вреда, чем пользы. Он бился в агонии злости и беспомощности. Я не хотел увозить Янку прямо у него из-под носа, понимая всю мощь боли, причиняемой ей. А мне хотелось наоборот – укрыть ее, обезопасить и защитить. Но не мог же я просто оставить ее там? Да и Моисей сильно разозлил меня. – Костя?

Лазарь вздрогнул при упоминании имени брата Моисея. Лицо стало пепельно-серым, а морщины на лбу превратились в глубокие впадины. Он опустил голову и едва заметно махнул. Лазарев сидел вполоборота, закинув ногу на ногу, и смотрел в затянутое морозным рисунком окно. Не пытался закурить, просто пожевывая фильтр сигареты зубами. Глаза блестели, а брови то и дело взмывали вверх. Сегодня он вновь был в спортивном костюме, оставив элегантность и шик в городе. Заросшее щетиной лицо то румянилось, то бледнело, обнажая пульсирующую вену на лбу.

Ну, конечно, Моисей «убрал» брата. Опять не подумал и просто стер такую нужную нить к Корнею. А я уверен, что именно Корней стоит за всем этим театральным представлением. Иногда мне кажется, что единственный и самый главный враг Моисея – он сам. Не понимая этого, он вредит себе, своему положению в городе, расшатывая и без того хрупкую льдину посреди океана, на радость Корнея. Бесило, что я не могу просто прийти к нему и шлепнуть, потому что выученная охрана уберет меня еще в пяти кварталах от офиса. Они везде: расползлись, как пауки, заполняя невидимыми нитями каждый миллиметр свободного пространства этого города. А Моисей, наоборот, разгоняет всех, кто хоть чем-то может помочь расшатать ту железобетонную платформу, на которой Корней выстроил свое дело. А мне нужна команда. Настоящая, сильная. И Моисей мне нужен, но только тот, кем он был еще пару лет назад.

– Олег, поехали обратно? Я чувствую, что нам нужно вернуться. Он там один.

– Нет, сначала мне нужно поговорить с Янкой...

Я замер на лестничном пролете, потому что ощутил шлейф сладких духов. Поднявшись на три ступени, перегнулся через перила. Дверь ее комнаты была открыта. Отбросив трость, спустился на первый этаж и, подхватив куртку, выскочил из дома.

– Яна!

– Отстань, мне просто нужно погулять, – Янка куталась в декоративную меховую шкурку, но понимала, что тепла от нее можно и не ждать. Хотелось перекинуть ее через плечо и унести домой, одарив задницу парой звонких шлепков. Тонкий шелковый костюм, лакированные шпильки и меховая жилетка – плохая экипировка для данной погоды. Хотелось закричать, взорваться, разбрасывая искры гнева по двору, но вместо этого, просто набросил куртку на ее трясущиеся плечи.

– Кролик, я могу спрогнозировать все на час вперед. Ты сейчас покричишь, потом остановишься, чтобы высказаться, потом решишь послушать меня, но, как только я произнесу первое слово, закроешь уши и начнешь петь. И тогда...

– ...тогда ты сгребешь меня в охапку и отнесешь в спальню... – прошептала она, оглядывая заснеженный двор.

– Да. Все так и будет. Давай пропустим истерику и перей-

дем к диалогу до того, как ты подхватишь воспаление легких?

– Какой диалог, милый мой Олеженька? О чем говорить? О том, как ты оказался «засланцем», мишенью которого стал мой отец? О том, что я, как дура влюбилась в палача? Идиотка! Ведь я все понимала, видела, знала. Библиотекарей не называют Призраками. Но снова закрывала глаза, надеясь, что все образуется!

– Это я тебе сказал, что прислан убить твоего старика?

– Нет... Но...

– Или ты услышала это?

– Нет.

– Тогда получается, что ты сама в своей прелестной головке придумала то, чего нет? Сама придумала – сама обиделась? Я говорил, что тебя нельзя оставлять одну? Ты способна поругаться и обидеться на саму себя. Не имея никаких фактов, сделала выводы? Да? Ты из тех лицемеров и моралистов, которые без основания, беспочвенно обвиняют человека, приписывая ему все грехи этого мира? Думаешь выученные с детства морали – единственно правильные? Они думают, что если будут делать так, как научили родители, то всегда будут казаться чистыми и правильными. Но после института преподавы исчезают, нам некому ставить оценки. Никто не оценивает нас, поэтому хватит поступать так, как учили! Правда не в этом! Да и девочки не всегда влюбляются в библиотекарей, Янка. А убийцам и палачам тоже свойственны

чувства. Ты глухая и слепая. Бл*дь!! Я предупредил, что тебе придется сделать выбор. Но не думал, что это случится так рано. Любовь, говоришь? – не смог больше сдерживаться и рассмеялся. От громкого звука снег, мирно лежавший на еловых ветках, посыпался прямо на меня, осыпая плечи и голову. – Что такое любовь? Это доверие! Ты должна была мне верить! А вместо этого ты додумала то, чего нет. Жалелась, что не осталась с отцом? – сделав шаг вперед, схватил ее за локоть и тряхнул, что было сил. Белоснежные локоны на миг взмыли в воздух, а потом с шлепком рухнули на грубую ткань куртки. Голубые глаза округлились, но наконец-то перестали шарить по двору, зафиксировавшись на мне

– Ты думаешь, что твоего отца не за что «убрать»? Думаешь, он не заслуживает этого? Нет, милая моя. Вращаясь в этой болотной грязи, невозможно остаться чистым. Думаешь, ты чиста? Нет, Кролик. Ты с нами. А теперь давай поговорим?

– Я не хочу! Ничего не хочу. Отвези меня домой!

– Здорово... – мое сердце рухнуло от того, что именно этот диалог я проигрывал каждый день, отправляясь на пробежку. Именно этот разговор я угадал, вплоть до ее горького вздоха. Находил нужные слова, аргументы.... Но теперь... Я был пуст. В груди ухнуло. – Отлично. А как же твое – навсегда, рядом и любовь до гроба? Как? Яна? Это просто слова? Просто скажи, что ты мне врала, и я отпущу тебя. Отвезу к отцу и больше никогда не появлюсь в городе. Но ты только

скажи!

– Но он мой отец! – взывала она.

– Ничего с твоим отцом не случится! – хрип вырвался из моей груди, образуя морозный клубок пара. – Если захочешь поговорить, я буду дома. Но запомни, пока ты мне не скажешь, что врала, за периметр этой территории не выйдешь. Ясно?

– Ну, почему????

Почти влетел в душевую кабину, матовое стекло задрожало, заполняя тишину ванной противным звуком. Почему я всегда оказываюсь прав? Почему? Я ненавижу людей. Ненавижу их слабости, грехи и жалость к самим себе. Ненавижу себя, потому что тоже человек, позволивший себе слабость. Стоило лишь на миг забытья, как снова наступил на те же грабли. Отчего-то решил, что она не такая. Что она видит меня настоящего! Я поверил. Подпустил...

Бинт намок и соскользнул с опухшего колена. Светлый кафель стал окрашиваться алым цветом. Но я не ощущал собственного тела. Оно было чужим, онемевшим, уязвленным. Не моим. Сжал кулак и, как обычно, стал пересчитывать шрамы, пытаясь успокоиться. Дыхание пропало. Остались только нервные всхлипы и жадное глотание горячего влажного воздуха. Прислонившись к ледяному кафелю, стал пальцами перебирать бугры на коже, рисуя в воображении воспоминания. В клубах пара стали всплывать картин-

ки операций, выполненных мной за последние десять лет. Я помнил каждую передрыгу до малейшей мелочи. Как только самые последние были пересчитаны, положил руку на правый бок, где был самый первый... Самый важный. Все, с чего и началось. Как только пальцы коснулись выпуклости, тело сжалось, легкие перестали раздуваться, набирая кислород, а грудь заняла от невыносимой боли воспоминаний....

Я всю жизнь иду, оглядываясь по сторонам. Нет, не назад, а по сторонам. Внимательно изучаю тех, кто справа и слева, разглядываю тех, кто впереди, абсолютно не обращая внимания на то, что сзади. Стараюсь идти в строю, плечо к плечу с людьми, с которыми свела судьба. Стараюсь слиться с толпой, не выделяясь на их фоне. Но, как только я расслабляюсь и позволяю себе прикрыть глаза, то мгновенно теряю простой путь, погрязая в болоте лжи, боли, крови и человеческой подлости. Судьба давно не баловала меня, подкидывая вновь и вновь испытания для собственной шкуры. Иногда останавливаюсь и думаю, что бы сделал, если начать все заново? Смог бы я пройти мимо тогда, девять лет назад?

Накинув халат, вышел из душа. От горячей воды кожа пылала, а внутри было холодно. Сердце делало медленные толчки, словно нехотя перекачивая кровь. Первое, что я увидел, открыв дверь кабинета – Янку. Она стояла у окна, нервно теребя занавеску. Слышала, что я вошел, но ничего не сказала, продолжая хранить молчание.

– Моя жизнь и до тебя напоминала «американские горки».

Причем с самого детства. Не все выросли на перине. Я видел мать только по выходным, потому что остальное время был в интернате, где и познакомился с Пахой. Она работала по шестнадцать часов на машиностроительном заводе, приходя домой только чтобы поспать. Как только мой брат вернулся из армии, ей стало легче, и меня забрали из интерната, устроив в обыкновенную школу. Не нравится тебе мой характер? Трудно со мной договориться? А как мне быть мягким и послушным, когда меня пинают по почкам с самого окончания школы? Как мне оставаться улыбчивым мальчуганом? Как? Как спокойно хоронить близких? Как смотреть на два гроба с телами любимых и единственных? Ну, а после встречи с тобой, меня вообще выкинуло на «встречку»...

Яна

– Что? Так потрепала за полгода? – рассмеялась и тут же осеклась. Откуда этот смех? Прикусив губу, обернулась.

Олег стоял у противоположного окна и курил, выдыхая дым в едва открытое окно. Красивые длинные пальцы крепко сжимали черный фильтр. Он смотрел в окно. Точеный профиль, прямой нос, глубоко посаженные глаза, яркая линия скул, мягкие губы. Все было таким родным и настоящим. Рядом с ним мне было хорошо и спокойно. Хотелось разреваться и попросить все забыть. Не хотелось ни говорить, ни рыться в болоте боли и темноте воспоминаний. Видела, как его бровь нервно подергивается, а губы то и дело

поджимаются.

– За полгода говоришь? – Олег обернулся, впившись в меня своим невыносимо острым взглядом.

По венам потекли реки боли. Его боли. Страх стал окутывать, лишая возможности двигаться, дышать, чувствовать. Его лицо растянулось в улыбке, а потом грудь стала трястись, и уже через мгновение кабинет заполнился хриплым смехом. Этот звук был настолько осязаемо тяжелым, казалось, что можно зачерпнуть ладонью, ощутив лед, переполнявший его. Вдруг он замолчал и опустил голову, сосредоточившись на тлеющем кончике сигареты. Что-то чужое, холодное появилось в его профиле. С влажных волос падали капли, глаза были чуть прищурены, а руки настолько напряжены, что даже через хлопок халата проступал рельеф мышц.

Только сейчас заметила расплывающееся пятно крови на светлом паркете. Тонкие струйки бежали по мускулистым икрам, оставляя отвратительные разводы. Но ему было все равно, он просто стоял, гоня в голове какие-то мысли. Я не понимала, почему здесь? Почему, несмотря на нечаянно подслушанные слова, не могу заставить себя перестать трепетать и таять? Почему даже сейчас мне больно от одного его вида. Я так реально ощущаю боль в колене, будто это моя нога подстрелена. Подхватив аптечку с подоконника, подошла к Олегу. Едва притронувшись к его локтю, вздрогнула от резкого поворота головы.

Зажмурилась, боясь обжечься об гневные искры глаз, но

застыла, прижимая к груди пластмассовый короб. Мне хотелось плакать. Просто сесть на пол и разрыдаться. То, что я видела, было нереальным. Абсолютно зеркальная поверхность зеленых глаз превратилась в мутную пропасть, на которой то и дело вспыхивали кадры его жизни, как в старом диафильме. Он то прищуривался, то медленно прикрывал веки, будто от боли. А мне хотелось закрыть глаза, чтобы не видеть этого. Я мечтала узнать его настоящего. А Олег постоянно отвечал, что единственной целью его жизни является моя безопасность. Теперь я понимаю, что мне стоило быть аккуратней с собственными желаниями, потому что они имеют свойство сбываться....

– Садись, нужно сделать перевязку! – хрип покинул пересохшее горло. Я отвернулась, чтобы разорвать зрительный контакт. Впервые поняла, что не уверена в собственной готовности узнать все, что захоронено в его душе. Олег затушил сигарету и стал быстро растирать кожу лица, пока она не покраснела. Затем сделал шаг назад и сел в кресло, откинув окровавленный подол халата. Мускулистая нога была почти полностью испачкана алыми подтеками. Достав бутылку с перекисью, стала смывать их быстрыми, рваными движениями. Старалась стереть следы его боли. Едва касаясь, водила марлевой салфеткой по коже, избегая посиневшую кожу вокруг раны. Олег не сводил с меня глаз, не подавая и признака боли. Он просто смотрел, потирая подбородок. Все его тело было расслаблено, только напряженный взгляд выдавал его.

Он принимал мучительное решение.

– Мне было двадцать два, когда я решил пойти в армию. Так и не дождавшись диплома, прошел медкомиссию и отправился «сапоги топтать». Вбил себе в голову, что должен ощутить на собственной шкуре все оттенки жизни. Хотел превратиться в настоящего мужика. Мы хотели. Бояра тоже пошел служить, только его забрали в танкисты, перекинув на Кавказ, а меня отправили мерзнуть на Дальний Восток. Какими же мы были детьми! Боже! Нарисовали для себя идеальную картинку, затянув взгляды дымкой детских мечт и фантазий. На сигаретах, алкоголе, ужасах пишут предупреждение – восемнадцать плюс. Но кто сказал, что по достижению этого возраста ты становишься взрослым? Где этот ген, делающий паренька сильным и взрослым? Брехня... Но реальность долго не церемонилась со мной, оглушив по голове всем своим весом. Но собрался я довольно быстро, вернее, пришлось собраться. Будучи одиночкой, не мог себе позволить ни секунды слабости. Так началось мое взросление....

Олег замолчал. Боялась поднять глаза, чтобы не спугнуть. Несмотря на страх, любопытство оказалось сильнее. Это, как наваждение, когда человек становится для тебя всем: тем, кого ты ненавидишь, кого любишь и без кого жить не хочешь. Желание погрузиться в его мир становилось сильнее с каждым словом. Он быстро облизывал сохнувшие губы и закрывал глаза ровно на три секунды. Но сейчас молчание явно затянулось. Я чуть подняла голову, чтобы понять, поче-

му он замолчал. Двигалась медленно, лишь бы не спугнуть Олега. Сердце тихо билось, предвкушая возможность заглянуть за лёд его зеленых глаз. Хотелось притронуться к его прошлому, чтобы ощутить, что он реальный. Что здесь, рядом... Олег не сводил взгляда с пачки сигарет, оставленных на подоконнике, но потом перевел взгляд на начатую бутылку коньяка, миро ожидающую своей участи на журнальном столике. Нагнулся и наполнил два бокала – один до краев, а второй наполовину.

– Пей, – выхватив оставшийся обрезок бинта из моей руки, он вложил бокал и слегка сжал мои пальцы. Тепло пронеслось по телу, ударяя прямо в голову. – Пей...

Выдохнув, в один глоток протолкнула теплую жидкость внутрь. Горло сжалось в спазме, я открыла глаза и тут же ощутила мягкость его губ. Он прижался ко мне, закусив нижнюю зубами. Его глаза были плотно закрыты, глубокие лучики морщин расплзлись вокруг глаз. Мне хотелось реветь от накатившей волны отчаяния и боли. Его боли. Тяжелые ладони легли на мои плечи. Горячее дыхание опьяняло. Долгий и такой извиняющийся поцелуй превратил меня в лужицу. Престала понимать, могла только чувствовать. Мой позвоночник превратился в ноющую цепь, звенья которой стреляли острой болью при каждом движении. Чуть пробежав языком по моим губам, он вновь отклонился, закинув голову на подголовник кресла, и одним махом осушил свой бокал, даже не поморщившись.

– Оставалось двадцать гребанных дней до дембеля. Двадцать! Мы считали минуты до того, как сможем скинуть опостылевшую форму и оказаться дома. Там, где до сих пор пахнет беззаботным детством, а не устойчивым запахом пота, от которого первое время постоянно тошнило. Тем летним вечером друзья уговорили меня смотаться в город. Я был единственным, кто никогда не нарушал правила. Период адаптации прошел довольно быстро. Мне иногда даже нравилось то ощущение полумертвого состояния, когда ты валялся на скрипучую кровать и отрубался. Не было возможности ныть и плакать, потому что не было времени на всю эту глупость. Взрослел не только душой, но и телом. За два года мой организм показал то, что мог по-настоящему. Если ротный приказывал сделать сто отжиманий, то мне давали сто пятьдесят. Они быстро выделили меня, испытывая еще неокрепшую шкуру на прочность. Если честно, то я и сам знакомился с незнакомыми мне качествами до этого. Упорство, выносливость, спокойствие. Все это вошло, как осенний посев после схода снега. Меня никогда не обижали, а «деды» делились подгонами с воли. Все было даже хорошо.... А в тот вечер я расслабился. Дождавшись, пока старшие выпьют свои двести грамм спирта и уснут, мы перемахнули через забор, где нас уже ждала тачка. Впервые за два года я выпил пиво. Дешевое, пахнущее больше ослиной мочой, чем солодом, но казалось, что не было ничего вкуснее. Алкоголь быстро ударил в голову. Казалось, что все так и должно быть. Мы

катались по городу, свистя по-летнему полуголым девчатам, разгуливающим по центру. Аромат свободы сыграл с нами злую шутку. Когда мы уже почти подъехали к части, брату сослуживца позвонили знакомые, предложив заехать, посмотреть новую тачку. Дети... Разве мальчишки могут проигнорировать возможность? Нет, благо гаражи находились в пяти минутах от части. Мы не могли отказаться, потому что за два года, проведенных взаперти, казалось, что жизнь рванула вперед, оставив нас за бортом. Когда мы подъехали, то увидели большую компанию пьяных парней, фотографирующихся на фоне черного глянца новенькой BMW. Она была прекрасна... Настолько прекрасна, что первое время я не обращал внимания на компанию, в которую попал... Пока не услышал крик. Какой-то слабый, еле слышный вскрик, заставил обернуться. У гаражей-ракушек собралась компания. Как только...

****воспоминание...*

– Кирь, что там происходит? – я ткнул друга в бок, привлекая к себе внимание парня.

– Забей, Олег. Нам уже пора возвращаться, не вместивайся. Здесь через лес пять минут. Скоро рассвет. Пора. Если Михалыч нас поймает, то будет плохо! – Кирилл стал прощаться, обмениваясь рукопожатиями с новыми знакомыми.

– Ага... – но я не мог отвернуться. Хмель прошёл, а все мое внимание было сосредоточено на ярко-розовом пятне,

маячившим между мужскими фигурами. Тусклый свет фар едва освещал укромный уголок, поэтому я стал продвигаться в ту сторону. Больше не слышал крика. Лишь изредка видел розовое пятно.

– Олег?

– Подожди. Я сейчас... – отмахнулся от друга, приближаясь к толпе. Оставался последний шаг, как я замер, осознав, что именно там происходит. Тело сжалось от накатившего приступа тошноты.

Толпа парней окружила девчушку, прижав ее к металлической стене гаража. Светлые волосы выбились из высокого конского хвоста, свисая небрежными прядями. Она закрывала лицо руками, сдерживая рвущийся крик страха и отчаяния. Розовое платье задралось, оголяя длинные ноги, на ногах были розовые кеды с мультяшными героями, разноцветные шнурки были развязаны, и валялись спутанным клубком в пыли. Один из парней подошел слишком близко, а я увидел в его руке нож. Сталь блеснула так ярко, будто сигнал. Девчонка вздрогнула и опустила руки. Красивое лицо с огромными голубыми глазами, ее губы были искусаны в кровь, тонкая струйка с которых стекала по подбородку. Она сотрясалась, смотря своему обидчику в глаза.

– Не трогайте, – шептала она, но никто не слышал, вернее, не хотел. Парень схватил ее за волосы и дернул к себе.

– Э! Парни. Вы чего? Она же совсем девчонка! – я растолкал толпу и оказался в окружении незнакомых парней.

Руки машинально стали шарить по карманам. Но ничего. Я был гол, не было ничего, чем бы мог обороняться. Мозг стал трезветь, оценивая собственный импульс. Окружившие нас стали вытаскивать ножи. Блеск металла – единственное, что я мог видеть. Он сливался, превращаясь в монотонную вспышку. Только тогда я понял, что сделал. Но обратной дороги не было.

– Ты кто такой?

– Какая разница? Отпусти девчонку домой, ее мама ждет.

– Да? – парень прижал ее к себе крепче, развернув ко мне спиной. Он поднял руку с ножом и, подцепив ткань платья, стал разрезать его, оголяя низ спины и ягодицы.

– Слушайте, это же бред какой-то. Что, в городе кончились телки?

– А, может, мне хочется чего-то новенького? Невинного? Маленького? – парень стал вдыхать аромат ее волос, не убирая нож, плотно прижимая лезвие к девичьей попке. Он взмахнул, и тонкая ткань упала на землю. – Или ты мне помешаешь?

– Отстань от нее, – злость стала душить меня. Девчонка не плакала, но было видно, как она сотрясается от рыданий. С каждым движением ее тела, острое лезвие рисовало рваную линию на ягодице. Кровь стекала по ногам, но она продолжала трястись, доставляя удовольствие этому подонку. Сделав прыжок, я схватил его за руку, которой он

сжимал волосы и резко дернул. Девчонка повалилась на землю, прямо к моим ногам. – В гаражи!

Меня били, а я продолжал кричать и пытаюсь прикрыть ее.

– Олег! Олег! – Кирилл кричал, пытаюсь прорваться сквозь толпу, окружившую нас.

– ...это последнее, что я видел. Потом резкая боль заставила кричать. И слезы в последний раз катились из моих глаз. В тот момент я перестал ощущать себя ребенком, – Олег развязал пояс халата и чуть повернул корпус, показывая длинный и самый глубокий порез. – Он самый больно.

Олег не выдержал и, резко нагнувшись, схватил пачку сигарет, но, прежде чем закурить, приложился к горлышку бутылке.

– Очнулся я в больнице, прикованным наручниками к железной спинке кровати. Дело не смогли замять, переквалифицировали в «уголовку», потому что обидчик оказался сыном местной «шишки», требующей моей крови. С тех пор моя судьба была определена. А потом, словно подарок судьбы, мне сделали предложение, от которого я не мог отказаться: либо стать тем, кем я стал, либо отправиться с позором в тюрьму, как дезертир...

Громкий звук оглушил, я отдернула руки, закрыв уши так плотно, как могла. Слезы катились, смывая четкость реальности. Мозг пульсировал, а кислород превратился во что-то

колючее. Этим отвратительным звуком оказался собственный крик.

– Я... Я... Это была Я!!!!!!

Глава 34

Яна

*****воспоминания...**

– Никто ничего не узнает! Вот увидишь! – мы крались по коридору, который казался бесконечно длинным. Металлическая дверь поблескивала хромированной ручкой где-то настолько далеко, что желание развернуться и снова убежать в комнату сестры крепло с каждой секундой. Взмокшие ладони легко скользили по деревянным панелям на стенах. Я слышала каждое поскрипывание паркета, чувствовала, как деревянные плашки двигались под тяжестью моего тела, и молилась. Молилась, чтобы нас не поймали, все сильнее прижимая новые кеды к груди. Они были неудобными и, скорее всего, на полразмера меньше, чем нужно, но я не могла не похвастаться обновкой, привезенной отцом из Штатов, перед Оксей. Но она даже не обратила на них внимания, расхаживая по квартире в новых лакированных босоножках на высоченном каблуке. Не видела сестру почти год. Признаться, я рассчитывала на более теплое приветствие, но она сухо кивнула, не скрывая усмешки, когда ее взгляд замер на моей обуви.

Оксана ткнула меня в бок, чтобы вытащить из собственных мыслей и потянула за подол сарафана, крепко

сжимаемая его край. Будто чувствовала, что я уже почти готова дать дёру обратно в комнату.

В отличие от меня, скромной школьницы, Оксана не представляла своей жизни без постоянного бунта против старших. Вот и сегодня, чтобы отомстить нашим родителям, свалившим на ежегодный прием в доме мэра без нас, она спланировала побег. Ходила весь вечер задумчивая и постоянно кому-то звонила, унося телефон в ванную, оставив меня отдуваться одну, перебирая яблоки для бабушки.

Отец нехотя оставил меня на попечение бабушки и бабушки Оксаны. Он стоял на пороге, сложив руки на груди, и просверливал своим коронным тяжелым взглядом. Прозрачно-голубые глаза медленно двигались по мне от макушки до самых пяток. Он практически никогда не использовал силу своего взгляда на мне, но тогда я ощутила её в полной мере.

– Яна, может, лучше дома с тетей Машей? – громко вздохнул и прошелся рукой по волнистым волосам.

– Ну, пап... У меня остался месяц каникул, а потом снова в школу. Оксанка опять уедет в Москву, и мы не увидимся целый год! – я быстро развязала длинные шнурки на кедах, погладив подушечками пальцев мультяшных героев на бледно-розовой ткани. Смахнула пыль и поставила на коврик у двери. Старалась идти, как можно аккуратней, чтобы не испачкать, но не получилось.

– А Мариша где? Почему ее с вами нет? – отец не унимался, так и не отпуская моей руки.

Он не позволял сделать и шаг вглубь коридора, надеясь на то, что я могу передумать. Но желание встретиться с повзрослевшей сестрой было сильнее, чем провести очередной скучный вечер с няней. Зажмурила глаза, представляя наши ежедневные посиделки в компании домино или заунывное чтение классической литературы. Хотя нет... Сегодня пятница и тетя Машиа смахнет несуществующую пыль с пианино и начнет наигрывать любимый романс, от которого хочется либо уснуть, либо спрятаться за диваном.

– Миша сказал, чтобы его не ждали. Татьяне плохо, опять в больницу повезли, он Марину с собой забрал, – Костя судорожно завязывал шёлковый галстук, параллельно влезая в туфли. – Ну, не брать же с собой детей? Им там не место, сам понимаешь.

Я видела, что отец напрягся. Не нравилась ему эта затея, возможно, он с легкостью оставил меня, если бы с нами была умная, тихая и весьма рассудительная Маринка. Но на излишне взбалмошную Оксану он смотрел крайне недоверчиво.

– Можно было бы и взять. Я читала про эти ежегодные приемы. Там же собираются сливки всего региона! – Оксана закатила глаза к потолку. – А в том году приезжали семьи бизнесменов из Китая и Японии!

– Оксана, а не рановато ли ты в бизнес подалась? – отец игриво дернул ее за хвост.

– При чем здесь ваш бизнес? Я замуж хочу... Чтобы теп-

ло и богато, – сестра обвила руки вокруг себя и мечтательно прищурилась.

– Замуж, говоришь? А не рановато? Ты сначала в институт поступи, красотка, – прохрипел отец, прижав меня к себе.

– О! С этим все просто, да папуль?

– Если бы было просто, то не пришлось бы платить за тебя бешеные бабки! Представляешь, а мы учились бесплатно, не надеясь на родителей! – дядя Костя накинул пиджак и высунулся в коридор, – Нина! Пока ты будешь собираться, прием закончится!

– Иду! Не кричи. Что ты там опять на дочь накинул-ся. Бабки... Бабки... Только и слышно! А это же Москва! – тетя Нина обняла дочь, чмокнув в макушку. – Все лучше, чем жить тут, промерзая до костного мозга. Не обращай на отца внимания, дочь. А замуж – это никогда не рано. Смотря, какую партию найти. Но у нас есть пара мыслишек на этот счет, правда?

– Какие еще мысли? – дядя Костя был явно не готов к такому повороту разговора, – Вы что, жсениха там нашли, что ли?

– Естественно! – тетя Нина подошла к мужу и стала перевязывать неаккуратный узел галстука.

– А с отцом познакомить?

– Вот полетим в Москву, там и познакомишься. Он же не полетит в наше захолустье!

– Ты захохотуешь не видела, видимо... – отец не смог сдержаться, чтобы не съязвить.

– Да, не видела и не желаю. Не для того замуж выходила. Мне жизнь была обещана сытая и богатая, – показалось, что тетя Нина на миг изменилась в лице. Что-то отвратительное промелькнуло, но уже через мгновение фарфоровая кожа снова озарилась румянцем, а глаза заблестели озорными искрами, – Так. Хватит. А то, и правда, прием закончится. Будем поздно.

Отец открыл входную дверь, выпуская брата и жену, а сам продолжал прижимать меня к себе.

– Дядя Витя, ну не съедим же мы вашу Янку! – рассмеялась Оксана, надувая огромный пузырь из лимонно-желтой жвачки. – Да, бабуленька? Да, дедуленька?

Оксана так неестественно прильнула к старикам, сложив голову на плечо хрупкой старушки, что даже я поморщилась от лживости этого жеста.

– Вить, ну, правда, чего ты? – отец тети Нины вышел вперед, взмахнув коричневой тростью. – Девчонки помогут бабушке закатать компот. Яблок в этом году... – старик смешно провел большим пальцем по горлу.

– Ладно. Я позвоню перед сном, – отец как-то тяжело вздохнул и прижал меня к себе еще раз, только на этот раз хватка оказалась сильнее. Меня практически припечатало к мощной груди. Я запрокинула голову, чтобы вдохнуть его пряно-мятный, с нотками спелой груши, аромат парфюма

и покрутила пальцем завитки черных как смоль зачесанных к затылку кудряшек.

– Люблю, папуль....

И вот теперь, мы старались просочиться мимо приоткрытой в зал двери, где спали дедушка и бабушка. Тишину квартиры нарушал только присвистывающий храп деда, такой необычный, даже красивый немного. Можно было бы рассмеяться, только мне было страшно так, что тряслись колени. Я не привыкла обманывать отца, да и мне было категорически запрещено выходить на улицу одной. Даже в школу ходила под чутким присмотром охраны. Не понимаю, как она смогла меня уговорить? Да что я вру? Конечно, понимаю. Хотелось выглядеть так же взросло, как и она. У сестры в комнате был целый арсенал косметики, а в крохотном карманчике моего хлопкового сарафана валялась гигиеническая помадка со вкусом клубнички. Стены моей комнаты были украшены постерами групп, а над ее широкой кроватью висели красивые черно-белые фотообои. Я носила сарафаны и джинсовые комбинезоны, а сквозь ее прозрачную майку виднелось кружево белья. Она накручивала волосы на плойку, а я заплетала тугую косу, чтобы не лезли в глаза. Она протирала лакированные босоножки, а я сквозь весь длинный коридор смотрела на свои розовые кеды, стоящие у входной двери.

Мне хотелось показать ей, что я не боюсь. Что тоже взрослая...

Оксана щелкнула замком, и мы выскользнули на площадку, проигнорировав слишком шумный лифт. Впрыгнули в обувь и помчались по лестнице, затаив дыхание. Не знаю, чего я боялась больше: что старики обнаружат побег, или того, что впервые ослушалась отца.

– Прекрати! Будет весело! – Окся присвистнула и помчалась в сторону детской площадки, едва мы выскользнули из подъезда. Двор был погружен в спокойную летнюю темень, сопровождаемую лишь громким криком птиц из соседнего лесопарка. Хотелось отдышаться, но Оксана была слишком шустрой, несмотря на высоту каблучков.

– Стой! Мне надо завязать шнурки! – но сестра не оставалась и убежала все дальше, превращаясь в размытое светлое пятно. Плюнув на непослушные и слишком длинные веревочки, я побежала за ней.

– Нам нужно проскочить мимо гаражей, а там и рукой подать. У кинотеатра нас уже ждут! – Оксана подпрыгивала от нетерпения, распуская локоны, стянутые резинкой. – Давай быстрее. У нас всего пара часов.

– Я ничего не вижу!

– Янка, прекрати ныть. Кто виноват, что дед уснул так поздно. Не бойся, тут недалеко.

– Оксана, подожди! – я не могла бежать, потому что шнурки обвивались вокруг щиколоток, и я то и дело наступала на них, теряя равновесие.

– О! Вот это добыча! – резкий звук мужского голоса про-

звучал где-то сбоку. Темная фигура, затем вторая, а потом я и перестала считать, потому что закрыла глаза.

– Так, парни, мы не видели вас, а вы нас. Да? Нормально? – Оксана остановилась в самом конце гаражного ряда. – Яна, идем!

Я сделала шаг вперед, но темная фигура приблизилась, преграждая путь.

– Я позову на помощь! – Оксана взвизгнула и помчалась прочь из гаражного комплекса еще до того, как я приняла хоть какое-то решение. Мысли судорожно металась в голове, подгоняемые кипучим страхом.

– Ну, Белоснежка? Осталась одна?

Парни выстроились плотной стеной, отсекающей меня от людной трассы впереди. Я даже слышала вялый шорох покрывшек по расплавленному асфальту, монотонный гул молодежи, собравшейся у старого заброшенного кинотеатра, глухое звучание музыки и шелест фонтанов, не отключаемых даже ночью. Но единственное, чего я не слышала – стук своего сердца. Оно замерло, потому что я так четко осознала, что не смогу просто пройти мимо. Назойливая фраза: «Так и знала... Так и знала...» кружилась в голове, больно ударяя в нервные окончания возбуждённого мозга. Не могла двинуть и головой, я даже боялась моргать, ожидая нападения. Но они молчали, переглядываясь между собой, будто и сами еще не решили, что делать дальше. Воспользовавшись этим, я бросилась со всех ног вправо, проскальзы-

вая в узкую щель между «ракушек». Разгоряченный за день металл обжигал кожу, а я все протискивалась, проклиная новые кеды... Крупные парни не могли пролезть в узкий коридор, поэтому с криками бросились бежать в обход...

– Она не вернулась...

Я замерла у окна, сжимая дотлевающую сигарету, к которой так и не притронулась. Мне просто нравился пряный аромат дыма, я понемногу расслаблялась и успокаивалась. Олег, не произнесший ни слова, пока я говорила, встал с кресла, опираясь на трость. Его слова... Конечно, он говорил про Оксану. Нет, она не позвала на помощь так, как должна была. Сбежав в уютную и безопасную квартиру, она позволила родителям, находившимся на другом конце города, и просто ждала.

– Нет, не вернулась. Когда ты вытолкнул меня в просвет между гаражами, я ползла на коленях, застыв всего на пару секунд в конце. Мне было важно увидеть лицо парня, спасшего меня. Но ты не шевелился. Я помню каждую мелочь: штаны цвета хаки, кожаные высокие ботинки, короткая стрижка. Ждала, что ты обернешься, но окружившие тебя парни превратились в стену. Только в просвете их ног видела, как на светлой футболке растекается алое пятно, – я обернулась, практически врезавшись в грудь. Обхватив меня за бедра, чуть приподнял, усадив на широком подоконнике, – Мне надо было остаться? Да? Я бросила... Я бросила

тебя так же, как меня Оксана?

– Нет, милая... – он наконец-то выдохнул. Побагровевшее лицо, шея – все говорило о том, что он сдерживает гнев, закипающий внутри. Олег нагнулся и прислонился ко мне лбом так, что наши глаза оказались на одном уровне. Но я не видела в них ни гнева, ни страха, даже злости не было. Там было тепло и хорошо. Как в летнем хвойном лесу. Зелень успокаивала, одурманивала. Слезы облегчения покатались по лицу, падая ему на руки, – Тебе просто нужно было бежать так быстро, как только могла. Просто бежать. Но над этим мы еще поработаем.

– Мне постоянно казалось, что сейчас за мной вернутся. Я не могла заставить себя жить. Та пара глаз смотрела на меня в собственной ванной, в гардеробе, даже в церкви. Я бросила играть в теннис, потому что просто боялась. Не помогли даже охранники, не выпускавшие меня из виду. Я не чувствовала себя в безопасности. Спать-то начала нормально, только представляя, как под моей дверью стоит парень в кожаных ботинках и штанах цвета хаки. Именно тогда отец решил переехать, бросив все, что имел в родном городе. Чтобы дать мне возможность снова дышать....

– Яна, говори. Говори, все, о чем ты молчала. Но знай, что больше мы к этому не вернемся. Потому что забудем, хорошо? – он покрывал мое лицо быстрыми поцелуями, от которых перехватывало дыхание. Хотелось притронуться к нему, ощутить тепло кожи. Только с ним ощущение безопасности

накрывало с головой, только в его руках мне было спокойно, только от его взгляда я ощущала себя оголенным нервом. Становилась мягкой, как топленое масло, была вывернутой наизнанку. Плотная занавеска тайн, секретов рухнула, подняв в воздух пыль прошлого. Я много лет молчала, отказываясь говорить с психологами, родными и даже с отцом, а с Олегом все было просто.

– Я возненавидела те кеды. Сбросила их, как только выползла, и бежала домой босиком. Не чувствовала боли, только крупную дрожь, пробивающую тело насквозь. Она не давала отключиться от шока. Не помню, как нашла дорогу к дому. Не помню, сколько бежала, не помню, кричала ли. Но, как только выбежала к детской площадке, у подъезда затормозила машина отца. Они с охранниками высыпали, освещая двор яркими лучами фонариков. Помню, как он скинул пиджак и закутал меня, усадив в машину. Только тогда я ощутила настоящую боль. Она, как змея душила, перекрывая приток кислорода, спускалась к глубокому порезу на попе. Когда тот парень прижал меня к себе, я давилась спазмами тошноты от отвратительной вони. Запах кислого пота и резкого парфюма оседал на языке, сжимая глотку. Даже сквозь дрожь чувствовала, как ледяное лезвие ножа вонзается в мою плоть, разрезая ее, но не чувствовала боли. Стояла, сотрясаемая дрожью и рвотными позывами. Думала, что хуже быть не может.

– Не останавливайся...

– Меня привезли в больницу. Отец ревел, как загнанный зверь, не сразу подпустив ко мне врачей. Сам омывал мои ноги, вытаскивая осколки битого стекла, по которому, оказывается, я бежала. Помню его глаза, наполненные болью. Если бы отец ... Если бы я попросила отца найти тебя, вместо того чтобы мчаться с царапинами в больницу, то...

– Ян? Прекрати. Все так, как должно быть. Это ничего бы не изменило. Жизнь расставила все на свои места. Я там, где должен быть, ты там, где должна. Я не отпущу тебя и не оставлю. Слышишь? Я давал тебе выбор не для того, чтобы ты металась между мной и отцом. Мне нужна уверенность, что ты сможешь принять меня такого, какой я есть. Потому что мне нужен смысл жизни. Я должен понимать, ощущать всем телом причину, по которой иду по тонкому льду. Слышишь? Я не умею жить без цели. Нужна осознанная причина, разложенная логически по полочкам. Потому что вариантов изменить реальность нет. Я заложник. И этому нет предела, милая.

– А отец? – не могла не задать вопрос, душивший меня все это время.

– А с ним что-то не так? – заметила, как Олег снова побагровел, как пульсирующая вена вновь выступила на лбу. Злится. – Успокойся.

Услышала одно только слово. Одно слово – «успокойся», и стало легче. С груди свалилась многотонная плита, мешающая раздуться грудной клетки. Горло сжалось в преддв-

рии слез облегчения. Прижалась к нему губами, ощущая солонатовость кожи. Вдохнула дурманящий аромат и закрыла глаза.

– Почему? Почему одна и та же операция может пройти по-разному? Ведь так не должно быть? Меня учили на математике, от перестановки слагаемых сумма не должна меняться! Почему кто-то пробегает мимо гаража, за которым стоят отморозки, а кто-то путается в шнурках прямо перед ними? Почему одни выходят замуж и живут душа в душу до конца своих дней, а кто-то вдовееет в молодости? Ведь условия одинаковы? Одна и та же дорожка в гаражах, или два любящих человека. Почему?

– Мы не всегда осведомлены точно, кем являемся. Сегодня мы слагаемое, а завтра делимое. Просто живи, Кролик, а об остальном я позабочусь... Со всем разберусь. А ты просто живи...

Глава 35

Олег

Нога выстреливала острой болью при каждом ударе об асфальт. Но желание вернуться к пробежкам было сильнее. Я ждал того момента, когда смогу сбежать с двадцать пятого этажа по лестнице, ощущая горячий поток крови, струящийся по венам. С наслаждением предвкушал приятную истому мышц, нервную дрожь в теле и легкое головокружение от частого вдыхания еще не загазованного утреннего воздуха.

Мы провели на даче почти две недели. Бесконечный поток дней, приносящих полное расслабление. За много лет я ни разу не был в отпуске, передвигаясь от одного города к другому. Никогда не задумывался, что можно просто гулять по лесу, сшибая пушистые комочки снега с веток. Просто наблюдал, как Янка играет со Снежком, которого привез Сизов почти сразу после нашего приезда. Особенно полюбил вечерние походы в баню. Янка садилась мне на спину и, растирая липкий мед, нежно гладила все мои шрамы, разгоняя застоявшуюся кровь. Обводила каждую неровность, разминала кожу, прорабатывала каждую мышцу, не щадя своих тонких пальчиков.

Не знал, что нет ничего приятнее, чем просыпаться после обеда, ощущать приятную влажность от ее щеки, чувство-

вать дрожь от ее горячего дыхания. Пытался безмолвно остановить время, наслаждаясь каждым мгновением. Сдерживал движение грудной клетки, чтобы не разбудить, не потревожить. Наслаждался болезненными спазмами сердца, глядя на ее соблазнительный силуэт, прикрытый тонкой простыней. Подавлял желание проскользнуть по длинным ногам, чуть задержавшись на нежной коже ягодиц. Видел, как она жмурится и изо всех сил старается не рассмеяться, потому что наслаждается минутами утренней молчаливой нежности.

Телефон молчал, не издавая ни звука. Казалось, вернее, хотелось так думать, что о нас просто забыли, что окружение просто проснулось утром и забыло о нас, как о рутинных проблемах ушедшего дня. Представлял, как они с угрюмым видом повязывают галстуки и бредут к своим машинам, поживаясь от холода, потому что модное пальто сшито для того, чтобы создавать впечатление, а не согреть.

Мы просто жили, наслаждаясь морозом и непрекращающимися снегопадами, и больше не возвращались к тому разговору. Может, Янка и хотела забыть обо всем, но я не хотел. Буду помнить каждую минуту того вечера только для того, чтобы четко понимать, что рано или поздно придется снова упасть, больно ударившись о землю. Мы все люди. Слабые, хилые, нищие, добрые. Мы все смертны и уязвимы. Единственное, что бессмертно – система. Пока ты являешься важным винтиком, ты дышишь, совершаешь важные дела, что-

то представляешь из себя. Но, как только слабость расшатывает почву под твоими ногами, ты становишься всего лишь мусором... Расходным материалом.

Я думал постоянно, просчитывая возможный исход событий, рассматривал варианты, выстраивал цепочки. Не спал ночами, пытаясь принять хоть какое-нибудь решение. Но мне было известно, что нет правильного варианта. Каждый, пусть даже самый идеальный вариант, может обернуться против тебя в один миг, в одну секунду. Сука! Всегда найдется то, что сделает из твоего «правильного» решения трагедию. А этого добра в моей жизни, хоть отбавляй...

Мы окунулись в какой-то идеальный мир тишины и спокойствия. Только лес и чистейший воздух. Освоившийся Сизов таскал на завтрак парное молоко и творог, что вызывало в Янке взрывы радости и приступы звонкого смеха. Она садилась в кресло, подгибая ноги, и лопала сметану огромной деревянной ложкой, которую ей презентовал Сизов. После завтрака она укладывала голову мне на колени и засыпала, глядя на огонь в камине. Яна не хотела уезжать, понимая, что придется столкнуться с реальностью. А я прекрасно понимал, что трачу драгоценные часы, но не мог ничего с собой поделать. Она завладела всеми моими переживаниями, я готов был душу продать, чтобы остаться с ней в этой глуши до самой старости, встречая рассветы на прохладном деревянном полу, кутаться в плед у камина, пить шампанское и наблюдать за счастьем в ее глазах. Я был счастлив по-

стоящему. Смотрел, как ее щеки наливаются румянцем, как от жирного молока и сливок исчезает ее чрезмерная худоба, прорисовывая соблазнительные округлости ее фигуры. Наслаждался ее способностью засыпать и просыпаться посреди ночи, чтобы просто обнять или съесть булочку.

Это была параллельная реальность, которая закончилась слишком быстро...

– Милый, ты скоро? – сонный голос Янки заставил развернуться и направиться к дому. Я перескочил через гранитные ступени и побежал по мосту через реку.

– Я бегу.

– Я видела, ты готов был зайти еще на один круг, поэтому и звоню. Маринка не простит мне, если мы не приедем на ее День Рождения, – прохрипела Янка и отключилась.

Никогда не думал, что буду спокойно реагировать на практически приказной тон, в котором она говорила. Теперь мог, потому что слушал и представлял ее, сонную и по-утреннему помятую. Это было, как наваждение. Неконтролируемая сила, притягивающая меня к ней. Хотелось дышать и чувствовать ее рядом. Всегда и постоянно. Приходилось себя одергивать, сдерживать. Если бы мог, то стрелял бы себе в колено каждое утро, чтобы не сиять, как начищенный ствол. Она заставляет не думать о другом, концентрируя весь мир вокруг себя.

– А Динамо бежит? – знакомый голос окрикнул меня, ко-

гда я практически вбежал на крыльцо подъезда.

– Бежит... Нынче все бегут, времена такие, – спустился и протянул руку Пашке в окно его машины.

– Садись, разговор есть, – он нервно махнул в сторону пассажирской двери.

– Ну? Чего не спится? – сел, аккуратно перенеся растрепанное колено через порог.

– Нравится смотреть, как подстреленные птицы разрабатывают свои крылья, – Паха кивнул на мое колено. – Есть в этом что-то трогательное. Так сказать, воскрешение Феникса, что ли...

– Черт, да ты сегодня в ударе? Прямо извержение шуток! Давай, я сегодня добрый. Готов выслушать весь твой арсенал. Но, может, зайдешь в гости?

– Нет, говорить будем здесь. Это была последняя шутка, а ты завязывай скалиться. Тебе говорили, что от твоей улыбки страшно становится? Даже мне.

– Ой, Павлуша, говорили. А теперь давай. Что привело тебя ко мне в такую рань? Кто ходит в гости по утрам?

– Парам-пам-пам... Парам-пам-пам... – как-то задумчиво произнес он и повернулся ко мне, зафиксировав блуждающий взгляд. – Я нашел тропинку к Корнею. Нашел того, кто очень близок к нему. Он готов поделиться нужной тебе информацией за нескромную сумму денег. Что-что, а Корней так же скуп, как и прежде. А парню очень нужны деньги. Прямо сейчас.

– Жадность фраера сгубила... – пошарил по карманам, в поисках сигарет, но ничего не нащупав, схватил пачку с приборной панели. Пашка задумчиво наблюдал за сонными собачниками, медленно бредущими в сторону парка. Их питомцы резво прыгали, стараясь вырваться и ощутить свободу.

– Да, точно. Ты должен дать отмашку, Олег, – Паша опустил голову и стал растирать виски. – Просто отмашку.

– Да, но прежде мне нужно закончить пару дел, – я выдохнул непривычно горький дым. – Пока он спокоен. Думает, что я забыл.

– Значит, это правда?

– Смотря, что?

– Ты теперь будешь вместо Моисея?

– Павлик, а кто с тобой поделился столь секретной информацией? Неужели на очередной летучке начальство объявило?

– Это же криминал, Олег! Отступишь, есть время для маневра. Есть еще выбор!

– Паш, у меня нет ни выбора, ни времени. Криминал будет всегда, его невозможно истребить. Всегда найдутся люди, способные сплотить вокруг себя отморожков. Так пусть лучше это буду я. Их нужно контролировать и направлять в выгодное русло. Ты думаешь, я первый? Нет, поверь.

– Ты понимаешь, что лет через двадцать придет «новый Скала» и сдвинет тебя?

– Прекрасно понимаю. И буду мечтать о том, чтобы он пришел, как можно раньше. Тогда я уеду, и встречу старость на берегу Индийского океана, засыпая под шум прибоя. Ты, кстати, тоже приглашен. Будем вместе кряхтеть и пускать слюни, разглядывая знойных девчонок.

– Ты здоров? Что с тобой?

– Паш, я не отступлюсь. Я уничтожу Корнея. Мне не нужны его бабки, бизнес, дело. Придет время, и я буду танцевать на его костях. Отступить – это простить... Простить ему смерть моих родных? Простить – это забыть закрытые гробы, забыть запах обгоревшей человеческой плоти. А забыть – это сдать. А я никогда не сдаюсь, даже если мне говорят, что впереди тупик. Я буду ломиться, пока не вдохну аромат свободы. Паш, прекрати меня отговаривать. Ведь мы оба знаем, что ты меня понимаешь, а отговариваешь, чтобы умаслить своё истинное «ментовское нутро».

– Я помогу тебе. Мы вместе станцуем на его костях. Выбирай танец. Я тоже все помню...

– Боже! Как красиво! – Яна не переставала вздыхать, оглядывая пышно украшенный зал загородного клуба. Просторная территория была уставлена столиками с нежно-голубыми скатертями. Вдоль стен стояли высокие вазоны с тропическими цветами. На стеклянных полках горели толстые свечи, искры от дрожащего огня отражались в тонированных окнах, наполняя атмосферу праздника волшебством. После

торжественной части, гости оторвали свои пафосные задницы от мягких кресел и начали курсировать по периметру, обмениваясь натянутыми улыбками, восхищенными возгласами, и тоннами фальши. В центре зала сидела Марина в пышном платье, окруженная близкими родственниками. Я ждал, что появится Моисей, но его не было. И только Миша, задумчиво курил и не сводил с меня взгляд. Он не решался подойти, да и я не спешил начинать разговор. Он хмурился и постоянно сжимал руку в кулак. Пожелтевшие от сигарет пальцы нервно постукивали по столу. Не ожидали, что мы не будем прятаться. Я наслаждался нескрываемым удивлением на лицах многих.

– Очень красиво! – Янка не могла оторваться от панорамного остекления. Клуб находился среди леса. Высокие, с человеческий рост, сугробы были украшены гирляндами, голубой свет которых будто подсвечивал снег изнутри. Стен не было, были сплошные окна. Она, как ребенок не сводила взгляда с зимней красоты. – Я тоже хочу дом посреди леса. Чтобы наслаждаться изменениями природы, дышать свежим воздухом и ощущать себя оторванной от загазованного города с его рутинными проблемами. Я хочу туда, где снег... Чтобы идти, а вокруг снег. И чтобы шуриться от белизны!

– А я хочу туда, где жарко и ноги утопают в песке. Хочу слушать звук прибоя и просыпаться среди ночи, чтобы окунуться в прохладном ночном море.

– Наши желания невозможно совместить... – Янка горь-

ко вздохнула и опустила голову, тербя серебристую ткань платья. Затем она встала и подошла к окну ближе. Опустила теплую ладонь на стекло, вокруг которой вмиг все запотело. Она стояла ко мне спиной, демонстрируя всю провокацию этого тонкого куска ткани. Глубокий вырез открывал всю спину. Видел рельефное очертание позвоночника, чуть торчащие лопатки и золотистую шелковистость кожи. Чуть округлившиеся бедра растягивали ткань, позволяя ей облегать каждый сантиметр ее будоражащих изгибов. От серебряной застёжки на шее тянулась тонкая цепочка, игриво покачивающаяся по спине от каждого вдоха. Платье сверкало, притягивая к себе все переливы гирлянд за окном. Яна стояла так задумчиво и неподвижно. А я наслаждался этой паузой. Казалось, мир и правда остановился...

– Ты меня любишь? – она обернулась так резко, что я готов был схватиться за ствол, висящий под пиджаком. Сердце гулко ударилось о ребра, сбив размеренное дыхание.

– Черт! Яна, я чуть не открыл пальбу. Ты можешь двигаться чуть грациознее?

– Наскалов? – Спереди платье было полностью закрытым и на первый взгляд скучным. Плавная линия ворота, длинные рукава, только напрягшиеся соски выдавали отсутствие белья. У меня было раздвоение личности, однозначно! Потому что одной половине хотелось накрыть ее и спрятать от посторонних глаз, а другая половина вальяжно растеклась по креслу, наслаждаясь потоком зависти, бурлящим в зале за

спиной.

– Яна?

– Ответь! Сейчас же! – она чуть прикрикнула, на что отреагировали гости за соседними столиками.

– Боже, Кролик, ты такая девчонка... – я рассмеялся, чуть закинув голову на спинку кресла.

– Говори! – ее глаза вмиг стали прозрачными, исчезла мягкая голубизна, а от разлетающихся искр можно было прикуривать.

– Тебе нужна такая же шоколадка, как у всех? – я кивнул в сторону Маринки, прильнувшей к своему мужу. Они выглядели счастливыми. Им было комфортно и хорошо. Не отрывались друг от друга весь вечер, лавируя в танце между толпящихся пар на танцполе.

– Что ты имеешь в виду?

– А что ты называешь любовью? Что это?

Янка застыла и сделала шаг назад, прижавшись к стеклу. Ее глаза округлились, а ладони сжались в кулаки. Выгнув спину, как кошка, она была готова к прыжку. Ее сдерживали только сотни любопытных глаз, направленных сейчас только на нас.

– Ян, запомни, любовь – слово. Это шесть бездушных букв. Чем хуже слова – дорога, звонок, курица? Чем они хуже? Количество букв одинаково, даже есть гласные и согласные. В чем разница? – не знаю, почему начал разговор здесь и сейчас. Внутри что-то вспыхнуло и стало гулко потрески-

вать, предвещая взрыв.

Янка оттолкнулась от окна и подошла почти вплотную, положив руку прямо на кобуру под пиджаком.

– Клянусь, Наскалов, я сейчас тяпну сто грамм виски и начну палить в тебя! Ты для этого учил меня стрелять, да? Для того чтобы я выбивала из тебя признание? Скажи, что ты меня любишь.

– Пока нет, – я откупорил бутылку и слишком резким движением плеснул виски в стакан. Коричнево-золотая жидкость бурным потоком брызнула в разные стороны, оставляя уродливые кляксы на голубой скатерти. Желание разрушить, испортить, сломать, испачкать – все, что двигало мной сейчас.

– Что?

– Пока нет!

– Я убью тебя.

– Нет, потому что мы еще не добрались до дома, где я мог бы любить тебя всю ночь. До самого рассвета! Выжал бы тебя, как лимон. До последней капли... Но вместо этого мы стоим тут... В окружении пафосных парочек, бросающих в нас гневные взгляды...

– Я клянусь, что пристрелю тебя, пока ты будешь спать! Это же просто слово... Сложно сказать? Нужно обязательно запутать?

– Это не слово... В данном случае это, скорее, действие...

– Ненавижу... – прошептала она и схватила бутылку со

стола. Глаза так и горели пылающими переливами. Яна кусала губу, напряженно сверля меня взглядом. Видел, насколько она возбуждена. Грудь быстро покачивалась от поверхностного и частого дыхания, а соски перекатывались под полупрозрачной тканью, притягивая все мое внимание.

– Хватит пить! – вырвал бутылку из ее руки. – Тебе еще детей рожать.

– Кого-о-ого? – она чуть пошатнулась и упала в мягкое кресло. – Какие дети? Из тебя невозможно выбить просто слово!

– А чего ты хотела? Содрала с меня три шкуры брони? Вывернула наизнанку, оголив все мои чувства, и решила фигуру ни разу не попортить? Не получится, Кролик. Как только я тебя полюблю, ты родишь мне сына. Первым, я думаю, будет Петр. А дальше разберемся...

– Ненавижу тебя! – она поджимала губы и яростно шептала, проговаривая каждую букву. – Смотрю на тебя и ненавижу, аж до боли в груди, но потом замираю и понимаю, что готова прямо здесь скинуть с себя это ужасное платье и смотреть, как ты истекаешь слюной!

– Ты подумай, милая. Пока ты не решишь, что для тебя важнее – слово или действие, я буду молчать. Думай, милая... Думай...

Схватил ее за руку и повел к имениннице, чтобы рассыпаться в очередной порции поздравлений и извинений за скорое отбытие. Янка шла покорно, не возражая. Только гла-

за поблескивали сдерживаемыми слезами. Она храбрилась и натянула такую широкую улыбку, на какую только была способна. Моя девочка...

Обменявшись сдержанными рукопожатиями с родственниками, отошел в сторону. Телефон, молчавший все это время, ожил. Еще до того, как я бросил взгляд на экран, понял, кто мог звонить.

– Да...

– Нужно поговорить, – ровный голос Моисея, чуть более хриплый, чем обычно, разорвал пусковой механизм в груди. Хотелось взлететь вверх, рассыпавшись в искрах фейерверка.

– Кому нужно?

– Мне. Мне очень нужно с тобой поговорить.

– Нет, Виктор Викторович, я на больничном. А вообще... – вышел из ресторана, накинув пальто на плечи, и закурил. С удовольствием заполняя нутро едким дымом. – С вами становится дорого и невыгодно разговаривать, поэтому я воздержусь.

Уже хотел, было отключиться, как услышал его крик.

– Дочь. Где моя дочь?

– Не разыгрывайте спектакль. Не на того напали. Вы же знаете, что сейчас она на дне рождения у своей сестры. Жива, весела и румяна. И если бы вы не ощущали себя виноватым, то приехали и сами убедились в этом. Что? Больно, да? Стало понятно, что дочь теперь не отреагирует спокойно на

очередное вдовство? Ох, что-то пошло не так. Не та уже дочка... Не та... Да? Вина... Это очень тяжелое для души чувство, дорогой Виктор Викторович...

– Я хочу с ней поговорить.

– А кто вам запрещает? Вы могли бы позвонить ей, но почему-то не стали... Может, потому что сказать нечего? Виктор Викторович, я говорю это исключительно в интересах Яны, поэтому прекращайте играть в «авторитета» и позвоните дочери, а со мной вам лучше не видеться пару недель, а может, и дольше...

Выйдя из ванной, направился в спальню. Неприятный осадок после разговора с Моисеем не уходил. Не помог ни контрастный душ, ни пробежка перед сном. Но молчал в тот вечер не только я. Яна тихо поджимала губу весь путь от ресторана до дома, о чем-то судорожно думая. Потом медленно разделась, сходила в душ и легла на диван, включив какие-то мультики.

Я разрывался, с одной проблемой мне было НУЖНО разобраться, а с другой – хотелось. Дикая разница. Но думать над тем, как именно подойти к Яне, не пришлось. Она уже сидела в кресле, закинув ноги на подоконник. В слабом отблеске уличного освещения было видно, что она обнажена. Руки расслабленно свисали с подлокотников. Распушенные волосы струились по телу, прикрывая грудь.

– Как я могу назвать то, что чувствую, словом «любовь»? Люди испачкали его. Вывалили в грязи и современной пош-

лости. Употребляют его при каждом удобном случае: уламывая девчонку, разговаривая о футболе, политике. Они любят пиво, рыбу, читать. А то, что я чувствую, не выразить словами. Нет, это нужно чувствовать... – отбросив полотенце, подошел к ней и поднял на руки. Янка податливо обвила меня руками и ногами, прижимая к себе крепко. Она молчала, просто принимая меня всего. Слова путались, а возбуждение ударило в виски с каждым ее игривым вилянием бедрами. Яна подняла голову и заглянула мне в глаза. Они вновь стали голубыми и нежными. Исчезла колкость, пропали искры, готовые испепелить меня. Я прижал ее спиной к прохладному стеклу, и Яна издала громкий стон. Глаза закрылись, а грудь начала вздыматься.

– Чувствуй, Яна... Просто чувствуй меня... – поддерживая ее за ягодицы, указательным пальцем растирал длинный шрам. От прикосновений к бугристой коже, мне становилось легче. Намного. Я ощущал, что все, происходящее вокруг – реальность. Самая настоящая, невыдуманная. Было необходимо знать, что она не растворится, как сон, что будет рядом...

С каждым моим движением, Яна прижималась к стеклу все сильнее, будто искала прохлады. Она подняла руки, обнажая для меня всю себя... Всю... Наслаждался движением мышц пресса, впитывал тихие стоны и всхлипы, ощущал, как она то усиливает хватку ног вокруг моих бедер, то ослабляет, заходясь эмоциями. Поддерживая ее одной рукой, стал

жадно ласкать ее, то сжимая раскрасневшуюся и покрытую мелкими капельками пота кожу, то едва касаясь ее подушечками. Маленькая грудь легко вмещалась в ладонь, налитая, словно спелое яблоко, поражая упругостью и чувственностью. От каждого касания Яна едва слышно постанывала, подаваясь бедрами мне навстречу. Как только я коснулся тонкой кожи ее сосков, Яна стала протяжно стонать. Огромные капли слез скатились с глаз, оставляя на лице влажные потеки. Она позволяла, отдавая всю себя...

Ее правая рука медленно опустилась мне на грудь.

– Чувствуй... Каждый стук... Каждое биение, оно для тебя. Я буду жить для тебя, чувствовать и стараться стать нормальным. Таким, как ты того заслуживаешь. Сука! Я буду каждый вечер возвращаться домой, чтобы увидеть новую мебель, истерзанные рубашки, чтобы вдохнуть опьяняющий аромат нашего дома... – перестал дышать, потому что готов был взорваться. Пальцы горели, чуть надавил, чтобы почувствовать стук ее потревоженного сердца. Наклонился, пробежав кончиком языка по всей длине ее шеи. Остановился на груди и чуть прикусил тонкую кожу, наслаждаясь хриплым вскриком. Янка закусила губу и чуть запрокинула голову. Тело напряглось. Ноги сжались в крепкой хватке, – Давай, детка.... Давай...

– Кстати... О квартире... Раз, уж ты начал, – прохрипела она, опуская руки мне на плечи. Острые ногти впивались в кожу. Ее дыхание становилось рваным, неровным и боль-

ше походило на хрип. Говорила она через силу, проглатывая буквы.

– Замолчи, Кролик... Прошу, помолчи...

– Я присмотрела дом, нужно, чтобы ты его одобрил.

– Бл***! – взвыл я, – внесла задаток?

– Да! – вскрикнула она и стала обмякать в моих объятиях, растекаясь, как растопленное сливочное масло....

Глава 36

Олег

– Знаешь, надо сказать твоему отцу спасибо за мою рану.

Я лежал на спине, сложив руки за головой, даже не пытаясь скрыть удовольствие, с которым наблюдал за сидящей на мне Яной. Она откинула голову назад, стараясь вернуть еще частое дыхание в нормальный ритм. Утреннее солнце скользило по ее телу своими лучами, подсвечивая крохотные капельки пота, выступившие на тонкой шее. Длинные волосы щекотали мои ноги при каждом вздохе. Янка подняла руки и стала тянуться. Тонкие руки переплелись, тело напряглось, словно прогоняло остатки сонной неги, ноги, опутывающие мои бедра, сжались. Сильно выдохнув, она растормошила волосы и улыбнулась. Обожал эту улыбку. Она способна растопить любое сердце, ни одна толща льда не в силах устоять от плавного движения её губ. А от девичьего румянца, которым она заливается постоянно, становится тепло на душе, даже мне. Я понимал, отчего ее так любят все охранники, однокурсники и учителя. Да и понимал детей, которые были просто без ума от своего нового психолога. С ней так тепло и уютно. От взгляда голубых глаз становится спокойно и хорошо.

– Не говори ерунды! – она больно ущипнула меня за грудь

и обернулась к колену, рана на котором почти полностью затянулась. – Я же вижу, как ты морщишься, думая, что я ничего не замечаю. Храбришься и не идешь к врачу. Упертый!

– Ага, – поднял руки и легким касанием пальцев стал скользить по коже, затрагивая самые нежные ее участки. Янка закусила губу, но из глаз продолжали сыпаться гневные искры. – На мне заживает все, как на собаке.

– Нет, Олег! – Янка раскусила мою задумку и перехватила ладони, – Мне сначала в универ, а потом на работу. Ты хочешь, чтобы я опоздала на второй день?

– Ну, я думаю, что Маратик тебя простит.

– Наскалов? Ты ли это? Это ревность?

– Прекрати...

– Нет, ты определенно ревнуешь! – Янка рассмеялась, откинув взлохмаченные волосы от лица. Ее пытливый взгляд впился в меня, и я почувствовал, как эта Заноза старается пробраться в мою голову. Мало ей сердца? Мало?

– Ты уверена, что хочешь работать?

– Олег, мы обсудили это. В этой жизни я повидала уже многое, кроме работы. Даже замужем побывала, – ее светлая улыбка на миг дрогнула. Она нахмурилась, поджала губы, будто погрузилась в не слишком светлые воспоминания, но только на миг.

– Почему даже?

– Потому что так правильно. Только благодаря тебе, милый, я поняла, что есть исключения, – Янка соскользнула с

меня и, подобрав с пола раскиданные подушки, направилась в ванну.

– Так, поясни... – кожей чувствовал всю силу напряжения. Яна резко наклонялась и быстрыми рывками подбирала одежду. Скинув все в белую плетеную корзину, скрылась в темноте ванной. Накинув халат, пошел за ней, успев перехватить захлопывающуюся дверь.

– А чего пояснять? – она скользнула за стеклянную перегородку и включила сильный напор горячей воды, заволакивая паром обзор. – Это правильно, когда выходишь замуж, когда встаешь за чью-то крепкую спину, надеясь на женское спокойствие и столь дефицитное в наше время счастье. Отдаешь всю себя, надеясь на защиту и поддержку. Правильно – рожать детей и заботиться о них. Правильно быть рядом с мужем, разделяя все проблемы и радости. Это правильно, Олеж. Но теперь я понимаю, что лучше пусть все будет так, как есть. Как ты там говорил? Жить неправильно, но счастливо? Так? Вот я и буду жить в грехе, но зато счастливо. И никто не посягнет на моё счастье, потому что я его заслужила. И ты его заслужил, – она повернулась лицом к стеклянной перегородке и приложила ладонь. Матовое запотевшее стекло в одно мгновение стало прозрачным. Фигура, линия груди, темная кожа сосков – все стало таким соблазнительно–притягательным, – Мне нравится, что ты рядом. Ты прав, мне больше не нужны слова. Достаточно действий. Я вижу тебя насквозь. Ты же контролируешь каждое слово, чтобы

не расстроить меня. Фильтруешь всё, отбрасывая то, что может ранить. Принимаешь решение, не советуясь. Но мне нравится. Мне нравится всё, что ты делаешь. Я там, где должна быть. И не нужен мне штамп, потому что выучила урок навсегда. От этой чернильной кляксы в паспорте все беды. Только от нее....

– А как же дом, дети? Разве не этого ты хочешь?

– Хочу, – Янка выглянула, смывая остатки пены с лица, но я-то видел припухлость и едва заметную красноту глаз. Плачет. Конечно, плачет... – А что, если нет штампа, нельзя купить дом? Завести собаку тоже нельзя? Нельзя проводить вечера вместе или готовить по выходным ужин для друзей? Дядя полицейский придет и накажет? Семья – ячейка общества. Что, если я не заверю свою ячейку в загсе, меня сожгут на костре позора? – Янка застыла и прищурилась, сосредоточившись на мне взглядом голубых глаз. – А ты веришь в Бога?

– Ладно, мне с психологами не потягаться, к тому же на духовные темы, – вышел из ванны, плотно закрыв дверь. Верю ли в Бога? Я верю в случай и в волю того, кто руководит нами с неба, кем бы его не называли люди. Только мудрая невидимая рука могла сыграть с молодым парнем злую шутку. Не верю в случайности. Не мог я спасти жизнь одной девчужке, забрав впоследствии десятки других, без воли на то небесного... Верю ли я? Верю. Потому что знаю, что она стоит всех тех, кого теперь нет. Стоит тонны слез, пролитых

в унижительной попытке выкупить собственную жизнь. Но только не у меня. Продай я вам жизнь, кто вернет в нее душу? Потому что ее нет. Вы сами испортили ее, сами потеряли, решив, что это самая ненужная часть. Кто вернет им душу? Никто. Поэтому та, в которой души больше, чем жизни, стоит тех падших голов. Верю. Надрывающийся телефон выдернул меня из размышлений.

– Да!

– Олег Евгеньевич, к вам тут гости, – робко произнес охранник с поста на первом этаже.

– Кто?

– Говорят, тесть и друзья.

– Тестя пропусти, а друзья пусть у подъезда потрутся. Табуретки кончились...

Знал, что рано или поздно придется столкнуться с Моисеем, но не думал, что сегодня. А я только полюбил утро и его нежные проявления. Надел спортивный костюм, приготовленный Янкой для утренней пробежки. Щелкнул замком на двери и, прислонившись к стене, замер. Глазами пробежался по комоду за спиной, где из открытого ящика выглядывал ствол. Не хотел, но для успокоения души.

Ручка дрогнула, но дверь не торопились открывать, будто набирались смелости.

– Олег... – Моисей рывком открыл дверь и замер в пороге, осматривая меня с ног до головы. Я поднял руки и обернулся, показывая, что не держу секиру за спиной.

– Тесть? – не мог не усмехнуться его шутке.

– Хм...

– Кофе? – я задвинул ящик комода и направился вглубь коридора, закрывая дверь спальни, чтобы Янка не испугалась постороннего присутствия. Постороннего...

– С мышьяком? – хрипло рассмеялся Моисей и, раздевшись, направился в кухню.

Старик сегодня выглядел не так, как всегда. Не было его строгого костюма, шелкового платка за воротом рубашки, даже седые вьющиеся волосы не были идеально уложены, топорщась в разные стороны. Голубые джинсы, синий свитер, даже на руке не было перстня, который он никогда не снимал. Нервозность, которую он тщательно скрывал, выдавали только его руки, вернее, пальцы. Они нервно подергивались в мелкой дрожи.

– Ну, это уж, как ты пожелаешь, тесть дорогой. Так сказать, любой каприз...

– Что, правда, готов убить меня? – Моисей сверкнул голубыми глазами, впиваясь в меня. Нам обоим было ясно, что это не относится к шутке про мышьяк. Он интересовался собственной судьбой.

– Это все зависит от степени твоей усталости, тесть. Только от нее. Потому что если ты готов и дальше сидеть в кресле, возглавляя этот город, то так и быть, сварю тебе черный кофе.

– А если?

– А нет этого «если»... Нет! – я обернулся, как только зарядил кофемашину. Монотонное жужжание заполнило трескучую тишину. Видел, как старик сжимает деревянный подлокотник кресла. Видел, как плещется в его глазах боль с примесью чего-то неизлечимого. Хотел сердиться, даже вспоминал подробности той ночи, когда старик готов был убраться от меня, но не мог. Потому что, глядя в его глаза, видел Янку. Тот же самый цвет, пусть и потускневший от прожитых лет. Но не мог забыть, что это ее отец. Хороший отец.

– Мне нужны подробности.

– Нет, Виктор Викторович, подробности вы будете получать только партиями. От меня и по мере необходимости.

– А если я решу уйти?

– Твое право, только я бы на твоём месте этого не делал, в целях всеобщего мира и безопасности.

– Да ты, щенок, знаешь, кто за меня может вступить? – старик резко встал, отчего белая чашка кофе перевернулась и упала прямо на мраморную плитку, оглушив звоном квартиры.

– Знаю, поэтому и говорю, что лучше бы тебе сидеть на месте, потому что никто тебе не поможет больше. Никто! – я резко положил руку ему на плечо, вжимая в кресло, чтобы больше не вскакивал. – Никто, слышишь? А я помогу. Могу сделать так, чтобы ты жил долго и счастливо. Ясно? Будешь нянчить внуков, будешь жить за городом, не боясь за жизнь детей. Только для этого ты должен поработать. Никто

не позволит тебе просто отойти. А я помогу...

– Я так понимаю, что у меня нет вариантов? Нет и не было этого выбора? Это все иллюзия?

– Боюсь, что выбора не было ни у кого. И в наших интересах оставить все, как есть.

– Хорошо, но взамен ты гарантируешь мне свободу и безопасность дочери...

– Нет, «папа», я не торгуюсь. Не существует услуги, ценой которой будет ее жизнь. Ясно? Я уже выплатил ее сполна!

– Нет! Папа! – вскрик в дверях заставил обернуться. Янка бежала к отцу и упала на колени, осыпая его руки поцелуями. – Папа, я прошу тебя, прекрати. Это он! Это он вытолкнул меня тогда за гаражи! Это был он!

Моисей

Зима в этом году была настоящая, жесткая, такая, что хотелось спрятать уши в высоком воротнике. Именно сегодня я впервые сбросил тонкое пальто, которое было не способно справиться с холодом и надел старый овчинный тулуп. Марья достала валенки и шапку-ушанку. Не знаю, откуда она выудила этот раритет, но, узнав, что я собираюсь в лес, уперлась, не желая отпустить «голового». Кажется, так она выразилась, а потом залилась краской, перекрестилась и скрылась в подвале, где до сих пор хранились коробки со старыми вещами.

В носу щекотало от запаха старости, но это был прият-

ный запах, от которого хочется улыбнуться. Старый дворник не признал меня в новом одеянии, поэтому равнодушно разметал каменные дорожки вдоль дома. Собаки тоже молча провожали меня глазами, только охрана весьма переполошилась и ринулась мне навстречу, не признав. Я скинул шапку и махнул им, чтобы расслабились, и направился дальше.

Еще совсем недавно мы с Янкой ходили к реке кататься на коньках. Мои хлопцы заливали лед до тех пор, пока он не становился ровным. На берегу устанавливали искусственную ель, потому что живые в доме были под запретом, иначе Янка заходила в громком плаче, от которого сотрясались стены.

Она была у меня на виду. Всегда. Помню день, когда вел ее по красной дорожке в руки супругу, помню боль, что давила в груди. Можно было на пальцах пересчитать слова, которые я произнес в тот день, потому что был на грани. Хотел забрать ее и увезти домой. Туда, где безопасно. Потому что передо мной стояла не взрослая девушка в белоснежном платье, а девчушка в сарафане, ревущая о потерянных кеддах, а не о том, что чуть не попала в руки к подонкам. Помню тот день до мелочей. И легкий аромат клубники от ее волос, потому что все утро провела на огороде у няни, поедая спелую ягоду, и тонкий голосок, и грустный взгляд, выпрашивающий разрешения остаться с ночевкой у брата. Помню нехорошее, но настойчивое предчувствие чего-то надвигающегося, чего-то непоправимого и неправильного. Но неизбежного.

В самом разгаре пышного приема Оксана позвонила мне, проронив только несколько слов, а потом залилась громким ревом.

– Беда, дядя Витя, беда...

Пустота. Моя душа вылетела и помчалась в пригород быстрее, чем могло тело. Звонкая тишина в груди надрывалась, оглушая своей громкостью. Я не знал, дышу ли я, живу ли я... Казалось, что это злая шутка этой мерзавки. Поэтому, слушал ее плач в трубке еще долго, пытаюсь определить обман, ожидая привычного хохота племянницы и громкого слова – «шутка». Но его не было. Поэтому я отбросил телефон брату и бросился туда, где оставил свою крошку. Дочь. Единственную, кто владела моей жизнью, единственную, кто заставлял меня дышать и просыпаться каждый день.

Как только машина встала колом в тихом дворе, увидел яркую вспышку света. Ее белые волосы, на которые падал свет фар, а потом и дочь, бегущую по земле босиком. Огромные голубые глаза, налитые страхом, разорванный сарафан, болтающийся на одних ляпочках. Помню, как прижал ее к себе, жадно вдыхая запах клубники. Но это было не то. Теперь он был с примесью чего-то злого, реального. Не было больше ощущения чистой сказки.

Я вытаскивал мелкие стекла из ее розовых пятючек, стряхивал прилипшие окурки и дул. Все время дул, боясь, что делаю больно. По щекам катились слезы, а я дул и молчал, не в силах спросить. Янка прижимала ладони к лицу, стара-

сь не плакать. Она жалела меня. Ей было меня жаль. Потому что я перестал себя контролировать, отдавшись целиком и полностью чувствам. Даже малейшая возможность потерять единственную кровиночку выворачивала меня наизнанку. Вот так мы и ехали в машине. Она жалела меня, храбрясь и глотая боль, а я жалел ее.

Доктор позволил мне выдохнуть, а потом снова вдохнуть полной грудью, сообщив, что все в порядке. Ей зашили порез на попе, обработали ноги и вкололи успокоительное, от которого она спала почти сутки.

Тотальный контроль... Как поздно я вспомнил эти слова. С того самого дня меня мучает вопрос, а что было бы, если бы я запретил? Если бы отвез ее к няне? Не наткнулась бы она на толпу отморожков в другом месте? И попался бы ей храбрый паренёк там, в новом месте, в новых обстоятельствах? Возможно, запретив ей оставаться с ненадежной Оксаной, я бы спас ее? Избежал, а возможно, и нет? Отчего люди не живут по плану? Отчего все рождения и смерти нельзя записать аккуратным почерком в ежедневник? Отчего нельзя все предугадать и подготовиться. Почему всегда так больно?

– Как жаль, что нельзя быть готовым ко всему... – я сел на деревянную скамейку на берегу реки. Впереди был простор. Такой чистый, белоснежный и свободный. Хлопцы снова залили лед, потому что мы катались с дочей на коньках каждую зиму, что жили в этом доме. Уходили незадолго до заката и веселились до хрипоты, но, как только солнце пряталось за

горизонтом, она замирала и закрывала глаза руками в пушистых варежках. Потому что уже через мгновение зажигались огни, освещая расчищенную реку разноцветными бликами. Спрятав руки в карманы, я откинулся и вдохнул так глубоко, как только мог. Валенки приятно поскрипывали на снегу. Тишина и звук мороза, я старался не дышать, только бы успокоиться.

«Это он! Это он вытолкнул меня тогда за гаражи! Это был он!»

Ее слова до сих пор эхом гуляют в голове, опустевшей от мыслей. Олег поднял ее с колен, вытер слезы. Только тогда мое сердце отпустило. Так резко. И захотелось жить и дышать. Ощущение тревоги душило меня все эти годы, а теперь, глядя на то, как она заглядывает ему в глаза, как опустила голову, когда он недовольно нахмурил брови, как прильнула всем телом к Олегу. Мне стало легко. Он провел своей большой рукой по ее влажным волосам и, похлопав по спине, указал на дверь. Янка опустила голову и вышла, оставив нас наедине.

Прильнула к врагу, ведь именно таковым я его и считал, начиная с того дня, когда он сошел с трапа самолета. Я смотрел на него издалека и взрывался от негодования и злости. Ведь такие как Призрак просто так не появляются в городе. Приставил к нему «хвост», а сам отправился в Москву, чтобы найти ниточку, что привела его в мой город. Но бился я о глухую стенку. Кто-то искренне пожимал плечами, а кто-

то и вовсе не скрывал печали в глазах, будто знали о чем-то страшном и одному только мне неведомом. Оттого мне становилось еще хуже. Этот «франт» разгуливал по городу, будто на экскурсию приехал. Не скрывался и не таился, появляясь на улице в полном одиночестве, не боясь за свою шкуру. А потом пропажа Янки. Я оборвал телефоны, но люди вспоминали о «госте» и твердили, что только он мне мог помочь. Я даже подумал, что он сам ее и украл, чтобы приблизиться ко мне. Но все обернулось совсем иначе.

– Начни жить, Моисей, – напоследок сказал Олег, провожая меня. – Дарья Алексеевна хорошая женщина. Пора что-то менять.

– Откуда...

– Тесть, пора бы уже перестать удивляться. И познакомь с ней Янку. Теперь все будет иначе. Все будет хорошо...

Мне ничего не оставалось делать, как верить. Потому что видел, как она смотрит на него. Кирилл для неё был тем, кто мог показать новые границы, помочь вкусить взрослую жизнь, а Олег... То, что я видел в её глазах, нельзя описать. Поэтому я ушел. Чувство одиночества захлестнуло меня с головой. Глаза чесались от наворачивающихся слез. Я продолжал сидеть на старой деревянной лавке, на которой было накарябано: «Папуля». Водил пальцем по царапинам и ждал заката. Небо наливалось темнотой, будто кто-то пролил баночку чернил. Тучи подкрались так быстро и незаметно, что я даже вздрогнул оттого, что с неба повалил снег. Огромные

снежинки красиво кружили в воздухе и падали на очищенный лед, зависая над глянцевой поверхностью лишь на мгновение.

Внезапно темноту нарушили разноцветные огни, озарившие неширокую реку. Высокие сугробы, в которые были заложены длинные провода гирлянд, засверкали. В этом году Михалыч заложил подсветку даже под толщей льда.

– Ну, старик? Как? Готов дать жару? – громкий стук справа заставил вздрогнуть. На деревянную скамейку опустились старые потрепанные коньки. Подняв голову, увидел Янку, закутанную в три шарфа заботливой Марьей. На голове была белая шапка-ушанка, дочь смеялась, заливая тишину звонким звуком. Сердце дрогнуло и вновь вывернуло нутро наизнанку...

Глава 37

Олег

– Мы от кого-то бежим? – Янка быстро семенила по оледеневшей узкой тропинке мимо припаркованных автомобилей, превратившихся в пышные искрящиеся сугробы. – Я сейчас упаду.

– Янка... – я шел так близко, как только мог, чтобы успеть поймать ее, сбросив груз трех пластиковых чемоданов. – Зачем нам три чемодана?

– Ты же не сказал, куда везешь меня? И, вообще, Олег, так нельзя. Кто приходит домой в два часа ночи и говорит, что мы уезжаем? Я не предупредила деканат, да и на работе меня ждут дети. И Снежка пришлось соседке оставить, – Янка изо всех сил старалась сохранить равновесие, пересекая раскатанную в лед проезжую часть.

– А если ты не поторопишься, то мы вообще никуда не успеем. Регистрация закончится через три минуты, – я начал подталкивать ее, как только мы вышли на вычищенную привокзальную площадь.

Толпы людей двигались в разные стороны, слышались голоса, громкое монотонное бормотание диктора. До рассвета было еще далеко, но благодаря чрезмерно яркой подсветке невысокого здания аэропорта, темное полотно неба озаряли

яркие вспышки. Новогодние праздники миновали, унося с собой ощущение волшебства и детской радости, возвращая людям уже забытое чувство обыденности и монотонной рутинной суеты. Вот и теперь толпы загоревших туристов толкались на площади, в поисках своего такси или встречающих. Самые отважные, исключительно по их мнению, стояли в шортах, стараясь не показывать вида, что кровь в венах уже застыла, а сердце вот-вот готово остановиться. Но нет, они гордо стояли, одетые в остатки курортной роскоши: шляпа с неширокими полями, яркие шорты и растянутая футболка, залитая разбавленным алкоголем из бара.

– Сам виноват, почему не дал Лазарю возможность отвезти нас в аэропорт? – Янка подергала меня за рукав, возвращая мое внимание к себе.

– Потому что он занят.

– Чем наш Сереженька может быть занят? А ты, кстати, заметил, что он стал какой-то... Блаженный что ли? Что-нибудь об этом знаешь?

Я улыбнулся, потому что Янка, орудуя внутренними чувствами заметила то, что творилась с Лазаревым. Конечно, знал. Видел все. Поэтому и заставил его заниматься поездкой, чтобы хоть как-то отвлечь. Знаешь, видишь, а как подойти, не понимаешь.

– У тебя есть еще несколько десятков людей, которые могут выполнить функцию таксиста. Не мог их привлечь? Черт! Я не позвонила папе, он голову мне оторвет!

Не мог, уж лучше тащиться с дальней парковки, чем лететь с навязчивым чувством, что твои планы теперь общеизвестны. Хотелось просто исчезнуть, не дав пищи для размышления врагам, а уж друзьям и подавно. Поэтому и соби-
рались мы экстренно, как только я получил отмашку о готов-
ности. И машину гнал по переулкам, стараясь не выезжать на
главные проспекты, предпочитая прятаться в тени, где мож-
но было быстро заметить «хвост».

– Не оторвет, он во Владике, вернется только завтра, по-
звонишь, как только долетим.

– Мог бы Куранова попросить...– не унималась Янка,
проходя через рамку металлоискателя.

– Не мог, – я скинул чемоданы на ленту досмотрового ап-
парата и вывалил документы, бумажник и ключи на столик
у инспектора безопасности. – Привет, Саша.

– Привет, я думал, что вы уже не полетите, – сотрудник
полиции, появившийся из-за спины инспектора, взял меня
за плечо, отводя от личного досмотра. Как только мы ото-
шли подальше, мы обменялись рукопожатиями. – Я вас за-
регистрировал, идем.

– Почему ты меня не представил? – зашипела Янка, по-
виснув на правой руке, потому что Саша взял один чемодан,
изрядно облегчив мою ношу.

– Потому что ты больше никогда не увидишь этого чело-
века. И, вообще, сегодня ты слишком разговорчива. А еще
вчера спала весь день, даже не заставила смотреть перед

сном очередную слезливую драму, – Янка сморщила нос и отвернулась, демонстрируя недовольство. – Кстати, я тут заметил чек на покупку телевизора. Яна Викторовна, кажется, мы с тобой обсудили, что в спальне телевизора не будет. Там спят и любят друг друга, а не смотрят «ящик».

– Так, тут ждите, – Саша скрылся за прозрачными воротами таможенной зоны.

Яна даже не смотрела в мою сторону, мило хмурилась, показывая всю степень своего раздражения. Она была сегодня в спортивном костюме винного цвета, глубокий капюшон скрывал ее лицо почти полностью. Зеркальное стекло очков было заляпано капельками растаявших снежинок, еще не успевших высохнуть в тепле здания. Раскачиваясь, она переводила взгляд на что угодно, кроме меня, затем облизала пересохшие губы и перебросила своё негодование на большую замшевую сумку, где пыталась что-то найти. Но я-то знал, что это был гиблый номер. Вот и сейчас, она вытаскивала расческу, резинку, бутылку воды, шоколадку, но никак не могла найти то, что нужно. Бросив чемоданы, я одним рывком притянул к себе Яну. Она громко выдохнула и расслабилась, прижимаясь ко мне. Я чувствовал ее дрожь и частое сердцебиение. Тонкие пальцы с силой вжались мне в грудь, впиваясь длинными ногтями в кожу. Она делала глубокий вдох носом и замирала.

– У меня стойкое ощущение, что мы от кого-то убегаем, – прошептала она, зарываясь лицом в мое пальто.

– Нам не от кого больше бежать, а от себя я уже набегался. Поэтому прекрати и расслабься. Тебе нужен отпуск и мне он очень нужен.

– Идем, – Саша схватил чемодан и провел нас мимо таможни в зал регистрации. – Вот ваши посадочные, багаж оставьте тут, я его оформлю. Приятного полета.

– Олеж, а у тебя везде есть знакомые?

– А что? У тебя есть проблемы? – я рассмеялся и обнял ее, пока мы поднимались на эскалаторе в сторону пограничных кабинок.

– Нет, но теперь я знаю, к кому нужно обращаться в случае чего, – впервые за день она рассмеялась. Я выдохнул, пропуская в грудь нежные нотки ее смеха.

– Не будет таких случаев.

– Почему?

– Потому что их просто не будет, – я подтолкнул ее в сторону открытой кабинки.

Яна

Полная женщина в синей форме оторвала глаза от монитора.

– Здравствуйте, ваш паспорт.

В моем горле пересохло, а руки машинально стали шарить по карманам. Извилины заработали, как старый часовой механизм. Я помнила все, что складывала в чемодан, но не помнила главного – *«Где, мать его, мой паспорт?»*

Но не успела я продолжить свою мысль, как что-то со звонким шлепком упало прямо перед моим носом.

– Простите, моя жена такая забывчивая! – Олег перегнулся через металлическое ограждение и ободряюще потрепал меня по голове.

– Наскалова Яна Викторовна, – монотонно произнесла женщина, звонко стуча по клавиатуре.

Эти удары были настолько громкие, что мне захотелось закрыть глаза и скатиться по стеклянной стене кабинке, но я не могла. Не могла оторвать взгляда от родных зеленых глаз, которые блестели, как новогодняя елка миллионами бликов. Олег широко улыбнулся, затем накрыл мою руку своей большой ладонью, чуть сжав ее.

Мир просто перестал издавать звуки, лишь глухое биение собственного сердца. «Наскалова... Наскалова... Наскалова Яна Викторовна...» – эти слова эхом отдавались в голове. Они, как шарики пинг-понга звонко бились, вытесняя все возможные мысли, закливая мир на этом мужчине с красивой фамилией.

– Яна Викторовна, снимите очки, – слышался опять монотонный голос. Я скинула солнечные очки и повернулась к женщине. – Проходите.

Она звонко шлепнула печатью и протянула мне бордовую книжку. Толкнув металлическое ограждение, я вышла из кабинки и только тогда выдохнула. Покинувший воздух больно обжог горло, которое вмиг пересохло. Руки тряслись,

пока я искала нужную мне страницу, где черным аккуратным шрифтом была напечатана моя новая фамилия. Я внимательно рассматривала гляцевую страничку. В поле для подписи стояла точно такая же закорючка, которой я обычно подмахиваю все документы. Водила пальцем по фотографии и буквам, означающим, что... А, черт побери, что это все значит?

Гнев вытеснил то чувство растерянности, от которого я застыла перед очередным пунктом досмотра. Но не успела я взорваться в негодовании, как Олег подхватил меня под локоть, зашипев на ухо так ласково, насколько это было возможно.

– Супруга моя, давай отложим твой крик и мой виноватый взгляд на сутки? А то путешествие нам предстоит долгое. Ну, или хотя бы давай дойдем до укромного уголка? – он крепко сжал руку и притянул к себе, прижавшись губами, пытаясь забрать ту дрожь, что сотрясала мое тело. Хорошо, что я была в спортивных кедах, а то мои ватные ноги не вынесли бы тонкой шпильки.

Я не помню, как мы прошли досмотр, а очнулась, когда Олег усадил меня на кожаный диван тихого зала. Темные стены, тусклый свет, в целом интерьер был настолько мрачным, что хотелось спать, не обращая внимания на мелкие детали.

– Яна Викторовна, Олег Евгеньевич, я приглашу вас, как только начнется посадка, а сейчас можете позавтракать, –

любезная девушка положила на стеклянный столик меню и растворилась за матовой перегородкой, отделяющей нас от других пассажиров.

– Ну-с, начинай, – Олег скинул пальто и сел в кресло напротив, перелистывая меню. – Подожди, ты завтракать будешь? Мы уехали, так и не поев.

Олег потер лицо и стукнул кулаком в перегородку, подзывая официанта.

– Кофе, зеленый чай и два хороших и плотных завтрака. Милая, что-то еще? – он впервые поднял на меня глаза. И ДА! Черт, он не врал насчет извиняющегося взгляда.

– Сок томатный, – я не могла дождаться, пока эта расфуфыренная девица исчезнет, подобрав за собой слюни, капающие на ковролин.

Администратор нарочно медленно шкрябала карандашом по блокноту, продолжая скользить своим масляным взглядом по Олегу. Он сидел в кресле, широко расставив колени. Поднятые руки сомкнулись в тугий замок на затылке, скулы были напряжены, а губы слегка поджаты. Белая футболка плотно обтягивала торс, позволяя насладиться всеми его рельефами.

– Не молчи, – выдохнул он и наклонился ко мне.

– А чего теперь-то? Уже поздно, – я еще раз провела пальцем по паспорту и бросила его в сумку. – Я так понимаю, что это не все мои документы?

– Нет, – Олег вытащил из внутреннего кармана пачку до-

кументов, перетянутых простой резинкой.

Я даже рассматривать их не стала, так и бросила в сумку. Знала, что глупо сомневаться, что на всех бланках государственного образца гордо и аккуратно напечатана его фамилия. Конечно, он позаботился обо всем. Ни одна мелочь никогда не ускользнет от него.

– Я, кажется, тебе сказала, что не хочу замуж, – скинула кожаную куртку и аккуратно положила ее на подлокотник дивана. Говорила медленно, подбирая каждое слово. Пыталась оттянуть момент, когда вновь подниму на него глаза. Искала в себе хоть малейший намек на злость, гнев или желание разгромить к чертям этот чопорный зал бизнес-класса, но нет. Перегорело, как спичка. Мгновенно. Оставив только легкую дымку досады.

– Слава Богу, – выдохнул Олег и снова улыбнулся. Он словно читал мои мысли, поэтому, как только я выдохнула, все его мышцы мгновенно расслабились.

– Ты чего сегодня весь день улыбаешься? То не вытянешь из тебя ни одной эмоции, то улыбаешься, как школьник на дискотеке. И что значит твое – «Слава Богу!»

– Просто я продумал только эту версию развития событий, – честно признался он и вмиг стер довольную мину с лица, как только официантка принесла чай и кофе.

– Ну? Что ты должен был ответить по плану?

– Кажется, так: «А как я должен позвать тебя замуж, если ты против?»

– Поэтому ты решил просто сделать меня своей женой без шума и пыли?

– Бинго! – рассмеялся он и глотнул кофе, потянувшись за сигаретами.

– А как же те самые слезливые моменты, как в мелодрамах, когда мужчина встает на колени... – я не успела договорить, как Олег упал на колени и, не переставая улыбаться, обхватил мои руки.

– Так? Кажется, я все правильно делаю? Наклон корпуса? Слез в глаза добавить? – Олег замолчал, а потом уронил лицо в мои ладони и вдохнул. – Ты моя до кончиков волос. Полностью и навсегда. Я понял все твои намеки о нежелании выходить замуж, постоянные тренировки по падению на колени, отрепетированные твоими любимыми мелодрамами. Я все знаю, меня не нужно долго дрессировать. Я ученый пес. Хочу, чтобы ты жила правильно и счастливо. Слышишь, правильно!

– Ну, а...

– Не нравится такой поворот, тогда просто считай, что я так решил, – Олег не отводил взгляда. Улыбка исчезла, он поджал губы. – Я никуда не уйду. Просто помни это.

А потом моего пальца коснулось что-то прохладное и гладкое. Я закрыла глаза, не желая, чтобы аэропорт затопило от рвущихся наружу слез. Сильно сжала челюсть, чтобы не разрыдаться в голос от романтики, которую только мог себе позволить этот двухметровый мужик, от взгляда которого

даже собаки начинают жалобно поскуливать.

– Это правильно, когда ты просыпаешься утром и готовишь завтрак мужу или когда разбираешь его носки и думаешь о том, что приготовить на ужин. Это правильно. И то, когда здоровый мужик топчется в ювелирном магазине, выбирая подарок для той, кого называет своей женой – тоже правильно.

– Это сон. Я сплю, – повторяла я, не желая открывать глаз.

– Ты не отвяжешься, да?

Мне не нужно было смотреть ему в глаза, чтобы понять, о чем он говорит. Не нужны были доказательства, потому что я чувствовала все, что происходит у него внутри. Впитывала и наслаждалась. А открой я глаза хоть на мгновение, тут же разревелась бы, поэтому просто замотала головой.

– Заноза, – Олег шумно выдохнул, а потом вновь опустил лицо в мои ладони. – Люблю. Слышишь? Люблю...

Олег

Я открыл глаза, когда над океаном уже алел закат. Оранжевые, с багряными примесями лучи разливались по водной ряби, подсвечивая ту. Стеклопанная дверь балкона была распахнута, и прозрачная занавеска то поднималась, касаясь потолка, то безвольно падала, управляемая океанским бризом. Втянул любимый морской воздух и перекатился на другую половину кровати, ощутив прохладу шелковой простыни. Янки не было, но за светлой дверью ванны шумела вода.

Двадцатичасовой перелет, с ночной пересадкой в Дубае, вымотал нас. Где-то на пятом часу полета в Сидней, я уже покаялся, что затеял эту поездку. Широкие полукабинки, конечно, увеличивали уровень комфорта, позволяя вытянуть ноги и даже подремать, но я все равно не мог расслабиться, то и дело осматривая взглядом тусклый салон бизнес-класса. Янка даже не проснулась, когда самолет довольно резко коснулся полосы.

– Я очень хочу есть, – она выпорхнула из ванны и с разбегу запрыгнула на кровать.

– А я хочу спать.

– Нет, муженек, я знаю все твои манёвры. Как только ты долетаешь до моря, то тут же превращаешься в пляжную амёбу. Но со мной это не сработает. Если бы я только знала, что мы летим в Австралию, то заказала бы миллион туров, экскурсий, подготовилась бы. А теперь? Что теперь? Я ничего не знаю об этой стране. Что тут? Кенгуру? Ужас! Завтра нужно поехать на экскурсию по Сиднею.

– Не получится, женушка. Завтра мы покинем шумный город и отправимся туда, где тихо, жарко и безлюдно! – я потянулся, вытягивая затекшие мышцы.

– Ну-у-у-у... – заныла Янка, подползая ко мне ближе. – Давай задержимся на сутки? На одни суточки... Мы же можем себе это позволить?

– Мы можем себе позволить все, что угодно, только я не меняю планы. А экскурсия по Сиднею будет, через неделю, –

я подхватил ее за волосы и притянул к себе, вдыхая ванильный аромат ее кожи. Последние лучи заката осторожно касались ее обнаженной груди, скользили по рукам, подсвечивая квадратный бриллиант на правой руке.

– С тобой так сложно, – выдохнула она и уронила голову мне на грудь.

– Не сложнее, чем с тобой...

На рассвете мы сели в арендованный джип и под монотонное бурчание навигатора покатали вон из шумного города. Янка открыла окно и с радостными вскриками хлопала всему, что видела. Она встречала солнечные лучи, махала плетеной шляпкой толпам туристов и взвизгивала, когда мы вновь сворачивали к дороге вдоль водной линии бухты. К домику на берегу залива мы добрались к полудню. Яна сладко спала, свернувшись на сиденье, но как только я припарковался, открыла глаза.

– Идем, Кролик, – я открыл дверь и взял ее теплую ладонь. – Помнишь, ты сказала, что невозможно найти место, где то, что мы оба любим, будет соединено? Твой белый снег и мой пляж? Есть такое место.

Как только Янка отвела свой взгляд от меня, тут же вскрикнула и бросилась бежать, поднимая в воздух охапки белоснежного песка. Скинув сандалии, бросилась бегать по воде, распугивая отдыхающих. Это был знаменитый пляж

Хайамс, песок которого не был похож на тот, к которому мы привыкли. Мельчайшие белоснежные крупинки кораллов, создавали иллюзию заснеженного океанского побережья, заставляя замирать сердце миниатюрной блондинки, поднимающей в воздух брызги. Она смотрела на пеликанов и заливалась громким смехом. Длинная коса расплелась, а выбившиеся волосы стали кудрявиться от влажного воздуха.

– Я люблю тебя, слышишь? Наскалов, я так люблю тебя, – прошептала она, подбежав ко мне.

– Идем, это еще не все, – я обнял ее за плечи и повел в приоткрытую калитку. До ушей уже доносилась музыка и громкие мужские крики. Черти! Какой тут может быть сюрприз?

За высоким забором, в тени пальм, спрятался невысокий двухэтажный особняк из белого камня. Просторный двор, зеленые газоны, размеренное шуршание автополива, открытый гараж, забитый автомобилями.

– Олег? – мы шли по узкой каменной тропке вдоль дома, когда Яна крепко сжала мою ладонь, потому что голоса становились все ближе и ближе.

– Приехали! – первым нас увидел Мартынов, распластавшийся на плетеном лежаке. Он медленно сдвинул очки и встал.

Янка взвизгнула и бросилась к бассейну, где толпились те, кто должен был весело крикнуть «Сюрприз-и-из», как только мы переступим порог.

– Папа! – Яна повисла на шее отца, переворачивающего стейки на гриле.

– Т-ш-ш, не кричи, – засмеялся Куранов, покачивая коляску.

– На свою жену шикай, – Лазарев просто не мог не вставить свои пять копеек, отчего на лице Моисея промелькнула тень недовольства. Конечно, он знал. От кого-кого, а от старика я ничего не скрывал. Естественно, он бы хотел пышного торжества, со звоном колоколов и часовым салютом над городом. А мне хотелось другого.

– Ой, а ты давай завидууй молча, ты пока холостой! – жена Куранова, Маша, подошла и ободряюще похлопала меня по плечу, а затем крепко обняла Яну.

– А я чего?

– А ничего, просто помолчи, а то расскажу, что ты по ночам у себя даму принимаешь, – Маша показала остолбеневшему Сереге язык и спряталась за спиной подошедшего Бояры.

– Даму? Да ладно, я был лучшего о тебе мнения, – Пашка подмигнул Янке и, сжав мою ладонь, прижал к себе, сильно похлопав по шее. Вот он-то не скрывал своего недовольства. – Чертяка, не думал я, что ты женишься первым.

Мы расположились за длинным столом во дворе. Нежный ветерок игриво задирает белоснежную скатерть, ерошил наши пропитанные холодом зимы волосы и обнимал за плечи, принося чувство расслабленности. После обеда все сидели

тихо, потягивали ароматный кофе, мужчины курили, а женщины играли с детьми на газоне.

Моисей внимательно следил за дочерью, ловя каждое ее слово. Улыбался краешком губ, когда она смеялась. Он словно впитывал те моменты, что еще были свободны, что не предназначались мужу и будущим детям. Горевал, что на этот раз его девочка уж точно улизнула из-под родительского крыла. Поэтому слегка хмурился, когда дочь бросала взгляд не на него, а на своего законного мужа.

Я осматривал двор, словно пересчитывал всех, кто стал мне дорог. Конечно, мало для тридцати трех лет, но уж лучше так, чем снова остаться одному. Лучше так...

Яна

Закутавшись в полотенце, замерла в дверях балкона. Снова закат. Почему это волшебное явление заставляет замирать, умиляясь всей степени его красоты. Он был таким самодостаточным и ярким, ему не нужно было сопровождение птиц или шум прибоя, но он был слишком снисходителен, позволяя звуковому сопровождению скрасить свой недолгих век. Алое небо с белоснежными баранами облаков, линия горизонта, на которой застыли сотни белоснежных яхт разной степени роскоши, крики чаек.

Дом был просто шикарным. В нем не было современного пафоса, хромированных деталей интерьера. Он был больше похож на итальянское патио в отдаленном районе, только

вместо кустистых деревьев олив, стояли размашистые пальмы. Фигурные тени деревьев ласково обнимали раскаленный камень, создавая его жителям уют. Большие окна, белоснежные распашные двери с витражными вставками, каменный пол, простая мебель, а главное – простор. Хотелось выйти во двор и сесть в качалку из ротанга, подставив бледное лицо ласковым лучам. Тут не было обжигающего солнца, его касание было, скорее, заботливым, бережным. Даже ветер, поднимающий мелкие песчинки в воздух, не швырял их тебе в лицо, а ласково опускал к ногам, образуя небольшие кучки у дверей дома. Высокие потолки, стены нежно-сливочного цвета, обилие морских пейзажей – все это успокаивало, постоянно напоминая о том, что мир прекрасен. Войдя внутрь, я ощутила себя дома. Хотелось побежать на кухню и приготовить пирог, чтобы заполнить все углы комнат ароматами домашней еды...

Как только я подумала о еде, к горлу подкатил ком. Я закрыла рот ладонью и снова убежала в ванну. Приступы тошноты не покидали меня уже несколько дней, отчего в голове крутилась одна и та же мысль. Взгляд упал на косметичку, в которой лежала упаковка тестов.

Ладонь все чаще касалась живота, словно искала какого-то знака. Но там была лишь тонкая кожа, практически без жировой прослойки. Даже не верилось, что в столь сухой пустыне может что-то взойти. Уже неделю вертела целлофановый пакетик по утрам, но так и не вскрыла. Чего боюсь? То-

го, что обмануть? Что потеряю мечту и маленький секрет, с которым ложусь и просыпаюсь? Ведь и думать больше ни о чем не могу. От этого и стала такой рассеянной. Олег лишь хмурился, но не говорил ни слова. Молчала и я, желая подольше оставаться единственной, кто знал этот секрет. Чувство уникальности опьяняло, заставляя захлебываться эмоциями.

– Тут-тук... – дверь спальни скрипнула. Я спрятала тест и плотно закрыла замок косметички, спрятав ту в ящик под раковиной. Ощутила тепло, что разлилось по щекам румянцем. А ощущение того, что я сделала что-то противозаконное, прописалось где-то в душе окончательно.

– Да, Маша.

– Выходи. У меня тут для тебя сюрприз, – ее нежный голос был как ветерок. Я иногда закрывала глаза, вслушиваясь в его переливы, когда она пела песенки своим девчонкам.

– Еще?

Маша стояла в дверях, сжимая в руках длинный чехол, из-под которого виднелась нежно-мятная прозрачная ткань.

– Что это?

– Меня прислали, чтобы я помогла тебе собраться на вечерний ужин.

– Я и сама могу это сделать.

– Раздевайся, потому что я все равно не уйду.

Я скинула полотенце и подняла руки, зажмурившись, чтобы не увидеть своего отражения в высоком напольном зер-

кале. Нежная ткань приятно скользила по телу, успокаивая разгоряченную солнцем кожу.

– Открывай, – Маша аккуратно вытащила волосы из ворота платья.

Я не открыла, а распахнула глаза, подходя к зеркалу ближе. Приталенный сарафан цвета морской волны сидел на мне, как влитой. Обтягивающий верх замирал где-то под грудью, переходя в широкую атласную ленту на пару тонов темнее ткани. Маша подхватила ее длинные концы и повязала большой бант на спине. Полупрозрачная ткань сарафана струилась по бедрам мягкими волнами, шевелясь от малейшего сквозняка из открытых дверей балкона.

– Боже, – прошептала я и снова закрыла глаза, чтобы не расплакаться.

– Ну не реви, – Маша обняла меня за плечи, стараясь не помять ткань. – Идем?

– А волосы? – я провела пальцами по чуть выющимся волосам.

– Ах, да, – Маша сняла с вешалки шелковую ленту, точно такую же, что опоясывала меня по талии, и связала волосы в свободный хвост, перебросив пару прядей через плечи.

– Ты и так красивая. А теперь идём, а то мне влетит.

Я была так зачарована своим отражением, которое ловила в витражах дверей, в старых, чуть потемневших зеркалах, что не задавала вопросов, а просто шла за ней.

– Обувь? – только ступив на каменный пол, вздрогнула от

внезапной прохлады, промчавшейся по телу.

– Она нам не понадобится.

Только сейчас я заметила, что Маша тоже была босиком. На ней был белый свободный сарафан до пола. Шлейф тонкой ткани поднимал вверх песок, долетевший до каменной дорожки у дома. Слух резанул резкий крик птиц, усевшихся на пальмы. Они заливались веселой песней, пытаясь поднять настроение всем окружающим.

Мы шли по тропинке за калиткой, направляясь в сторону пляжа. Маша крепко держала меня за ладонь, словно боялась, что я могу сбежать. Но как только я увидела яркие блики огня, перестала дышать и замедлила шаг. Из-за пальм, укрывавших пляж от любопытных глаз редких прохожих, показались стройные ряды высоких факелов, огонь которых освещал большую огороженную поляну.

Белоснежный песок светился, будто волшебный. Казалось, что он впитал в себя дневное солнце, а теперь щедро отдавал бережно припрятанное. Вдоль факелов стояли люди, я не могла разглядеть их, но зато слышала. Улавливала мужские и женские знакомые голоса, видела тихий ропот и быстрое движение, когда мы подошли ближе.

– Иди, детка, теперь сама, – Маша разжала свою ладонь, оставляя меня стоять одну в тени пальм. Я прислонилась к шершавому стволу и выдохнула, стараясь успокоить быстро бившееся сердце.

– Дочь, – тихий шепот долетел откуда-то сзади. – Идем,

позволь мне провести тебя.

Отец был тоже во всем белом. Его седые волосы развивались на ветру, а прозрачные голубые глаза искрились застывшими слезами. – С ним тебе будет хорошо. Теперь я вижу. Теперь я спокоен.

– Папа, – я бросилась отцу на грудь, обвивая его шею руками.

– Я люблю тебя, – отец погладил меня по волосам и, чуть приподняв их, перекинул что-то через плечо. Я отпустила голову и увидела подвеску с большим бирюзовым камнем. – Я всегда буду рядом. У нас с тобой одна душа, один цвет глаз, но разные судьбы. Ты будешь счастлива.

– Я знаю, папочка, – поцеловала старика в колючую щеку и вновь обняла.

– Идем, а то у меня для тебя еще один сюрприз, – отец крепко взял меня за руку, так же, как держала Маша. Глупые... Они думают, что я сбегу от своего счастья?

Мы вышли на свет от факелов, и мое сердце, бившееся до этого, как сумасшедшее, остановилось. Просто замерло, упинаясь тем, что я видела. По двум сторонам стояли только самые близкие: Юлька, Марина с мужем, дядя Миша с женой, Куранов с дочерьми и женой, молчаливый Бояра; впервые увидела искреннюю улыбку Мары; Лазарев, который даже не пытался съязвить; Сизов, скромно переминавшийся на заднем плане. Все они были в светлом, будто старались слиться

с песком воедино, не оттягивая на себя внимания. А в самом конце, под аркой из белоснежных цветов стоял он...

Олег

Я все это время не находил себе места, выкурив, кажется, не одну пачку сигарет. Казалось, что все происходящее – бред. Но продолжал ждать ее у поляны, которую начали украшать еще с утра. Большую территорию на берегу океана отгородили высокими вазонами с цветами, расставили столики и по периметру зажгли факелы. А я продолжал ходить по кромке воды, утопая босыми ногами в уже прохладном песке.

Все происходящее было чуждым мне, неведомым. Казалось, что меня и правда вывернули наизнанку, вытащив все то, что мирно спало много лет. И трепет, когда она рядом, и ревность, душившая меня, когда кто-то подходил ближе, чем того бы хотел я, и желание... Постоянное, необузданное желание, которое просыпалось с первыми лучами солнца и засыпавшее только под ее сдавленный стон. Ладони горели от необходимости постоянного контакта. Шелк ее кожи кружил голову, заставляя забывать обо всем. Яна...

Именно она, робко шагая по импровизированному коридору из родных и близких, шла ко мне, крепко сжав пальцы. Она смотрела прямо, румянец, коснувшийся ее щек, блеск глаз, припухлость губ, что она кусала едва заметно. Моисей

остановился в шаге от меня и поцеловал дочь в макушку, чуть задержавшись, затем протянул мне руку и рывком прижал к себе, крепко обняв за плечи. Я чувствовал, как тот дрожал и почти не дышал, боясь расплакаться. Как только он отошел в сторону, где его ждала милая рыжеволосая женщина, я кивнул ему, благодаря.

– Привет, – прошептала она, робко коснувшись пальцами ладони.

– Привет, – хотелось перекинуть ее через плечо и убежать подальше ото всех. Спрятать и укрыть от посторонних глаз. Приходилось постоянно одергивать себя.

– Сегодня, на берегу океана, в окружении только самых близких, мы собрались не просто так. Нас сюда привела любовь. Настоящая, реальная и вечная... – женщина, вышедшая из-за арки, стала говорить тихо, вкрадчиво, будто боясь нарушить идиллию, окутавшую собравшихся на пляже. Гости подошли ближе и замерли, наблюдая за происходящим. Пары прижимались друг к другу, крадя у любимых короткие поцелуи. Даже одинокие глупо улыбались, наслаждаясь умилением.

– Я буду вечно рядом... – это были последние слова, которые сказал я перед тем, как Янка бросилась мне на шею. Ее тонкие руки так сильно сжимали, будто она старалась поверить в то, что все это реально. А я смеялся, чувствуя, как футболка намокает от града ее слез.

– Не заставляй меня рыдать! Пожалей моё мужское эго? –

я гладил ее по спине, успокаивая дрожь.

– От тебя дождешься, – прошептала Яна и прижалась ко мне губами. Чуть солоноватые от слез, с ароматом кокоса и океана.

Мы сидели за столом и наблюдали, как танцуют гости, разбрасывая белоснежный песок в стороны. Все дамы были в длинных сарафанах, а мужчины в льняных брюках и белых футболках. Яна положила голову мне на плечо и легко пробежала пальцами по руке, замирая на обручальном кольце из черного золота.

– Кто это? – Яна вздрогнула, когда заметила, что вдалеке от толпы у самой кромки воды стоит отец, обнимая незнакомую женщину.

– А вот это мы сейчас и узнаем, – я потянул ее за руку.

– Стой, расскажи, – Яна старалась остановить меня, зарываясь пятками в песок.

– Прекрати, – я легко приподнял ее на руки и понес к уединившимся.

– Дочь? – Моисей резко обернулся, и мне на миг показалось, что он даже смутился, но не отпустил руку дамы. – Это Дарья Алексеевна...

– Витя, ну что ты... – женщина протянула правую руку Яне, до сих пор болтавшейся на моем плече. Я поставил жену на песок, наблюдая за ее реакцией. – Даша, просто Даша.

– Хм... – Янка пожала руку, внимательно рассматривая

женщину. Она была уже немолода, но очень красива. Рыжие волосы аккуратными волнами спадали по плечам, подтянутая фигура, и лицо. Такое красивое и открытое лицо с серыми глазами. – Это ты мне отомстил, да?

– В смысле? – опешил Моисей, приобняв Дарью за талию.

– В смысле, как долго ты прятал от меня эту красоту?

Мы рассмеялись хором. Не смешно было только Яне, которая до сих пор поджимала губы, сверля папочку взглядом...

Яна

Олег украл меня прямо из толпы. Перекинул через плечо и понес прочь с освещенной поляны. Чем дальше мы уходили, тем звонче пели птицы, и ласковее шелестел прибой. Он посадил меня в машину и покатил по пустой дороге вдоль пляжа. Я не могла перестать смотреть на него. Такое красивое лицо, резко очерченная линия скул, мягкие губы, ровный нос, широкие брови, смягчающие колкий взгляд. Но когда он смотрел на меня, цвет глаз теплел и становился зеленым, как океан перед бурей. Буря жила у него внутри, вибрировала в его сердце, хрипела в его голосе. Его касания, когда нас окружали посторонние, были точными и требовательными, заявляющими свои права.

Но как только, закрывалась дверь нашего дома, он выпускал бурю наружу. Она вырывалась, унося весь кислород, сди-

рала тишину, заполняя квартиру хриплыми стонами. Касания становятся нежными, и мучительно бережными. Поцелуи, покрывающие каждую часть моего тела, заставляют стогать вновь и вновь, пока он не потушит огонь. Слова... Его слова врезаются в душу, оставляя их навечно выгравированными в памяти. Я искала всегда спокойствия и умиротворения, но никогда не могла подумать, что найду его в том, в ком живет буря...

И я готова окунуться в нее с головой. До самого конца... Потому что больше не смогу дышать без него.

– Мне и правда, не нужны слова. Теперь уж точно. Ты все это сделал для меня, – мы лежали на корме яхты, куда меня увез Олег. Теперь мы стояли на якоре далеко от берега.

– Конечно, для тебя.

– А зачем?

– Потому что могу позволить себе потакать желаниям жены. Что там у тебя на очереди?

– Ничего. Я счастлива абсолютно.

– Абсолютного счастья не бывает, – лениво протянул Олег, поглаживая мою обнаженную спину. Он перебирал пальцами, спускаясь все ниже и ниже. Прохладный ветерок гонял мурашки по коже, перебирал растрепавшиеся волосы и играл шелковой лентой, повязанной у меня на запястье.

– Бывает. Теперь я спокойна за отца, – и, правда, успокоилась, наблюдая за тем, как мой старик смотрит на Дашу.

– Он хороший отец, – прошептал Олег.

– А ты?

– Что я?

– Каким отцом будешь ты?

– Таким же, как Моисей. Я похерю все, оберегая спокойствие своего ребенка. И дам то, чего сам не знал, – Олег накрыл меня покрывалом и поцеловал в макушку.

– Пусть этот отдых никогда не закончится. Никогда...

– Закончится, но не скоро. Мы еще неделю проведем здесь, а потом вы с Машей и Курановым поедете на двухдневную экскурсию по Сиднею и его паркам.

– А ты?

– А я отдохну....

Эпилог

Олег

Тревога, взявшая душу и сердце в плен, не унималась. Накатывала мощными волнами, заставляя дрожать не столько от холода, сколько от неконтролируемого желания поскорее закончить дело, которое я планировал так долго. Все смешалось внутри, завязавшись в тугой узел. Я словно застыл на пограничной территории. Впереди будущее, неизвестное, но новое. А позади боль и чувство несправедливости. И я застыл. Но одно я знал точно, пока не разберусь с прошлым, никогда не начну жить заново. Не так, как научили, а так, как того хочу.

Телефон в руке не прекращал вибрировать, а я смотрел на экран, не решаясь ответить. Выйдя из аэропорта, включил этот назойливый гаджет, разгневанно славший уведомления.

Первым прорвался голос, который я ждал очень давно.

– Олег, ты начинаешь перегибать палку, – женский голос, который последние десять лет вел меня изо дня в день. Она была со мной всегда. Именно она пообещала мне свободу, когда я закончу дело.

– А это часть уговора, если вы помните. Я все сделал. Вы получили контролируемый регион, я получил свободу.

– Нужна встреча. У нас есть информация, которая тебя

очень заинтересует, – ее голос был ровный и спокойный. Как обычно.

– Завтра, все завтра...

Я вел машину по родному городу, останавливаясь в местах, которые были так дороги сердцу. Оно то начинало колотиться, как бешеное, то затихало в умиротворенном состоянии. По какому-то наитию я въехал во двор, где прошло мое детство. Небольшой двор-колодец, огороженный с одной стороны общежитием, где я и родился, с другой стороны домом, где я вырос. Напротив, стройными рядами стояли гаражи, за которыми мы играли и прятались, когда спускали колеса соседских машин. Вот спортивная площадка, где мы засиживались до утра, играя в карты. Все напоминало детство, когда было хорошо и спокойно.

– Да, – бессмысленно было и дальше игнорировать гнев тех, кто пытался найти меня, поэтому я ответил, выйдя из машины, чтобы немного пройтись.

– Сука, ты всех обвел вокруг пальца, – заорал Бояра, пропустив устоявшиеся правила этикета. – А я все голову ломал, чего это ты такой податливый к сопливым идеям? Молча соглашался на все идеи Маши. Смотришь на Моисея так спокойно, только «папой» не называешь, уговорил привезти любовницу. Нас с Мартыновым сдернул. Я уж лихим делом подумал, что ты и впрямь изменился. Ты все сделал, чтобы остаться в городе одному? Да? Всех выманил, опоил и усыпил бдительность?

– Это для вашей же безопасности. А мне ничего не будет. Ты следи за Янкой. Я верю только тебе, – сказал я и отключился.

Австралия... Как хорош этот континент, потому что добраться как туда, так и обратно – огромная головная боль, не решаемая в один клик. А мне нужно время. Я ждал отмашки о готовности. Ждал тихо и безропотно, накапливая жажду и желание где-то внутри. Да, мне абсолютно точно влетит от всех, даже от Моисея. Но мне было все равно, потому что я не могу жить с женой в городе, где по улицам ходит тот, кто никогда не должен был родиться. Не могу принести сына в дом, потому что постоянно буду думать только о его безопасности. Пока я не решу проблему, жена никогда не вернется домой.

Я давно понял, что Янка беременна. Все кричало в ней об этом. То начинала смеяться, то падала от усталости, не успев и проснуться. Дважды проспала универ и даже соврала Марату, что больна, отпрашиваясь с работы. Она могла застыть у окна с чашкой, пока чай не остынет. Я все смотрел на неё и ждал, когда она скажет мне. Но нет, мой Кролик упорно продолжала играть в советского шпиона. Изменилась даже ее улыбка. Она молчала, а улыбка кричала о том секрете, что знает лишь она. Ее отпускало только по вечерам, когда щеки вновь наливались румянцем, а глаза начинали радостно блестеть. Я и это ей позволил, оставив свыкнуться с мыслью, что теперь она не одна. И мне нужно было немного подгото-

виться...

Янка спросила меня, каким я буду отцом. Но разве я могу знать это? Разве могу точно представить тот объем любви, которым смогу поделиться с крохой, рожденным из моей плоти и крови. Но одно я знаю абсолютно точно – никогда я не буду таким, каким был мой отец...

Он ушел от нас, когда мне было всего пять лет. Иногда напрягаю мозг, пытаюсь выудить хоть несколько ярких картинок детства, где был отец. Но нет, ничего не помню, потому что нечего вспоминать. Этот мужчина появлялся поздно вечером, когда мать, отработавшая в две смены на заводе, уже уложила двух сорванцов спать. Мы жили в заводском общежитии. Спали с братом в небольшой кладовке, где добрый сосед дядя Петя смастерил для нас двухъярусную кровать. Тонкая стена не могла оградить нас от постоянных скандалов родителей. Причем слышали мы только отца, потому что уставшая мама молчала. А когда он ушел, нам стало сразу легче. Он просто однажды не пришел ночевать, и мы впервые уснули в тишине.

Нам пришлось быстро повзрослеть, потому что единственная преданная нам женщина, не бросавшая даже в те дни, когда мы пакостили или приносили двойки, стала стареть просто на глазах, выматывая себя на работе. Когда повзрослел Мишка, ей стало легче. Мы иногда даже выходили в парк, чтобы погулять и съесть сладкую вату или эскимо. Но тишина и спокойствие продлилось недолго.

Отец просто появился на моём выпускном в школе, усевшись рядом с матерью. Помню, как он положил свою руку ей на плечи и вальяжно перекинул ногу на ногу. Он выглядел не таким, как запомнил я его. Модная кожаная куртка, необычные джинсы и кроссовки, о которых мечтали все. Мама засияла, а потом долго хлопотала на кухне, где готовила любимые блюда отца. Он ходил кругами по комнате квартиры, что получила мать после тридцати лет работы на заводе, осматривая старенькую мебель с некой брезгливостью. Рассматривал фотографии в стеклянном серванте. Достал с верхней полки наши дипломы и почетные грамоты, потом небрежно бросил их, так и не дочитав до конца.

– Ну, Миш, говорят, ты работаешь в автосервисе? Мужики поговаривают, что руки у тебя золотые. Бабки потекли. Да? – посторонний и явно незнакомый мужчина, гордо называвшийся отцом, сел на скрипучий диван, прежде отряхнув покрывало от мнимой пыли. он смотрел только на Мишу, будто меня и вовсе не было в комнате.

– Да, дядя Петя взял к себе, – Миша стоял, прислонившись к подоконнику.

– Ну, тогда, я думаю, подарок будет в тему, – отец засунул руку в карман куртки и бросил брату связку ключей от машины. Мишка засиял, как новогодняя гирлянда, но сдержался, и лишь кивнул мужчине. – Теперь мать будешь возить на рынок, а то смотрите, как скрючилась! Прямо как старая бабка. Загоняли мать?

С тех пор он стал появляться часто, подгоняя то новый диван, то кухонный гарнитур. У мамы стали появляться на пальцах кольца и золотые браслеты. Он приезжал внезапно и точно так же исчезал.

Все кончилось осенним днем, когда жители города уже перестали обращать внимания на дождь, что щедро смывал летнюю пыль с асфальта. Я возвращался из универа, когда заметил, как какие-то мужики выносят из подъезда наш диван. Я вбежал по ступеням на пятый этаж, и вошел в квартиру, где когда-то было тепло и уютно. А теперь маленькая двухкомнатная квартира превратилась в пустое помещение, где абсолютно по-хозяйски гуляло эхо. Из кухни исчез новый гарнитур, из остальных комнат вынесли всю мебель, оставив только старый скрипучий стул, то ли нарочно, как насмешку, то ли случайно.

Мать умывалась горькими слезами, потирая пальцы, на которых еще недавно сверкали кольца, а Миша курил, оглядывая пустые стены. Но на этом не кончились неприятности, через неделю те, кто оставил нас существовать в пустой квартире, вернулись. Они угрожали, требуя рассказать, где прячется отец. Но мы не знали, хотя мы с братом были бы не прочь встретиться с этим уродом. Эти бритые головорезы стали появляться каждый день, выматывая нервы матери. В итоге, ей пришлось продать нашу квартиру, отдав все деньги бандитам.

Так мы оказались у дяди Пети, приютившего нас в своей

комнате общежития.

– В тесноте, да не в обиде, – кряхтел он, укладываясь спать.

Я вспоминал эти слова, когда ехал в заводском автобусе, сопровождая три одинаковых гроба.

Я стоял, прислонившись к березе. Территория была ухожена, аккуратные ели росли вдоль забора ровной стеной, дорожки были вычищены, а высокий дом из красного кирпича подсвечивался яркими гирляндами.

Ворота скрипнули и стали открываться, сдвигая выпавший снег в ровные полосы. Черный Мерседес въехал на парковку. Высокий мужчина вышел из машины, сотрясая мирную тишину громким криком:

– Кто? Найти мне того, кто ответит за все это! Что за день такой? Ты мне снова будешь говорить про случайности, да? И охранники свалились с отравлением, и водитель пропал. Я уволю тебя, Гриша. Нет, сначала шкуру спущу, а потом отправлю снова навоз кидать в твоей деревне...

Мужчина замер, когда встретился со мной взглядом. Телефон выскользнул из рук, упав в высокий сугроб.

– Привет, Корней, – не мог сдержать улыбку. Наслаждался его растерянностью. Он крутил головой в поисках хоть одного охранника, но потом выдохнул и улыбнулся, обнажив несколько золотых зубов.

– Ну, привет, сын...

– Золотые зубы? Очень интересно, а не из того ли это зо-

лота, что срывали с матери твои головорезы?

– Золото оно и в Африке – золото. А я уж было подумал, что ты...

– Что я забыл, что твои отморозки сожгли трёх людей? Забуду, как пожарники пытались открыть заколоченную дверь? Или забуду запах горелой плоти? Забуду чувство одиночества? Нет, я не забыл. Просто застать тебя одного невозможно. Ты вечно спрятан за пятью рядами охранников. А мне нужен только ты... Только ты...

Наблюдал в зеркало заднего вида, как зарево огня разрывает ночную тьму. Чувство облегчения и спокойствия, опьяняло. Горечи не чувствовал. Не нужна она мне, особенно сейчас, когда увидел высветившуюся фотографию Кролика на экране телефона.

– Да, – постарался сделать голос, как можно веселее, хотя понимал, что это не смягчит мою участь.

– Что? Обрюхатил девку и в кусты, да Наскалов? Сбежал, как подлый трус? А как же твое «всегда, везде и вечно»? Где? Что? Струсил?

– Нет, милая, собирай чемоданы. За тобой заедет Паша и привезет домой.

– Ты глухой, что ли? Что ты там делаешь?

– Да слышу... Кстати, милая, какой диван купить в новый дом? Красный или синий?

– Какой на**р красный? Какой диван... – выдохнула она

и зашептала. – Какой дом?

– Наш дом, милая. Наш. Я жду вас с сыном дома....

КОНЕЦ

Историю Лазаря спешите читать в романе «ТА#БУ»

Ваша Евсения.